

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 6 / 2016
НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсочинбанк»

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА,
Александр КАТКОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Агата РЫЖОВА,
Ирина ТЮНИНА,
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции и издателя:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, Советский
проспект, 40
Телефон 36-85-14

16+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Виктор Бокин. Под небом истинно российским.....	3
Сергей Филатов. Звук дрожит на кончике иглы.....	41
Нина Ягодинцева. Вечерний круг	50
Ольга Хапилова. Люд посконный	65
Дмитрий Филиппенко. На улице Тихой	73

ПРОЗА

Евгений Чириков. Дни солнечных идей. Дьяков – легендарный и документальный.....	6
Сергей Кузнечихин. Рассказы.....	44
Елена Тулушева. Рассказы из цикла «Подъезд».....	54
Татьяна Ильдимирова. Пиковая Дама. Р а с с к а з	62
Антон Лукин. Два рассказа	67

И БОЛЬШИМ, И ДЕТАМ

Виктор Кирюшин. Да здравствуют белки! Да здравствуют утки! (Из «Поэтического календаря русской природы для детей»)	75
Вера Лаврина. Две сказки.	79

ПУБЛИЦИСТИКА

Зоя Естамонова. Слово	84
-----------------------------	----

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Михаил Тарковский. Уходящая натура Енисейска	89
Вероника Шелленберг. Переворот	93
Владимир Старых. На реке в Заполярье. В о с п о м и н а н и я	96
Валерий Ким. Дорога на Тафуин. Записки фотографа-любителя. (Отрывок из книги)	101

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Олег Яценко. Путь сельского хирурга	106
Виктор Арнаутков. Слышавший реки, и травы, и даже недра земные... (О Геннадии Круглякове) ...	138

ШУКШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ольга Павлова. Два юбилея	144
---------------------------------	-----

ЭССЕ

Юрий Дубатов. И такой родимый, и такой далёкий... (О Сергее Есенине).....	152
---	-----

ИСКУССТВО

Марина Чертогова. «Песнь Песней».....	154
---------------------------------------	-----

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Вера Лаврина. Крестный ход «По стопам алтайских миссионеров». Впечатление участника	158
Олег Антипов. Никольская церковь Кемрудника	161

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Николай Ничик. «И я приду к тебе строкой, коль не смогу дойти иначе» (Штрихи к 70-летию юбилею поэта Виктора Бокина)	162
Исправления и уточнения к публикации автобиографии Е. С. Буравлёва («ОК», № 5, 2016 г.).....	165

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Ирина Суркова. Если бы снова вернуться «в тогда».....	167
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин.....	168
Содержание за 2016 год. Подготовил Д. Мурзин.....	170

Николаю Михайловичу КАРАМЗИНУ – 250 лет

1766–1826

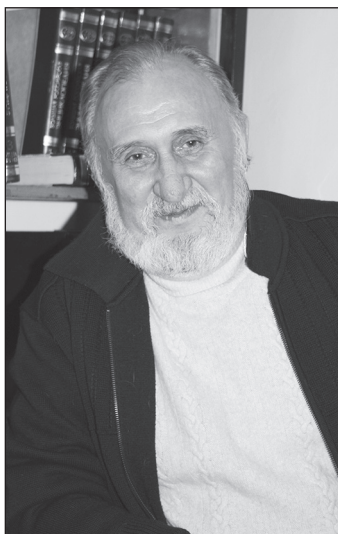
Главная заслуга Карамзина как историка России состоит совсем не в том, что он написал истинную историю России, а в том, что он создал возможность в будущем истинной истории России. Были и до Карамзина опыты написать историю, но тем не менее для русских история их отечества оставалась тайною, о которой так или сяк толковали одни ученые и литераторы. Карамзин открыл целому обществу русскому, что у него есть отечество, которое имеет историю, и что история его отечества должна быть для него интересна, и знание ее не только полезно, но и необходимо. Подвиг великий!

В. Г. Белинский

Дорогой Виктор Васильевич, поздравляем тебя с 70-летним юбилеем! Желаем крепкого сибирского и металлургического здоровья, сил и вдохновения на благо журнала и русской поэзии!

**Виктор
БОКИН**

ПОД НЕБОМ ИСТИННО РОССИЙСКИМ

В. Баянову

*Словно маятник жизнь.
Только миг до мечты.
Но тебя отшвырнуло обратно.
А навстречу летит, не боясь высоты,
На качелях неистовых брат твой.*

*Ты ещё продолжаешь кричать, как во сне,
Зная точно, что он не услышит.
Но уже безотчётный, размеренный снег
Засыпает твой голос и крыши.*

*Что же ты улыбаясь стоишь у окна?
Умудрённый, усталый, гриппозный...
Это снова тебя догоняет весна,
Тёплый ветер да свист паровозный.*

*Так дождик длился, так кончался...
Так на тугих листах качался.
Так скапывал. Так уходил...
Что не было мне больше сил –
среди бумажек, средь разора,
среди наволгшей тишины –
вести с собою разговоры,
разгадывать чужие сны.
Но не обидевшись на спящих,
я вышел в ночь: и в шум, и в плеск.*

*Среди деревьев говорящих
я сам был сад и сам был лес.
Но в бездны мрака не сорвался
и разум свой не загасил.
И сад со мною волновался
и счастья всем и вся
просил.*

*Злость на сердце не прячу,
Понимаю вполне,
Что ни чёрта не значу
В родной стороне.*

*Где железною кровлей
Покрыв себе дачу,
Малой кровью оплатят
И боль, и удачу.*

*Я понять не спешу,
На какие шиши
Эти шорохи шуб,
Эти шелесты шин.*

*И к чему эта вся
Круговая возня.
И обидно одно –
Отмахнуться нельзя.*

*Отмахнуться,
Забраться к себе в конуру...
Потому что без слова живого
Умру.*

БОКИН Виктор Васильевич родился 6 декабря 1946 года в Новокузнецке. Лауреат литературной премии имени Ф. Т. Селянина в 2004 году. Автор трёх книг стихов. Член Союза писателей России. Живёт в Новокузнецке.

Статью о творчестве юбиляра читайте на стр. 162.

* * *

Осенних сумерек лиловость.
На взгорке – дачи, лай собак.
Казалось, жизнь уже не в новость.
А вот, поди ж, не видел так.

Я здесь, с людьми на остановке,
В закатном свете весь перрон.
Букетов синие головки
Рассыпали вечерний звон.

Жить не суетно, не торопко...
И где увижу ещё, где?!
Как на гору взбегают тропка,
А рельсы тянутся – к звезде!

* * *

Болеть не хотелось. Однако
Как всем и себе доказать...
Ведь даже больная собака
Бросается сразу в глаза.

И я – пусть не пёс шелудивый,
Но время идёт под уклон.
Какие там, к чёрту, Мальдивы!
Какой летаргический сон?

Карабкаюсь по горизонту
Немыслимо синих небес,
Спешу напиться озоном
Улыбок, уловов, словес.

И чудо – опять кровь по жилам.
На место встаёт окоём.
И я не вздыхаю: «Пожили...»
А вновь улыбаюсь: «Живём!»

* * *

Всё работаю в ритме локатора,
Всё бегу за дотошным лучом...
Но от полюса до экватора
Я надежды пока не прочёл.

И мне стыдно заснуть
в эту ночь –
Давит космоса чёрная бездна,
И крестом проступает окно –
Всё не страшно и всё ничего.
Но вот то, что прожил
бесполезно...

И мне стыдно заснуть в эту ночь.

* * *

Когда свечою без плафона,
Когда иглой без патефона,
Когда полынною верстой
Бредёшь обочиной дороги,
В сухой пыли купая ноги,
Из дома, но к себе – Домой.

Нас будущее не пугает.
Оно совсем не понимает,
Что мы искали на Земле.
И в ломких сетях интернета
Летит усталая планета
И сыплет искрами во тьме.

Так нужно опоздать на поезд,
Потом брести в траве по поясу.
И лугом, лугом... Напрямки.
Подсвистнуть суслику на поле
И снять с себя пушинку боли.
И Землю снова обрести.

* * *

Простудой охватит, окрутит
И хриплое слово сорвёт.
Но жизнь всё равно не уступит
И новые силы вольёт.

Но если острада, острада...
Себя не сумеешь сберечь.
Никто не приходит оттуда:
Ни друг, ни надежда, ни речь.

* * *

Василию Попку

Опять всё перечёркнуто...

Ну что ж!

Бывает боль, что сам заголосишь ты.
Уйдёшь под дождь, под ветер и под нож
Под серым небом, истинно российским.

И, одурев от водки и пурги,
С капелью первой выйдешь из тайги...
Встряхнёшь башкою на лугу росистом
Под небом голубым и истинно российским.

Откуда эта дурь и эта блажь?
Откуда путь неистребимый наш...
Уходим в одиночку и рядами.
Меч вытекает из моей руки,
Как солнце вытекает из реки...
Но вновь рассвет полощется над нами!

* * *

Всё хорошо...
Не знать, не видеть –
Что плохо.
У калитки в рай
Туман клоками на траве.
И так просторно голове,
Что хоть сегодня помирай.

Пока желанья нет – обидеть.
Пока нет страсти – растоптать...
Пока такая благодать,
Что и у смерти зла не выйдет.

* * *

Лишали хлеба и лишали дома.
Лишали неба, голоса, любви...
Отравная жиреющая дрёма
Тягуче разливалась по крови.

И, собственной наивности озлясь,
Срывались мы то в пьянки, то в дебоши.
А веры нас вообще лишают зря.
Что дальше? Что паскуднее? Что больше...

* * *

С чего это может быть грустно?..
Я знаю, как тени поют
И как полуночные люстры
Позвякивают.

И в доме не может быть пусто,
Когда это дом, а не тьма,
Когда для судьбы и для чувства
Хватает души и ума.

Хватает, хватает для счастья,
Слезу придержав на ветру,
Надежды подольше прощаться
С землёй, на которой умру.

* * *

...Но вдруг невнятная строка
На лист бумаги чётко ляжет
И понимать себя прикажет,
К судьбе и совести строга.

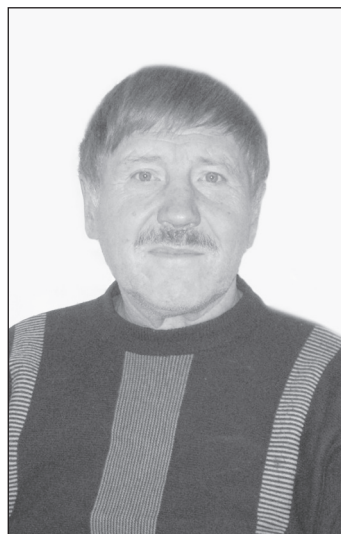
Потребуется не затевать
Игру ума со словарями,
Сотрёт пейзаж «со снежирями»,
Оставит серые дома,
Оставит бледные любви...

На полувздохе, полуслове
Уйдёт – как и пришла – сама.

**Евгений
ЧИРИКОВ**

ДНИ СОЛНЕЧНЫХ ИДЕЙ. ДЬЯКОВ – ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ

ОТ АВТОРА

Когда-то феерически знаменитый, а ныне весьма подзабытый Бог Погоды А. В. Дьяков жил в посёлке Темиртау Таштагольского района. Очерк о нём и фото вместе с коровой на фоне башни астрономической обсерватории, опубликованные Юрием Ростом в «Литературной газете», стали как бы паспортом подвижника науки, живущего в сибирской глухомани, но умевшего делать то, чего не умел делать весь Гидрометцентр СССР с его академиками и космической техникой. Газетные статьи будоражили население страны, поднимая дух возмущения против бюрократов Академии наук, не признававших «шарлатана», чьи метеопрогнозы помогали земледельцам спасать урожай.

В 1985 году А. В. Дьяков умер. Вскоре после его ухода из жизни автор этих строк общался со многими жителями посёлка Темиртау, знавшими Анатолия Витальевича, а позже исследовал документы, в том числе любезно предоставленные сыном учёного Камиллом. Важным источником является «Печальная повесть о Боге Погоды», написанная Геннадием Юровым.

БОГ ПОГОДЫ

За десятилетия своей истории посёлок Темиртау, возникший в горной чаше с поросшими тайгой краями, разросся и застроился, в основном частным сектором.

От домика Дьяковых улица Садовая спускается под гору между штaketником заборов просёлочной дорожкой, отсыпанной щебнем. Сонной летней ранью по ней бредут коровы и телята, обычно в здешних местах холёного вида. Внизу открывается панорама станции Ахпун с путями и составами. Перейдя рельсы, идущий вновь поднимается сначала к так называемой Нижней дороге, застроенной по обочине домами, затем к улице Центральной. На ней асфальт, пятиэтажки, клуб в архаическом стиле 1960-х годов, уютящиеся в комнатухах поссовет, почта и школа. Направо – «Белый дом», то есть здание рудоуправления, с примыкающим к нему комплексом – гостиницей, одноэтажной коробкой столовой с уютным сквериком из реликтовых лип. Таким сложился облик посёлка в годы его расцвета, 1960–1980-е. В 1930–1940-е годы дорога чернела топкой грязью и вела, если идти налево, к лагерной зоне, расположенной там, где сейчас улица Октябрьская. Пешеходы месили сапогами слякоть деревянных тротуаров. В наше время здания бывшего рудоуправления и столовой арендуют фирмы, скверик бесследно исчез.

На протяжении полувека почти ежедневно, если не считать отъездов и выходных, Анатолий Витальевич Дьяков спускался в Центр с неизменным портфелем в руке. На фоне серенько одетого населения он выделялся как сугубо ино-

ЧИРИКОВ Евгений Стефанович родился в 1952 году. Окончил филологический факультет Кемеровского государственного университета. Основная профессия – журналист. Издал две книги художественной прозы. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерове.

родное явление. Словно неотделимая от него свита, за ним всегда бежала с криками орава мальчишек.

- Бог Погоды! Бог Погоды!
- Бог Погоды, дай дождя!
- Бог Погоды знает всё!

Кучки пацанов то разбегались, если Дьяков входил куда-нибудь, то вновь (уже другие) привязывались, когда он появлялся на улице. Анатолий Витальевич настолько привык к ним, что просто не замечал, поглощённый своими мыслями. Размахивая портфелем, он шёл в узнаваемой всеми темирцами экстравагантной одежде и здоровался со знакомыми, раскланивался с теми, кого знал лучше. Невысокий, мощный, с широкими плечами, многим он казался просто полным и приземистым. Голову с длинными волосами венчала шляпа или, чаще, берет в тёмно-синюю шашечку. Шевелюра его блеском черноты настолько изумляла поселковых жителей, что её хотелось проверить на ощупь – да не парик ли? Нет, парик не имеет свойства постепенно сесть.

Рубашка с курткой или пальто, бриджи с застёжками на коленках, гетры на толстых икрах, импортные бутсы в качестве постоянной обуви. Нередко даже в холодную осеннюю погоду он ходил с голыми икрами. Летом предпочитал носить шорты. Если его видели с зонтиком и в галошах, то предполагали, что через полчаса пойдёт дождь. Бывало, он выходил в посёлок босиком, неся обувь с собой и обуваясь перед входом в помещение.

Получая много корреспонденции, Анатолий Витальевич заходил на почту и непринуждённо беседовал с работницами. С ним заговаривали женщины, стоявшие в очереди. Он мог легко разговориться, выйти на полную образных ассоциаций тему и тогда «весь дышал», поглядывая на окружающих, чтобы оценить производимое рассказом впечатление.

Зайдя в магазин, по-свойски шутил с продавцами, которые обычно оставляли ему тот или иной «дефицит» – в то время всегда что-то лежало на прилавке, а что-то и под ним.

– Дайте мне сыра, – просил он, временами грацируя. – Дайте, пожалуйста, рыбы...

Главным пунктом следования было рудоуправление. Дьяков входил в прямоугольно спроектированное здание, шёл зигзагами коридора, тускло освещённого лампочками, поднимался на второй этаж, в диспетчерскую, и про-

сил старшего диспетчера передать на КМК прогноз погоды. Документ, протянутый им, всегда подписывался полным титулом: «Заведующий Горношорской гелиометеорологической обсерваторией Анатолий Дьяков».

– Дмитрий Степанович, передайте, пожалуйста...

Диспетчер снимал телефонную трубку, диктовал данные и не раз слышал ироническую интонацию:

– Да пошёл он!..

Случалось, Дьяков в диспетчерской садился в кресло и читал вслух «Юманите», тут же переводя. Посещал и другие кабинеты, бывал у директора и в парткоме.

После войны в руководстве рудоуправления (администрации, парткоме и профкоме, ОНОТИУ – отделе научной организации труда и управления) стояли по-советски респектабельные люди. Бывшие фронтовики, здравомыслящие, крепкие хозяйственники, но весьма далёкие от абстрактных идей. Большинство из них просто не уважали Дьякова, возмущаясь ошибками в прогнозах погоды, и считали «дармоедом». Где-то в те времена ему и дали пренебрежительное прозвище Бог Погоды, которое позже обрело противоположный, восторженный смысл.

Они хотели, чтобы прогнозы погоды всегда были безупречными. Иногда в глаза упрекали:

– А-а, вы опять ошиблись! Анатолий Витальевич, вы зря получаете деньги!

Он горячился и доказывал свою правоту. Ведь были и правильные прогнозы, каких больше: правильных или ошибочных?

Некоторые из руководителей рудоуправления всегда интересовались погодой перед рыбалкой или охотой.

– Анатолий Витальевич, какая будет погода?
– Поезжайте, хорошая.

Вернувшись, его благодарили за то, что он верно «угадал». Это словцо характерно. В разговоре с Анатолием Витальевичем оно, конечно, не произносилось, но подразумевалось. А по посёлку ходили анекдоты вроде такого. Косят сено. «Анатолий Витальевич, какая будет погода?» Дьяков задирает голову в небо: «Дождь...» Через час пошёл дождь. Дьяков прыгает и бьёт себя руками по коленкам: «Угадал! Угадал! Угадал!»

В такой злоязычной среде жил Анатолий Витальевич. Однажды женщины на почте чуть не побили его за то, что он предсказал сухую, яс-

ную осень, когда можно было не торопиться с копкой картошки, но рано пошёл снег, который так и не растаял...

Сам Дьяков оценивал успешность своих прогнозов в 80 процентов (в то время как Гидрометцентр не поднимался выше 60 процентов). Но, как видим, даже 20 процентов ошибок, а то и 10 процентов, могут приводить к драматическим последствиям в такой рискованной области предсказаний, как долгосрочная метеорология. Впрочем, руководство КМК в отличие от Темиртауского рудоуправления всегда с пониманием относилось к дьяковской работе и за всю историю их отношений выдавало только положительные отзывы.

В 1960-е годы случился взлёт известности Дьякова. Предсказанные им засухи и ураганы, вроде «Инес», аномальные зимы в Европе поставили его фигуру в масштаб легендарности. Постепенно и «клерки» рудоуправления перестали смотреть на него косо, тем более что поколение за поколением люди менялись. Однако звание Бог Погоды в те годы в душе Анатолия Витальевича так и не прижилось.

Один приезжий спросил его на улице:

– Не знаете, как найти Бога Погоды?

– Научитесь сначала разговаривать! – вспылал Дьяков.

Правда, вскоре смягчился и выслушал командированного, искавшего его по производственному делу.

ГРОЗНЫЕ ЮНЫЕ ГОДЫ

Некоторые знакомые Дьякова считали его одесским евреем, но сам себя он называл «полугреком, полухохлом, полурусским», а в юровской «Печальной повести о Боге Погоды» он говорит:

– Во мне всякая кровь. Украинская – от неё упрямство. Польская – от неё гордость. Греческая – от неё темперамент. Русская – от неё широта души.

Греческие корни имел его отец Виталий Аверинич (грек по отцу и украинец по матери). Он хорошо владел латынью и греческим языком, любил русскую литературу и читал Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Добролюбова, Чернышевского, Чехова... Среди его книг встречались также Маркс и Энгельс. Подобно большинству интеллигенции предреволюционного времени, отец исповедовал либеральные взгляды, сочувствуя угнетаемым и обездоленным.

Он запомнился сыну умом, начитанностью, знанием древних авторов, насмешливостью, кристальной честностью и абсолютным безразличием к материальным благам. Ироничность, склонность к едкому высмеиванию сочеталась в нём с некоторой мрачностью восприятия жизни, то есть пессимизмом.

Мать Анатолия Витальевича окончила в Елисаветграде женскую гимназию и свободно говорила по-французски, передав знание языка детям (у Толи были сестра Ольга и брат Борис). Происхождение мать имела полупольское-полукраинское. Таким образом, если русская кровь и текла в жилах Анатолия Витальевича, то в пропорциях, соотносимых с более далёкими предками.

«Польская гордость» матери выливалась, вероятно, в её тираническую непреклонность, заставившую рассориться с сыном навсегда, когда, во-первых, он получил срок по 58-й статье и, во-вторых, посетил её по освобождению. Они увиделись тогда в последний раз в жизни. Умерла мать в Крыму в возрасте 82 лет.

Грабежи и убийства Гражданской войны на Украине (родине Дьякова) три года держали людей в напряжении. Отсутствие спичек, керосина, сахара, соли, нехватка одежды тоже не доставляли радости. Вечером приходилось сидеть при свете масляных коптилок и в холодное время обогреваться печками-буржуйками.

Тем не менее дети учились, а учителя самоотверженно работали в стылых и тёмных классах. Вместе с другими мальчишками и девчонками Толя подбегал босиком к школьному крыльцу, торопливо смывал с ног грязь ледяной водой из бочки, приготовленной сторожем, и спешил на урок. Босиком начиная с середины марта бегали все дети, не исключая богатеньких. Селянки тех лет тоже весело топтали чернозём украинских дорог ороговевшими подошвами. Толя с удовольствием наблюдал, как женщины шлёпали по жирной грязи, перебрасываясь шутками, с голыми, красными от холода ногами в декабрьские и февральские оттепели.

Несколько раз возвращаться домой из школы ему приходилось под внезапной пальбой перестрелок и пение пуль над головой. Он учился не в Абисамке, где жил, а в школе-семилетке соседнего села.

После Гражданской войны экономическое положение ещё более ухудшилось, голод и нищета обострились. В 1921 году небывалая засуха

сгубила посевы в Поволжье, на Северном Кавказе, юге Украины и в Западной Сибири. Миллионы людей испытали муки голода и попали на грань смерти. Как живые скелеты, в домах и во дворах усадеб лежали умирающие дистрофики. Ради спасения от смерти поедалось всё: собаки, кошки, падаль, мякина, жмых, полова и лебеда, корни и листья трав... Через год до сёл Украины добрались грипп, свинка, тиф и холера, унеся в могилы бабушку Толи, её брата и других родственников по линии бабушки.

В то же время случился богатейший урожай и свои результаты дала новая экономическая политика – НЭП. Жизнь стала входить в колею. Дьяковы переехали в город, до революции называвшийся Елисаветградом, затем Зиновьевском, Кирово и Кировоградом.

Толя Дьяков, окончивший семилетку, поступил в профтехшколу. Отсюда начинается его увлечение астрономией. Он записался в кружок мироведения (так тогда называлась астрономия). Особенное, прямо-таки магическое впечатление произвели на него «Популярная астрономия» и «Атмосфера» Камилла Фламариона, которого он читал в подлиннике наряду с томами Жюль Верна.

В апреле 1925 года он наблюдал в телескоп потоки метеоров – Персеиды. 20 августа того же года ему открылось «волшебное красивое и величественное зрелище» пролетающего болида, подробные рисунки следа которого он отправил в бюро научных наблюдений Российского общества любителей мироведения (РОЛМ).

Зимой 1924–1925 годов учитель физики П. П. Пелехов организовал проведение популярных лекций для красноармейцев и рабочих Кировограда (тогда Зиновьевска). Толя Дьяков пришёл на завод сельхозмашин «Красная Звезда» вместе с ассистентом-демонстратором из того же кружка. Он читал лекции на темы «Солнечная система», «Солнце – источник жизни», «Земля как мировое тело». Эмоции переполняли его. Он замечал смеющиеся, иронические огоньки в глазах 30–40-летних слушателей. Наверное, их настроил на забавный лад странный, говоривший взахлёб мальчик в блузе, белой рубашке с галстуком-бабочкой, вооружённый эпидиаскопом и атласом красочных картин. Но спустя некоторое время глаза слушателей загорались интересом и восхищением, радостью открывшихся им знаний. А юный лектор испытал огромное моральное наслаждение от того, что

удалось передать людям величественность, красоту и грациозность строения космоса.

В отроческие годы кровь Толи будоражили не только метеоры. Много места в его воображении стала занимать Аня Дубас. Она жила в семье Дьяковых и нянчила младшенькую, Ольгу.

Это была гарная 18-летняя дивчина с ядрёной, коренастой фигурой, карими очами и чёрными бровями. Но главное, что привлекало мальчика в розовощёкой Аняте, это её крепкие босые ножки, которыми она лишь в зимние морозы влезала в чоботы. Девушка запомнилась ему навсегда.

Голые женские ступни интриговали и возбуждали Дьякова всю жизнь. Уже в Горной Шории он написал целый трактат на тему босости, связывая её с мужским либидо как стимулом творчества в полном соответствии с Фрейдом. Г. Юров в «Печальной повести...» проследил ряд писателей, начиная с Гоголя, из произведений которых Бог Погоды черпал описания босых и потому влекущих к себе женщин.

После школы Дьяков поступил в Одесский институт народного образования (ИНО) и в 1932 году окончил его. На выпуске из ИНО, годом позже переименованного в Одесский университет, обрывается «Автобиография» Дьякова, написанная в 1968 году. Далее в его жизни идёт смутная полоса, которую можно лишь отчасти восстановить по разрозненным сведениям.

ПАЛОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

После окончания института надо было устраиваться на работу. В поисках достойного места выпускник едет по стране и... многое видит. 1933-й – год голодомора на Украине. Когда ты едешь поездом мимо сёл, выходишь на станциях, приезжаешь домой в Кировоград и слышишь то, о чём не пишут газеты, кровь стынет у тебя в жилах, тем более что твоим собственным пайком не насытитесь и кошка.

Мёртвые тела лежали на улицах, станционных перронах, кучки умирающих людей с молящими глазами попрошайничали в городе. Все вокруг знали, что то там то сям возникали случаи людоедства. Матери съедали умерших детей. Некая женщина попросилась на ночлег и послужила пропитанием хозяевам...

Дьяков поехал в Ташкент – «город хлебный». Весной 1933 года Ташкентская астрономическая обсерватория объявила конкурс на замещение должности младшего астронома-астрофизика.

Дьяков подал заявление и, к своему удивлению и радости, был принят. Однако выяснилось, что радость преждевременна. Обстановка его ожидала самая скверная. Директор по фамилии Теплов, плут и проходимец, окружал себя такими же. Под прикрытием научных интересов они обделывали свои делишки. Исполненный поначалу радужных надежд, молодой специалист чувствовал себя сиротой, жил на съёмной квартире и, недополучая зарплату, отощал настолько, что врачи обнаружили у него явления дистрофии. Голод – страшная вещь. Всю дальнейшую жизнь он будет помнить эти дни, от которых веяло тоской смерти, и ценить естественное право насыщения. В Ташкенте Анатолий жил с апреля по июль.

В самый зной он перебрался в Сталинабад, где открылась астрономическая обсерватория. Голод и здесь не отпускал его, а ещё и невыносимая жара и дизентерия заставили спасаться паническим бегством из Средней Азии.

Житейские перипетии привели искателя лучшей доли в столицу, где он начал зарабатывать на хлеб трудом лектора-демонстратора Московского планетария и поступил в МГУ.

Дьяков углубил знания по физике, механике, матанализу, прослушал курсы теоретической астрофизики у В. Г. Фесенкова, звёздной статистике и космогонических гипотез у К. Ф. Огородникова. Надобно заметить, что новый студент учился добротнo – без троек, но и без блеска. Единственное «отлично» он получил по философии, сводившейся тогда к предмету под названием «Диалектика природы». Философское осмысление научных истин очень интересовало его и лет через 20 пригодилось, когда пришлось думать над обоснованием новой метеорологии и отрицанием старой, стоявшей, по его убеждению, на позиции механического детерминизма.

С преподавателями Анатолий находился в тёплых, человеческих отношениях. Профессор Александр Александрович Михайлов иногда читал лекции в стенах Московской астрономической обсерватории. Дьяков после лекций оставался, беседуя с профессором на разные темы.

Накануне Нового, 1935 года Анатолий приступил под руководством К. Ф. Огородникова к дипломной работе на тему «Природа зодиакального света». А 17 января он уже сидел на нарах и дышал спёртым воздухом Бутырской тюрьмы.

Причиной послужил донос одного из «друзей»-студентов, в компании которых Дьяков

прочитал свой ташкентский дневник, где описал кошмарные впечатления от путешествий по стране и выразил взгляд на строящийся в ней «палочный социализм». Когда люди в форме пришли в его квартиру, Анатолий сам вынес дневник, не затягивая с обыском.

В камере он сидел вместе с самой историей, так как в соседи ему и другим сокамерникам определили Емельянова, того самого, который укрывал Ленина в Разливе.

Весной 1935 года молодого заключённого этапировали из Москвы в Сиблаг, в город Мариинск Западно-Сибирского края.

ЛАГЕРНЫЕ БУДНИ

Теперь вместо Москвы и Фламариона бывшего студента ожидали тачка и лопата, маты-перематы, вшивый барак и мысли о том, как не лишиться пайки и вообще – как остаться в живых. Хотя он работал учётчиком и ходил с теодолитом на рытьё траншей, то есть физических сил затрачивал меньше, чем землекопы, питание нельзя было назвать нормальным. Оно состояло из хлеба и баланды. Контингент пёстрый – колхозники, служащие, много московской профессуры, урки. По утрам из строя вызывали по 10 человек, которые бесследно исчезали. Подразумевалось, что их расстреливают. Однажды он тоже услышал:

– Дьяков, с вещами!

Всё, конец. Простился со всеми и пошёл на встречу неизбежности. Ему сказали, что отправляют в Темир. Он понял так: это сказка, чтобы по дороге – пулю в затылок. Оглянулся – нет, конвой идёт спокойно. Страх все же не отпускал, сковывая жутким предчувствием. Однако его действительно отправили в Темир, на 400 километров южнее Мариинска.

Хозяева рабсилы весьма рационально стремились её использовать, поэтому просто расстреливать зеков не имело смысла. Скорее всего, вывод из строя по 10 человек был связан с перекидыванием их на другие объекты. В Горной Шории разрабатывалась рудная база для КМК. Строилась железная дорога, чтобы вывозить руду. С этой целью специально создавался Горношорский лагерь – Горшорлаг, который первоначально подчинялся Сиблагу, а с апреля 1938 года вошёл в непосредственное подчинение ГУЛАГу. Взрывались и срывались лопатами целые горы, заваливались грунтом низины и ущелья.

Главный инженер строительства Егоров объяснил цель перевода Дьякова в Темир:

– Вы будете главным метеорологом Горношорской железной дороги.

– Но я не метеоролог по образованию!

– Ничего. Астроном всё-таки. С вашим личным делом я ознакомился. Те, кто работают сейчас, вообще никакого образования не имеют. Три станции ваши. Будете давать трёхдневный прогноз.

Назначение заключённых-специалистов на итээрзовские должности было обычной практикой. В лагерных больницах работали зеки-врачи. Даже начальником телефонной станции Горшорлага работал зек, руководивший вольнонаёмными телефонистками. Дьяков получил в своё распоряжение маленькую научную базу – флюгер, ящики на четырёх штырях, парографы, самописцы, снегомерные рейки и т. п.

Так началось полувекоев дьяковское служение метеорологии. Первый прогноз он дал 12 июня 1936 года: «Малооблачная погода благоприятна для строительных работ».

Дьяков боялся ошибок, чувствуя над собой дамоклов меч, и впоследствии вспоминал, как по неопытности не учёл инверсию температур – разницу на горе и внизу – и дал один из первых прогнозов неверно. Его страшило наказание, которое могло бы заключаться хотя бы в изгнании из метеослужбы на общие работы. В то же время душу полнили силы молодости, он романтически воспринимал мир и мог предаваться радужным мечтам.

Жил начинающий метеоролог теперь в одном из двух домиков, стоявших на горе. Во втором из них ютились зеки, работавшие в парниках по выращиванию цветов.

1936 год выдался с обильными осадками. Оставалось фиксировать, что небо затянуто тучами и снова будет дождь, дождь, дождь...

В 1937 году в Темире, как и всюду, людей брали массово и чаще всего безвозвратно. Так что статус заключённого, получившего свой «законный» срок, пожалуй, благоприятствовал спасению жизни. В 1938 году срок Анатолия Дьякова закончился.

УЧИТЕЛЬ ГЕОГРАФИИ

Директор школы Иван Тимофеевич Ситько любил юную поросль, которая платила ему тем же. Он вёл математику и физику и казался идеалом учителя. Высокий, сдержанный в манерах,

корректный в обращении с людьми, Иван Тимофеевич держал также марку рачительного хозяина. Его стараниями на пришкольном участке вырос роскошный сад, где работали школьники, труд которых вознаграждался плодами и ягодами.

Географию вёл Анатолий Витальевич Дьяков. Переполненный знаниями, он жаждал излиться ученикам. На их головы обрушивалось такое количество фактов, что они не могли впитать все и утомлялись слушать. А географ не ведал меры. Прохаживался по классу с указкой и самозабвенно продолжал:

– Я расскажу вам, где мне пришлось побывать...

По стране он поездил и повидал немало, но рассказывать ему было нелегко. Класс кривлялся, строил рожи, шуршал, сопел, выкрикивал реплики... Иногда урок срывали очень просто – кто-нибудь поднимал руку и говорил, что у него не получилась задача по математике. Учитель подходил, вникал – и начинал водить мелом на доске: решение такое-то и такое-то. И весь урок объяснял математику – а географию потом сами прочтаете по учебнику.

Как бы ни безобразничали ученики, Дьяков никогда не наказывал их. Он не умел быть ни строгим, ни властным. После урока лишь высказается:

– Я видел, как вы себя вели. Не хотел портить настроение и делать замечание, но знайте, что вели вы себя плохо.

Поиздевались же над ним. Детские забавы выводили Дьякова из себя. Объясняет материал, а гранёный карандаш по полу трень-трень. Он подойдёт и чуть ли не линейкой. Как бы замахивался, но никогда, конечно, не бил. Или стол намажут ему мелом, чтобы белая полоса на поясе.

Учитель попросит повесить карту, а ученики не повесят. Он уже лет в 27–28 начал полнеть, одежда узкая, пусть потянется за картой, может быть, брюки лопнут!

С коллегами Анатолий Витальевич общался чересчур принципиально, если учитель чего-то не знает, то обязательно делал замечание, вздорил, неизбежно доказывая свою правоту, и со всеми в школе переругался.

Когда Дьяков в очередной раз уличил кого-то в невежестве, разобиженная коллега пожаловалась Ситько. Тот принял вызов. Разговор у них получился взволнованный и резкий. Школа пропиталась слухом об интеллигентном обмене фразами между ними.

Ситько сказал Дьякову прямо в глаза:

– Никакой вы не учёный, а самый настоящий шарлатан!

– А вы – нищенская сума, набитая объедками! – ответил Дьяков.

– Вы – мешок, набитый золотом! – продолжил Ситько.

– Да вы – просто овёс, пропущенный через лошадь! – парировал Дьяков.

В итоге Дьяков ушёл из школы, а Ивана Тимофеевича чуть не парализовало – у него случился тик на лице.

В 1972 году класс отмечал тридцатилетие выпуска. Многие мальчики погибли на фронте. Класс представляли в основном посолднневшие девочки. Из учителей в наличии оказались только двое – Шубодёров и Дьяков, который повёл их на экскурсию. Показал в телескоп солнце. Эккурсанты по очереди посмотрели на солнечные пятна. Учёный рассказал о своих успехах. Как всегда, речь его звучала громко, создавая впечатление некоторой крикливости. И на груди его сиял орден, привинченный прямо к рабочей куртке. Широкий в теле, Бог Погоды выглядел довольно комично в своей одежде, а тут ещё орден прямо на куртке! Это поражало, резало глаз. Однако, какой бы смешной и нелепый он ни был, именно он, Анатолий Витальевич Дьяков, ставивший в своей фамилии ударение на последний слог, спас урожаи во Франции и Казахстане, спас, возможно, корабли от шторма в Карибском море, именно он создал феноменальную теорию атмосферы, тайну которой унёс с собой в могилу.

НИТЬ АРИАДНЫ

Милая и странная женщина лет за тридцать, в пенсне, маленькая и худая, словно состояла из одних косточек, вела в школе немецкий, свободно владея языком, и математику, зная её, очевидно, на высоком научном уровне.

Она вечно опаздывала на уроки. Звенит звонок, класс сидит, ждёт. Учителя нет. А вот и Ариадна Ивановна. В окно видно, как она переходит с шага на бег в своей московской каракулевой шубке. Подбирает полы, садится на снег и съезжает с горки. Вот так вот садится и съезжает! И бежит дальше мелкими шажками.

Мокрый снег начала апреля. Ариадна Ивановна спешит в огромных подшитых валенках. Класс дивится и хохочет.

Или грязь. Щупленькая женщина в каракулевой дошке, полы расстёгнуты, торопится с огромным портфелем. Вбегая в класс, бултых этот грязный портфель прямо на стол.

Тихая, застенчивая, близорукая, в длинной юбке, светлая шатенка с гладкими, зачёсанными волосами, которые она закалывала, Ариадна Ивановна появлялась в классе при полной тишине. Её уважали и никогда не передразнивали. Ученики замирали, когда она начинала говорить, рассказывая так, что её заслушивались. Впрочем, тоже не всегда. Бывало, класс стоял на ушах. Как же стыдно станет им потом, взрослым женщинам, некоторые из которых сами пойдут по учительской стезе... Перепахканная мелом, потому что любила сесть и откинуться щекой на руку, овеванную меловой пылью, Ариадна Ивановна говорила:

– Девочки! Девочки и мальчики! Задумайтесь... Посмотрите... Подумайте...

Простая, безобидная, добрая, исключительного благородства, в быту она была настолько беспомощна, что, как замечали девочки, не то что за одеждой мужа следить, но и за своей не могла. Брюки мужу, Анатолию Витальевичу, она зашивала сеточкой, как носки (вместо заплатки), а у собственной юбки всегда оборка была вывернута.

По школе ходил анекдот, что свою корову они с Дьяковым кормят бутербродами.

Отец Ариадны Ивановны Невзоровой, генерал медслужбы, служил под началом известного Брусилова. Росла она где-то в Польше, единственным ребёнком в семье и воспитывалась при слугах.

Первый муж её, тоже репрессированный, видимо, погиб в лагере.

С Дьяковым они познакомились в бытность его студентом МГУ. В конце его срока у них завязалась умная переписка – так они и сошлись. В 1938 году Ариадна Ивановна приехала из Москвы в Темир, привезя с собой дорогие ковры. Тех, кто входил в их убогую поселковую избушку, поражали сплошь завешенные стены.

Возможно, эта замечательная женщина спасла Дьякова от нового срока, удерживая его импульсивную натуру от опасных в то время высказываний. Она внушала ему, что он редкостно талантливый и может осуществить все свои замыслы. Так что поневоле он должен был почувствовать себя гением.

Как два чудака, далёких от практической жизни, они стояли друг друга. Оба не умели растопить печку, возделывать огород.

Ариадна Ивановна сама подала идею купить корову. Купить-то они её купили. Но обращались с ней на «вы». Доили прямо в доме – заведут, подоят, выведут. Цедили сначала по кружке – из каждого соска, когда пить захотят.

К пастбищу водили на верёвочке, накрыв бурёнку простынёй, чтобы не было жарко и не кусали слепни, а после покоса (сено им косили соседи) сопровождали её к стогу, нет чтобы сено домой привезти. Первое время Ариадна Ивановна прогуливалась при корове до таёжного пастбища в белой шляпке: одевалась она временами элегантно. А Дьяков – босиком, с подвёрнутыми штанами.

Позднее летом они оба ходили в посёлке босиком. Следуя принятой им системе здоровья, он заставлял жену закаляться. В то время, теряя зрение, Ариадна Ивановна носила уже двойные очки. Осенью её можно было увидеть в сапожках, которые шлёпали ей по коленкам.

В военные годы Дьяков жил в маленьком домике вместе с Ариадной Ивановной и, мурлыча романсы и оперные арии, педантично записывал данные метеонаблюдений, начитывал огромное количество научной литературы, которую выписывал отовсюду.

Зимой он любил сам делать наблюдения. И где-нибудь в солнечный день марта катился на лыжах со своей могучей шевелюрой и обнажённым волосатым торсом с горы Улудаг – таким он запомнился Анфисе Фёдоровне Локотко, работавшей на метеостанции наблюдателем. Анатолий Витальевич в совершенстве знал теорию лыжного спорта, но катался слабо. Теория – одно, практика – другое.

Дьяков подал заявление с просьбой отправить его на фронт – он мог бы служить в метеорологическом обеспечении. Ему отказали: «Вам целесообразнее работать в тылу, прогнозы погоды нужны для КМК». В шутку или всерьёз Анатолий Витальевич разрывал сердце Ариадны на части эпатажными заявлениями:

– Вот возьму и уеду воевать!

Как-то он отправился в Кузедеево и к вечеру не вернулся. Неужели подал заявление в райвоенкомат и?... Нет, она не выдержала бы этого. Пешком ушла Ариадна Ивановна в Кузедеево (сесть на поезд можно было только с медсправкой, через санпропускник, так как боялись эпиде-

мий). Придя в райцентр, она начала искать мужа и открыла какую-то дверь – секретарь райкома ВЛКСМ Валентина Плеханова с изумлением посмотрела на худенькую босую женщину в очках. В другом месте Кузедеева любимый Толя благополучно нашёлся, с ним ничего не случилось, он всего лишь задержался на одни сутки.

О, как любила его Ариадна Ивановна! Любовь её не знала границ и преодолевала всё – время, расстояния, материально-бытовые проблемы и, главное, нелюбовь мужа. Нет женщины, которая не почувствует, что её не любят. Чувствовала и она. Да ведь не его вина, что ему не дано. Как известно, любовь не оформляется приказом с синей печатью.

Ещё в начале 1941 года Дьяков выкупил у Горшорлага избушку, ту самую, где он жил и где находилась метеостанция. Ввиду ликвидации Горшорлага метеостанцию в Тимире передали Горному управлению КМК с параллельным взаимодействием с Новосибирским управлением гидрометеослужбы. «В связи с развитием геолого-разведочных работ» метеостанция должна была обслуживать прогнозами все хозорганизации КМК, Томской железной дороги «и прочие»... Возникла известная путаница ведомственной подчинённости, договорных и недоговорных отношений. Впрочем, в войну всё это имело второстепенное значение.

Накануне войны метеостанция была неплохо укомплектована оборудованием, закупленным на деньги Главного управления Гидрометеослужбы СССР. Материальная база заметно обновилась в 1940 году, когда Дьяков съездил в Москву, к начальнику ГУ ГМС Е. К. Фёдорову. Всю последующую жизнь Анатолий Витальевич вращался в орбите этого выдающегося деятеля метеослужбы. Евгений Константинович Фёдоров – геофизик-астроном дрейфующей станции «Северный полюс-1» (1937–1938), Герой Советского Союза, академик, носитель шести орденов Ленина и других, лауреат Сталинской и Государственной премий. Он изучал проблемы охраны окружающей среды при испытаниях ядерного оружия. Обобщал влияние «погоды» на состояния верхней атмосферы и околоземного космического пространства – «погоды в космосе». Считался организатором научных проектов и генератором идей, стремившимся объединять талантливых людей для решения той или иной проблемы. Роль академика Фёдорова в судьбе Дьякова и его солнечных идей неоднозначна – то положительно, то не очень.

ШКОЛА МУЛЬТАНОВСКОГО

Имя Мультановского как основоположника метода долгосрочных прогнозов погоды упоминается в метеорологической литературе нередко. «Исследования Мультановского и его школы мы с полным правом можем считать национальной гордостью», — писал историк метеорологии А. Хргиан. Академик АН Беларуси В. И. Логинов не так давно упомянул Мультановского в интервью, порицая современных предсказателей погоды и ставя основоположника в пример. Дьякова при этом как будто не существовало...

Борис Помпеевич Мультановский родился в 1876 году, окончил Петербургский университет и с 1900 года работал в Главной физической обсерватории. В основу его взглядов легли работы синоптика XVIII века С. Д. Грибоедова, в частности доклад «Основы рационального предвидения погоды на долгое время». Грибоедов высказал предположение, что синоптические сезоны распадаются на отдельные периоды. Мультановский и ухватился за эту интересную нить.

В 1913–1919 годах он начал давать долгосрочные прогнозы, стараясь соединять практику с теоретическим обоснованием. К 1935 году фундамент вполне сложился, школа определилась. Мультановского избрали в академики ВАСХНИЛ. К одной из важнейших характеристик Б. П. Мультановского можно отнести то обстоятельство, что он состоял в РОЛМе, председательствуя в секции геофизики и фенологии. Это общество сохраняло староинтеллигентскую закуску, поклоняясь идеалисту Фламариону и до 1932 года пытаясь отстоять независимый от советской власти дух, пока 58-я статья не накрыла его своим чёрным крылом.

Как мы помним, и Толя Дьяков с восторгом вступил в РОЛМ, видимо, в качестве научного корреспондента, в то время как в верхушке его состояли почётные и действительные члены. Среди действительных можно выделить такие имена, как Б. Л. Дзердзиевский, А. Е. Ферсман, М. С. Эйгенсон, а в почётных, к примеру, Г. А. Тихов и К. Э. Циолковский. В число 17 членкорей РОЛМа входили В. П. Глушко (будущий коллега С. П. Королёва), Г. А. Шайн (известный астрофизик), А. Л. Кулик (организатор экспедиции в район падения Тунгусского метеорита).

В 1938 году Б. П. Мультановский упокоился на Смоленском лютеранском кладбище. За свою жизнь он написал о многом, от долгосрочных

прогнозов погоды до ленинградских наводнений, от геофизических условий пути из варяг в греки до приключений Одиссея в Средиземном море. Историков интересовало, был ли эпизод со страшной бурей в поэме плодом фантазии или реалистическим описанием? Борис Помпеевич нанёс на карту направление ветров, указанных в «Одиссее», и выяснилось, что в наши дни происходит точно такая же их смена, когда циклон движется с запада на восток. Эта работа любопытна, но технически несложна и не несёт особого научного откровения, хотя в популярной литературе нередко преподносится как этакое уникальное достижение классика.

Главное все же — его метод долгосрочных прогнозов, которым официально пользовались уже в начале Великой Отечественной войны, пользуются и до сих пор. Оправдываемость его на месяц и на сезон составляет 60–65 процентов.

Краткосрочные и долгосрочные прогнозы принципиально разнятся между собой, требуя различных теоретических и практических подходов. Атмосферные процессы длительностью до 10 суток протекают адиабатически (без притока и потерь тепла). Для долгосрочного прогноза надо учитывать приток тепла и его превращения. И, в отличие от краткосрочного, требуется сбор исходных данных со всего земного шара или хотя бы полушария.

Мультановский ввёл понятие «естественный синоптический период», то есть отрезок времени, когда погода не меняется. Циклоны и антициклоны развиваются постепенно и накапливают незаметные количественные изменения, дающие на исходе периода резкие качественные скачки.

Сначала метод Мультановского состоял в подборе аналогичных ситуаций из ряда прошлых лет на основе определённого ритма их повторяемости. Затем метод дополнили. Из цепи синоптических периодов одного сезона стали выделять те, которые нетипичны, исходя из того, что в следующем сезоне исключения из правила разовьются в полную силу.

Дьяков внимательно отслеживал прогнозы по СССР, публикуемые в центральных газетах. Летом 1946 года, когда он зарабатывал собственный метод, предсказания ЦИПа (Центрального института прогнозов) знаменовались позорным провалом, обещая дожди вместо поразившей многие земли засухи. Уже тогда Дьяков мог противопоставить ЦИПу и методу Мультановского —

Пагавы свой процент оправдываемости: 83–85. В течение пяти лет (1944–1948) он вёл самый жёсткий контроль своих прогнозов по Горной Шории (на пять суток и до двух с половиной месяцев), допуская плюс-минус одни сутки в наступлении сроков явлений, не больше двух-трёх градусов по температуре и двух метров в секунду по скорости ветра. Только в апреле 1945 года погода сильно обманула его в расчетах (39 процентов), и в октябре 1946-го процент был пониже (68 процентов). В остальных случаях успех доходил до 95 процентов, а в среднем получилось 83 процента.

Дьяков пришёл к твёрдому убеждению, что без глубокого знания законов климата определённой территории никакой метеопрогноз достаточно высокого качества невозможен. В дальнейшем Анатолий Витальевич начал разрабатывать новую теорию, которую назвал «энергетической климатологией».

В этом направлении он пошёл под «путеводным знаменем» идей Элеоноры Лир. «Спустя 10 лет предвидения Э. С. Лир (об изменениях климата человеком) блестяще осуществились в исторических постановлениях нашего правительства о ползащитных полосах (1948) и великих стройках коммунизма – гидротехнических сооружениях в Куйбышеве, Сталинграде и на юге Украины», – писал он в научном докладе 1950 года.

Не будь Дьякова, Лир, вероятно, никогда и не всплыла бы из пучины времён, оставаясь в глазах коллег рядовой научной труженицей. Более того, её труды замалчивали сами представители школы Мультановского, к которой принадлежала и она. Кто же она, загадочная предшественница Бога Погоды?

Ещё в 1990-е годы для воскресения её облика немало усилий приложил Геннадий Юров, который беседовал с людьми, лично знавшими эту голубоглазую, нордически статную женщину, обладавшую множеством дарований, увлечённую музыкой, стихами, рисованием, наукой и прожившую всего 46 лет. Родилась она в Самарканде (1893), в союзе бельгийца Северина Лира и Юлии Брандт, родом из обрусевшей австрийской семьи. Семнадцатилетней девушкой приехала в Петербург, окончила Высшие женские курсы, затем физмат университета и работала под руководством Б. П. Мультановского. Борису Помпеевичу Лир импонировала интересом к истории, которой он сам был не чужд.

Она писала о гололёде, засухе, полярной шапке (арктической области высокого давле-

ния), развивала принципы классификации синоптических процессов, понятия климата и погоды. Затем, как утверждается в «Печальной повести о Боге Погоды», пошла дальше своего учителя и впервые затронула вопрос о значении макроциркуляции атмосферы как важнейшего фактора, от которого зависит климат в его наиболее общем проявлении. Провела типизацию крупномасштабной циркуляции атмосферы.

До 1935 года она работала в Главной геофизической обсерватории, но с началом Большого террора была выброшена из Ленинграда в Казань и закончила свои дни в Саратове. Скандинавский тип её внешности притягивал мужчин, однако жила она одиноко и замкнуто.

«Пути и задачи климатологии» – её последняя статья, в которой видна широта и одухотворённость мысли: «В новых планах исследования должна будет обнаружиться связь атмосферных процессов с гидро- и гляциосферой, и единство жизни геофизических явлений обнаружится с новой силой. Климатология перестанет занимать последние ряды в цикле географических дисциплин и станет почётным членом наук геофизических. В дальнейшем в поисках первопричин крупных климатических аномалий должен будет совершаться выход из сферы влияния земных сил в силовое поле космических агентов. Если на одном полюсе этих исследований устанавливается связь климата с погодой, то на противоположном новая климатология подойдёт к истокам климатических явлений на Земле – к связи их с космическими причинами». Здесь – солидаризуюсь с автором «Печальной повести...» – прямая дорога к открытиям Бога Погоды.

Гостя в Ленинграде с научным докладом в Главной геофизической обсерватории (октябрь 1950 года), Анатолий Витальевич выпросил там фотографию Элеоноры Лир, которую, вернувшись домой, увеличил и повесил на стене внутри недавно отстроенной башни, где наблюдал небо.

Научные работы и письма учёным он подписывал псевдонимом «А. Дэллин», то есть «Анатолий Дьяков, Элеоноры Лир идейный наследник».

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Однажды в гости к Дьякову приехал из Алтайского края старый знакомый, М. В. Садчиков, и оставил в журнале приёма посетителей следующую запись от 11.06.74 года: «Уважаемый Анатолий Витальевич! Алтайский край преклоняет-

ся перед Вашим учением. По Вашим трудам о прогнозах погоды труженики Алтайского края всегда следили за погодой, и они всегда давали хорошие результаты. В мае 1945 года Ваш доклад состоялся на президиуме Кузедеевского райисполкома. Вы дали тогда полный анализ режима сильной засухи в Горной Шории, и он оправдался».

Дьяков прекрасно помнил то время. 3 мая 1945-го, за шесть дней до Победы, он сделал доклад на заседании, где секретарствовал Михаил Васильевич. Дьяков тогда заведовал прогнозами в роли начальника метеобюро горношорского треста «Запсибчерметразведка», то есть состоял в геологической структуре Министерства чёрной металлургии.

Засуха. Страшное слово, означающее горе, голод и смерть. Голодающее Поволжье 1921 года было памятно всей России и вошло в школьные учебники истории.

Вода – основа жизни, и растения должны пить вволю. Один килограмм пшеничного зерна требует до тонны воды. Поэтому предвидеть количество осадков – это огромное дело. Тогда агрономы могут варьировать культуры, применять специальные приёмы вспашки... Четырнадцатилетним отроком Толя Дьяков поклялся себе, что научится предсказывать засухи. И теперь он уверенно консультировал агрономов.

В 1946 году солнце палило с немилосердной силой. После весенней распутицы жирная грязь центральной дороги посёлка засохла до каменной твёрдости. По ней тащились телеги и тарактели грузовики. Послевоенная жизнь отдавалась болью за калек-обрубшей, которые каждый день накатывали на досках с колёсиками к базарчику, пели режущие сердце песни, покупали в ларьках пиво и водку, и затем кое-кто из них валялся в мертвецком состоянии под забором или прямо на площади, где шла торговля семечками, махоркой, ягодой, тряпками... Уже не в первый раз Дьяков переживал трудное, полуголодное время, из которого с напряжением выходила страна.

Ариадна Ивановна собралась в Москву, где её ждала серьёзная научная работа. Звала Толю с собой, с его талантом в столице он не пропадёт, но сейчас, когда ясно определились контуры солнечно-земной теории, требующей астрономических наблюдений, Москва его не устраивала.

– Ну и правильно. Ты, безусловно, прав. Тебе надо обязательно добиться полного завершения

теории. Женись на Ниночке. Она хорошая девочка. С ней тебе будет замечательно. Она станет опорой в житейском отношении. И... родит тебе ребёнка... Детей... Жаль, что я не могла родить...

На прощание Дьяков нежно поцеловал её. Пожалуй, он испытывал облегчение от её отъезда, а она уезжала с душой, безгранично заполненной его любимым образом. Паровоз дал гудок, вагоны тронулись.

Нина Орлова ему и вправду нравилась. Она так мило, певуче говорила: «Я схожу на рудник», подразумевая Центр посёлка. Так говорили все окрестные жители, всегда ставя ударение в слове «рудник» на первый слог. Родители её жили в Темире, а сама она, окончив Новосибирский техникум электросвязи, работала техником радиоузла в Сталинске. Чтобы перебраться поближе к маме, ей подвернулся случай поменяться с одним мужчиной местами. Он – в Сталинск, она – в Темир. Однако, по её словам, сказанным в 1990-е годы, чего-то испугалась и в темирский радиоузел не устроилась. Весной Дьяков часто заходил к соседям её родителей (по заботам, связанным с коровой). Видя в соседней усадьбе миниатюрную, хорошенькую, скуластую девушку, начальник метеослужбы познакомился с ней под рабочим углом зрения.

– Ну что, пойдёшь ко мне работать? Место наблюдателя пока вакантно!

Семейные отношения они узаконили 17 сентября 1946 года. Отец Нины в своё время привёз семью из Тамбовской губернии. Он отличался сильным и бескомпромиссным характером. В Гражданскую войну, отчаянный рубака, он воевал за красных и был награждён именным оружием. В годы сталинизма отрёкся от сына Михаила, брата Нины, осуждённого как «врага народа» (но позже восстановил отношения). В хрущёвское время Михаил, окончивший филологический факультет МГУ, приезжал к Дьяковым в гости и нашёл в лице главы семьи доброго друга, с которым они дуэтом исполняли песни и романсы. В то время как другой брат Нины, отличавшийся просталинскими убеждениями, не пользовался симпатией Анатолия Витальевича.

На хрупкие плечи Нины, рождённой в крестьянском укладе, легли главные хозяйственные заботы. Огород и уход за коровой, заготовка сена (для чего следовало запастись несколькими бутылками водки, чтобы оплатить трудовые расходы). Она думала о земле, муж теперь безраз-

дельно мог думать о небе. Единственная его мужская работа по дому состояла в том, чтобы принести воды из колонки. Соседи часто видели его в шароварах, фуфаечке или старом пальтеце, идущим босиком с коромыслом и двумя ведрами. Его приверженность закаливанию и босой ходьбе была чрезвычайна. Он и Нину пытался заставить ходить босиком, на что она всё-таки не решилась.

Поскольку Нина поступила в штат метеобюро, злоязыкие темирцы сочинили анекдот: Бог Погоды объявил жене выговор за то, что она пересолила борщ. Но работала семейная пара вполне планомерно. Нина Григорьевна снимала показания приборов, печатала на машинке тексты прогнозов мужа и отправляла их в конвертах.

Первые двое детей их умерли – мальчик (в возрасте четырёх месяцев) и девочка двух лет. В 1950 году родился Валера, ставший потом лётчиком, в 1952-м – Камилл, в 1955-м – Саша и в 1958-м – Лена.

Тёплая семейная жизнь в кругу любящей, заботливой жены и детей вполне устраивала счастливого отца. До 1960 года (когда Дьяковым дали новый дом) вся эта большая семья ютилась в халупёнке о двух малюсеньких комнатках, одновременно служившей обсерваторией. Глава семьи сидел за столом с бумагами, синоптическими картами, книгами. Малыши лезли к папе на колени, ползали под столом, хватали карандаши. Мама порой замахивалась на них полотенцем. Папа запрещал ей наказывать детей и «портить им нервы». Он никогда не злился и не гнал их от себя.

Все больше начальник метеобюро чувствовал себя настоящим учёным. В его памяти сконденсировались целые этажи знаний. С настоящей страстью он погружался в тогда ещё довольно свежие идеи фронтологического анализа, внесённые учёными норвежской школы. Одним из пионеров внедрения фронтологического метода в Советском Союзе был В. А. Бугаев. Его учебник «Техника синоптического анализа» и монография «Метод барической топографии», изданные в 1947 году, пользовались у советских специалистов огромной популярностью. Лежали они и на рабочем столе Дьякова.

В это время на горе Улудаг вовсе шло строительство башни, воплощавшей его мечту. Он сам разработал конфигурацию круглых проёмов и арочных окон и мог гордиться ажурным строением как произведением деревянного зодче-

ства. Зарплату отдавал рабочим-строителям, обрекая семью на ячменные лепёшки, которые пекла жена. Она сама сеяла ячмень, потом жала колосья и молола зерно.

Строительство началось в 1946 году по ещё военному (1944) распоряжению Ивана Павловича Бардина, заместителя наркома металлургии. В трудных послевоенных условиях, под мощными ливнями Горной Шории летом и среди снежных заносов зимой башня была воздвигнута в 1948 году и претендовала не меньше чем на звание обсерватории.

МАЛЕНЬКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В связи с реорганизацией треста «Запсибчерметразведка» возник вопрос о ведомственной подчинённости метеобюро. Возможны были некоторые варианты в передаче на баланс той или иной производственной структуре. Но у Дьякова были особые, далеко идущие планы. Он соотносил себя и свой вклад в науку с государственным масштабом СССР.

30 июля 1948 года он отправляет письмо вице-президенту АН СССР И. П. Бардину с просьбой включить метеобюро в число учреждений Академии наук и 17 августа получает лаконичный ответ: АН не может принять в свою систему метеобюро Горной Шории, принадлежащее Министерству чёрной металлургии СССР, так как Западносибирский филиал Академии наук проблемами климатологии пока не занимается.

В это время дьяковские прогнозы победно шествуют по окрестным колхозам и совхозам, горнорудным предприятиям, станциям железной дороги, лагпунктам Южжубасслага. Они откровенно конкурируют со сводками погоды Новосибирской гидрометеослужбы, вызывая недовольство и раздражение её руководства, которое жалуется своему московскому начальству и рассылает циркуляры в органы власти Горной Шории, обращается к Дьякову с требованием «замолчать», называет его «неучем» и «шарлатаном». Документов на эту тему найти не удалось, однако известно, что Дьякову тоже пришлось обороняться бумажными посланиями. Дело дошло до того, что он был вынужден обратиться в Совет министров СССР (так как гидрометеослужба подчинялась ему), а поскольку председателем Совета министров был Сталин, пришлось адресоваться лично к нему (1949). В результате из Минчермета приехала комиссия, которая дала заключение: «...В подавляющем

большинстве случаев А. В. Дьяков даёт точные сводки о предстоящей погоде на месяц и на декаду, чем приносит народному хозяйству несомненную пользу». Это не такой уж частый случай, когда справедливость торжествует.

Дьяков укрепляет материальную базу метеобюро, добивается поставок нового оборудования. В 1950 году ему содействует академик В. В. Шулейкин, подписывая заявку по приборам на 25 тысяч рублей (в исчислении до реформы 1961 года).

В октябре 1950 года происходит знаменательное событие, которое в своей основе я излагаю с помощью «Печальной повести...». Оно началось с того, что Анатолий Витальевич сел в поезд и прибыл в Ленинград. Он держал путь в Главную геофизическую обсерваторию (ГГО), ту самую, в которой когда-то работали Мультиановский и Лир. Войдя в здание обсерватории, он нашёл отдел климатологии и постучался в дверь.

Начальник отдела Руستم Фатыхович Усманов застыл от изумления. Перед ним стоял крях в тяжёлых туристских ботинках, заправленных в гетры брюках гольф и рюкзаком за спиной. Сняв с головы берет и смахнув с лица пот, отрекомендовался:

— Дьяков Анатолий Витальевич, начальник метеостанции Горной Шории.

Усманов продолжал молчать, пока ещё не придя в себя от неожиданного визита. Он вообще имел особенность говорить медленно, с длинными паузами. Гость вошёл в кабинет, скинул с плеч рюкзак, порывшись в нём и вынул три переплетённых комплекта тетрадей, протянул их хозяину кабинета и уселся на стул в отдалении. Усманов пролистал тетради, исписанные красивым, хорошо читаемым почерком. Третий комплект, о климате Горной Шории, просто поразил его. Как специалист он сразу оценил смелость и оригинальность научного подхода, строгость модели накопления снежного покрова и таяния с математическими выкладками. Другие вещи содержали в основном рассуждения о связи погоды с Солнцем.

— Что бы вы хотели от нас?

— Я бы хотел, чтобы меня заслушали на семинаре.

Усманов задумался. Легко сказать — провести семинар. В коллективе работает человек 160. На семинар они могут явиться только добровольно, приказом не заставишь. И кто захочет терять время на безвестного дилетанта, пре-

тендующего на встречу со светилами? Руستم Фатыхович решил поговорить с Предтеченским, Вительсом, Покровской и другими видными специалистами, заинтересованными в солнечной теме. Семинар состоялся 17 октября в присутствии примерно 80 человек.

Доклад на тему «Динамико-климатические особенности районов Горной Шории и методика их исследований» длился в пределах часа и встретил самое доброжелательное отношение. Слушателям импонировали энергия и уверенность докладчика, глубокая продуманность темы, мгновенная реакция на реплики, обстоятельные и остроумные ответы на вопросы при обсуждении. Как положено, доклад увенчался официальным решением семинара с подписями ответственных лиц и печатью. Этот документ стал главным оружием Дьякова в последующей борьбе. В нём отдавалось должное успехам докладчика в изучении климата малоисследованного района, обращалось внимание на глубокий физический анализ причин формирования климата. Высказывалось мнение о целесообразности опубликования работ Дьякова в печати, расширении комплекса наблюдений на Улудаге и увеличении штата работников станции до пяти-семи человек. Иными словами, решение семинара являлось своего рода предписанием для различных инстанций.

Уже 24 октября 1950 года заместитель начальника Главного управления госметеослужбы СССР (ГУ ГМС) Х. П. Погосян обращается к замминистра металлургической промышленности Ф. А. Меркулову с письмом, в котором обращает внимание на то, что открытие научно-исследовательской метеостанции в Горной Шории не состоялось «из-за отсутствия штата, необходимого для выполнения программы станции в соответствии с Вашим письмом», хотя комплект приборов и оборудования был отпущен приказом ГУ ГМС ещё 18 января 1949 года. Далее Х. П. Погосян ссылается на успех доклада Дьякова в ГГО и рекомендации семинара по увеличению штата. В заключение предлагалось организовать станцию на кооперативных началах. Методическое руководство осуществляла бы ГГО, за всё остальное отвечало бы какое-либо горнорудное предприятие. Это письмо говорит, кроме стратегической важности ленинградского доклада, также о доброжелательности профессора Погосяна к Дьякову, как, разумеется, и наоборот.

В июне следующего года Министерство чёрной металлургии и ГУ ГМС договорились о передаче горношорского метеобюро в распоряжение Новосибирского управления гидрометеослужбы (НУ ГМС). Едва ли такое решение понравилось начальнику метеобюро – попасть в руки тех, кто его давно не любил, а он отвечал взаимностью. В письме от 17 июля 1951 года на имя начальника НУ ГМС С. Я. Пахневича Анатолий Витальевич решительно заявляет: «...свое согласие на переход в систему Новосибирского УГМС я могу дать только с условием соблюдения Вами и всеми начальниками отделов НУГМС моей творческой инициативы в изложенной выше тематике работы, выражением чего должна явиться организация на горе Улу-Даг т. н. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СТАНЦИИ ДИНАМИКИ АТМОСФЕРЫ ГОРНОЙ ШОРИИ, что должно быть обусловлено специальным приказом и положением о такой станции с согласия ГУГМС при СМ СССР». Аргументы в пользу своего заявления Дьяков привёл следующие (цитирую с незначительными сокращениями): «Факт создания этой метеостанции является всецело результатом нашего многолетнего напряженного труда как по изысканию финансовых и материальных средств, так и по руководству проектными и строительными работами в течение последних пяти лет. Кроме этого, в течение более чем 13 лет (с 1938 г.) проведены специальные климатологические исследования... Особенно важным для горной промышленности является долгосрочное предвидение погоды на сроки от пяти суток до двух месяцев... проводимые метеобюро со средней многолетней статистической обеспеченностью в 82 % на основе выработанной А. В. Дьяковым методики, созданной с использованием наиболее передовых идей современной метеорологии».

17 декабря 1951 года Анатолий Витальевич сообщает Х. П. Погосяну, что 12 сентября приём метеостанции в распоряжение НУГМС осуществился. «Однако Новосибирское управление ГМС не только не сделало ничего для организации... ГМС 4-го типа, но изъяло имеющееся аэрологическое оборудование и расходные материалы (манометр, оболочки шаров-пилотов, фонари, свечи). При принятии ГМС от Кузметкомбината я лично был отстранен от назначения на должность начальника ГМС Темир-Тау, так как от меня сперва скрыли Ваше письмо начальнику Новосибирского управления ГМС

тов. С. Я. Пахневичу от 10 сентября 1951 года, в котором Вы предложили назначить меня начальником этой метеостанции. О существовании этого письма я узнал только в конце октября, принял ГМС от другого начальника 20 ноября. В настоящее время я прибыл в Москву по своей инициативе, чтобы просить Вашей помощи для продолжения тех научных работ, которым я уделил 15 лет своей жизни. Прошу Вас прежде всего организовать слушание основных результатов моих работ по динамике атмосферной циркуляции и т. н. энергетической климатологии в ЦЕНТРАЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ ПРОГНОЗОВ».

Здесь обращают на себя внимание два факта: во-первых, насколько нечистоплотны действия новосибирцев (скрыли письмо), а во-вторых, Дьяков добрался до самого ЦИПа, так как уже через несколько дней (21 декабря) Погосян организовал желаемый семинар. Об этом событии приходится судить понаслышке, хотя текст самого доклада сохранился. Видимо, в отличие от аудитории ГГО слушатели здесь были настроены не столь дружелюбно. Тем более, что против именно прогнозов ЦИПа (будущего Гидрометцентра СССР) докладчик выплеснул бурную полемическую энергию. Дошло, кажется, до того, что он вызывал весь этот высокоучёный и озлобленный критикой коллектив на соревнование: давайте посмотрим, чьи прогнозы лучше!

Затем, следуя архивным документам, через несколько месяцев, 31 марта 1952 года, началась маленькая дьяковская революция. Приказом номер 9 по гидрометеостанции Темиртау её начальник провозгласил, что отныне (с 1 апреля) она будет называться обсерваторией динамики атмосферы Горной Шории (ОДАГШ). Приказ был распечатан на трёх страницах и разослан в 10 инстанций: президиум АН (И. П. Бардину), ГУГМС, НУГМС, депутату Верховного Совета РСФСР по Горной Шории А. Е. Кушакову (который поддерживал Бога Погоды), райсовет Кузедеевского района, Горное управление КМК, Темиртауское и Таштагольское рудоуправления, управление Юж-кузбасслага, райотдел лесного хозяйства Кузедеевского района.

Мотивируя издание приказа, Дьяков ссылается на разные (рекомендательные) решения (ГУ ГМС, ГГО). «Таким образом, на ГМС Темиртау оказались возложенными весьма важные работы по развитию НОВЫХ ПУТЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ ОБ АТМОСФЕРЕ; эти рабо-

ты имеют целью укрепить приоритет советской науки в деле предвидения погоды».

Свои подписи под приказом, удостоверяя ознакомление с ним, поставили старший наблюдатель Н. А. Пестриков и техник-наблюдатель А. Ф. Понарин. Штат, несмотря на рекомендации, так и не вырос до пяти-семи человек, да и эти двое новеньких приносили проблемы. Понарину на первых порах было негде жить, и его вместе с семьёй приютил в своём домишке сам начальник станции. В ответ на отчаянный анархизм Дьякова приходит отрезвляющее письмо из Москвы, от начальника Управления сети наблюдательных станций ГУГМС А. М. Китайцева:

«Начальнику гидрометеостанции Темир-Тау тов. Дьякову А. В. В соответствии с существующими положениями начальники гидрометеостанций не имеют права самостоятельно решать вопросы о переводе станции из типа в тип, а тем более преобразовывать её в обсерваторию. Изданный вами приказ <...> является незаконным и объясняется незнанием Вами элементарных правил службы. Начальнику Новосибирского УГМС тов. Пахневичу С. Я. дано указание об отмене изданного Вами приказа и о наложении на Вас строгого взыскания. Одновременно начальнику УГМС дано указание ускорить перевод гидрометеостанции Темир-Тау в 4-й тип с организацией шаропилотных наблюдений. В дальнейшем по всем вопросам работы гидрометеостанции обращайтесь непосредственно в Новосибирское УГМС, в подчинении которого находится гидрометеостанция Темир-Тау, и строго руководствуйтесь действующими Правилами внутреннего распорядка на гидрометеостанциях».

И всё же Дьяков не сдаётся и свой ответ московскому начальству подписывает как заведующий ОДАГШ (23.05.52). «Правила и порядки Гидрометеослужбы СССР мне известны в малейших деталях. Тем не менее <...> в НАРУШЕНИЕ формы, я рассчитывал на то, что преклонение перед последней — дань бюрократизму в ГУГМС — не простирается настолько, чтобы не поддерживать ценной творческой инициативы, исходящей СНИЗУ, от энтузиаста советской метеорологии, отдавшего ей немало трудов, о чем известно Вам лично как УЧАСТНИКУ этих трудов, помогавшему мне еще в 1939 году. Идея основания Обсерватории динамики атмосферы выношена мною в течение многих лет жизни (с 1936 г.) и ПРАКТИЧЕСКИ ОСУЩЕСТВЛЕНА с помощью местных руководителей, поддержи-

вавших всемерно мое важное ПРОГРЕССИВНОЕ начинание. Это я и счел нужным отметить в своем приказе № 40 от 23 апреля 1952 года, и это не удастся «отменить» никакому бюрократу по той причине, что здесь говорит САМА ДИАЛЕКТИКА НАШЕЙ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЖИЗНИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ. По словам тов. И. В. Сталина, «там, где есть бюрократизм, там нет движения вперед, нет развития». Все это не мешало бы помнить всем руководителям учреждений, где успехи не блестящи, в частности ЦИПу, долгосрочные прогнозы которого весьма низкого качества, Геофизическому институту АН СССР, стиль работы которого подвергнут суровой критике со стороны ЦК нашей партии («Правда» от 25 февраля 1952 г.), и мн. др. Прошу принять мое заявление, что если с Вашей стороны не будет активной поддержки моей творческой инициативы в работах, протекающих нередко с нарушением формы, но направленных на всемерное развитие родной советской науки, то прошу освободить меня от занимаемой должности в системе ГУГМС при СМ СССР».

Через месяц Дьяков поехал в Алма-Ату, в КазНИГМИ (Казахстанский научно-исследовательский гидрометеоинститут), где охотно выслушивали его идеи. 21 июня он выступил с докладом, вызвавшим большой интерес тамошних учёных.

А вернувшись в Темир, Анатолий Витальевич ознакомился с приказом об увольнении за прогулы. Статья КЗОТ означала ни больше ни меньше как «волчий билет». Основанием для приказа послужила докладная техника-наблюдателя Понарина, который «несколько дней не видел начальника на работе». Докладную, надо думать, его попросили написать новосибирские товарищи.

ЧЁРНЫЕ ДНИ И ЯСНЫЕ НОЧИ (1952–1958)

Лишившись работы и зарплаты (с двумя малыми детьми на руках), романтик науки перебивался случайными заработками. Верная своему кумиру Ариадна Ивановна, и без того высылавшая ему из Москвы по 20 рублей каждые две недели, узнав о катастрофе с увольнением, отправляла более крупные суммы и посылки с одеждой, конфетами для детей, не забыв и про «Юманите».

Нина Григорьевна зарабатывала шитьём. Анатолий Витальевич фотографировал жителей

посёлка – рубль за фото. Какие-то крохи он получал за уроки математики в школе. Случайно встречаясь с ним в школьных коридорах, молодая учительница географии Марья Павловна невольно стала его исповедницей. Она всегда преклонялась перед личностью Дьякова и считала его «одним из крупнейших умов современности». А он отлично помнил ученицу предвоенных лет Машу Букрееву (по мужу ставшую Жаворонковой), слушавшую его географические уроки с неподдельным интересом.

Она видела, что сейчас Анатолий Витальевич очень подавлен, растерян, сломлен. Он рассказывал ей, как покончил жизнь самоубийством один метеоролог, которому перестали платить зарплату, и признался, что близок к такому же исходу. Марья Павловна с большим сочувствием слушала его, утешала и призывала не отчаиваться, веря в конечную победу новаторских идей. Сочувствие было для него не лишним.

Да, события приняли мрачный характер. И всё-таки Дьяков продолжал зарисовки солнечных пятен и по-прежнему снабжал сводками потребителей синоптической продукции. Для наблюдений они с Ниной проделали в сенях дырку и выставляли в неё подзорную трубу (привезённую из Алма-Аты). Нина печатала прогнозы на машинке, лепила конверты и рассылала.

После захода солнца Анатолий Витальевич увлечённо наблюдал зодиакальный свет. Для таких наблюдений телескоп как раз непригоден. Прозрачайший воздух Горной Шории позволял видеть то, что невозможно рассмотреть в городе с его смогом и вечерними огнями. А зодиакальный свет интриговал Дьякова с юных лет.

Зодиакальный свет – это красивое сияние лоскутка неба в районе только что севшего или, наоборот, собирающегося взойти солнца. В зависимости от солнечной эклиптики свет ориентирован по зодиакальным созвездиям, откуда и его название. В те далёкие дни середины XX века он представлялся более загадочным, чем сейчас, когда окончательно выяснилась его природа, связанная с отражением солнечного света частицами пылевого космического облака.

Дьяков заметил, что яркость зодиакального света отчётливо связана как со вспышками на Солнце, так и с напряжением атмосферной циркуляции в центре Евразии, то есть над его головой. В качестве эталона яркости он выделил участок Млечного Пути между созвездиями Лебедя и Кассиопеи. Оказалось, что в эпохи интен-

сивной солнечной активности зодиакальный свет в два, а то и в три раза ярче Млечного Пути. Вывод напрашивался сам собой: яркость зодиакального света может служить тонким индикатором напряжения энергии атмосферной циркуляции – прежде всего в Арктике, а потом и в связанных с ней районах. Мозг исследователя неотступно трудился над вопросами: в чём же здесь дело? Какова связь колебаний яркости зодиакального света с колебаниями активности Солнца? И как всё это сказывается на тропосфере Земли?

В это бедственное время Дьяков много теоретизировал, возводил под метеорологию философский фундамент. Диалектика природы всегда была его коньком. В МГУ по данному предмету он получил отлично (хотя по многим другим дисциплинам оставался хорошистом). Сейчас он рассматривал погоду и её предвидение с точки зрения детерминизма и его противоположности – индетерминизма. Лаплас с его механистическим детерминизмом XVIII века, казалось бы, давно ушёл в прошлое. Все явления в мире он рассматривал как связанные шестерёнками вселенского механизма. Любой человеческий вздох имеет первичной причиной сотворение мира, от которого к нему привели мириады следствий. Но не так ли рассуждает и советский учёный Илья Афанасьевич Кибель, построивший метод краткосрочного предсказания погоды на уравнениях, механически выводящих синоптические процессы из значения барических полей? Дьяков предпочитал опираться на современную физику с её принципом неопределённости Гейзенберга. Он пришёл к мнению, что любой процесс природы – это комплекс достоверного и вероятного в их взаимопроникновении. Сейчас вряд ли эта мысль произведёт впечатление новизной, но в середине XX века не каждый учёный блистал вероятностным мировоззрением, о Гейзенберге, Боре, Эйнштейне слышали не все, а если и слышали, то воспринимали с недоверием.

Дьяков обдумывал основы новой науки, которую назвал «энергетической климатологией». Старое понятие климата как «совокупности средних величин и свойств метеорологических элементов» им отвергалось. Новое провозглашалось ещё в докладе от 17 октября 1950 года. Климат – сложный эффект солнечной энергии у поверхности планеты, проявляющийся в результате взаимодействия процессов: радиации и ат-

мосферной циркуляции с орографией и подстилающей поверхностью определённой территории, физически выраженный в оформлении в течение ряда лет системы взаимосвязанных закономерностей: воздушных и водных течений, тепла, влаги и освещённости в атмосфере и на подстилающей поверхности. Дилетанту трудно судить о содержательной ценности данного определения, однако громоздкость формулировки режет слух. Впрочем, слова всегда можно поправить, а произвести на свет новую мысль гораздо труднее.

Труды Б. П. Мультановского, по мнению Дьякова, дали плодотворные результаты, но в настоящее время устарели и носят печать формализма. Старая климатология бессильна экстраполировать процессы, связанные с трансформацией энергии у земной поверхности, на более или менее долгий срок, то есть давать долгосрочный прогноз. Вследствие этого существуют две оторванные друг от друга отрасли: погодоведение и климатология. Поэтому и надо создать энергетическую климатологию как естественное развитие и обобщение классических трудов Дове, Фиц-Роя, Воейкова, Лир... Для долгосрочных прогнозов погоды требуется ввести понятие «энергетический цикл» атмосферы...

Падающий снег пеленой обволакивал посёлок, обносил дома сугробами. Человек, далеко за полночь засидевшийся в избушке у столика, аккуратно выводил строчки рукописи, озаглавленной «О предвидении погоды на длительные сроки на энергоклиматической основе». По его предположению, она должна была произвести настоящий фурор в научном мире.

Через девять месяцев после увольнения произошло восстановление на работе. УГМС подчинилось указанию Новосибирского обкома партии, куда уволенный обратился с жалобой. Но это ещё ничего не значило. Начальник метеостанции по-прежнему гнул своё. От него требовали распространения официальных прогнозов, а он скандалил: «Я вашу чушь рассылать не буду!»

Накануне 1954 года Дьяков отправил рукопись «Предвидения» президенту Академии наук СССР А. Н. Несмеянову, одному из крупнейших химиков-органиков XX века.

Уже во вступительной части работы Дьяков бросил вызов Кибелю, критикуя его метод, который завёл, по Дьякову, метеорологическую науку в тупик. Сознал ли сибирский поклонник Бруно и Галилея, на какую статуя он замахнулся?

Илья Афанасьевич (Аронович) Кибель – учёный с мировым именем. Его монография «Введение в гидродинамические методы краткосрочных прогнозов погоды» считалась классикой. В 1940 году вышла монография «Приложение к метеорологии уравнений бароклиной жидкости», которая знаменовала собой приход нового, численного метода краткосрочного прогноза погоды, а её автор стал лауреатом Сталинской премии. Лёгкая маскировка в звучании отчества приходится на период борьбы хозяина премий с «космополитизмом».

И. А. Кибель заведовал отделом динамической метеорологии ЦИП. В академической карьере он дошёл до членкора. Шесть раз его кандидатура выставлялась на избрание в действительные члены АН, но так и не прошла, баллотируемая коллегами. Вероятно, чем-то их не устраивали его человеческие качества.

Когда президиум АН и УГМС отдали рукопись смелого автора на отзыв, Кибель оказался в числе пяти задействованных рецензентов. Впрочем, отзывы учёных на рукопись «Предвидения» заслуживают отдельной главы, поскольку этот труд А. В. Дьякова явился одной из центральных вех в его личной судьбе и судьбе его открытий.

Некоторое время он поработал в метеостанции, пока новосибирские управленцы не сократили должность начальника станции. Снова тяжкое состояние безработного. Метеостанцией управляли в это время какие-то случайные лица, не имевшие ни квалификации, ни старания. Всё чаще на входной двери башни Улудага висел амбарный замок, и даже в нескошенной вокруг траве, брошенной у канавы лопате чувствовалась мерзость запустения.

Однажды ночью страшно залаяли собаки. Чуть не весь посёлок выскочил из домов. На Улудаге полыхало зарево, посылая в небо тучу дыма. С громовыми раскатами трещали пожираемые пламенем доски.

Днём в горестном чувстве поднялись Дьяков с Ниной на гору, осмотрели пепелище. Их труд и смысл устремлений сгорел дотла вместе с фото-портретом Элеоноры Лир. Кто и зачем совершил поджог, осталось неизвестным. Лишь несколько десятилетий спустя кое-кто из порядком постаревших пацанов немножко развязали в посёлке языки и намекнули на прошлые проделки...

Но в конце 1957 года сердце Анатолия Витальевича вновь возликовало, как в юные годы. Ему удалось найти общий язык с директором

КМК Б. Н. Жеребиным, который решил поддержать метеоролога-новатора. В это время Дьяков работал по договору, снабжая КМК прогнозами.

Борис Николаевич Жеребин руководил КМК в 1953–1965 годы. Герой Соцтруда, лауреат Государственной премии за скоростной метод реконструкции доменных печей, человек-легенда. Он обратился с предложением в Министерство чёрной металлургии, и с 1 января 1958 года была учреждена научно-исследовательская гелиометеостанция Горной Шории.

В очерке Геннадия Падерина «Ловец ураганов» (1970) есть интересный эпизод. Дьяков отправлял прогнозы на КМК, а там его почта исправно копилась в шкафу заводоуправления, не читаясь.

«Так продолжалось до одного случая, который обошёлся комбинату в полмиллиона рублей. Зима в том году выдалась мягкая, и руду из Горной Шории возили, даже не пересыпая известью: известь бывает нужна, чтобы руда не смерзалась на платформах, так как грузят её мокрую (из-за грунтовых вод). И вот в середине этой мягкой зимы Дьяков вдруг обнаруживает признаки сильного и внезапного похолодания. В тот же день посылает в Новокузнецк тревожное предупреждение, а там... Там его постигает судьба всех предыдущих сводок.

Несколько составов руды смёрзлось в камень, взять её не могли ничем, пришлось взрывать прямо на платформах. А потом железная дорога предъявила иск за искорёженный подвижной состав. Пятьсот тысяч рублей.

Не-ет, теперь сводки отшельника из Темиртау больше не складывались непросмотренными, теперь к его работе начали относиться с вниманием, уважением и даже некоторым почтением, теперь он стал вхож к самому директору комбината, а директор, восхищаясь и гордясь удивительной прозорливостью Бога Погоды, рассказал о нём областным руководителям.

Отвечая в первый раз на запрос председателя Кемеровского облисполкома и предсказывая погоду по Кузбассу не на день, не на неделю и даже не на месяц вперёд – на сезон, Дьяков почти физически ощутил тяжесть, что легла на плечи».

В данном отрывке есть кое-какие неясности. Почему директор комбината, «восхищался и гордился удивительной прозорливостью Дьякова» вместо того чтобы горевать по поводу удивительного головотяпства, обошедшегося в пол-

миллиона? Так ли именно всё было, как описано? Подобные истории таят обычно немало нюансов. Похоже, что в своё время её рассказал с хорошим одесским смаком сам Дьяков, а писатель некритично скопировал в очерке. Теперь уже вряд ли удастся навести необходимые справки.

Однако удалось установить, что дело было в 1957 году, то есть ещё до возрождения метеостанции, когда Дьяков работал по договору с КМК. По словам Нины Григорьевны, директор КМК (значит, Б. Н. Жеребин) высоко оценил выступление в суде Анатолия Витальевича, с помощью убедительности и красноречия которого удалось сбить сумму иска. Как говорила Нина Григорьевна, благодаря впечатлению от суда директор и решил пойти навстречу Анатолию Витальевичу по открытию гелиометеообсерватории.

АНТИ-КИБЕЛЬ

В 1953 году А. Дьяков написал исследование, включённое затем в состав работы «О предвидении погоды на длительные сроки на энергоклиматической основе», а в 1955 году ещё больше разработал его и выделил в отдельную статью (никогда не публиковавшуюся). Называлось оно «К вопросу об искажениях физики атмосферы в работах И. А. Кибеля и его школы». Не в моих возможностях оценить глубину этого исследования (на семи страницах формата А4), насыщенного специфической терминологией наряду с математическими формулами, однако в самом его заголовке мне видится грандиозность коллизии, исключающей одно из двух: либо великий Кибель с его монографиями и госпремией неправ и близок к понятию «шарлатан», либо Дьяков... ну, конечно, не шарлатан, а, скажем так, человек, имеющий свойство впадать в ложные амбиции, и не совсем серьёзный теоретик. Если признать правоту Дьякова, то Кибель вместе с женой Е. Н. Блиновой совершил аферу на государственном уровне. Но ведь он не один, сам по себе. За ним специалисты, изучавшие его труды. Например, ученик Кибеля, посвятивший ему свою монографию, Гурий Марчук, ставший в 1980-е годы президентом АН СССР.

А у Дьякова только один союзник – профессор О. А. Дроздов, критиковавший Кибеля в журнале «Метеорология и гидрология».

А. Дьяков писал: «В серии работ, опубликованных в последние годы, И. А. Кибель и ряд представителей его школы (Е. Н. Блинова) по-

ставили своей задачей содействовать решению проблемы прогноза погоды как на короткие, так и на длительные сроки вычислительным путем, исходя из общих уравнений гидромеханики и термодинамики, а также теории излучения в ее классических формулировках...

С точки зрения диалектико-материалистической теории познания, такой путь, подобный путям детерминистов XVIII века, искавшим «мировые формулы», совершенно не соответствует истинной природе вещей, так как любой процесс природы имеет сложный характер, представляя собой диалектическое единство достоверного и вероятного. Тем более это справедливо для атмосферных процессов, в которых доля вероятного весьма велика.

Тем не менее И. А. Кибелю и Е. Н. Блиновой удалось продемонстрировать хорошее ПО ВИДИМОСТИ совпадение своих расчетов с действительностью, вызвать в известной части среды советских ученых на некоторый период времени убеждение, что эти расчеты являются свидетельством РЕАЛЬНЫХ УСПЕХОВ в науке.

Обладая несомненными крупными математическими способностями – умением составлять блестящие и эффектные комбинации из символов и уравнений, – И. А. Кибелю и Е. Н. Блиновой удалось таким способом «загипнотизировать» многих ученых, так сказать, усыпить бдительность последних, создать молчаливое, изумленное почтение к этим достижениям.

Между тем при ближайшем, внимательном анализе «достижения» оказываются ЧИСТЕЙШЕЙ ИЛЛЮЗИЕЙ, достигнутой рядом произвольных, искусственных допущений...»

Далее следует анализ барометрических формул с привлечением метеорологических понятий. И подведение итога: «Чем же объяснить то обстоятельство, что, несмотря на заведомо ложные допущения, И. А. Кибель и Е. Н. Блинова получили в своих расчетах ПОРАЗИТЕЛЬНО ВЕРНОЕ совпадение с фактическими данными распределения температуры в тропосфере? Этот, без сомнения, весьма курьезный факт объясняется двумя обстоятельствами.

1. Взаимной компенсацией влияния нескольких неверных допущений, действующих в РАЗНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ, на окончательный числовой результат...

2. Являясь прекрасными математиками, И. А. Кибель и Е. Н. Блинова сумели отлично распорядиться рядом параметров в решениях

уравнений, содержащих многочлены Лежандра, сбалансировав их так, что вычисленные данные распределения температуры и давления в атмосфере <...> замечательно точно совпали с фактическими...

В итоге задача <...> оказалась ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ТОНКИМ И ЭФФЕКТИВНЫМ МАТЕМАТИЧЕСКИМ КУНСТШТЮКОМ, как говорят немцы. Он произвел огромное впечатление на умы многих «неискушенных» ученых и их доверчивые сердца!

Иллюзия «успехов» И. А. Кибеля и Е. Н. Блиновой оказалась столь глубокой и впечатляющей, что вплоть до конца 1952 года НИКТО из советских ученых не взялся подвергнуть работы этой школы ДЕТАЛЬНОМУ... критическому анализу. Раздавались только отдельные робкие голоса, например, Н. Р. Малкина из ГГО им. А. И. Воейкова, писавшего, что успех И. А. Кибеля в расчетах распределения температуры в тропосфере обусловлен СЛУЧАЙНОСТЬЮ. В самом деле, факт столь близкого совпадения расчетов с действительностью в такой сложной проблеме должен был возбудить сильное подозрение.

Первые серьезные, хотя и весьма краткие, критические замечания, разоблачающие самые ОСНОВЫ «успехов» <...> опубликовал проф. О. А. Дроздов из ГГО <...> только в конце 1952 года».

Вывод А. Дьякова: «В результате деятельность И. А. Кибеля, пользующегося авторитетом видного математика, увлекла советскую метеорологию на длительный период времени (около двух десятилетий) по СОВЕРШЕННО ЛОЖНОМУ ПУТИ, далеко в сторону от истины, как показал неудачный опыт применения адвективно-динамического анализа атмосферы к предвидению погоды не только на длительные, но и на короткие сроки».

ДОЛГОЖДАННЫЕ ОТЗЫВЫ

Отзывы на «Предвидение» пришлось в буквальном смысле долго ждать, так как отправили их из Москвы в Темиртау только через восемь месяцев после получения рукописи.

Рецензия И. А. Кибеля дышит издёвкой и написана прямо-таки в фельетонном жанре.

Отзыв С. П. Хромова насчитывает 20 страниц. Смысл его недалеко ушёл от мнения Кибеля.

Совсем по-другому написаны заключения профессора Х. П. Погосяна и старшего научного работника ГГО Л. А. Вительса. Они объективны

по тону, доброжелательны, интеллигентны. С обоими учёными автор «Предвидения» был лично знаком. Лазарь Абрамович Вительс присутствовал на семинаре в ГГО в октябре 1950-го. Харен Петрович Погосян состоял в руководстве ГУ ГМС и помогал Дьякову как молодому исследователю.

С критикой в адрес Кибеля Харен Петрович не согласился, хотя и не привел никакой аргументации: «...Однако А. В. Дьяков делает не совсем правильные выводы, что вычислительные методы И. А. Кибеля и Е. Блиновой являются иллюзорными и основаны на заведомо ложных допущениях в исходных данных и подгонке параметров в рядах шаровых функций, использованных для расчетов».

Примечательно, что в своём отзыве Л. Вительс обходит молчанием факт беспрецедентной критики в сторону Кибеля. Возможно, ему просто не хотелось вникать в физико-математические дебри, располагая малыми знаниями в математике (позже Дьяков его самого начнёт за это критиковать).

«Закон конца полярной ночи», так полюбившийся Г. Юрову за поэтичность названия, по мнению Л. Вительса, не совсем ясен. Одно время впоследствии А. Дьяков настаивал на его строгой доказанности, затем закон куда-то канул и автором нигде не упоминался. То ли в нём нашлись дефекты, то ли Анатолий Витальевич его «засекретил», как и методику прогнозов...

Заключения Погосяна и Вительса характерны также тем, что они оценивают работу Дьякова как нечто рядовое, совершенно не замечая её действительной новизны, пусть даже «революционность» в их глазах была лишь претензией.

Доктор физико-математических наук М. С. Эйгенсон отозвался о «Предвидении» самым энергичным и – главное – положительным образом, подчёркивая новаторство:

«Работу А. В. Дьякова считаю, по предварительному с нею ознакомлению, исключительно интересной и важной. Тов. Дьяков, по-видимому, действительно прокладывает совершенно новые пути в службе долгосрочных прогнозов, используя, как он справедливо пишет, забытые и не понятые гениальные идеи А. И. Воейкова, Э. С. Лир, а также и некоторые достижения гелиогеофизиков...»

Морис Эйгенсон – исключительно интересный человек, с которым у Дьякова позже завязалась переписка.

Для Бога Погоды не существовало авторитетов в том смысле, чтобы робеть перед титулами. Только служение истине имело для него ценность. Получив пять отзывов на «Предвидение», он обстоятельно изучил их и отправил президенту АН СССР А. Н. Несмеянову письмо с мнением по каждому из них и просьбой, чтобы они дошли до адресатов.

Вердикт И. А. Кибеля он прокомментировал так: «Отзыв представляет собой образец неэффективной и весьма предвзятой реакции со стороны одного из тех ученых, которые не желают даже слышать о положениях, не укладывающихся в созданные ими формалистические схемы и противоречащие последним. Поэтому автор, явно не читавший внимательно мою рукопись, не остановился перед недобросовестным, недостойным советского человека приемом – ГРУБО ФАЛЬСИФИЦИРОВАТЬ основную идею работы...» Дьяков напоминает сущность своей работы, на которую и не подумал обратить внимание Кибель, и констатирует «развязную безответственность», «дешевизну» и «клеветнический характер» его приёмов.

Очень больно он отхлестал и Хромова, назвав свою схватку с ним «смертельным поединком» и стараясь «остаться на совершенно объективных позициях, чему не должен помешать тот град оскорблений, присущих плохо воспитанным людям, которым окатил меня этот уже почтенный ученый, имеющий за плечами полувековую возраст и свыше 20 лет стажа преподавания синоптической метеорологии в разных вузах нашей страны».

Полемика с Хромовым занимает несколько страниц с подробнейшими аргументами. Если коротко, то суть такова: С. Хромов не дал науке ни одной оригинальной идеи, он всегда был компилятором чужих мыслей, это аналог пушкинского Сальери.

О законе конца полярной ночи: «Несмотря на поток совершенно неприличной брани и огульного охаивания... всей моей работы и меня лично, С. П. Хромов назвал как бы нечаянно закон полярной ночи «интересным по существу». Ценное признание! Ведь этот закон является по сути основным выводом из всей разработанной мною методики...»

С Погосяном в теоретической части Дьяков согласился далеко не во всём, однако выразил удовлетворение: «Данный отзыв не только не имеет злопыхательского характера, но в итоге

дает положительную оценку всей моей работе». И снова о методике, в связи с «непонятной причиной, заставившей автора избежать» её изложения: «Я не считаю возможным пойти на это раньше, чем прекратятся злобные и необъективные выпады по моему адресу...»

Одобрив в целом отзыв Вительса, Дьяков всё же отметил ряд содержащихся в нём утверждений, «свидетельствующих, что рецензент НЕ ПОНЯЛ некоторых наиболее важных выводов» его труда. Вооружившись формулами, он вновь разъяснил климатологическую функцию, выведенную им из варьирования интеграла энергии атмосферной циркуляции...

Вполне устроила автора «Предвидения» восторженная оценка этого труда Эйгенсоном.

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

30 января 1954 года в Темиртау пришло письмо из Львова. Верх листа был оформлен машинописным способом наподобие фирменного бланка.

ДИРЕКТОР
ЛЬВОВСКОЙ АСТРОНОМИЧЕСКОЙ
ОБСЕРВАТОРИИ
профессор Львовского государственного
университета им. Ивана Франко
доктор физико-математических наук
М. С. ЭЙГЕНСОН

Дьяков давно знал об Эйгенсоне. Крупный советский учёный-астрофизик, некоторые солнечные разработки которого вошли в дьяковские построения.

Морис Семёнович Эйгенсон в 1938–1953 годах заведовал отделом службы Солнца Пулковской обсерватории, состоя одновременно в должности профессора ЛГУ; в 1937–1951 годах был председателем Солнечной комиссии Астрономического совета АН СССР, руководил работой советской сети Солнца. Уцелев от репрессий в 30-х годах, в 50-х всё же пострадал за убеждения и вынужден был от интриг и нападок уехать во Львов, где преподавал в университете и затем руководил университетской обсерваторией. Его научные труды относятся к внегалактической астрономии, космологии, физике Солнца, гелиогеофизике – именно он явился автором последнего названия, обозначив новую научную дисциплину.

М. С. Эйгенсон обнаружил наличие между галактиками так называемой тёмной материи. Он написал первую в нашей стране монографию

по межгалактической теме «Большая Вселенная» (1936).

В прогнозах погоды, к тому же на основе солнечной активности, Эйгенсон знал толк. В начальном периоде Отечественной войны он руководил Симеизским отделением Пулковской обсерватории. Считая прогнозы ЦИПа непригодными, командование Черноморского флота обратилось к нему с просьбой о штормовых предупреждениях. Трудно сказать, насколько удачны были его предсказания, но некоторое время Морис Семёнович прогнозировал антициклональные черноморские штормы, основываясь на предвидении дат арктических вторжений воздуха на север Европейской части СССР после кульминации солнечных пятен.

Его письмо вселяло самые радужные надежды. «Глубокоуважаемый коллега, Президиум АН СССР прислал мне на отзыв Вашу работу. Сегодня направляю им свое предварительное заключение, копию которого при сем прилагаю.

Мне было очень приятно узнать о Вашем существовании и о Ваших выдающихся теоретических и практических результатах. Хотелось бы, чтобы Вы еще полнее и значительно глубже узнали и до конца использовали для долгосрочной прогностики новейшие достижения советской гелиогеофизики. Они собраны в моей последней монографии, которая, возможно, выйдет в свет еще в текущем году. Будет ли напечатана Ваша работа, и если да, то где?

Считаю, что с ней совершенно необходимо (хотя бы еще в рукописи) познакомить: Л. А. Вительса, Г. Я. Вангенгейма, А. А. Гирса, С. П. Хромова, Л. Р. Ракипову и ряд других, действительно авторитетных и передовых людей, которые Вас, безусловно, поддержат, и если надо, то и дружески покритикуют».

Как это ни удивительно, среди потенциальных сторонников Дьякова здесь фигурирует Хромов, ставший самым ядовитым его противником и вообще никогда не питавший симпатий к теме солнечных ритмов.

Отзыв Эйгенсона, высланный без формальностей задолго до официального отправления через Академию наук, наполнил сердце Бога Погоды небывалым восторгом. Через неделю во Львов уходит ответное послание на восьми страницах. Шапка его тоже выглядела довольно торжественно: «Астрогеофизик А. В. Дьяков (Дэллин). Гидрометеорологическая станция Темир-Тау Новосибирского управления Гидроме-

теослужбы при Министерстве сельского хозяйства Союза ССР. П/о Темир-Тау Кузедеевского района Кемеровской области».

Называть себя астрогеофизиком было, пожалуй, слишком громко, не имея этого официального статуса. Но не мог же Дьяков представляться как «техник-наблюдатель метеостанции...» И потом, по существу, ведь он действительно владел астрофизической квалификацией...

Завязалась переписка. Эйгенсон ответил теперь уже не машинописью, а по-свойски, крупными каракулями. Они общались, как две души, неожиданно наткнувшиеся друг на друга после блуждания во тьме. Особенно изголодался по интеллектуальному собеседнику темирский отшельник.

Между ними выявилось много общего. Оба когда-то состояли в РОЛМе. Эйгенсон знал и многих бывших «мироведов», и тех однокашников Дьякова по МГУ, которые обрели известность в научном мире. Оба занимались Солнцем и долгосрочными прогнозами погоды. И тот и другой испытывали действие опалы и при этом продолжали бороться за свои идеи. И оба сошлись в возвышенных чувствах, влекущих к долгу служения советской Родине. «Дорогой Анатолий Витальевич! – писал профессор. – Большое спасибо за Ваше теплое, дружеское письмо. У нас с Вами действительно много общего – и в историях жизней, и в интересах в науке, и в стиле служения – через науку – любимой Родине».

«Около года назад я написал большую новую книгу «Очерки физико-географических проявлений солнечной активности»... – сообщил Эйгенсон. – В ней есть очень лестные для ее автора большие рецензии Ю. Визе, С. П. Хромова (вот почему Хромов попал в список солнечных доброжелателей, хотя в 1973 году в № 9 журнала «Метеорология и гидрология» вышла его статья, полная скепсиса в отношении гелиоритмов. – Е. Ч.), С. В. Калесника, К. И. Маркова, А. В. Шнитникова, С. Ю. Геллера, Л. А. Вительса и многих других. Но пока она еще не в печати, т. к. какой-то икс-рецензент ее немного охаял – это один из тех, вероятно, кому Солнце как черту ладан. За гелиогео страдали ведь не только Вы: в Ташкенте, как Вы, верно, знаете, периодически закрывали в Геофизической обсерватории эту тему, из ГГО недавно «ушли» Б. С. Гуревич, а из Пулково, после 17 лет борьбы за нее, и... меня... Однако, хоть и «побитый» за правое дело,

я, конечно, не из тех, кто сложил оружие. Так как это нужно Родине, то я «буду стоять насмерть».

Одно маленькое недоразумение при обмене взглядами ничуть не помешало дружескому общению. Эйгенсон удивился мнению далёкого собеседника, что Солнце сейчас находится в минимуме активности, так как сам он установил максимум его корпускулярного излучения. Дьяков почувствовал себя в тупике. К счастью, противоречие разрешилось.

«О Вашем сенсационном известии... Откровенно говоря, оно было повергло меня в состояние крайнего недоумения, в котором я пребывал вплоть до 12 июля 1954 года, и только теперь это обстоятельство стало для меня вполне ясным.

Дело в том, что Ваш вывод полностью противоречит всему фактическому материалу исследований корпускулярного излучения Солнца, который получен множеством **ОЧЕНЬ ВИДНЫХ УЧЕНЫХ** как у нас, так и за рубежом в течение многих лет. Рэллей, Дюфэ, Кабанн, Спенсер-Джонс, Мак-Леннан, а из наших А. Лебедев, И. Хвостиков, С. И. Вавилов, Н. М. Штауде и многие другие, в том числе Ваши пулковские коллеги: А. И. Оль и М. Н. Гневышев... В чем же дело? Вы мне задали прямо-таки неразрешимую загадку. И все-таки Вы оказались **ПРАВЫ**. Выявленный Вами факт повышенного содержания в атмосфере в 1954 году корпускулярной энергии имеет место в действительности, но Солнце, как и должно быть... здесь ни при чем.

В один день с Вашим письмом от 12 июля я получил экземпляр «Правды» от 8 июля... В этом номере опубликовано письмо Японского метеорологического общества нашей Гидрометеослужбе. В нем японские ученые обращают внимание на то, что непрерывные экспериментальные взрывы водородных бомб, которые американцы производят систематически с декабря 1953 года на Маршалльских островах, заражают атмосферу **РАДИОАКТИВНЫМ ПЕПЛОМ**... Если прибавить сюда опытный взрыв и нашей водородной бомбы в конце июля 1953 года, о котором сообщалось в советской печати, то окажется, что заражение стратосферы корпускулярной энергией поддерживается искусственно вот уже в течение целого года. Вот этот факт Вы и обнаружили, вероятно, спектральным и фотометрическими способами. Теперь дело ясное. Все это делает Вам большую честь как прозорливому исследователю, **ПЕРВЫМ** обнаружившему

такое важное явление, как искусственное воздействие человека на ионосферу Земного шара», – великодушно заключил Анатолий Витальевич. Хотя какое же это «открытие» Эйгенсона, если он перепутал корпускулярное излучение от ядерных взрывов с солнечной активностью?

Они оба мечтали встретиться. «Нам надо ОБЯЗАТЕЛЬНО ВСТРЕТИТЬСЯ друг с другом, – писал Дьяков. – У меня накопилось очень много актуального материала, который я должен довести до сведения ученого мира и Вашего в первую очередь».

Встреча не состоялась. Аннигиляция отношений Дьякова и Эйгенсона произошла, видимо, в начале 1956 года. Началось с того, что в октябре 1954 года Эйгенсон выслал в Темир брошюру под названием «Циркуляр астрономической обсерватории Львовского государственного университета». Она содержала шесть статей, объединённых темой воздействия солнечной активности на атмосферу и земную кору (в одном из писем Дьякову Морис Семёнович писал, что считает воздействие Солнца на геотектонику своим наиболее важным открытием). В апреле 1956 года Дьяков безуспешно (как всегда) пытался опубликовать в журнале «Метеорология и гидрология» резко критическую статью, в которой анализировал положения Эйгенсона, а также... его неожиданного соавтора (в одной из статей) – Хромова. Позитивных мыслей Анатолий Витальевич высказал, возможно, гораздо больше, чем критических, причём проявил недюжинные познания в геологии. Однако его полемические выпады так больно резали по живому, что вряд ли стимулировали редакцию журнала к публикации. Досталось и Эйгенсону, и особенно Хромову. «Не изучив глубоко взаимозависимостей в геофизических явлениях, М. С. Эйгенсон делает «смелый» вывод, что якобы перемещения только водных и воздушных масс на Земле... вызывают столь крупные перемещения главных осей инерций Земного шара...»

ДРУЖЕСКАЯ АЛМА-АТА

В течение целого десятилетия (1951–1961) Дьякова связывали с Алма-Атой самые тёплые отношения. В столице Казахстана существовало два центра, из которых он получал поддержку: сектор астроботаники Астрофизического института, где работал академик Тихов, и КазНИГМИ.

Добрейший и милейший Гаврила Андрианович Тихов давно заслужил научное признание –

член-корреспондент АН СССР, почётный член многих научных обществ (и бывший «мировед») и в то же время чудной старичок, один из динозавров старорежимного времени, который между наблюдениями звёздного неба истово выстаивал церковные службы.

Сорок лет он занимался изучением физической природы Марса, искал доказательства существования на нём растительности, изучая отражательные свойства земных растений. Со времен Фламариона и Уэллса Марс во всей силе тайны притягивал писателей-фантастов, поэтов и учёных. С началом космической эры иллюзии о развитых формах жизни на ближайших к нам планетах развеялись.

Дьякову Гаврила Андрианович любовно помогал, даря ему оптические средства, а в тяжкие годы вынужденной безработности несколько раз давал денежные суммы в общей сложности до трёх тысяч (дореформенных) рублей.

В 1951 году Дьяков яростно боролся с новосибирскими управленцами Гидрометеослужбы, зато встретил душевное расположение в секторе астроботаники АН КазССР. 18 сентября научное собрание сектора слушало его доклад «Динамика атмосферы Центральной Азии в связи с разрешением проблемы Солнце – Земля». Кроме Тихова, присутствовали кандидаты физико-математических наук А. И. Кучеров, Н. М. Штауде, В. С. Тихомиров, младшие научные сотрудники В. С. Соколова, К. И. Козлова.

Тихов слушал с удовольствием. В своём выступлении он подчеркнул, что проведённые докладчиком исследования представляют для науки большую ценность, дают новое и понятное объяснение явлений в атмосфере. Метод, применяемый Дьяковым, имеет ясное физическое обоснование и поэтому вполне понятно его значение для долгосрочного предвидения погоды. Из доклада видна тесная связь атмосферных явлений с деятельностью Солнца, полная зависимость от неё физических свойств верхних слоев атмосферы – яркости зодиакального света и противосияния, яркости сумеречного света, быстроты движения следов метеоров. Отсюда ясно, что исследования А. В. Дьякова надо связать с наблюдениями Солнца и всеми указанными явлениями в высоких слоях атмосферы.

Письмом президенту АН СССР А. Н. Несмеянову (от 4 октября 1951 года) Г. А. Тихов пытался помочь Дьякову в достижении его мечты по открытию обсерватории.

«...Гидрометеослужба в лице Новосибирского управления также мало помогла бы плодотворно развить работы А. В. Дьякова ввиду полного отсутствия там кадров научных работников и особенно материально-технических возможностей.

Между тем мои сотрудники и я считаем крайне желательным учреждение на территории Сибири астрогеофизической обсерватории, призванной разрабатывать ряд важных вопросов в области изучения связей космических явлений с атмосферной циркуляцией».

Среди многих учёных КазНИГМИ можно особо выделить уже немолодую тогда Т. А. Дулетову, которая работала начальником отдела синоптических исследований. Дьякову было о чём поговорить с ней. Одна из первых женщин-метеорологов, ровесница Лир, также ученица Б. П. Мультановского, она хорошо знала Элеонору Севериновну.

Татьяна Александровна работала в ГГО. В 1932 году занималась на синоптических курсах Т. Бергерона. В 1940 году вышла ее книга «Основы долгосрочных прогнозов погоды». Она считалась врагом шаблонов и любой синоптический процесс толковала оригинально, без тени формализма. Ей удавалось сочетать работу как в области долгосрочной, так и краткосрочной синоптики. Старейший ленинградский синоптик П. Н. Адамов отмечал это в мемуарах как «исключительно интересную особенность», то есть редкое встречающуюся среди коллег.

Сохранились протоколы семинаров в КазНИГМИ. Они передают дух обсуждения, «кухню» научной мысли. На том самом семинаре 21 июня 1952 года, после которого докладчика неожиданно уволили с работы, учёные задавали ему вопросы, любопытные и для нас. Быть может, когда-нибудь материалы семинаров будут опубликованы полностью, а пока ограничимся выдержками с большими сокращениями.

«Е. Я. Штафинская: Вы считаете, что по наблюдениям в одной точке можно давать прогнозы?

А. В. Дьяков: Да, по наблюдениям в одной точке можно давать прогноз погоды по обширному району, диаметром, по крайней мере, в 300–500 километров, однако при условии, что через эту точку проносятся воздушные массы с различными физическими свойствами, приходящие издалека...

Р. С. Голубов: Как Вы считаете, интенсивность циркуляции усиливается в данном месте или на всем земном шаре?

А. В. Дьяков: Этот вопрос находится еще в стадии разработки. Некоторые авторы считают, что активность Солнца может воздействовать только на зональную циркуляцию атмосферы. ...

В. П. Пастух: Объясните, каков механизм влияния солнечной активности на атмосферные процессы?

А. В. Дьяков: По поводу механизма влияния солнечной активности на циркуляцию атмосферы можно с большой вероятностью выдвинуть две рабочие гипотезы – электромагнитную... и гипотезу светового давления...

А. Т. Бергун: Каков процент оправдываемости в Ваших прогнозах?

А. В. Дьяков: Средний процент оправдываемости прогнозов метеобюро Горной Шории за 8 лет – 82 процента...

Н. В. Щукина: Какова заблаговременность прогнозов в Вашей методике?

А. В. Дьяков: ...Не ранее, чем за 5 суток, – длины полупериода среднего энергетического цикла атмосферы, то есть срока, в течение которого успевает распространиться воздействие на тропосферу активного очага на Солнце и удерживается определенный тип атмосферной циркуляции...»

29

Через пять лет (17 сентября 1957 года) Дьяков представил КазНИГМИ доклад «Опыт долгосрочного предвидения погоды на территории Евразии с учётом воздействия активности Солнца на атмосферу Земли». Сотрудник отдела синоптических исследований Е. Д. Шехтман спросил: «Какова ваша методика прогнозов погоды, где она изложена и почему вы здесь её не коснулись?»

Дьяков ответил: «Эти вопросы не относятся к теме доклада. Я изложил только результаты опыта применения моей теории на территории Евразии. О методике составления моих прогнозов следовало бы говорить подробно на специальном докладе. Она изложена в рукописи под названием «О предвидении погоды на длительные сроки на энергоклиматической основе».

Как мы помним, в этой рукописи методика не изложена, так как по этому поводу недоумевали Погосян и Вительс. Видимо, Анатолий Витальевич не был заинтересован в раскрытии секрета. Рассуждая далее по оси вопроса Шехтмана, он, по сути дела, вспоминает тот самый «закон конца полярной ночи», хотя избегает этого поэтического названия: «Очень важные... результаты даёт применение вариационного принципа Га-

милльтона, согласно которому любая механическая система претерпевает резкие изменения в своих состояниях тогда, когда полная энергия её достигает значения экстремумов... Об этом я докладывал в ЦИПе 21 декабря 1951 года. Но тогда эту идею не встретили сочувственно... Однако советский метеоролог Погосян опубликовал эту идею без ссылки на меня в своей работе «Планетарные фронтальные зоны Земли» (ГИМИЗ, 1955)».

Иными словами, уже в те годы Бог Погоды испытывал вполне определённый страх кражи идей, причём вполне обоснованный.

На том же сентябрьском семинаре Т. А. Дулетова спросила: «Скажите, как представить себе превращение невесомой энергии активности Солнца в явную, весомую энергию воздушных масс, перекачивающую громадные массы воздуха из одних широт в другие, ведь масса атмосферы велика? Каков коэффициент перехода весовой энергии в невесомую?»

А. В. Дьяков: «Об этом подробно говорит теория электродинамической индукции, разработанная учением Ампера, Фарадея, Максвелла. Согласно этой теории, при взаимодействии электрического тока с магнитным полем возникают так называемые пондермоторные силы...»

Для ответа на второй вопрос Т. А. Дулетовой докладчик привлёк формулу Эйнштейна о связи массы и энергии – энергия равна массе, умноженной на квадрат скорости света...

Научный сотрудник сектора астроботаники А. П. Кутырева: «Почему Вы не предсказали катастрофических явлений в Китае и на Дальнем Востоке в 1956 году, а ограничились Европой и Западной Сибирью?»

А. В. Дьяков: «По причине полного отсутствия связи с теми районами. Ежедневный гидрометеобюллетень ЦИПа, который я получаю, охватывает районы СССР и Западной Европы, а что делается в Китае, каковы там температуры воздуха, их изменения, ветры и прочее, – я сведений не имел и не имею. Однако у меня имеется возможность предвидеть катастрофы в атмосфере и там, если бы я получал оттуда метеорологические данные...»

Этот семинар проходил при довольно бурном обсуждении, с эмоциональными дискуссионными вспышками. Ш. А. Безверхний и Е. Д. Шехтман предложили записать в протоколе: «Просить докладчика изложить свою методику предвидения погоды и просить директора КазНИГМИ А. Т. Бер-

гуна предоставить 1 или 2 печатных листа для напечатания труда А. В. Дьякова».

Председательствующий на семинаре Р. С. Голубов сделал такое заключение: «Заслушав доклад тов. А. В. Дьякова и не поняв сущности его методики предвидения погоды, предложить ему изложить эту методику письменно и представить комиссии, которая должна будет решить вопрос о целесообразности напечатания труда А. В. Дьякова».

Прошло ещё несколько лет, целая маленькая жизнь. 11 марта 1961 года Дьяков телеграфировал в КазНИГМИ о предстоящей летней засухе в Казахстане. А в сентябре он приехал в Алма-Ату с докладом «Общая картина воздействий энергии активности Солнца на тропосферную циркуляцию Земного шара».

Сначала доклад заслушали на общем собрании Алма-атинского отделения ВАГО 18 сентября. Присутствовали 21 человек, в том числе шестеро из КазНИГМИ. Дьяков рассказал, что на основе своей теории он дал в 1956–1960 годы 30 подтвердившихся прогнозов атмосферных катастроф, случившихся в Атлантике, Индии, на Дальнем Востоке. Предупреждения отправлялись в ВМО (Всемирную метеороорганизацию), Женеву и Париж.

Докладчика засыпали вопросами по сущности его теории и методики. Долгожданных ответов распалённые любопытством слушатели так и не получили. Постановили: «Рекомендовать т. Дьякову А. В. <...> сделать более обстоятельный доклад о его теории на семинаре в гидрометинституте в присутствии большего числа квалифицированных специалистов-метеорологов, осветив детально основы методики долгосрочного предвидения макропроцессов циркуляции тропосферы с учетом воздействий активности Солнца».

Через три дня возбуждённая аудитория специалистов вновь внимала докладчику. Никаких объяснений по методике они и близко не слышали. Раздались голоса: а имеет ли вообще докладчик какую-либо теорию и методику? На этот год он предсказывал нам засуху. А была ли она? Слушатели стали приводить факты, противоречащие присланному в институт прогнозу. Дьяков утверждал, что мнения его оппонентов голословны. Страсти накалялись, можно было констатировать скандал.

Дьяков удалялся из КазНИГМИ с тяжелым чувством, которое не проходило несколько ме-

сяцев. Когда 21 ноября 1961 года в Целинограде состоялось зональное совещание с участием Н. С. Хрущёва, на котором официально озвучили данные по имевшей место засухе, Анатолий Витальевич успокоился – истина восторжествовала. А значит, была и методика прогнозов, которую... он так и не раскрыл.

НАШ ВОЗДУШНЫЙ ОКЕАН

«...А Дьяков тем временем встал из-за стола, рассуждая о том, как разумно устроена природа:

– Всякие неуправляемые системы стремятся к хаосу. Мир состоял из хаоса, а теперь нет. Значит, что-то есть... Что-то управляет всем этим. Ньютон считал богом всемирное тяготение. Думаю, это не так, но есть всеобщая организующая сила! Безусловно!

Он поднял палец и так долго стоял, выразительно глядя на него...»

Это замечательное высказывание Бога Погоды, донесённое до нас Юрием Ростом, говорит о многом. О том, что смутные подозрения тревожили душу материалиста.

Не все мы задумываемся, но каждый видит, с какой бесконечной заботливостью устроена взлелеявшая нас природа. Тупому механическому кружению объектов такого не может быть дано. Никакая слепая игра случайностей не могла стать целесообразной сама по себе. Наш мир каким-то слишком уж мощным компьютером рассчитан, постепенно организуясь из грандиозности космического пространства в маленькую колыбель жизни по имени Земля.

Все здесь у нас как бы предусмотрено – от полезных ископаемых до шелеста трав, от Марианской впадины до утреннего кофе, от муравейника до человечества. Солнце нежно нас греет. Океаны, реки и ледники образуют водный базис. Атмосфера даёт кислород, углекислый газ – для растений, дождь, питающий почву, которая нас кормит. Почва отдаёт влагу назад. И так до бесконечности – всё кругообращается и гармонично взаимопроникает друг в друга с удивительным богатством полезных связей.

Под ласковым солнцем, дыша свежестью лёгкого ветерка, мы можем пройти по берегу прекрасного моря, наслаждаясь идиллией единства противоположностей. Если бы только единство. Нет, в программе природы заложены и борьба, катаклизмы и трагедии. В самой космической истории Земли катастрофы занимали видное место.

Глобальные потрясения – вулканические ли, сейсмические, метеоритные – приводили порой к уничтожению чуть ли не всего живого на Земле, однако состав атмосферы принципиально не менялся.

Атмосфера определяет климат и погоду, она имеет устойчивые характеристики, подчиняется типам сезонной циркуляции. Общей циркуляцией атмосферы называют замкнутые течения воздушных масс в масштабах полушария или всего земного шара.

Земной экватор сравнивают с горячим паровым котлом, а белые полярные шапки – с холодильниками. Солнце – в роли топки. Нагретый воздух экватора поднимается и течёт к «холодильникам», остывает, опускается и возвращается понизу к экватору. Огромное воздушное колесо вращается над планетой. Это первое кольцо планетарной циркуляции.

Вращение Земли отклоняет движущиеся массы воздуха вправо (в Северном полушарии) и влево (в Южном). Сила вращения называется силой Кориолиса. Поэтому воздух течёт не на север, а на северо-восток.

Накопление воздуха в районе 30-го градуса широты в обоих полушариях приводит к образованию пояса поверхностного давления. От него воздух растекается в обе стороны, отклоняясь силами Кориолиса. Часть воздушных масс, охлаждаясь, поворачивает назад, к экватору, движется в северо-восточном направлении (пассаты), замыкая второе, пассатное кольцо.

Другие массы идут на север, сила Кориолиса отклоняет их вправо. Здесь образуется система юго-западных и западных ветров умеренных широт. У Северного полюса воздух опускается вниз (охлаждаясь) и растекается к югу (у Южного полюса наоборот). При встрече с воздухом умеренных широт происходит подъём этих воздушных масс. Замывается третье кольцо.

Описанная здесь модель циркуляции атмосферы давно устарела в частностях и вовсе не претендует на роль учебного пособия. Хотелось лишь намекнуть на сложность той жизни, которой живёт наш воздушный океан. Современная метеорология собрала огромный материал по всевозможным параметрам атмосферы. Но главная проблема в том, что ветры очень капризны, часто меняют свои направления назло учёным, прогнозистам и нам, потребителям прогнозов.

ОТ ГАЛИЛЕЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Галилей, изготовив свой телескоп с 32-кратным увеличением, открыл пятна на Солнце (1610). Его вооружённый трубой глаз увидел тёмные образования, которые оказались не облаками и не посторонними небесными телами, которые проплывают на фоне солнечного диска, как думали раньше, а принадлежностью самого Солнца, поскольку определённо двигаются вместе с ним, исчезая и через какое-то время вновь появляясь на прежнем месте, что доказывало факт вращения светила. Открытие пятен имело мировоззренческое значение, меняя представление об основах бытия.

С тех пор наука стала накапливать знания об этом явлении. По современным представлениям, солнечный цикл означает процесс намагничивания и последующего освобождения магнитного поля. В наше время процессами солнечной активности занимаются сотни исследовательских групп. Но многое неясно до сих пор. Что заставляет Солнце ритмически пульсировать?

Солнце – молодая переменная звезда. Оно состоит из трёх зон: ядра, промежуточной и конвективной (то есть области перемешивания, «кипения»). Пятна представляют собой конвективные извержения плазмы с повышенным напряжением магнитного поля.

Что касается А. В. Дьякова, то он, конечно, интересовался всеми данными о Солнце, но для него прежде всего имели значение площадь пятен и некоторые другие визуальные характеристики, их расположение по отношению к солнечному экватору («бабочка Маундера»), их причудливые формы, степень спокойности развития или бурности вспышек.

В своё время ряд влиятельных учёных, с которыми идейно враждовал Дьяков, категорически отрицали саму возможность воздействия пятен на атмосферу, так как выделяемая при вспышках энергия ничтожно мала по сравнению с «солнечной постоянной», составляя от неё не более 0,1 процента. Чтобы как-то «раскачать» массу нашего воздушного океана, необходимо, согласно простым расчётам, гораздо больше.

Однако в наши дни группа учёных под руководством Джеральда Меля (США) фактически подтвердила гипотезу Дьякова о солнечном ветре и его воздействии на атмосферные процессы (это высказывание вовсе не означает, что американцы работали специально для развития дьяковских идей; слышали ли они вообще о Дьякове?).

Коллектив Дж. Меля собрал данные наблюдений за последние сто лет и установил ясную взаимосвязь между солнечной активностью, поведением стратосферы и погодой в тропических широтах Тихого океана, определяющей погодные явления в других местах планеты. Небольшой рост величины солнечной энергии приводит к тому, что озон поглощает этой энергии больше, что дополнительно разогревает верхние слои атмосферы, стимулируя синтез новых молекул озона, которые поглощают ещё больше излучения. Особенно интенсивно процесс идёт в тропиках, куда лучи падают под более прямым углом. Стратосфера разогревается неравномерно, что ведёт к усилению и изменению направлений воздушных потоков. Сравнительно слабое увеличение излучения подогревает океанские воды и приводит к росту испарения воды, насыщая атмосферу влагой и охлаждая сам океан.

В годы максимумов солнечной активности чрезвычайно усиливается общая циркуляция атмосферы, чаще происходит столкновение тёплых и холодных масс. Иногда тёплый воздух проникает в виде «тёплого языка» до Гренландии и даже ещё дальше, к полюсу.

32

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ БОГ

В письме на имя замначальника ГУ ГМС проф. Ф. Ф. Давитая от 4 апреля 1958 года Дьяков писал: «Прошу Вас дать мне возможность:

1. Опытного внедрения моих разработок в области долгосрочных прогнозов погоды на территории Казахской ССР.
2. Предоставить возможность печатного опубликования разработанных мною положений <...> в журнале «Метеорология и гидрология» в порядке обсуждения».

Через пять месяцев пришёл ответ за подписью замначальника отдела научно-исследовательских учреждений ГУ ГМС Л. Попова: «1. Поднятые Вами вопросы касаются актуальной проблемы современной синоптической метеорологии – вопроса о причинах изменения атмосферной циркуляции. Однако основной Ваш тезис об электродинамической природе атмосферных возмущений необходимо подтвердить хотя бы самыми простейшими расчётами.

2. Вопрос об опубликовании Ваших работ в журнале «Метеорология и гидрология» может быть рассмотрен после представления статей в редакцию журнала.

3. Вопрос о внедрении составляемых Вами прогнозов может быть решен после организации систематической проверки их на оперативном материале».

Замыкался заколдованный круг. Сам Дьяков не предоставлял конкретной методики и расчетов. «Проверка на оперативном материале» представляла собой сложную и неопределённую задачу (как показал в 1972 году опыт работы комиссии). Журнал систематически отказывал в публикации присылаемых рукописей, ссылаясь на недоработки, действительные или мнимые.

В устных докладах (в КазНИГМИ) Дьяков настаивал на «срочной реформе метеорологии» – «развитие сельского хозяйства, интересы мореплавания, промышленности во всех странах мира требуют обеспеченного прогноза погоды».

Свои телеграммы-прогнозы вместе с пачками почтовых квитанций он аккуратно подклеивал в общие тетради, списки сбывшихся предупреждений заверял печатью и подписями в поселковом совете. Выйдя в прогнозах за пределы СССР, слал телеграммы в Жювизи, Париж, Женеву. Сильные ливни, грозы, наводнения, бури, штормы, жара и засухи – десятки погодных аномалий за 1958–1961 годы.

В августе 1958 года Дьяков ездил в Москву на X Всемирный съезд астрономов и выступил с сообщением о проблеме долгосрочных прогнозов погоды в связи с солнечной активностью. Огромным впечатлением стала для него встреча с Габриэль Фламмарион. Дьяков описал это событие, историческое для него, в своей автобиографии. В громадном высотном здании гостиницы «Украина» Габриэль, генеральному секретарю Французского астрономического общества, бессменно исполнявшей эту должность после кончины мужа, отвели роскошный номер на бельэтаже. Вдове кумира (второй его жене), «согбенной под тяжестью лет, но с удивительно живыми, вдохновенными глазами», было 89 лет. «Погруженная в думы о прошлом, она рассказала мне много самых трогательных воспоминаний о совместной жизни и творческой работе, с 1900 года, с великим просветителем, которого она назвала Прометеем!»

«Вашу страну я люблю и восхищена ее людьми. Приезжайте ко мне обязательно с визитом в Жювизи, поклониться могиле нашего любимого Учителя!» – сказала на прощание мадам Фламарион. Скоро её не стало...

В апреле следующего года французы опубликовали сообщение Дьякова, сделанное на съезде, в своем журнале «Астрономия». Оно вызвало во Франции живой отклик. В Темире автор сообщения получил два письма из Парижа. Видный астроном Жан-Клод Пекер сожалел, что из-за болезни не смог приехать на съезд, но с удовольствием познакомился с публикацией месье Дьякова в журнале. «Не стоит и говорить, что я целиком согласен с вами в вопросе важности связей между активностью Солнца и атмосферными явлениями. Вне всякого сомнения, метеорология не должна больше рассматривать атмосферу как изолированную систему... Знаете ли вы в этой области весьма интересную работу господина Шапио из Кембриджского университета (Массачусетс, США), который нашел очень большую связь между давлением воздуха <...> на уровне подстилающей поверхности <...> и геомагнитной активностью, которая с полным правом может быть рассматриваема как превосходный индекс активности Солнца?»

Идеи господина Шапио полностью подтверждают ваши личные идеи, и я сам вполне с ними согласен».

Письмо президента ВМО А. Вио содержало приглашение в Париж: «С большим интересом я прочел ваше сообщение о связях активности Солнца с процессами в тропосфере, и, если вы намерены сделать доклад в Париже Французскому астрономическому обществу, я с удовольствием попрошу некоторых из моих сотрудников принять участие в обсуждении ваших предложений».

Соблазнительная идея съездить в Париж увлекала Дьякова до тех пор, пока он не убедился в её практической неосуществимости. Железный занавес, разделявший СССР и границу в сталинское время, пал, однако не для всех. Дьякову в ответ на его обращения в инстанции предложили посетить Францию в составе туристической группы со всеми её ограничительными правилами, от чего он решительно отказался.

Окружающий мир в это время менялся на глазах. Во Франции к президентской власти пришёл генерал де Голль. На Кубе о социальных изменениях громко заявила революция во главе с Фиделем Кастро. Впервые человек поднялся в космос...

В житейском плане кое-что изменилось и в пределах Темира. Вместо жирной грязи на центральной дороге появилось шоссе с бетоном и

асфальтом. У Дьяковых подрастали дети, в 1958-м родился последний ребёнок, дочь Лена. В 1960-м рудник выделил большой семье новый дом. Теперь старая избушка по идущей в гору улице Садовой могла претендовать на статус резиденции науки, стать рабочим кабинетом начальника гелиометеостанции. Анатолий Витальевич решил пристроить к ней кирпичную башню для астрономических наблюдений и, как всегда, не считался с личными расходами. За свой счёт Дьяковы приобрели кирпичи и начали строить башню (стройка растянулась на восемь лет).

Время шло, а в научной карьере Бога Погоды не менялось ничего. Начиная с запуска первого искусственного спутника Земли (4 октября 1957 года) открылась эпоха космической метеоинформации. В 1960-е годы в серийное производство запускалось второе поколение советских вычислительных машин (впоследствии развитие советской вычислительной техники было прервано странными постановлениями правительства в пользу США). ЭВМ могли теперь обсчитывать и данные спутников, и фронтологические данные, и решать уравнения Кибеля. Техника рванулась вперёд и вверх.

А совсем в научном смысле одинокий, заброшенный в таёжную глушь и потихоньку стареющий Дьяков шёл собственной дорогой. Ему хотелось признания. Публикации книги, журнальных статей. Быть может, присвоения научной степени. Доктор географических... нет, лучше физико-математических наук А. В. Дьяков... Пожалуй, это бы звучало солидно. Ему могли бы присвоить учёную степень без защиты диссертации, по совокупности трудов и заслуг. Как, например, избрали в академии Ивана Павловича Бардина за совокупность заслуг по строительству КМК.

Следовало также думать о приоритете. Кто-то может присвоить чужие идеи. А то и самостоятельно откроет то же самое. Когда идеи «висят в воздухе», открытия делаются разными людьми практически одновременно. Например, радиозонд, изобретённый в 1930 году П. Молчановым, буквально через пару месяцев запустили у себя французы. К чему-то подобному, что умел Дьяков, уже подбирался американец Россби.

Вполне признанный профессор (кстати, тоже бывший «мировед») Б. Л. Дзердзиевский в своё время посещал уже упоминавшиеся синоптические курсы Тура Бержерона в Москве и продолжал традицию А. В. Клоссовского, связанную с физико-математическими исследованиями ат-

мосферы. Дзердзиевский перевёл на русский язык пособие Т. Бержерона «Трёхмерно-связный синоптический анализ», с которым первые годы после курсов работали слушатели. Кроме того, Борис Львович разработал свою терминологию. Считалось, что он вообще сформировал понятия новой советской синоптической системы. Получили известность работы Дзердзиевского по метеорологии засухи, отвергающие старую гипотезу Воейкова о прогревании опускающегося воздуха как источнике повышения температуры и сухости суховея. Дзердзиевский связал засухи с вторжениями арктического воздуха.

В докладе Нью-Йоркской академии наук Дзердзиевский указал, что повторяемость типов зональной циркуляции воздуха в течение полустолетия менялась приблизительно параллельно числу солнечных пятен. В докладе римскому коллоквиуму по изменениям климата, созванному ЮНЕСКО (Рим, 1961), он упомянул о возможности объяснить колебания циркуляции атмосферы гелиофизическими явлениями. Конечно, как говорили в Одессе, есть две большие разницы... Есть разница между упоминанием явлений и предсказанием ураганов. И всё же... Имя Б. Л. Дзердзиевского фигурирует в научной литературе и в связи, в частности, с солнечной активностью.

А имя Дьякова в научной литературе отсутствует. В середине – конце 1960-х годов он необычайно остро и болезненно чувствовал своё научное изгойство. В высших научных кругах и слышать не хотели о нём. Считалось, что прогнозы он даёт по своей личной инициативе. И пусть даёт. Плохие они, прогнозы, или хорошие, это его личное дело.

Из газеты «Известия» от 30 мая 1965 года Бог Погоды вырезал и положил в особую папку интервью В. А. Букова, в котором говорилось: «Существуют теории, согласно которым Солнце влияет на атмосферные процессы. Израсходовано немало бумаги для доказательства этих теорий, но до сих пор нет сколько-нибудь убедительного объяснения механизма этого воздействия... И мы можем твердо сказать, что внешняя активность Солнца, выраженная пятнообразованием, не имеет никакого влияния на циркуляцию атмосферы». В наше время мы можем твердо сказать, что профессор ошибался. Хотя что из того?

В той же папочке хранилась другая вырезка, из «Правды» от 29 мая 1965 года, то есть пу-

бликация, опередившая известинскую буквально на один день. Смысл она имела прямо противоположный: «В последнее время появляется все больше данных о связи между явлениями, происходящими на Солнце и в верхних слоях атмосферы, с процессами в нижних ее областях, то есть с погодой». Принадлежало это высказывание прямому начальнику Бугаева, руководителю ГУ ГМС академику Е. К. Фёдорову. Ну и что из того? Жан-Клод Пекер в Париже, Виктор Бугаев и Евгений Фёдоров в Москве, Анатолий Дьяков в Темире – каждый имел свои убеждения. Побеждало же некое безликое мнение, удостоверенное заместителем академика-секретаря Отделения наук о Земле товарищем Авсюком.

«(А. В. Дьякову). Присланные вами материалы по вопросу связи гелиофизических явлений с циркуляционными процессами в тропосфере и о разработанном вами методе предвидения погоды на длительные сроки были просмотрены по поручению Отделения наук о Земле АН СССР крупными специалистами в области изучения погоды и климата. По мнению специалистов, постановка вашего доклада при Отделении наук о Земле в ближайшее время нецелесообразна. Вместе с тем накопление соответствующих данных полезно, учитывая, что в целом вопрос о связи процессов на Солнце и в земной атмосфере еще во многом неясен».

Видя бесперспективность упования на Академию наук, Дьяков предпочёл подняться выше, к правительственным кругам. 17 мая 1962 года он известил Д. С. Полянского о предстоящем засушливом лете. Определённая завязка отношений с Полянским наметилась.

Дьяков воспринимал Полянского как одного из могущественных божков, наделённых огромной властью. При этом божок обладал трезвым умом и незаурядными деловыми качествами, понимал специфику сельского хозяйства, а также отличался доступностью для рядовых граждан, и с идеями к нему обращались многие.

ДА ЧТО ТАМ УРАГАНЫ

Куба соседствует с атлантической «кухней». Летом там нестерпимая жара и духота с температурой 40–45 градусов. Набухая влагой, небо извергает вниз ливни, которые по часу, а то и два сплошной стеной стоят между облаками и землёй. Затем снова возвращается адский зной, который пролившуюся воду испаряет.

С августа – сентября по декабрь наступает обычный сезон ветров. Чаще всего ураганные шквалы просвистывают стороной, обрушиваясь на Мексиканский залив. Поэтому, получив к вечеру 20 сентября 1966 года телеграмму из какого-то неизвестного Темир-Тау, работники кубинского посольства в Москве озадаченно вертели её в руках, не зная, что и думать. Телеграмма начиналась с тёплого обращения и дореволюционного словосочетания «честь имею».

«ТЕМИР-ТАУ КЕМЕРОВСКОЙ. ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ, ИМЕЮ ЧЕСТЬ ПРЕДУПРЕДИТЬ ВАС ОБ ОПАСНОСТИ ПОЯВЛЕНИЯ ОЧЕНЬ СИЛЬНОГО УРАГАНА В КАРИБСКОМ МОРЕ В КОНЦЕ ТРЕТЬЕЙ ДЕКАДЫ СЕНТЯБРЯ НАЧАЛЬНИК МЕТЕОСТАНЦИИ ГОРНОЙ ШОРИИ ДЯКОВ».

Где это – Темир-Тау? Где Горная Шория? И кто такой Дьяков? Сумасшедший? Сбежавший из психбольницы пациент, страдающий манией бить тревогу? (Здесь я описываю ситуацию по мотивам очерка Г. Падерина «Ловец ураганов».)

Темиртау кое-как нашлось на подробной карте Сибири. Еле видимая точка на юге Кемеровской области, окружённая тайгой. Значит, там есть гелиометеостанция? Звучит красиво. Но... далеко от Кубы. Пятнадцать тысяч километров. Фантастика. Может быть, этот Дьяков и спутники сам запускает? Или он решил наобум испугать кубинцев и заработать авторитет, зная, что не ошибётся – всё равно в штормовом сезоне какой-нибудь ветерок да будет? Позвонили в Гидрометцентр СССР.

– Что вы можете сказать по поводу урагана?..

– Никакими данными о зарождении урагана мы пока не располагаем, – ответили в отделе долгосрочных прогнозов. – Станция Горной Шории? Да, есть такая, но к нам никакого отношения не имеет. Она ведомственная, подчиняется КМК, обслуживает местные нужды. Дьяков? Мы за Дьякова не отвечаем. Если ему нравится давать прогнозы – это его личное дело.

Ещё более задумчивые, кубинцы на всякий случай сообщили о возможном урагане на родину. Как там, не слышно о циклоне?

– Никакого намёка. Нет атмосферной депрессии, всё спокойно.

Кубинские метеорологи прощупывали горизонт радаром. 21, 22... 25... 27 сентября небо безмятежно синело, не грозя ни малейшей опасностью. 28-го радар показал над морем плотное облачное сгущение, напоминающее болезнен-

ное воспаление. Оттуда и рвануло дождём с ветром, гудящим на скорости 200–240 километров в час. По традиции урагану дали женское имя Инес.

На Гваделупе бешеная сила ветра разметала плантации кофе, какао, бананов, ванили, сахарного тростника, пять тысяч хижин и унесла десятки жизней. В Пуэрто-Рико и Гаити погибли больше тысячи человек.

На Острове свободы ураган проутюжил провинцию Ориенте, повернул к Флориде, через день вернулся уже на западное побережье Кубы. Сутки напролёт Гавану, как из шланга, поливал дождь. Когда он кончился, оставалось подсчитать ущерб.

На Кубе приняли защитные меры. Но благодаря ли предупреждению из Горной Шории или независимо от него? Этот вопрос запутан и ради исторической истины потребует уточнений (которых, увы, не сделал Г. Падерин).

6 октября 1966 года «Известия» сообщили: «Внезапно обрушившийся на Гваделупу, Санто-Доминго и Гаити ураган «Инес» оставил после себя более тысячи убитых и материальный ущерб на сотни миллионов долларов. В то же время в результате своевременного оповещения кубинской метеослужбы и мер по борьбе с циклоном, предпринятых кубинским правительством, последствия этого урагана на Кубе удалось свести до минимума.

Зная о приближении циклона, правительство эвакуировало из затопляемых районов в общей сложности более 150 тысяч человек, позаботилось об укреплении хозяйственных построек, различных сооружений, мобилизовало отряды помощи».

«Правда»: «...Эти меры позволили нейтрализовать стихию, ураган не застал страну врасплох».

Газеты не сообщают, откуда и когда появилось предупреждение. С одной стороны, укоренившаяся в разных публикациях легенда о Боге Погоды говорит о том, что его телеграмма заставила кубинцев спрятать флот в гавани, причём позже Фидель Кастро лично поблагодарил Дьякова за спасение кораблей. С другой стороны, в архиве учёного нет никаких доказательств в подтверждение этого факта. О Ф. Кастро не упоминали ни Г. Падерин, ни Г. Юров, которые непосредственно общались с виновником торжества. Кроме того, в 1972 году комиссия Академии наук СССР запрашивала кубинскую метеослужбу и

получила ответ, что никаких особых мер перед ураганом, дескать, не принималось, поскольку ураганы в том регионе – самое обычное явление. Вполне возможно, что телеграмму просто «положили под сукно», как не раз бывало в судьбе Бога Погоды, и не будь доброго волшебника Г. Падерина, красочно описавшего события в очерке, вся эта история не стала бы сенсацией и легендой.

То же самое может относиться к тайфуну «Ида» («тайфун» – традиционный синоним урагана, только относящийся к Тихому океану) – 20 сентября Дьяков отправил ещё одну телеграмму, во Владивосток. «ПРЕДУПРЕЖДАЕМ ОБ ОПАСНОСТИ ПОЯВЛЕНИЯ СИЛЬНОГО ТАЙФУНА В ЯПОНСКОМ МОРЕ С ПОДЪЕМОМ ЕГО К БЕРЕГАМ СССР».

«Тайфун «Ида» ушел от берегов Японии на северо-восток, оставив за собой широкую полосу разрушений и самое большое число человеческих жертв со времен тайфуна «Исе» в сентябре 1959 года... Особенно пострадал от обвалов и оползней район Пяти озер, прилегающий к горе Фудзи... Произошло 668 крупных обвалов, разрушено около 14 тысяч и затоплено почти 60 тысяч домов» (Правда. 1966. 27 сент.).

36

За всю деятельность А. В. Дьякова ещё три конкретных урагана фигурируют в списке предугаданных: «Эмма», «Шерли» и «Бесс», если не считать неопределённого указания на «и все другие предсказанные мною ураганы», промелькнувшего в очерке Г. Падерина репликой его героя.

Объективности ради следует не забывать, что «ловец ураганов» вычислил отнюдь не все тропические циклоны, оставившие по себе память. Их случилось гораздо больше, чем было предсказано. Одним из самых катастрофических из всех когда-либо бушевавших на планете ураганов считается «Камилла» (1969) с ущербом для США, исчисляемым в миллиардах долларов.

Однако с точки зрения той же объективности мы должны понимать, что вычисление ураганов не входило, так сказать, в прямые обязанности Бога Погоды. Да и располагал ли он, несмотря на возможное могущество его метода, техническими ресурсами? Один, с минимальной приборной базой, с дефицитом исходных данных и практически не существующим штатом квалифицированных сотрудников. Стоило ему отправиться куда-нибудь в очередной вояж с докладом, и прогностическая работа замирала.

Как же всё-таки ему удалось за неделю с лишним предсказать рождение и развитие стихийного события? Гостя в избушке при кирпичной башне, Г. Падерин донимал его этим вопросом.

– Да что ураганы! – отмахивался хозяин. – Ураганы не так и сложно предсказать, куда сложнее определить, где прольется обыкновенный дождь, а где, наоборот, его не будет. Где и когда. Понимаете? Где и когда!

Наконец Анатолий Витальевич согласился на объяснения и, неразлучный с Фламарионом, извлёк из шкафа первое издание «Атмосферы» (1872) на французском языке. Прочитал вслух и перевёл отрывок: «Мой ученый друг астроном Поэ, директор Гаванской обсерватории, доказал тщательным исследованием ураганов, свирепствовавших в Западной Индии с 1493 года до наших дней, что... более двух третей циклонов бывает от августа до октября, то есть в течение месяцев, когда сильно нагретые берега Южной Америки начинают привлекать более холодный и более плотный воздух северного континента».

Эти данные по сезонности циклонов Дьяков сопоставил с солнечными наблюдениями. Сопоставление показало, что при интенсивном пятнообразовании энергия циклонов у берегов Латинской Америки подпрыгивает в полтора раза. В сентябре 1966 года пятна быстро росли, принимая причудливые очертания, и перемещались к экватору Солнца. 19 сентября наблюдатель отметил 29 хромосферных вспышек, на следующий день площадь пятен и число извержений снова возросли, дойдя до экватора. Остальное для опытного вычислителя было делом техники. Правда, только он один и знал, как именно надо связать площадь пятен с датой будущего события. Вероятно, какое-то значение для этого имеет матрица энергетических циклов атмосферы, введенная Дьяковым еще в 1950-е годы.

Никакой реакции со стороны официальных органов на успешные прогнозы по урагану «Инес» и тайфуну «Ида» не последовало. Ни благодарности, ни тёплых слов, ни научного интереса. Собственно, кроме Гидрометцентра, никто толком и не знал о случившемся. Гидрометцентр же, как глухая стена, безысходно хранил молчание.

ВСЕНАРОДНАЯ СЛАВА

С низвержением Хрущёва и воцарением Брежнева Полянский сохранил высоту позиции и остался членом Политбюро, то есть в том же

Президиуме ЦК КПСС, поменявшем в 1966 году название.

В этом году СССР с визитом посетил де Голль, побывав в Москве, Ленинграде и Новосибирске (Академгородке). «... Я ПРИВЕТСТВУЮ ВАС НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ...» – отправил ему телеграмму Дьяков.

27 ноября следующего года Дьяков телеграфировал в Париж: «ФРАНЦУЗСКОМУ АСТРОНОМИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ. ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ, СЧИТАЮ СВОИМ ДОЛГОМ ПРЕДУПРЕДИТЬ ВАС, ЧТО СОГЛАСНО МОИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ, ВАМ ИЗВЕСТНЫМ, ЗИМА 1967/68 ГОДА ОБЕЩАЕТ БЫТЬ ОЧЕНЬ СУРОВОЙ ВО ВСЕЙ ЕВРОПЕ. ВЕСЬМА СИЛЬНЫЕ ВОЛНЫ ХОЛОДА ПОЯВЯТСЯ ВО ВТОРЫХ ДЕКАДАХ ДЕКАБРЯ И ЯНВАРЯ С ТЕМПЕРАТУРАМИ 20–30 ГРАДУСОВ НИЖЕ НУЛЯ. СЕРДЕЧНЫЕ ПРИВЕТСТВИЯ, АНАТОЛИЙ ДЯКОВ».

Он ждал наступления второй декады декабря и волновался. Ошибки не произошло. «Рим. Непривычные холода обрушились на Италию. Во многих провинциях термометр показывает 15–25 градусов ниже нуля. Идет снег. Сады и виноградники Пьемонта, Эмилии и Тосканы покрыты белой пеленой. Снег лег даже на Везувий. Во многих местах автомобильные дороги блокированы. Резкое снижение температуры привело к вспышке эпидемии гриппа среди людей, чуть ли не половина жителей Рима находится сейчас в постелях» (Правда. 1968. 7 янв.).

В среднем ошибки происходили не больше двух раз в год. Две декады из 36 с половиной.

«Я не болен зудом предсказательства, я не выскочка, не самозванец. Меня просят – я отвечаю», – записал Г. Падерин слова Бога Погоды при посещении его в 1968 году.

Приезд новосибирского очеркиста имел для Дьякова переломное и самое положительное значение. После публикации очерка он вышел из мрака «подпольности». Именно вслед за очерком в Темиртау, как заметил Камилл Дьяков, потянулись группы туристов, журналисты, кинодокументалисты, кандидаты разных наук. Так пришла известность, переросшая во всенародную славу.

О существовании Бога Погоды Падерину подсказал новокузнецкий писатель Геннадий Емельянов. Есть смысл освежить в памяти первые впечатления того, кто открыл Бога Погоды.

«Еще пять минут – и я останавливаюсь перед обыкновенным крестьянским домом с дву-

скатной шиферной крышей, на задах у него – стожок сена, огороженный жердями, а выше по склону – кирпичная башенка, увенчанная астрономическим куполом; он-то и служил мне ориентиром.

К башенке примыкает продолговатая, вросшая в землю избенка.

– Здесь я живу, – кивает на шиферную крышу Дьяков, которого я встретил у дома, – а вот там мой кабинет, – он приглашает меня в избенку. – С тридцать шестого года служит...

Сначала – прихожка, ровно половину которой занимает печь с плитой, потом – «полезная площадь», что-нибудь квадратов двенадцать; перегородка делит их надвое. Хозяин, коренастый, порывистый, до краев заполняет и прихожку, и обе клетушки – вернее, все оставшееся свободным пространство.

Основная часть его отдана столам, шкафам, книгам, газетам, журналам, рулонам миллиметровки, каким-то зачехленным приборам, разнообразным фотопринадлежностям, включая громоздкий, упирающийся в потолок увеличитель фотоотпечатков... Во второй клетушке чудом уместилась еще и кровать. Или, лучше сказать, койка. Типа солдатской.

– Часто до глубокой ночи приходится работать, так, чтобы семью не беспокоить, здесь и сосну...»

Хозяин рассказал гостю о новом здании метеостанции, построенной на горе Улудаг, – маленькой копии Пулковской обсерватории. «И, думаете, кто помог мне спроворить новую станцию? Полянский. Да-да, Дмитрий Степанович Полянский, первый заместитель председателя Совета министров СССР».

Прихлёбывая молоко из доставшейся на его долю «малой сопутницы» (фаянсовой кружки, из которой ночами Дьяков пил молоко, – «сопутницы ночных бдений». – Е. Ч.), чуть хвастливо общается:

– И оборудование – тоже он. Частично – импортное. Из Франции. Пять тысяч золотых рублей».

Г. Падерин уловил отчаяние, сквозившее главной нотой в общем эмоциональном состоянии Дьякова в то время.

«– «Инес», «Ида», «Эмма», «Шерли», «Бесс» и все другие предсказанные мною ураганы – сплошная крамола, одна крамола и ничего больше, подпольный авантюризм одичавшего в тайге старика...

Вести разговор с ним страшно трудно: перенасыщенный полемическим азартом, болью давних и недавних обид, невероятным количеством самых разнообразных знаний, он, подобно перегревшемуся котлу, должен то и дело спускать избыток пара, наша беседа – не равнинная река, а бурный поток, бурлящий, разбрызгивающийся.

И еще мешают сосредоточиться его глаза – светло-голубой огонек в них, все время обжигающий вопросом: тебе действительно это важно, нужно? Может, вся твоя заинтересованность продиктована обыкновенным обывательским любопытством?..

– Да что ураганы! Ураганы не так и сложно предсказать, куда сложнее определить, где прольется обыкновенный дождь, а где, наоборот, его не будет. Где и когда. Понимаете? Где и когда!

– Но ведь и такое вам подвластно?

– Подвластно? Ну, это слишком громко – «подвластно», давайте скажем так: по силам...

– Хорошо, по силам. При чем тогда крамола?

– При том, что я нелегальщик, – он пытается обмять ладонями, пригладить седое буйство на голове, но волосы пружинят, не поддаются, – самый настоящий нелегальщик. Вроде тех английских синоптиков, которых не желали официально признавать на протяжении нескольких веков... Но их таки признали, а мой метод не признан пока официально никем. Я вам даже больше скажу, профессор Бугаев, например, вообще отрицает перспективность этого научного направления...

– Кто это – профессор Бугаев?

– Директор Гидрометеоцентра СССР.

– О-о!

– Вот именно!».

На прощание Бог Погоды подарил Г. Падерину фотографию башни, построенной на Улудаге. На обороте Анатолий Витальевич написал: «Никакая армия не может противостоять силе идей, время которых пришло». Так пришло ли тогда время дьяковских идей?

В начале сентября 1970 года умер И. А. Кибель. Некролог из «Известий» Дьяков аккуратно подклеил к листу общей тетради, служившей журналом прогнозов и погодных событий, подтверждавшихся вырезками из газет. Ученик покойного академик Г. И. Марчук занимал в это время пост председателя Научного совета по прогнозам погоды АН и ГУ ГМС. Ещё в 1964 году

он опубликовал в «Метеорологии и гидрологии» систему уравнений гидродинамики для прогнозов погоды численным методом, приняв главным условием замкнутость земной атмосферы. Дьяков был категорически против такой трактовки атмосферы. И в этом отношении он оказался не одинок. Марчуку резко возражали академик В. В. Шулейкин и его сотрудники. Они пришли к тому же выводу, что и Дьяков: наибольшее значение для земных явлений имеет скорость солнечного ветра.

Василия Владимировича Шулейкина Дьяков знал давно, ещё по довоенным делам. Позже ездил к нему на семинар в Ялту, где находилось Экспериментальное отделение Морского гидрофизического института. В научных построениях Дьякова видно влияние идей Шулейкина. Например, понимание «атмосферы как автоколебательной системы» звучит аналогом «океана как автоколебательной системы».

В. В. Шулейкин открыл так называемый голос моря (1932), то есть излучаемые морем инфразвуки. Шторму всегда предшествуют низкие и длинные водные волны, которые движутся намного быстрее урагана и шумят в низком звуковом диапазоне. За монографию в двух томах «Физика моря» (1934–1938) Шулейкин стал лауреатом Госпремии, а в 1946 году был избран академиком АН СССР.

За ожесточённой теоретической борьбой Дьяков, не имеющий доступа к опубликованию, вынужден был бессловесно следить из своего таёжного угла.

Академик Гурий Иванович Марчук стал играть ответственную роль в судьбе Дьякова, будучи впоследствии президентом Сибирского филиала АН и президентом АН СССР (до самого развала Советского Союза). Он из тех редких людей, кому природа даёт светлый ум и способность быстро соображать в абстрактных проблемах, по своим заслугам является гордостью нашей страны. Достаточно упомянуть его вклад в расчёты по ядерным реакторам и водородной бомбе. Вообще какие глыбы, какие «матёрые человечисы» вписались в сеть жизни, прожитой Богом Погоды! В плохих ли, в хороших ли отношениях он с ними находился.

Марчук разделял точку зрения Бугаева, что воздействие активности Солнца на тропосферу Земли не может приниматься во внимание в прогнозах погоды. Не имея возможности оценить чисто научное качество аргументации, отмечу

лишь, что и против Марчука Дьяков выступал так же резко и бескомпромиссно, как когда-то против Кибеля, в одной из неопубликованных работ.

Авторитет Г. И. Марчука был велик, однако практические успехи Дьякова говорили сами за себя и подтверждались многочисленными откликами агрономов, стоявших за него горой во главе с академиком ВАСХНИЛ Бараевым. Это ведь тоже крупный учёный, в одной из публикаций заметивший: «Работы Дьякова укрепляют позиции метеорологии как науки, служащей агроному».

Александр Иванович Бараев – основоположник почвозащитной системы земледелия, в 1957–1985 годах директор Всесоюзного НИИ зернового хозяйства (находился в Казахстане). В 1940-м издал книгу «Агротехника высоких урожаев». Бараева называли «главным агрономом целины», 60 миллионов гектаров было обработано его безотвальным методом, куда входило лущение стерни, дискование, подрезание сорняков, рыхление...

20 августа 1969 года Дьякова принял первый заместитель председателя Совета министров РСФСР К. Г. Пысин, который сказал:

– Вашими прогнозами погоды всегда руководствуется в своей работе министр сельского хозяйства РСФСР товарищ Флорентьев.

К 1972 году благодаря публикациям центральной печати слава Бога Погоды достигает всех уголков СССР. Поток к нему идут заявки на прогнозы, письма, благодарности. Особенно признательны ему агрономы. Многие из писем настолько проникновенны и красноречивы, что лучше их просто процитировать. Из Калмыкии, например, почти одновременно в Темиртау пришли два письма – от секретаря обкома партии и министра сельского хозяйства республики. Тон обоих поистине напоминает мольбу к Богу Погоды как последней инстанции.

«...При продолжительных засухах продуктивность пастбищ катастрофически падает. В последние годы при проведении сева зерновых не выпадали дожди, а в сухую почву бросать семена бесполезно. Поэтому перед земледельцами нашей республики постоянно стоит вопрос: когда сеять? Будут ли дожди и когда?»

Зимой с 1971 на 1972 год по всей территории республики почти не было снега, хотя стояли сильные морозы – 30–35 градусов. Весной и летом 1972 года совсем не выпадало осадков. Состояние пастбищ очень плохое, и мы никогда не имеем долгосрочных прогнозов на осенний период.

В связи с этим, Анатолий Витальевич, прошу Вас, если это возможно, составить прогноз погоды по Калмыцкой АССР на конец 1972 и на начало 1973 года. Желательно получить прогноз на осень 1972 к середине сентября сего года, а на весну 1973-го – в январе – начале февраля 1973-го. Заранее благодарю Вас за помощь нашей республике. С уважением секретарь Калмыцкого обкома КПСС Б. Городовиков» (18.08.1972).

Главный агроном Убаганского совхоза Кустанайской области В. Диков писал известному публицисту Юрию Черниченко, работавшему в «Правде»: «...Когда у нас задолго до начала сева появляется настоятельная необходимость определенно узнать, каким же все-таки будет год, благоприятным или же <...> засушливым, когда следует ожидать дождей и следует ли на них рассчитывать вообще, а затем, когда с хлебом все уже станет более или менее ясно и сердце у нас обмирает теперь уже от мысли, как пройдет уборка, подержится ли погода, или же нам нужно быть готовым к тому, чтобы ловить лишь редкие «окна», четкий и недвусмысленный ответ на эти нешуточные вопросы мы без промедлений и без проволочек можем получить не в Гидрометеоцентре СССР, не в местах сосредоточения нашей респектабельной, захлебывающейся от самодовольства науки... а в глухом захолустье, в рудничном поселке Темиртау Таштагольского района Кемеровской области...»

Заместитель начальника Курганского областного управления сельского хозяйства Н. Никонова в апреле 1972-го писала Борису Лесику, готовившему статью «Солнечный ветер» для «Сельской жизни», что курганские колхозы и совхозы шесть лет (1967–1972) пользуются прогнозами гелиометеостанции Горной Шории. Прогнозы были достаточно достоверны и помогали специалистам разумно пользоваться землёй. Особенно ценны долгосрочные прогнозы на весенне-летний период, с марта по июнь.

В 1967 году сельхозорганизации области имели два долгосрочных прогноза – гелиометеостанции и ГУ ГМС. Они не совпадали. Наиболее верными оказались предсказания гелиометеостанции. Но так как хозяйства имели этот прогноз впервые, многие просчитались: посеяли пшеницу на пять-семь дней позже, и посевы поразила стеблевая ржавчина.

Раньше в области рекомендовали сеять пшеницу только после провокации и уничтоже-

ния овсяга. В 1969 году на областном совещании по обмену мнениями были приняты необычные предложения на основе прогнозов Дьякова: немедленно, не дожидаясь всходов овсяга, приступить к посеву пшеницы и закончить его до 26 мая... В результате правильного учёта погодных условий среднегодовой урожай зерновых и зернобобовых культур по области составил за восьмую пятилетку 16,3 центнера с гектара, то есть вырос на 6 центнеров по сравнению с показателями седьмой пятилетки.

Из интервью Б. Лесику Г. А. Осиянова, начальника Главка земледелия и семеноводства Минсельхоза РСФСР:

«Министерство не один раз запрашивало у Дьякова долгосрочные прогнозы и в большинстве случаев они были более реальны, чем данные метеослужбы...»

Г. И. Ларионов, начальник управления зерновых культур Минсельхоза РСФСР (из интервью Б. Лесику в апреле 1972 г.):

«Мы лет шесть активно сотрудничаем с Дьяковым. Его информация помогает нам в работе. Неплохой прогноз он дал на прошлый год. Указал, например, что в Поволжье будут засушливые условия и что урожай надо ожидать ниже среднего уровня. Все так и было. Полностью сбылись предсказания на Западную Сибирь, в частности, на Омскую область, Алтайский край. В чем ценность его прогнозов? Он дает их сразу на весенне-летний период, то есть от посева и почти до уборки. И все расписывает по срокам. Сдвиги бывают в пределах одного-двух дней. А у Гидрометцентра не разберешь, какие сдвиги. Они дают прогноз лишь на месяц и ручаются за него на 40 процентов. Дьяковские прогнозы практически близки к самой действительности. Он нас еще не подводил».

К лету 1972 года популярность Дьякова достигла критической отметки. О нём писали центральные газеты и журналы «Сельская жизнь», «Известия», «Правда», «Литературная газета», «Техника – молодежи», «Знание – сила», накаляя общественное мнение негодованием по поводу очевидного парадокса: есть учёный, есть успехи, ощутимые для народного хозяйства, но нет научного признания. Не исключено, что и темпераментный Фидель Кастро своим интересом к предсказателю ураганов действовал на нервы членам советского Политбюро.

(Окончание следует.)

**Сергей
ФИЛАТОВ**

ЗВУК ДРОЖИТ НА КОНЧИКЕ ИГЛЫ

* * *

*Снегопад. Как тысячи других до него.
Торжественно и странно
в полной тишине кружится снег,
словно осознание того
жизнью отведённого пространства,
где так мал и бременен человек.*

*Каждая отдельная снежинка
проживает ровно свой полёт:
в воздухе кружится, и ложится,
и иною сутью предстаёт.*

*И в сугробе, где снежинок тысячи,
Ты её попробуй отыщи...*

СТАРАЯ ПАТЕФОННАЯ ПЛАСТИНКА

*Как заплутавший звук в бороздках для иглы
идёт на новый круг – повтор и лёгкий срыв... –
заглянет друг и вот – что в старом том кино –
затеет разговор, мы станем пить вино,
и тысячный повтор – один и тот же кадр,
где мы, забыв про всё, включаем дурака –
пытаемся шутить и, может, подпевать...
но звук уже шипит, и шелестят слова.*

*И мимо проходя, мгновенья, дни, века...
нам как бы вслед глядят, но невдомёк пока,
что вот уже шестой десяток шелестит,
и новый счёт пошёл, и вновь до десяти.
И вот вовсю скрипят, как тысячный повтор,
все строки, и опять – про то, про то, про то...
чем жил досель, чем жив... когда конец игры,
но звук пока дрожит на кончике иглы.*

77

* * *

*И потом лишь догадался,
Что я чай не посолил.
Русская народная песня*

*Так было. Есть. Так вечно будет –
всё б угадать да угодить –
приедет барин, нас рассудит
и всех люлями наградит.*

*Молчишь, покорно взор потупив,
язык проглочен, в горле – ком,
а в голове как будто ступор,
покуда сладишь с языком:
– Че-го-с изво-ли-те?..*

ФИЛАТОВ Сергей Викторович родился в 1961 году в Омске. Окончил Алтайский политехнический институт, учился в Литературном институте им. Горького. Участник IX Всесоюзного совещания молодых литераторов.

Автор шести поэтических книг и двух книг прозы. Лауреат краевой премии им. В. М. Шукшина, краевой литературной премии им. Леонида Мерзликина. Победитель Московского международного конкурса «Золотое перо – 2008». Лауреат премии журнала «Огни Кузбасса» в номинации «Публицистика» за 2011 год. Редактировал альманахи «Бийск», «Музейный вестник», «Бийский вестник». Член СП России, членкор Петровской академии наук и искусств. Живёт в Бийске.

Не сразу,
как будто ты у них украл...
– Чьих будешь? – спросит консерватор,
– Голубчик... – скажет либерал,
– Ну-ну... – отечески. – Воруем?
– Смотри! – сурово. – Упеку!

Эх, Русь...
Вдохнуть бы полной грудью,
глотнуть солёного чайку...

В ЗИМУ

Когда б вы знали, из какого сора...
Анна Ахматова

Что за время унылое ныне?
Глянешь в душу, а там – пустоцвет...
На знакомой соседской рябине –
Отцвела уж! – но ягоды нет.

В страшных снах никогда не приснится,
Но реальность, увы, такова:
Что! – моим снегирям и синицам,
Как им зиму теперь зимовать?

Что строка! Даже время бесплодно,
Не слова – словеса, словеса...
И рябина родная бескровна,
И безмолвны над ней небеса.

Рифмовать ли?..
Уж кто-то рифмует
Что-то с чем-то...
Зачем? Почему?
Зимовать ли?..
Спросил. И зимуешь:
А-а, теперь уже всё – к одному!..

И в речах, и в словесных раздорах –
Много слов, только Слова там нет,
Вдоволь грязи, достаточно сора...
Пустоцвет.

ОБОРОНЩИК

Страна позвала, призвала, приказала –
Крепить обороноспособность державы!
Он делал в Сибири ракеты. Взлетали
Ракеты и цель поражали...

Когда в одночасье на сборище вздорном,
Предательском, что Беловежская пуца,
Страну развалили, как карточный домик,
И всё развалилось...

И грустно, и пусто.
Стоит и торгует старьём из металла –
Ключи, заготовки... другие детали...
И, словно молитву, бормочет устало:
– Я делал ракеты, ракеты летали...

* * *

...возлюби ближнего твоего, как самого себя...
От Матфея, 22:39

Любить себя... За что?
Всё в этом мире
смешалось, словно в доме у Облонских, –
зима в Сибири точно не в Сибири,
а где-нибудь в какой-нибудь Анголе.

Декабрь...
Но слякоть, будто бы в апреле, –
раскисло, почернело... рассопливилось... –
не устояли ледяные крепости,
не выстояли витязи былинные.

Состарились снегурки и обабились,
морозный старец стал похож на лешего...
И главная народная «забава» –
не поскользнуться и
не растележиться.

Сиротская, как мир, зима. Без вечности –
без радости, без снега...
Безразличная.
А хочется, чтоб всё – по-человечески!..
Чтоб – не убий.
И возлюби, как ближнего
себя...

* * *

Сибирью прирастать будет...
М. В. Ломоносов

Вдруг очнулся и вспомнил, что напрочь забыл –
И истоки, и корни.
Что Сибирь прирастает молчаньем могил...
Вдруг очнулся и вспомнил.

Это было давно... Это было когда?
«Вёз я девушку трактом почтовым...» –
Будто в песне слова, точно в речке вода...
Но сегодня – я вспомнил. Хоть что-то...

Наша память что зимник по тонкому льду –
Всё так зыбко, неясно и хрупко –
Через реку ль иду, иль по жизни бреду,
Как плутаю по кругу:

Имена, времена... времена, имена...
Что рассыпанный по полу бисер.

А когда-то Россия – держава... страна –
Прирастала Сибирью...

* * *

Бежим отсюда и до двух часов...
Так говорил наш армейский старшина

Бездонно-родное моё окоёмье,
Зацепишься взглядом и – ух, ё-моё! –
Сибирью Россия дотопле огромна,
Что даже не видно концов и краёв...

А эти сибирские виды на реки –
С холма Ермака ли, с холма Шукшина –
Как будто отныне, как будто навеки,
От сих и... – на все времена.

Хлеба здесь вставали, и песня звучала,
На нерест шла рыба в верха...
Не здесь ли истоки мирского начала –
Ночного сверчанья сверчка?..

В берёзовом колке стрекочет сорока.
Клубника поспела. А там вот – мой дом...
Уехать б отсюда далёко, далёко...
Но так, чтоб вернуться.
Потом.

ВЕЧЕР. ОБЛАКО. МОЛОКО

Это облако – как молоко,
точно ведро опрокинулось на небе
и разлилось по вечеряющему белёсой
парною лужей.

Если представить, что я в этом мире не был ещё,
возможно представить следом, что я
кому-то здесь буду просто нужен.

Кто-то, наверное, меня позовёт мысленно,
тихо окликнет ли,
как-то очень по-детски трепетно и правдиво,
словно в этом большом молочно-небесном мире
ему без меня одиноко
и так тоскливо.

Возможно, он – тот самый,
кого я уже приручил когда-то,
возможно, тогда и не понял, что теперь я
за него в ответе...

А из опрокинутого ведра облака вытекают
самые удачные,
потому что молоко вечером в ведре у бабушки –
всегда парное и свежее.

ФОТО ФЕВРАЛЯ

Там морозная дымка, сосны в снежном плену...
На окно долго дышишь, чтоб на волю
взглянуть.

Круг с ладошку оттаает, глянешь, тихо
вздохнёшь,
Что-то, может, представишь, что-то молча
поймёшь.

Залегают сугробы вровень с самым окном,
Словно в самую пору – заводить разговор
Затяжной, точно повесть, не спеша, будто
сказ –

Не суётно, не споро, погружаясь в века.

Знать, что там, за снегами, за морозною
мглой,
Потаённый пергамент да простое стило
Приготовлены, точно заране.

Да у ликов лампада размерцалась светло,
И сквозь Вечность на фото проступает
Число,
Как вот эта реальность февральская.

* * *

Всё столь ожидаемо, сколь и неожиданно.
Сгорает сентябрь, открываются дали,
Слетает листва, небеса обнажая...
И снимок на память.
Вы этого ждали?

Фотограф снимает: внимание – вспышка!
И в вечность мгновение перетекает,
Застыли улыбки на лицах и листья...
И только фотограф остался за кадром.

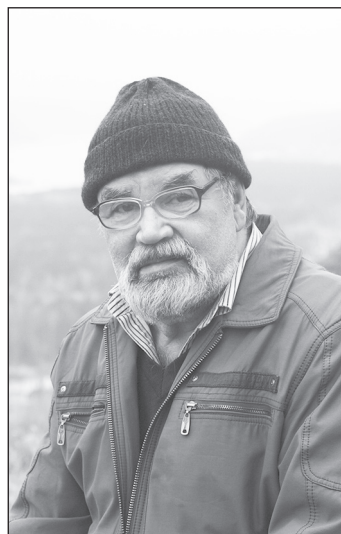
А листья летят и кружатся, и каждый...
И люди не вечны, меняются лица...
И вечно фотограф – за кадром...
А в кадре:
Улыбки и лица... И – осень! И – листья!..

Дорогой наш Сергей Данилович! Поздравляем с 70-летним юбилеем! Желаем успехов во всех начинаниях, будь то стихи, проза или рыбалка! Здоровья, крепости духа и ещё много лет радовать нас своим творчеством!

Сергей КУЗНЕЧИХИН

РАСКАЗЫ

ПОДСНЕЖНИК

Кто подснежников не видел? Но можно прожить всю жизнь на Волге и быть уверенным, что они голубые. А для сибиряка они – фиолетовые. Для норильчанина – красно-белые.

Не верите, что в Норильске подснежники растут?

Напрасно! Травы на газонах нет, это правда. А подснежников – заросли. Когда в мае сходит снег, весь асфальт возле общаг завален треугольными упаковками из-под молока. Были такие пирамидки из непромокаемого картона ёмкостью в один литр. Белые с красными буквами, очень впечатляюще выглядели на сером фоне. А зима в Норильске долгая, так что цветники собирались очень даже густые.

Но имелся ещё один вид подснежников. Профессионального спорта, как и проституции, у нас не было. Утомлять спортсменов работой власти почему-то боялись. Но без зарплаты не проживёшь. Вот и числились они кто слесарем, кто – шофёром, кто – аппаратчиком...

Нет, не партаппаратчиком, туда молодых не допускали. Аппаратчиком химического производства, например. Там, между прочим, над-

бавки за вредность положены и бесплатное молоко. Посылать за ним свою родню спортсмены, мне кажется, стеснялись. А когда талоны на водку ввели – другие ставки и приличия другие. Хабаровские ребята рассказывали, что папаша хоккеиста Могильного получал. Сынок дезертировал из ЦСКА и прятался от трибунала в Канаде, а хабаровская прописка оставалась. Значит, всё по закону. Распишись в жилконторе за талоны и вой с рапроклятым зельем за себя и за того парня. Может, и завистники выдумали. А может, и...

Всякое может быть.

В Белове, помню, поселили в двухместный номер. Вечером приходит сосед с бутылкой. Выпили, разговорились. Парень на какой-то турнир по хоккею с мячом приехал. Молодцу тридцать второй годик шёл, а он ещё ни дня не работал. Со школы в подснежниках числился. Летом – футбол, зимой – хоккей. И всего-навсего – первокурсник. Не мастер даже. Пацаном два сезона поиграл за «Кузбасс», отчислили за нарушение режима. А потом... то за одну шахту, то за другую голы забивал. С горняками не сыграешься, можно и в заводскую команду перейти –

КУЗНЕЧИХИН Сергей Данилович родился в 1946 году. Окончил Калининский политехнический институт, распределёлся в город Свирск Иркутской области. Потом перебрался в Красноярск. Работал в пусконаладочном управлении – постоянные и долгие командировки от Урала до Чукотки. Принимал активное участие в выпуске книжной серии «Поэты свинцового века». Составил антологию интимной лирики «Свойства страсти». Печатался в «Литературной газете», журналах: «Енисей», «Дальний Восток», «Литературная учёба», «День поэзии», «Сибирские огни», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Арион», «Дети Ра», «Наш современник», «Мера», «Аргамак», «Бельские просторы», «Паровозъ», «Киевская Русь» (Украина), «Радуга» (Украина), «Южное сияние» (Украина), «Побережье» (США), «Образы жизни» (США), «Эдита» (Германия), «Зарубежные задворки» (Германия) и др. Автор многих книг стихов и прозы. Живёт в Красноярске.

район-то индустриальный, и каждому заводишку нужны парни, способные их честь защитить. Я на бутылку кивнул. Отмахнулся: «Пока не мешает, – говорит, – русский хоккей – игра весёлая, на свежем воздухе, на морозе сто грамм не повредят, только удали прибавят».

Так ведь не только спортсменам, даже родителям их от этих щедрот перепало. Не сказать, что чистыми подснежниками были, но тоже цвели. Не так ярко и не совсем под снегом, на работу приходили не только зарплату получать, а пять раз в неделю, как обычные труженики.

Мальчишка из нашего города на «Кожаном мяче» звезданул. Питерцы вундеркинда заметили и быстренько оформили в спортивный интернат. А поскольку ребёнок несовершеннолетний, пришлось отца в нагрузку брать, угол предоставлять и рабочее место. Три или четыре сезона отыграл парень за «Зенит», потом перешёл в «Торпедо». Сытным калачом переманили, может, и не сыгрался. Разное поговаривали. Короче, вали волку на холку, серый всё вывезет. Дело в другом. Взросленьким стал. В Москву уже без родителя поехал.

Папаша вернулся в родной город. И наш начальник взял его к себе. Слава – штука соблазнительная. Даже чужая греет. Ей и поделиться не жалко. Начальник собрал конторских и торжественно представил нового работника. Напомнил о достижениях его сына. Коллективу приятно. Все, конечно, понимают, что проку от специалиста никакого. Так не впервой же. Без балласта не получается. Зато благодаря ему вроде как и к неведомым высотам поближе. Каждый вправе сказать: я, мол, с папашей центрального нападающего из «Торпедо» в одной конторе работаю. Команда в те времена в середнячках болталась. Но «Торпедо» есть «Торпедо»! В нём сам Стрельцов когда-то играл. Кстати, под тем же номером.

Желающих покрутиться возле знаменитости всегда хватает. Они как мухи над кучей варенья. Да и просто любопытных пруд пруди.

Заманили папашу в шашлычную. Водочку он позволял, но не курил – здоровье сына с детства берёг. Наши благодарному примеру не последовали, но оценили. Герой один, а вопросов тьма. Те, кто попроще и на имена падкие: «Видел ли живого Федю Черенкова? Видел ли Блохина? Что там про Эдика говорят, правда ли, что это дочка турецкого дипломата к нему в постель залезла, или динамовцы специальную девицу по-

дослали, чтобы потом изнасилование пришить?» Кто-то вспомнил, что и про дочку Фурцевой поговаривали. Сплетен много, но проверить-то хочется. Вдруг какая-нибудь правдой окажется.

А что он мог прояснить? На той злосчастной даче его не было. А врать не стал. Молодец!

Про заработки, конечно, спрашивали. Как же без этого. Думали, что лапшу на уши вешать начнёт. Ничего подобного. Признался, что платят не хуже, чем профессорам, премии за победы дают. Но кому и сколько – замаял.

Зато, когда про договорные игры зашёл разговор, встал горой. Сплетни, мол, болтовня, всё по-честному, ребята костью за победу ложатся, а если не получилось, так на то она и игра, поле ровное, мяч круглый. Это на Западе, где большие деньги крутятся, там всякой грязи полно. А у нас тотализаторов нет, деньги маленькие, потому и корысти взяться неоткуда. Кого-то даже убедил.

Короче, зря поили.

Правда, перед тем как расходиться, намекнул, что сынишку в сборную могут взять. Может, и обещали парню, может, папаша прихвастнул – выпил всё-таки. Но лучше бы не заикался.

Потом ему эту сборную припомнили.

Первое любопытство утолили и перестали обращать внимание.

Сидит мужичок в ПТО, бумажки перекладывает. Дело, конечно, пустое, но и в пустом деле свои тонкости присутствуют. А человек в возрасте. Извилины гнутся со скрипом. Раз ошибся, два перепутал, три напортачил... Исправить, может быть, и нетрудно, а в народе раздражение. Особенно в женском. Им до его футбола, как до Марса. Впрочем, и до Маркса так же далеко. Да ещё и свой мужик вместо концерта Пугачёвой футбол включает. Как тут не поворчать?

От нудной работы и тараканы на полати ползут, а человеку, если здоровье не позволяет бюллетенить, спасение только в курилке. Сам пусть и не курящий, зато коллектив заинтересованный и благожелательный. Кто-нибудь обязательно спросит, как там сынишка, какие новости в команде мастеров.

Дотянул до весны. Сезон открылся. Ждали обозу, а дождались навозу. Папаша надеялся, наверно, что люди подберут, интерес подогреется. А вышло наоборот. Надежды юношей питают, отраву старцам подают, так вроде в школе учили.

«Торпедо» по телеку не показали – объясняй почему.

Сын на скамейке просидел – опять выкручивайся, причины выдумывай.

По воротам не попал – хорошую атаку испортил.

Пас не дал – пожадничал.

Гол забил – с такой позиции любой колхозник не промажет.

Хоть в курилку не заходи. Так и в отделе покоя не дают. Бухгалтерша с претензиями подошла, спрашивает, почему сынишка за собой не следит, знал же, что по телевизору показывать будут, а вышел на игру с невымытыми волосами. Секретарша с издѣвочкой заглянула – неприлично молодому человеку на виду у всей страны закрывать руками причинное место. Сборная проиграла, сразу припомнили хмельное хвастовство, и без ехидинки не обошлось: дескать, если бы вашего пригласили, совсем бы другая игра была.

Куда бы ни ткнулся, всюду офсайд. Года не продержался и уволился.

А мы, между прочим, не упускали случая похвастаться, что работали с ним в одной конторе. И год спустя, и два, и три.

БЮСТГАЛТЕР НА СЕВЕРНОМ ВЕТРУ

А что это я всё о мужиках? Среди женщин тоже весьма интересные особы встречаются. Я не о внешности. Красивая баба – это... Как бы вам сказать... Да, в принципе, и говорить нет смысла. И дело не в том, что внешность обманчива. На красивую надо смотреть. Хотя и на Викторию нашу заглядывались. За пазухой одно богатство, ниже талии – другое. Но талия меж этими богатствами тоже присутствовала. Жгучая брюнетка. Она утверждала, что в её жилах течёт четыре крови: русская, греческая, польская и еврейская, хотя многие принимали её за хакаску. Работала у химиков. Фильтры налаживала, котлы кислотой промывала, но это неинтересно, в химии нормальному человеку разбираться некогда, очень тёмная наука. Но спиртешко у неё водился. Особо больных по утрам частенько выручала. И сама под настроение любого мужика могла перепить. Анатолий Степанович звал её Виктором. Мог запросто сказать: «Виктор вчера в гости заходил, бутылку принёс, душевно поговорили», или прямо в лицо и при свидетелях: «Виктор, а не сходить ли нам в пивнуху?» И она вроде как злилась, кричала, грозилась убить.

Потом прижимала его лысеющую голову к своей мощной груди и мурлыкала: «Убила бы, но люблю подлеца».

Мне кажется, она и вправду была влюблена в него. Хотя, если верить её рассказам, любовники у неё не переводились, и все непростые – от спортсменов до профессоров. С двумя даже в ЗАГС ходила. Но из наших орлов вроде ни с кем ничего, ни при каких... Даже Валера Клиндухов помалкивал.

Модницам в те годы несладко жилось. Не у каждой имелся блат в торговле и не всякая могла позволить себе слетать на барахолку в Одессу или в Находку. Виктория – дама общительная, какие-то знакомства у неё, конечно, были, но главное, что сама умела найти там, где другие ничего не находили. Послали её в Дудинку. Пришла в магазин. Видит цигейковые детские шапочки, крашенные под леопарда. Уцененные! Рубль штучка, два – кучка. Закупила на полторы сотни и целый месяц белыми полярными ночами порола эти шапки. Помощницу, молодую специалистку, подпрягла, доверила рукоделье от безделья. Не удивлюсь, если и местных лаборанток загрузила. Освободила шкурки от всего лишнего, упаковала в три ящика и отправилась домой с попутным танкером, чтобы на авиапочту не тратиться. А в городе нашла хорошего портного и заказала три шубы: одну – себе, другую – матери, а третью – продала. Мало того, что себя и матушку бесплатно приодела, так ещё и на ресторан хватило, чтобы обнову обмыть. А шуба роскошная получилась. Анатолий Степанович увидел и закричал от восторга: «Обалдеть можно! Виктор, ты прямо как витязь в тигровой шкуре!»

А Виктория шубу распахнула, прижала его к себе, потом оттолкнула и говорит: «Нахамить даме особого ума не требуется, а полёт её фантазии оценить не каждому дано».

Она и в преферанс неплохо соображала, но играла очень шумно, с криками, оскорблениями и угрозами, поэтому, если ситуация позволяла, старались её не брать. Но она запросто могла выманить какого-нибудь игровишку из-за стола, сунуть ему червонец, чтобы за вином сходил, а сама плюхнуться на его место.

Командировки у нас долго не совпадали. Но сколь верёвочка ни вейся... Угораздило! На одном объекте и в одной гостинице.

Приходим в столовую. Только винегрет доклевали, она выдёргивает из сумки пакет и бе-

жит к другому столу. Углядела, что люди поднялись и оставили недоеденную котлету. Опрокинула тарелку вместе с остатками макарон в пакет и вернулась к нам, доедать свой обед. Я человек привычный и похлеще придурков видал, но начальник мой, тот, что наполовину немец, наполовину остяк, мужчина интеллигентный, сразу возмутился: как, мол, не стыдно объедки с чужих столов собирать, что люди о нас подумают?

Виктория нижнюю губу оттопырила, смерила моего шефа брезгливым взглядом.

– А мне плевать, – говорит, – пусть думают, что угодно, меня возле гостиницы два влюблённых пса дожидаются.

– В кого влюблённых? – не понял он.

– В меня! В кого же ещё можно влюбиться? – возмутилась она. – Пусть и бездомные, но всё равно приятно!

Подходим к гостинице. Собаки под окнами её номера лежат. Учюали кормёжку и навстречу кинулись, аж повизгивают от радости. И Виктория вся в блаженстве. На корточки присела, щёку для поцелуя подставляет. Они ею не надышатся, она на них не наглядится.

Я уже говорил, что главные удобства в северных гостиницах выставлены на свежий воздух. И бельишко простирнуть тоже негде. В длинной командировке без постирушек не обойтись, особенно женщине. Но на каждой приличной котельной имеется душ. Виктория потребовала у местного начальства новое ведро, якобы для анализов, и устроила себе банно-прачечный день. Вышла из душевой с полным ведром мокрого белья. Подозвала слесаря и велела натянуть проволоку в кабинете начальника. А тому куда деваться, если такая представительная дама приказывает? Добыл у электриков изолированный провод, пару дюбелей и сдал работу со знаком качества. Виктория пообещала ему налить мензурку неразбавленного и отпустила. Потом развесила бельишко, покурила и ушла к своим фильтрам просвещать лаборанток.

Жена начальника работала в отделе техники безопасности. Шла мимо по своим делам и решила заглянуть к муженьку. Без всякой задней мысли, просто время рабочее скоротать. Заходит и видит вражеские знамёна. Другая, может быть, и в обморок упала бы, но эта выносливой оказалась. Засаду решила устроить. Позвонила в контору, узнала, что планёрка закончилась,

значит, благоверный должен появиться с минуты на минуту. Сидит переживает. Поднимет голову, полюбуется чужими трусами и лифчиками, оценит внушительность размеров, сравнит со своими и копит ласковые слова.

Дождалась.

Вошёл муж. Увидел порнографическую живопись и остоленел. А жене и не надо его оправданий. Сдернула с провода чужие трусы и по харе справа налево. Потом распахнула раму – и летите, голуби, летите, для вас нигде преграды нет.

Остальное выбрасывал уже он. Очистил служебный кабинет, схватил жену за руку и потащил к Виктории слушать объяснения.

А у той на его претензии десять своих. И личных, и производственных. Обеспечьте специалисту человеческие условия, переселите в люкс, который для партийного начальства прячете, наведите чистоту в котельной, выделите лаборантам отдельное помещение и так далее. А для того, чтобы сказанное лучше усваивалось, не скупясь, пересыпала доводы доходчивыми матерками. Жена послушала интеллигентную даму в белом халате и все подозрения забыла, прониклась сочувствием и сама пошла собирать разбросанное бельё.

Так бы всё и обошлось маленькими нервами, без особого скандала, если бы не северный ветер. Когда начальник выкидывал тряпочки, чёрный бюстгальтер подхватило воздушным потоком и бросило на трос растяжки, которая трубу держит. А заусенцы на таких тросах чуть ли не на каждом сантиметре. И повисла эта интимная принадлежность, как чёрный пиратский вымпел.

Высоко. Не допрыгнешь. Не собьёшь.

Развевается, но не улетает.

День висит. Два висит. Народ посмеивается. Любознательные из других цехов на экскурсии приходят. Начальник мрачнее тучи. Жена боится, как бы в запой не сорвался. С работы выгнать, а на руднике это чревато – могут даже и слесарем не взять.

Думала-думала и придумала. Купила ему бутылку и отправила к другу-охотнику, чтобы тот сшиб неприличную улику из ружья. Охотник водки выпил, задумался и отказался. Сомнения обуяли, как бы зарядом трос не перерубило. Рухнет труба, и самому стреляться впору. За диверсию такой срок накрутят, век свободы не увидишь. Рудник-то зеки начинали строить. Мало ли, что времена изменились, – ветер све-

жий, а страхи те же. Ими, как радиацией, и земля, и воздух пропитаны. Сам стрелять отказывается и ружьё не даёт. Больному страхом всюду статья мерещится. Начальник за второй бутылкой отправился. Ищешь одно, а находишь другое. В магазине его осенило. Баба перед ним соль брала. И вспомнил он, что сторожа вместо дробы солью патроны заряжают. На сдачу от водки взял пачку нейодированной соли, она покрупнее, и радостно побежал к охотнику. И убедил. Вскрыли два патрона, высыпали дробь, запыхали соль и отправились на ликвидацию. Охотник, пусть и выпивший, но управился одним выстрелом. От бюстгальтера только ключья полетели.

Но Виктория не удержалась, чтобы не напугать. Объяснила ему как дипломированный химик, что поваренная соль усиливает коррозию металла, поэтому выстрелом своим они заложили мину замедленного действия. Озадачила мужика на ближайшее будущее.

Но это ещё не всё. Если какая-то местность принялась шутить над человеком, она просто так не отпускает. По себе знаю.

В те годы вылететь летом с Севера было сложнее, чем с южного курорта. Продрогшее за долгую зиму население оготело рвалось к дешёвым витаминам и тёплому солнышку. О билетах на самолёт надо было заботиться предварительно или искать блат. Шеф мой подпряг нужных людей. Его, конечно, помуржили для порядка, но за день до отъезда позвонили и велели приходить с паспортами. По правилам хорошего тона в таких случаях положено выставлять прозрачное человеческое спасибо. А шеф мой, как я уже говорил, наполовину немец, наполовину остяк. И, видимо, за долгую командировку немецкий полушарий подустал, а остяцкий на северном ветру возбудился. Не уследил мужик за собой. Перебрал. Доплёлся до гостиницы и рухнул. А у меня в тот день работы не было, и я договорился с местными мужиками в преферанс поиграть. Короче, бросили даму на растерзание сомнениям. Не подозревали, что и она волноваться способна. Несколько раз в номер прибежала. Сначала никого не было. Потом увидела шефа, спящего поверх одеяла. Нюх у неё тонкий, учуяла причину усталости. Растормошила и требует свой паспорт с билетом. Он спросонья сунул руку в задний карман брюк, а там — пусто. Пробормотал, что выронил, когда в сортир ходил, и снова мордой в подушку. Она ещё раз тря-

ханула его. Усадила на койку, попыталась допросить, а он глянул мутным взором, извинился и снова упал.

Возвращаюсь после игрищ. Довольный и расслабленный. Вижу, Виктория караулит на лавочке возле входа в гостиницу. Хватает меня за руку и тащит туда, где жирная буква «М».

— Смотри, — говорит, — он там!

Я не врубаюсь: кто, куда, зачем?.. Она объясняет ситуацию:

— Ни денег, ни паспортов, ни билетов, — говорит. — Были ценными специалистами, а превратились в бичей.

Я никак переключиться не могу, спрашиваю, что делать.

— Извлекать будем! — кричит. — Я уже ведро нашла, осталось только ручку приделать.

Ведро она спёрла с пожарного щита: красное, с коническим дном. Но чтобы соорудить черпак, нужны гвозди и молоток. Женщину это не заботит. Огляделся. Увидел забор. Отодрал штакетину, вытащил из неё гвозди. Выпрямил, как мог. Пока ведро к штакетине камнем приколачивал, пару раз по пальцам угодил. Маялся, калечился и всё напрасно. Сортирное очко оказалось уже моего агрегата. Но здесь, кроме себя, винить не кого. Мог бы и примерить, перед тем как городить. Пошли на помойку искать какую-нибудь замену. Виктории повезло быстрее. Нашла большую банку из-под селедки. На колу мочало, начинай сначала. Реконструировал черпак. Тонкую жёсть пробивать проще. Даже дырки в днище сделал, чтобы жидкость стекала.

Ситуация, кстати, весьма распространённая, многие мужики пострадали. У меня самого бумажник пару раз из заднего кармана выпадал. Правда, не так глубоко и не в такую жижу.

Потерю удалось подцепить с первого раза, но счастье было недолгим. Предмет, который Виктория приняла за бумажник, оказался чужой записной книжкой. У дамы тушь с ресниц потекла, а мне пришлось вспомнить, что мой героический дедушка в трудные времена не брезговал профессией золотаря. Кстати, если бы ведро пролезло по габаритам, зачерпнуть им я всё равно бы не сумел. Сортир на вечной мерзлоте стоял, и утопить черпак можно было сантиметров на тридцать, а дальше — лёд. И ещё, чуть не забыл: чтобы мне приятнее дышалось, Виктория соорудила из платка нечто типа респиратора и смочила его духами.

А шеф мой тем временем проснулся, выглянул в окно, увидел возле сортира два привидения и всё вспомнил. Пропажа лежала под матрасом. Шеф обрадовался и, как порядочный человек, пошёл сказать нам, что поиски можно прекратить. Виктория увидела его с бумажником в руках, выхватила у меня черпак и ринулась в наступление. Бедолага наутёк. Метров двадцать гналась, и страшно подумать, во что бы его превратила, если бы не зацепилась черпаком за столб и не упала.

Даже я не сразу осмелился помочь ей подняться.

Подхожу, а она плачет.

Потом встала, выматерилась и повела меня к себе в номер. У неё там спиртишко в заначке был. Без него после таких переживаний нельзя. Выпили и расхохотались.

– Иди, – говорит, – позови этого придурка, а то ещё сдохнет от угрызений совести. Да и опохмелить надо.

Отходчивая баба.

Сергей Кузнечихин и поэт Юрий Беликов (Пермь) у могилы М. Волошина в Крыму

Нина
ЯГОДИНЦЕВА

ВЕЧЕРНИЙ КРУГ

* * *

*Вернись в тот сон, где ты была
Любима и светла от счастья,
Где Богородица прошла
В окно к соседке постучаться,*

*Где тайну нянчит белый сад
И на ветру смеются вишни,
Где материнский лёгкий плат
Печали шёлковые вышили...*

*Ты помнишь – всхлипнуло дитя,
Когда калитка заскрипела,
Сухую веткою тебя
За сердце яблоня задела –*

*И словно чёрным чертежом
Вдруг отчеркнула безвозвратно:
В каком-то городе чужом
Ты сны чужие смотришь жадно,*

*И эти кровь, и смерть, и блуд,
Придуманные воспалённо,
В твой сад, пока ещё зелёный,
Волною огненной идут.*

* * *

*И даже сердца – нет, не жалко,
Не жалко, нет!
Упали розы полушалка
В глубокий снег...*

*Что я скажу ночам бессонным
Об этом дне?
Он светит, точно нарисован
На полотне.*

*Но золотой тропинкой сада
Не я бегу,
А полотно небрежно смято –
И всё в снегу.*

*Поднять, стряхнуть, накинуть снова –
И до избы,
Где ткut суровую основу
Моей судьбы.*

*Где всё – и старость, и усталость,
И шлях в пыли.
А розы на снегу остались –
Не мне цвели*

*Зарёй горячей, незакатной,
Чужой судьбой...
Любви и смерти не загадывай –
Они с тобой.*

50

ЯГОДИНЦЕВА Нина Александровна родилась 29 января 1962 года в Магнитогорске. Выпускница Литературного института имени Горького. Секретарь Союза писателей России, кандидат культурологии, доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинской государственной академии культуры и искусств. Руководит межвузовской литературной мастерской «Взлётная полоса», ведёт литературные курсы ЧГИК. Член совета по критике Союза писателей России. Автор более 20 книг, лауреат ряда международных и всероссийских премий в области литературы, критики, перевода, науки и творческой педагогики.

ВЕЧЕРНИЙ КРУГ

1

Я выбираю заново ту судьбу:
Закат империи, столица её, весна.
Тверской бульвар с проталинами в снегу,
Читалка Литинститута, где я одна

Перевожу поэтические суры
О предстоянии человека перед Творцом...
Март потихоньку подтапливает дворы,
И над разомкнутым бульварным кольцом

Молчаливые птицы закладывают вираж,
Соединяя собою разъятый круг.
Бумагу жёстко царапает карандаш,
Выписывая ряды угловатых букв,

И воздух гудит отпущенною струной,
Тугой тетивой, пославшей стрелу в полёт...
Тыходишь тихо. Садись рядом со мной.
Ты говоришь: «Не плачь, ничего, пройдёт».

Конечно, прошло. И мы пятнадцать лет
уже врозь,
По разные, кажется, стороны той струны –
Ещё тогда моё сердце оборвалось любовью,
Тоской и смертельным чувством вины.

Но почему они возвратились ко мне сейчас,
В две тысячи одиннадцатом, зимой?
Так почтальон приходит и, не стучась,
В дверную щель подсовывает письмо,

Белым ослепительным уголком
Срезающее неосторожный взгляд...
Дверь отворяю – пусто. Под потолком
Лампочки вывернутые горят.

Урал. Челябинск. Общага под Новый год.
Кругом бутылки из-под пива, и в них бычки.
Страна умирать не хочет. Она живёт
В бессрочной коме. Открой теперь и прочти,

Что было написано в тысяча девятьсот
Восьмьдесят четвёртом, с каких высот
Летела в стаю пущенная стрела
И круг её вечерний разорвала...

2

Всё на продажу или навыворот.
Фьючерсы, курсы валют, тоска.
Жизнь в супермаркете молча выберет
Смерть. Почему-то ещё пока

Чудится воздух – весенний, солнечный,
Птичий – опора для хрупких крыл,
Детская радость до самой полночи...
Утром проснёшься – и всё забыл.

3

Ужас возвращения в средневековье.
Будни пахнут пивом, пылью и кровью.
Бесчисленные гадания и камлания,
Сожжён заживо, побиванья камнями...

Мир рационален ровно настолько,
Чтобы снова затеять вавилонскую стройку,
Добраться, спросить у Бога: «Ты ещё там?»
Пора платить по счетам!»

4

Разве я знала, что нашей любви мне хватит
на долгую-долгую жизнь потом?
Одной растить и учить детей,
ремонттировать ветхий дом,
Смотреть по TV репортажи с пляжей Египта,
из пламени Ливии, с японских АЭС?
Моя любовь навсегда останется здесь,
На этой горькой земле, вымирающей каждый
день, чтобы просто жить.

57 В потоках липкой, политой синтетическим
шоколадом лжи.

В рекламных слоганах, мерзких наклейках
с чужими буквами, ливнях, снах...
Моя любовь принимает всё, даже детский
нелепый страх,
Что однажды и эта жизнь рассыплется в прах.

5

Вечером после ливня стрижи встают
на крыло.
Небо к сырому закату краешком прилегло,
Тёмным неровным краешком, неряшливой
бахромой...
Тучи идут домой.

Так проходят грозы – дай Бог, чтоб наша
прошла...
Капельку дождевую стригонок смахнул с крыла,
Рванул куда-то в сторону – не бойся,
малыш, держись!

Иногда непогода длится целую жизнь.
Это ведь как получится, что выпадет
на роду...
Только останься в небе, у Господа на виду.

От января до июля – видишь, крылом подать.
Кто были вечерние птицы, надо ли нам
гадать?

Новые народились, и город уже другой.
От ливня до снегопада – только взмахнуть
рукой.

Поэтому неподвижно у распахнутого окна
Стою одна.

6

Несбывшегося больше. И оно,
По счастью, никому не суждено.

Оно в прохладом воздухе разлито,
Засыпано опавшею листвою,
Оно приходит молча, как молитва,
И тайно обретает голос твой.

И кажется, оно дано тебе лишь:
Взлетай, как тот неловкий юный стриж!
Ты говоришь – и сам себе не веришь,
Ты веришь лишь тому, что говоришь.

Никто не обещал тебе покоя,
Но вот они – воздушные пути!
А сбудется – лети! – совсем другое.
Совсем другое сбудется. Лети.

ХРАМ

Видно, крепко небо помнило
Злую удасть здешних мест:
Трижды в купол била молния,
Трижды сбрасывала крест.

Трижды с долгими молениями
Вновь увенчивали храм.
Уминали прах коленями,
Лбы крестили по утрам,

А потом порою шаткою
В зябкой розовой пыли
Появились со взрывчаткою –
Заложили, подожгли...

Только стёкла мелко брызнули!
Но когда растаял дым,
Над приземистыми избами
Храм вознёсся, невредим,

Всеми главами точёными
Над быльём и вороньём –
Только лики стали чёрными
В гнев горестном своём.

Пронеслись десятилетия –
Мастерская, школа, склад...
Всё прожили – не заметили
Обретений и утрат.

Но однажды встала молния
Вместо прежнего креста,
В колокольное безмолвие
Пала горькая звезда, –

Загудел набат над крышами,
Поднял стаи на крыло,
И очнулись, и услышали:
Горе-горькое пришло.

А куда с крутого берега?
Только в воды Иртыша...
И не заново поверила –
Болью вздрогнула – душа:

Копоть смыли, сажу считили,
Сцеловали боль и гнев,
В самой светлой Божьей истине
Усомниться не посмеет...

* * *

Тоске не выискать обновы –
Ну разве что среди полей,
У края полого льняного
Увидеть журавлей,

Домой летящих бездорожьем
Весны небесной и земной...
О Господи, как осторожно
Ты говоришь со мной

О неизбежном и суровом,
О неизбывном и родном!
Не словом, Господи, не словом,
А словно сном...

Так заслоняют лёгкой тканью
Свет, обжигающий глаза, –
И не бывает проще тайны,
И разгадать нельзя.

* * *

*Первый заморозок. Сны
В глубине согретых комнат.
Так далёко до весны,
Что её никто не помнит.*

*Над долиною речной
Гаснет лучик обречённый,
И травую-тишиной
Зарастает двор мощёный.
А проснёшься поутру –
И глаза открыть не хочешь:
Дождь полощет на ветру
Рваный плащ осенней ночи,*

*И плывёт сквозь потолок,
Нарастая в нежной силе,
Голубиный топоток,
Шелест лёгких шестикрылий...*

* * *

*Какая-то птица счастливая пела...
Бессонница длила неведомый путь.
И смутное, робкое сердце не смело
За чёрную кромку зари заглянуть.*

*А ночь провожала свои караваны –
Они бездорожьем брели в никуда,
Туда, где восходила и пламенем рваным
Тоску прожигала чужая звезда.*

*И кровь закипала, почуяв чужое,
И запах металла по воздуху плыл.
И шли, растопырив стальные чешуи,
Армады холодных и страшных светил...*

*Но птица счастливая пела! И ветви
Пустынных дорог становились черней,
И лёгкие тёплые волны рассвета
Одна за другою вставали над ней.*

Елена
ТУЛУШЕВА

РАССКАЗЫ ИЗ ЦИКЛА «ПОДЪЕЗД»

Елена Тулушева пишет строгую, жёсткую и притом тонкую, истинно художественную прозу. Её рассказы оставляют ощущение документальности. Не думаю, что они действительно абсолютно документальны, но настоящий реализм и должен быть достоверным. Реализм призван к тому, чтобы люди поверили: вот так и было на самом деле. В этом его сила, в этом сила и редкий нынче дар Елены Тулушевой.

Она не играет словами, смыслами, интеллектом; не играет в литературу. Она её создаёт. Превращает в кристаллики мезиво ежедневной жизни, запечатлевает людей с их нехитрыми, но всё же особенными, неповторимыми в деталях судьбами...

Роман СЕНЧИН

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА

Мария Васильевна неспешно оделась: натянула спортивные брюки, ветхую блузу, достала калоши, повязала косынку. Дом начинал затихать. Миша бы очень ругался, увидь он её сейчас в «таких лохмотьях». Но она всё рассчитала. Два года бессонницы дали ей достаточно времени, чтобы изучить ритм жизни соседей.

ТУЛУШЕВА Елена Сергеевна родилась и выросла в Москве. Училась во Франции, работала в США с детьми и подростками из гетто. Затем вернулась в Москву, где окончила Институт психотерапии и клинической психологии. Работает в детском реабилитационном центре для подростков с нарушениями поведения (наркомания, алкоголизм, бродяжничество). Училась на Высших литературных курсах (семинар А. В. Воронцова) в Литературном институте. Её книга «Чудес хочется!» на VII Славянском форуме «Золотой Витязь» удостоена серебряной награды. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Понедельник. Программа «Время» давно закончилась, собачники возвращались с прогулок – значит, уже начало одиннадцатого. Виктор с третьего этажа вернётся не раньше часа. Его смена в автобусном парке до полуночи. Он единственный, кто может пройти мимо неё. Из «неспящих» есть ещё молодёжь. Они часто подолгу стоят у подъезда, шумно расходясь уже за полночь. Но, во-первых, они откуда-то сверху и всегда ездят на лифте. А во-вторых, сегодня понедельник. Мария Васильевна давно заметила, что по понедельникам жильцы стараются поскорее прийти домой и больше не выходят. Устают. Подъезд засыпает раньше. Она потому и выбрала понедельник – первый понедельник каждого месяца. Вот, например, в пятницу она бы не рискнула. Подъезд бурлит, гудит, суетится. Всю ночь слышен топот. А зимой эти с верхних этажей вообще так и сидят на лестнице, курят, выпивают и всё болтают, болтают. Слышно даже через закрытую дверь.

Когда-то, еще в первый год после переезда, она посоветовалась было с Мишей, не поговорить ли с ребятами, чтобы вели себя потише. Сын разгорячился:

– Это тебе не Гомель! Не надо здесь никого воспитывать! Ты понимаешь, что здесь так не делают?! – потом заметил её растерянность и чуть мягче добавил: – Mam, я тебя прошу. По-

жалуйста. У меня и так столько проблем. Не усложняй. Сидят они, лично тебе ведь спать не мешают?

– Да мне-то, Мишенька, не мешают. Я и днём могу прилечь, а остальным каково? У нас и с детьми семьи есть, а на первом этаже пара врачей. Им, бывает, с утра на дежурство. Я же только попросить хотела, чтобы потише...

– Мам, пожалуйста, заканчивай эти свои привычки. Вот ведь, зашёл на чай, а в итоге, как попугай, одно и то же тебе объясняю! По какому разу, а ты не слышишь!

– Мишенька, ты извини-извини! – всполошилась она. – Я не буду. Я тебя поняла. Ты поешь, отдохни, а я молча посижу. Извини меня.

Так и не поняв реакцию сына, она всё же не решилась поговорить с шумной компанией, хотя и была уверена, что нашла бы нужные слова. Всё-таки тридцать пять лет проработала в школе. Почётный гражданин города. Сколько было сложных ребят, непростых семей, но диалог всегда получался.

Она была строгим учителем. За принципиальность и активность директор продвигал её по партийной линии. «А разве можно было быть не принципиальной, – привычно заговорила она сама с собой. – История – это не литература, двух мнений здесь быть не может. А история компартии в старших классах – тем более. Разве можно тут искать компромиссы? Так не патриотов вырастишь, а предателей. Их ведь, молодых, так легко запутать, так легко увести по ложному пути. Тогда нам, конечно, было проще. Учебники на всю страну одинаковые, программа – утверждённая, идея – единая. Была система, была логика. А вот как им преподают события девяностых? Ведь и не поймёшь, раньше одна страна была... А сейчас, Миша говорит, каждый учитель может выбрать, какую точку зрения преподнести на уроках. Вот и хамят ребята педагогам, потому что чувствуют, что нет у старших единства, нет честных ответов, оттого и уважения у детей к старшим нет».

Она зашла в кухню, по привычке взяла сухую тряпку и протёрла раковину. Подставила под кран пластиковую баночку из-под сметаны. Миша чинил кран в прошлом месяце, но тот снова подтекал, и за ночь раковина покрывалась бисером брызг. Вымытая посуда высохла. Она переложила приборы в шкаф, повесила влажное полотенце на батарею и огляделась в поисках чего-нибудь недоделанного. Всё чисто. Руки по привычке

ке потянулись к радио. После треска раздались знакомые речи «Политического обозрения». «Тьфу, пропади вы пропадом. Одно и то же мусолят. Лучше бы Радзинского включили. А то вас, лодырей, каждый вечер слушать, а его только по субботам! Ведь какой умничка, как рассказывает... С голосом только не повезло», – она вздохнула, сопереживая писклявому телеведущему.

Мария Васильевна подошла к окну. Со второго этажа проглядывался небольшой участок широкого проспекта. Ей нравилось вечерами смотреть на разноцветные огни автомобилей и яркие витрины. Ночами было красиво, хоть и шумно. А вот днём она старалась в окна не глядеть, особенно засушливым летом. Выцветший на ярком солнце пейзаж навевал уныние: серое шоссе, пыльные тротуары, измождённые жарой люди. Из окон не видно было ни одного дерева. А с прошлого года убрали и газоны. Миша был доволен: «Наконец парковки у вас нормальные сделали, а то, как ни приедешь, один стресс, где бы во дворе прибиться!» Ей было тоскливо наблюдать, как последние зелёные лоскутки – единственные маяки лета – исчезают под серой гладью асфальта. Но если это облегчит сыну приезды в гости, то что ж, она потерпит. Она потерпит.

В Гомеле вокруг её окон извивалась виноградная лоза. Летом тени от листьев кружились по кухонному столу, выписывая узоры, как в детском калейдоскопе. Её маленький огорожок, плотно засаженный овощами и малиной, пестрел всеми оттенками зелёного. Летом приезжали внуки, и весь день проходил в готовке. Но когда она возилась у плиты, переворачивая к полднику ароматные пышки, или строчила девочкам кружевные выходные платица, она, и не глядя в окно, знала, какая картинка снаружи. Каждый куст, каждую вишню соседского огорода, лужайку с ребятнёй, обрамлённую аккуратными сараями, яблоню у общей калитки. Она прожила здесь сорок лет. Они сами с мужем строили этот дом, как и другие пятнадцать семей. Строили долго, добротнo, для себя, для детей, для внуков. Два этажа, два подъезда, погреба, огороды, сарай, закрывающие двор от посторонних глаз. Сорок лет ничего не менялось. Только деревья росли всё выше да выюн расплзся от крыши подъезда, укрывая тёмной зеленью весь фасад дома.

Когда она вышла из квартиры, в подъезде было темно и холодно. Отопление включали только в конце октября. У них в Гомеле в доме

была газовая колонка. Тепло, и горячая вода каждый день. После переезда сюда ей казалось странным снова мыться из тазика летом, как в далёком довоенном детстве.

Из-за соседской двери доносились звуки sireны и стрельбы: сосед засел за сериал. Значит, уже одиннадцать. Она тихонько прикрыла дверь, не решаясь захлопнуть. В прошлый раз из-за перегоревшей лампочки она долго не могла попасть ключом в скважину. И чем дольше пыталась, тем сильнее переживала, что кто-то из соседей её увидит, а потом Мише скажут, и он снова будет ругаться, что она занимается не своим делом и позорит его своим видом. «А в каком, прикажешь, виде выходить? – рассуждала она, натягивая плотные резиновые перчатки. – И потом, ведь я всегда в чистом. А что неновое – так ведь и не на танцплощадку». Она беззвучно переставила к лифту ведро с водой, развернула цветастый, вручную обмётанный лоскут ткани, бывший когда-то её домашним платьем, и беззвучно погрузила его в воду. Отжав тряпку насколько хватило сил, она поднялась на один лестничный пролёт и принялась плавно, одну за другой, мыть ступени. Спустившись к площадке своего этажа, она прополоскала тряпку, с облегчением заметив, что грязи накопилось не так много. В прошлом месяце всю неделю до её «дежурства» город затапливали ливни, и воду пришлось дважды менять. А это время и силы: на улицу вылить, подняться...

Сейчас было сухо. Дожди ушли, а снег пока ни разу не укрывал столицу. Да и пару недель назад к ним всё-таки заглянула уборщица – тучная женщина в грязной сине-оранжевой форменной куртке, с обветренным лицом. Убирать должны были раз в месяц, но уборщица приходила, только когда Рая с первого этажа звонила с жалобами в ЖЭК. Мария Васильевна тоже хотела звонить в ЖЭК, но Миша, услышав это, заворчал: «Ну почему тебе всегда больше всех надо, мам?! Какая тебе разница, что там? Ты же не в подъезде живёшь, а в своей квартире. Придёт время – уберут. Только не вздумай сама мыть – я тебя знаю! Или, тем более, соседям предлагать – решат, что ты не в себе».

Она и заикнуться не успела о своей идее, а Миша уже запретил! А ведь он и сам наверняка помнил, какой у них в доме был заведён порядок. Каждую неделю одна из квартир мыла оба этажа, график висел у входа. В подъезде всегда было чисто, никому и в голову не приходило плюнуть

на лестнице или разрисовать стены. То были свои... Раньше ей казалось: свои – потому что ровесники, к труду в войну приучены, идеей одной шли, воспитанием общим жили. А их дети уже по инерции включались в правила дома. Но переехав сюда, Мария Васильевна с удивлением обнаружила, что дело не в возрасте. Две старушки с первого этажа ни разу за пять лет не ответили на её «добрый день!» Притом та самая громкая молодёжь здоровалась, даже когда она просила их не курить в подъезде. Её сверстницы здесь жили поодиночке, ни с кем не общаясь, редко выбираясь из квартиры. Куда уж с ними было завести разговор о дежурстве. А к тем, что помоложе, она и сама с таким предложением не подошла бы: угрюмые по большей части, всегда торопятся, уставшие, раздражённые. Как и её Миша в последнее время. Совсем другим ведь был.

Пока она вспоминала сына, его шутки, приключения и первые разочарования, она и не заметила, как уже дважды вымыла всю лестничную клетку. Лёгкий запах соды почти выветрился. Она выпрямилась, кряхтя от боли в спине и ногах. Чисто...

Мария Васильевна сидела на кровати, массируя колени дрожащими руками. Всё было вымыто, выстирано, развешано. За стеной давно замолчал телевизор. Наверху сегодня никто не скандалил. Подъезд глубоко спал.

У входа слышались шаги, затем звуки кнопок домофона. Шаги устало зашаркали по ступеням, замерли перед вторым этажом...

Она улыбнулась, представив, как Виктор удивленно смотрит на сияющую чистоту и осторожно, стараясь не наследить, пробирается по краю лестницы домой.

Виктор привычным жестом выгреб из почтового ящика все бумаги и начал разбирать письма. «Опять одни счета! Света белого от вас не видно!» – он раздражённо сплюнул в коробку для листовок и поплёлся домой.

ЗВУКИ МУЗЫКИ

– *Вставай, тварь такая!*

Господи, что случилось?

– *Я тебя, мразь, сейчас пришибу!*

На часах 8:05. Откуда доносится рёв – непонятно.

– *Школа, твою мать, через двадцать минут!*

Школа? Да вроде уже за плечами институт. Кошмарные воспоминания из детства? Вроде такого не было.

– Ты у меня поспишь! Подняться она не может!

Послышались сдавленные вопли. Открыв глаза и сообразив наконец, откуда доносятся крики, Лиза облегчённо выдохнула. Недоумевая, она прошлепала на кухню:

– Мам, это что?

– Ты о чём? А, это? – подняла она глаза к потолку. – Это *артист* свою дочь будит в школу. Доброе утро!

– Да уж, доброе... И давно это у них так?

– Года три. Ты просто раньше в будни не приезжала. Как жена его сбежала, так и началось.

Вопли продолжались ещё минут пятнадцать. Конфликт, по-видимому, разрешился: в окно Лиза увидела вылетающую из подъезда растрёпанную девчонку лет тринадцати с расстёгнутым рюкзаком, на ходу натягивающую не по погоде лёгкую куртку. Со второго этажа её лица было не разглядеть.

Когда Лиза была маленькая, сверху часто раздавались ритмичные постукивания. Мама говорила, что сосед «бьёт чечетку». А теперь, похоже, бьёт он свою дочь. Хотя через пару лет она вернёт ему всё сполна. Раньше Лиза и не видела девочку. На улицу своего ребёнка соседи не выводили, но, судя по грохочущим перекатам, разрешали покататься дома на роликах. Однажды Лиза заметила в заоконном пейзаже метаморфозу: крепкий старый каштан побелел. Но не воздушные «свечки» соцветий украсили его: сверху на ветки плавно приземлялись серпантинки туалетной бумаги. Развлекалась соседская дочка. И ведь тогда на неё никто не кричал...

Ещё часто ночами Лиза слышала вальсы и симфонии. Всё тот же сосед включал классику не очень громко часа в три ночи, полагая, что все уже спят и не проснутся. Музыкальный мужик... Она отхлебнула горячего чая, размышляя, как странно меняются люди. Может, артисты, особенно неудачники, склонны к деспотизму? Сами живут под диктовку режиссёров, продюсеров и всяческих выжиг, вот и требуется компенсация. Не улучшает характер и бытовая неустроенность – гастроли по райцентрам, нетопленные ДК, гостиничные номера на пять коек, больше смахивающие на обшарпанные комнаты общаги...

Хотя этот ещё ничего – сосед сбоку включал музыку днём, да погромче. Даже с годами Лиза так и не научилась понимать, что это: рок, металл или какая-то другая самодеятельность. Отвратительный гортанный рёв был одобрен хао-

тически размазанными воплями электрогитар и рассыпающимися барабанными дробями. Вживую этого странного типа она видела не чаще, чем соседскую дочку сверху, но его музыку слышала даже через беруши. Безуспешно попытёв над «домашкой» под ядерный аккомпанемент, Лиза с детской вспыльчивостью усаживалась за пианино и изо всей мочи вбивала в клавиши бетховенского «Сурка». Сосед должен был испытать на себе всю тяжесть музыкальной мести!

– А рокера нашего что-то не слышно, – она поглощала завтрак, разглядывая унылое утреннее небо.

– Похоронили его летом. Утонул пьяным, царствие небесное, – мама перекрестилась. – Ещё сырников подогреть?

– Судя по его музыкальным вкусам, подземное царствие ему было ближе. Да, ещё бы парочку навернула.

– Лиза, ну что за богохульство!

– Да ладно, может, он вообще неверующий был. Да и какая ему теперь разница, вряд ли обидится.

– Лиза!

– Да, мамуль? Слушаю тебя. Очень вкусные сырники, пасибки.

– На здоровье. Ты всё-таки в родительском доме. Можно как-то без чёрного юмора?

– А без юмора в нашем доме никуда, ты же понимаешь. Ладно, пойду шкаф, что ль, разберу, пока время есть.

– Батюшки, что творится! С чего бы это?

– Кхм, я ведь и передумать могу... – она ехидно улыбнулась и пошла, напевая, в комнату.

Дом просыпался. Натужно гудели водопроводные трубы, нетерпеливо скользили стулья, щёлкали дверные замки, неуклюже топали лестничные пролёты. Сонный лифт лениво карабкался вверх, чтобы, замерев на мгновение, выдохнуть вниз.

Ей захотелось посмотреть на этот поток жизни, выплывающий из подъезда. Она забралась на подоконник, сложила по-турецки ноги и оглядела «сцену». Дворник ритмично почёсывал дорожку корявой метлой. Торопливые офисники загружали обрюзгшие телеса в машины, ругаясь на узкие проезды. Раздражённая мамочка, собрав остатки выдержки, уговаривала плетущегося рядом недоспавшего малыша.

Двор терпеливо ждал, пока его жильцы отыграют привычные роли и разбегутся, оставив его наслаждаться антрактом до полудня. Жизнь бу-

дет кипеть где-то там, на проспекте, а здесь... тишина... до второго действия, в котором вернутся школьники, закопшатся по углам площадки, заполнят смехом подъездные пролёты. Домохозяюшки выплывут с собачонками размером с ладонь. После обеда выползут и мирные пьянчуги посидеть у площадки. В это время они ещё трезвые, выходят пообщаться. Двор снова оживёт. И будет услужливо предоставлять свои подмостки до самой ночи.

Кстати, о пьяницах. В последние годы их почти не видать. Один только и остался местный псих с шестого этажа, сам с собой ругается, уже с утра закупившись алкоголем.

А когда Лиза была маленькая, в пресловутые девяностые, никому не было дело до пьющих. Она вспомнила весёлого кукловода из соседнего подъезда. Он иногда приходил к ним в детский сад со своими смешными номерами. А по ночам, хорошенько выпив, декламировал целые поэмы, прохаживаясь вдоль двора. Читал с выражением, громко. Никто его не гонял, не кричал с раздражением из окон. Принимая игру, жильцы припоминали строчки и старались проговорить их раньше хмельного чтеца.

Однажды они пошли с мамой в детский сад, а у соседнего подъезда стоял гроб. Лиза первый раз вживую увидела гроб. В нём лежал кукольник. Сморщенная бабулька сидела рядом на табуретке, поправляя венки. Кукольник был такой нарядный и чистый, лицо его было без щетины, заметно моложе, и улыбалось. Лизе показалось, что он был очень добрым в тот момент. Даже захотелось подойти поближе, но мама резко ускорила шаг, перекрестившись. Потом мама несколько раз переспрашивала Лизу, не плохо ли ей, не испугалась ли она. А чего было бояться – он вон какой лежал радостный. Ещё мама как-то сбивчиво и не очень понятно рассказала, что так обычно делают в деревнях: выставляют гроб, чтобы соседи могли проститься. Лиза не поняла, почему только в деревнях, но спрашивать не стала: уж очень мама торопилась и как будто сердилась.

Лиза сидела на подоконнике, перебирая детские воспоминания. Откуда-то издали послышалась неуверенная мелодия. Спотыкаясь, она никак не могла разлиться вволю. Лиза замерла, прислушиваясь, пытаясь определить, что это. Слабые звуки долетали едва-едва. Видимо, детские ручонки выводили снова и снова воздушную польку. Это была флейта. Волшебная городская дудочка.

НА ПОСЛЕДНЕМ

Ковёр бы выкинуть давно... Сколько раз бабушке говорил... Да теперь уж ладно, пусть сама решает. Они наверняка будут рады его новости. Бабушка столько лет спала в кухне, а теперь наконец сможет спокойно вздохнуть. Только отчего ж так тоскливо?

Ему хотелось пройти по комнате, как в американских фильмах, когда герой прощается с домом, медленно шагая по пустым коридорам, прикасаясь к знакомым стенам... Но весь проход между его разложенным диваном, громоздким письменным столом и шифоньером преодолелся за три неуклюжих шага.

Диван... Когда-то очень дорогой, чешский, пахнувший новизной, доставшийся дедушке каким-то невероятными усилиями. Теперь, с вытертой красной вельветовой обивкой и выползающим из всех щелей поролоном, он представлял собой унылое зрелище. Никита твёрдо решил, что уговорит Настю купить кровать. Неважно, что квартира будет съёмная. О кровати он мечтал всегда, всю жизнь спал с ощущением, будто это временное место. Этот ритуал, каждый вечер раскладывать и утром снова складывать диван, он напоминал поездку в поезде: скатать матрас, сдать бельё... Наверное, как и у всех малышей, у него была когда-то маленькая кроватка. Но сколько он себя помнил, этот диван был неизменным и таким недвижимым, он как будто врос в комнату, со временем даже отказавшись складываться.

Он уговорит Настю, хоть они уже и поссорились из-за кровати. У неё же куча идей, как заполнить пространство, создать «уют». А ему нужно так мало. Ей придётся уступить. Теперь он будет решать. Так должно быть. Он мужчина.

Никита заметил, что стучит пальцами по запылённой коробке. Компьютер... За четыре месяца он так и не нашёл времени, чтобы подключить отчиму ноутбук. А ведь тот пару раз спрашивал, а потом, видимо, застеснялся.

Стало стыдно и совсем тоскливо. Он вспомнил, как они ездили в магазин. Мама, конечно, тоже поехала, такие покупки всегда выбирали вместе, готовясь и обсуждая уже за неделю, а то и две. Никита ощущал на себе сочувствующие взгляды продавцов и злился, когда молодой высокомерный парень демонстративно игнорировал чудакую пару и обращался с предложениями только к Никите. А мать с отчимом, как дети, подходили к каждой модели, трогали, чита-

ли вслух описание и рекламные брошюры. Им было важно выбрать самим. И Никита молча ждал, не отвечая продавцу.

Когда-то он стеснялся ходить с мамой в магазин: смущала её болтливость, наивные вопросы, привычка разговаривать с незнакомцами. Продавщицы обычно бывали вежливыми, но ему это казалось лживым. Мать не понимала детского смущения, но на помощь часто приходила бабушка: она находила маме дела по дому, а в магазин с внуком ходила сама.

А потом появился отчим. Точнее, сначала он был просто Славик. Смешной, застенчивый, немного заикающийся. Познакомились с мамой в социальном центре на занятиях. У них оказались одинаковые диагнозы, и они радовались этому так искренне, как будто не сниженный интеллект, а особый мир связывал их.

Никита помнил, как Славик приходил в гости и всё говорил, говорил, больше мамы, но при этом постоянно краснея. Никите было лет тринадцать, жизнь кипела, и он не заметил, как Славик стал частым гостем, болтал какую-то ерунду про свадьбу. В «детскую» Славик не входил, иногда подолгу смущённо топчась на пороге. А Никита забавлялся, зная, что тот ждёт, что его окликнут, а нет, так и будет стоять, хоть полдня.

Однажды вечером Никита вошёл в подъезд и услышал шорохи под лестницей. Привычное дело: там часто болтались ребята или курили семейные мужики. Он уже начал подниматься к лифту, но что-то знакомое уловил в шёпоте. Он резко повернулся и заметил мамино пальто.

– Ты чего тут?! – крикнул он.

– Привет, Никит! – мать по-доброму улыбнулась, шагнув к лестнице. Только сейчас он увидел в её руках розу в дешёвом целлофане. – А мы тут со Славой болтаем. – За маминой спиной перетапывался Славик. Лица не было видно, но Никита и так мог представить его обычное выражение неловкости.

– Совсем сдурели?! – Никита и сам вздрогнул от своего крика. Возмущение, гнев, стыд – всё слилось воедино. – Кухни вам не хватает?! На весь дом позориться решили?

Перед глазами замелькали картинки, как сосед, поднимаясь к лифту, вежливо отводил глаза. Как мать по своей привычке наверняка с каждым заговаривала. Воображение мгновенно надумало всеобщий смех, сплетни и перешёптывания. Стыд навалился на него, такой огромный и невыносимый, что он впервые заорал на

мать, не думая, что кто-то может войти в подъезд. А они стояли растерянные, смущённые, непонимающие. Потом он ухватил мать под руку и потащил к лифту, рывкнув Славику, чтобы валил, пока жив. Тот так и замер внизу, пугливо прижимая мамину сумку.

Никита не помнил, что он орал маме, не помнил, что пытался прокричать бабушке. Он нарочито громко хлопал дверьми в квартире, что-то рвал, выкидывал в окно, потом со злобой тщетно пытался прилепить самодельный крючок, чтобы запереться в комнате, хотя к нему и так никто не заходил. Он проснулся за полночь. Заглянул в спальню – бабушка спала. В комнате пахло вальерьянкой. Из ванной слышалось журчание. Он открыл дверь. Там была мама. Она сидела на краю ванны и плакала... Его мама, простоватая («Уж лучше бы молчала», – случалось, сердился Никита), но улыбчивая и светлая, никогда не плакала. Или просто он никогда не видел... Что бы ни происходило, она не унывала, улыбалась восторженно или задумчиво, сочувственно или с сожалением, но улыбалась.

Он растерялся, не зная, что делать. А мама сжимала в пальцах сломавшуюся подвядшую розу и плакала.

Даже сейчас, вспоминая ту сцену, ему было всё так же горько. И вроде всё потом наладилось, со временем он привык к Славику; никто не вспоминал ту вспышку ярости... Но отвратительное щемящее ощущение в горле иногда накатывало. Вот и сейчас он некстати вспомнил этот случай, хотя и так было паршиво. Он знал, как родителям хотелось свой ноутбук, как им важно было «не отставать» от прогресса... Теперь обязательно надо успеть подключить. Только где же выкроить время? Переезд, работа, Настя... Но без него точно не справятся.

– Никит! – в дверь постучали.

– Да, бабуль, чего?

– Никитушка, обед готов. Ты поешь или подождём маму? Они уже вот-вот должны прийти. – Бабушка приоткрыла дверь. – А ты чего такой? У тебя всё в порядке? Бледный какой-то, не заболел? – Она дотянулась до его лба. – Вроде прохладный. Работаешь ты много, совсем зелёный стал.

– Да не, всё нормально, ба. Я подожду, вместе поедим. – Ему хотелось оттянуть момент разговора, ещё какое-то время не слышать их вопросов, не видеть их лиц... – Мусор есть? Выйду подышу.

Никита вышел на лестничную площадку. Удивительно чисто. Только паутинки у потолка ещё с лета. Последний, девятый этаж, чужие сюда не забирались. Он оглядывал знакомые стены, перила с выцарапанным им самим лет в десять «Цой жив». Он тогда и не знал, кто это. Просто видел везде надписи и повторил.

Сколько времени он проводил здесь, откладывая момент возвращения домой, когда нёс из школы очередную двойку или весть о пропаже сменки, когда прятал в портфель трофейный, честно выигранный арбалет, который бабушка заставила потом отдать обратно. Он стоял и по детской привычке ковырял ботинком скол плитки у ступеньки. Возле соседней, 143-й квартиры узор из уродливых коричневых квадратов сбивался. Не хватило, видать, цветной плитки и всё залепили белой. В детстве он был уверен, что там, под этим белым куском, находится лаз. Настоящий, секретный. Только нужно встать на нужное место, чтобы он открылся. Он улыбнулся, вспоминая, как пытался «нажать» правой ногой на свой коврик, а левой – на соседский, это и была тайная схема. Потом старуха-соседка жаловалась бабушке: «Никита-то ваш об мой коврик ноги вытирает, чтобы ваш не пачкать». А он стоял, вдавливая подбородок в грудь, готовый взять на себя любую вину, но не выдать догадку о потайном лазе. Да и отпираться было глупо – на цветастом коврике развалились фигурные кусочки мартовской грязи с его ботинок.

Лифт поднимался, приближая знакомые голоса. Через пару мгновений двери открылись.

– Никита, привет! А ты чего так рано? – Мама поцеловала его в щёку.

– П-п-привет, Ни-и-кит. – Отчим протянул красную от холода руку.

– Привет! Да поговорить хотел. Мы с Настей собираемся жить вместе, – он выпалил это так быстро, что сам не понял, как проговорился. Но в тот же момент стало удивительно легко, как в детстве, когда приходил с плохими новостями, а дома сидели гости, и никто уже ругаться не мог.

– Вот это новость! – мама засияла. – Здорово, Настенька хорошая такая!

– П-поз-здр-здравляю! – Славик снова протянул руку.

– Да, спасибо, пока не с чем особо. – Никита был смущён их реакцией и досадовал на себя, что так долго тянул с новостью.

– А бабушке говорил? – Мама звонила в дверь, неотрывно глядя на Никиту и улыбаясь.

– Не успел ещё, вас ждал.

Бабушка открыла, они зашли в коридор.

– Mam, Никита-то наш женится! – выпалила мама.

– Этого я, между прочим, не говорил, – Никита улыбнулся маминой прямоте.

– Да ладно уж, понятное дело! – Мама подмигнула ему. – Настя к нам переезжает, будем все вместе!

Повисло молчание. Бабушка удивлённо взглянула на Никиту, который растерялся от маминых слов. Славик стоял у двери, не решаясь пройти дальше, пока все столпились на проходе.

– Это правда, Никитушка? – Бабушка прижала руки и расплылась в улыбке. – Ты мой дорогой! А я смотрю: чего такой с утра? Что ж не сказал, думал, родная бабушка не поймёт? Да мы все так любим Настю! Давно пора. А то живёт с подружкой на съёмной квартире, и ей житья нет, и ты, бедный, выдохся туда вечерами ездить. А тут и дом, и все свои, и на всём готовом.

Никита стоял, не зная, как лучше продолжить разговор.

– Да это ещё не решено. Может, мы обедать пойдём? – Ему было неловко стоять под общими взглядами и улыбками, осознавая, что придётся их разочаровать.

– Конечно, идём!

Мама сняла пальто и пошла мыть руки. Славик продвинулся вперёд и начал старательно пыhtеть над шнурками.

– Это ещё не точно, бабуль. Своё жильё всё-таки хочется... Может, мы одни...

– Конечно, своё лучше. Эта-то квартира твоя. И комната у вас своя будет. Мы маму со Славиком в «детскую» переселим, а вас – в спальню. Кровать купим или диван раскладной? Хотя места там много, чего вам на диване мучиться.

– Да я не знаю, ба, – Никита совсем растерялся, уже не понимая, где его мысли, где Настины, где бабушкины... – Может, снимать лучше...

– Да чем же это лучше?! Сам сказал: своё жильё хочется. Настя, что ли, хочет?

– Вроде того, – ему снова стало стыдно за враньё, но сказать по-другому не получилось.

С другой стороны, это, и правда, была Настина идея. Как сейчас с бабушкой, так и месяц назад в разговоре с Настей он и не заметил, как предложил ей жить вместе. Она что-то говорила про цветочные сочетания в доме, он как-то невнятно пошутил... И тут она вдруг расплакалась,

что ему на неё плевать и он и не любит её вовсе, раз за два года не предложил жить вместе... Ни с чего как давай рыдать. Он и предложил. Потом они сразу помирились, и он удивлялся, почему раньше сам не додумался, ведь это так просто и логично – жить со своей девушкой вместе...

– Мы пока ещё не решили, бабуль. Снимать квартиру сейчас легко, можно найти недорого и к работе поближе.

– Ох, натаскались мы с дедом по казармам и съёмным квартирам! Бывало, и комната хорошая, и соседи замечательные, и жили дружно... но ничего не сравнится со своим жильём. Здесь каждый угол твой. Тепло хранит, воспоминания, и всё здесь так, как хочется именно тебе. А в съёмной квартире каждый шаг обдумай, даже стены пахнут чем-то чужим, лишний раз гвоздь не прибьёшь – разрешение спрашивать нужно. А ведь это, Никитушка, очень важно, когда можешь сам решать. А что Настя хочет, так ей так и так

вдали от своих жить. Но она просто пока не понимает: на тебя и приготовить, и постирать, и погладить, а она сама работает и учится вечерами. Когда всё успевать будет? Вот и начнётся у вас ругань. А тут ещё и квартира съёмная.

– Ну, это мы ещё не решили. Мы пока обсуждаем...

– А чего обсуждать, если здесь твой дом? Всё-таки мужчина должен решать, а ей придётся и уступать иногда. Так она и строится, семья-то. – Бабушка принесла маме полотенце. – Ну, пойдёте обедать! Теперь столько всего надо обдумать! Славик, что ты всё мнёшься у двери, разделся, так иди за стол.

Славик неуклюже протиснулся за женщиной на кухню. Никита рассеянно захлопнул входную дверь и осмотрелся. Из его комнаты выглядывал край дивана с уютно свисающим пледом. Он остановился на пороге, пытаясь понять, что теперь делать.

**Татьяна
ИЛЬДИМИРОВА**
ПИКОВАЯ ДАМА

Рассказ

– С помощью такой помады можно вызвать Пиковую Даму, – авторитетно заявила Варя, и в груди сладко заныло от предстоящего удовольствия.

Варя неделю назад вернулась из пионерского лагеря, полная всевозможных важных для третьеклассницы умений и социальных навыков – предсказывать судьбу по руке, вызывать Пиковую Даму или гнома-матерщинника! Оля завидовала ей лютой завистью хорошей девочки, которую никогда никуда не отпускают.

Сегодня был особенный вечер – впервые в жизни Оле разрешили остаться у старшей подруги с ночёвкой. Девочки обещали друг другу вообще не ложиться спать, и это было несложно – Варина мама ушла в больницу на ночное дежурство, а сестра Галина немедленно убежала гулять со своим.

Оставшись в квартире одни, Оля с Варей послушали все Галины кассеты, а одну из них, итальянскую, аж трижды. И подпевали, фальшивя и перевирая слова песен, и прыгали по широкой родительской кровати, пытаясь коснуться потолка, расплёскивая беспричинное музыкальное ликование, и кружились, держась за руки, до зелёных пятен в глазах.

– А я тоже буду певицей, – отдышавшись, сказала Варя. – Или лучше врачом. Я ещё не решила точно.

И они посмотрели картинки в медицинской энциклопедии, в которой всё было страшно по-настоящему. «Оля, ты такая внутри!» – шептала Варя, недоверчиво глядя на человека в разрезе.

Суп в холодильнике они не заметили, но зато обнаружили в буфете заныканный к праздникам кулёк с конфетами и съели по одной и ещё по одной, а потом Варя гордо, как свои, показала мамины выходные туфли – ярко-красные, блестящие, как леденцы, с тонюсенькими каблучками. Примерить туфли она не дала, и Оля твёрдо решила, что, когда она вырастет, у нее таких будет много.

Вволю налюбовавшись туфлями, девочки съели ещё по конфете, вытащили из тумбочки Галины её косметичку, густо намазали лица тональным кремом и раскрутили все тюбики с помадой, от которой пахло так, что хотелось её надкусить.

И тут Варя вспомнила про Пиковую Даму.

– Это очень просто, – сказала она. – Пиковая Дама всегда появляется, когда её зовут. И гномик-матерщинник, кстати, тоже, но его мы

ИЛЬДИМИРОВА Татьяна Никоноровна родилась в 1981 году в Кемерове. В 2003 году окончила юридический факультет Кемеровского государственного университета. Работает ведущим юрисконсультантом в одном из банков. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Сибирские огни», электронном журнале «Пролог», а также в сборнике «Новые писатели – 2013» (М.: Фонд СЭИП, 2013). Автор книги повестей «Солнце». Участница форума молодых писателей в Липках (2003, 2004, 2006, 2012). В 2007 году участвовала в совещании молодых писателей в Камenskе-Уральском. В 2011, 2014 и 2015 годах вошла в длинный список премии «Дебют» в номинации «Малая проза». В 2015 году вышла в финал российской-итальянской премии «Радуга». Переводилась на итальянский. Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

вызовем потом. Очень важно всё сделать верно, – покровительственным тоном говорила Варя, густыми помадными линиями рисуя на зеркале в ванной комнате лестницу с дверцей на самом верху. – Как только увидишь огонёк на верхней ступеньке, надо немедленно всё стереть, иначе Пиковая Дама выйдет из зеркала и задушит тебя.

«Может, лучше не надо?» – хотела сказать Оля, но, застыдившись, промолчала.

Варя принесла из кухни тонкую зажжённую свечу, и по кафельным стенам ванной медленно потекли зыбкие полуживые тени. У Оли от волнения похолодели уши.

– Пиковая Дама, приди! – торжественно прошептала Варя, обеими руками сжимая свечу. – Пиковая Дама, приди! Пиковая Дама, приди!

Оля зажмурилась, застыв в неудобной позе на краю ванны. Под закрытые веки прокрадывался свечной оранжевый свет. В такие минуты остро чувствуешь, что у тебя есть позвоночник и солнечное сплетение, в котором что-то шевелится и щекочет.

Внизу, у соседей, прокашлялся кран, заунывно зашумела вода. Варя тихо сказала:

– Смотри, смотри, вот она....

Зеркало отражало темноту, загогулисто искривленную помадой. Оля задержала дыхание и всмотрелась в глубину зеркала, хотя больше всего ей хотелось сейчас убежать в комнату и забиться под плед и чтобы мама была дома, на кухне, в тёплых ароматах будущего ужина с пирогами.

И вдруг на тысячную долю мгновения помешалось Оле, что из зеркала выглянул кто-то – нечеловек – и пристально посмотрел ей прямо в глаза. Этот холодный взгляд был таким острым, что немедленно коснулся сердца. Оля закричала, и в эту же самую секунду раздался и Варин визг. Началась ужасная суматоха: Варя схватила и задула свечу, отпихнула Олю и бросилась стирать лестницу с зеркала первой попавшейся тряпкой, нет, полотенцем, так быстро, как будто у неё было несколько рук.

– Она пришла... – причитала Варя, – нам конец теперь... Она нас убьёт!

Оля стремглав выскочила из ванной, не разбирая дороги, до слёз больно ударилась косточкой локтя о дверной косяк и затормозила прямым в мягкий полный живот сестры Галины, так некстати вернувшейся домой со свидания.

– Ой-ёй! – взвизгнула Галина.

– Ой! – согласилась Оля.

Варя безуспешно пыталась скрыть следы преступления: красная помада была отменной стойкости и размазалась по зеркалу живописными разводами. Галина, однако, шедевра не оценила, зато немедленно опознала помаду и от души вlepила Варе увесистый подзатыльник.

Гнома-матерщинника решили не вызывать.

Засыпать не дома оказалось неудобно и громко – чужое дыхание под ухом, чужие сны, порхающие вокруг, непривычная постель. Сна не было ни в одном глазу. Варя, лёжа рядышком, нащёптывала очередную страшную историю:

– Это мне Маша рассказала! Они с подружками тоже начали вызывать Пиковую Даму, и уже позвали её, но тут им послышался шорох, они испугались и включили свет. А потом увидели, что в колоде с картами нет пиковой дамы, они обыскали всю комнату, но карту не нашли! Подружки ушли домой, а Маша легла спать, но в три часа ночи проснулась, потому что какой-то жуткий страх на неё напал. Она посмотрела на кресло, которое стояло в комнате, – Варины глаза возбуждённо блестели в темноте. – Там сидела женщина в чёрном платье, а лицо – под вуалью, лишь злая улыбка была видна. Сидела молча и неподвижно, только улыбалась, а Маша от страха не могла ни пошевелиться, ни закричать. Ровно в шесть утра Пиковая Дама исчезла, на кресле осталась карта, пропавшая из колоды. Это всё по правде было!

Оля слушала её и верила, что вызванная ими ради баловства из мира мёртвых Пиковая Дама всё идёт и идёт с того на этот свет по подземному коридору, в темноте, со свечой в руках. Путь неблизкий, но совсем скоро она появится здесь. Если медленно досчитать до ста и открыть глаза, то можно будет увидеть, как она, настоящая, аккуратно приподняв подол чёрного кружевного платья, перешагнёт через порог, обмахнётся веером и сядет на круглый табурет у Вариного пианино. Из-под вуали она взглянет на Олю, а Оля наберётся смелости и спросит, что на самом деле происходит с человеком после смерти.

Думать о таком было страшно, но вовсе не тем сладким страхом, ради которого и вызывают Пиковую Даму и рассказывают истории о привидениях, и не той боязнью, приходящей рано утром к кабинету с жуткой табличкой «Забор крови». Нет, это напоминало внезапный и неле-

пый страх, когда ты, поклявшись смертью мамы, забываешь об этом, а потом вдруг вспоминаешь, что обещание не сдержала, и понимаешь, не маленькая, что все эти дурацкие клятвы – ерунда, но всё же долго не отпускает ощущение прикосновения ледяной руки к позвоночнику, а мысль «вдруг?» так и вьётся вокруг, злая и надоедливая, как августовская оса.

Ещё говорят, если позвонить по телефону 66-66-66, трубку может снять чёрт. Оля представляла себе безграничную пустыню, залитую туманом, не позволяющим увидеть что-нибудь дальше одного шага, и посреди тумана – одинокую ярко-красную телефонную будку (как на фотографии в учебнике английского). В будке сидит коренастый косолапый чёртик в отутюженной форме швейцара. Он раздражён – телефон звонит постоянно. Ему не нравится его работа, и потому он часто спит, играет в карты и разгадывает кроссворды, не отвечая на звонки. Но иногда он всё же снимает трубку, и тогда его можно попросить позвать к телефону кого-нибудь из мира мёртвых. Только об этом разговоре никому нельзя рассказывать. А если расскажешь, то за тобой придут и тебя заберут. Или кого-нибудь из твоих близких. Одна девочка по секрету сказала подруге, и ни её, ни подругу никто больше не видел....

Оля один раз набралась смелости и позвонила, но телефонист был не в настроении, и женский механический голос ответил: «Неправильно набран номер». Больше она не пыталась. Боялась, что не сможет сохранить секрет. Но если бы всё же дозвонилась, то наверняка сказала бы какую-нибудь ерунду, например: «У Машки родились котятки. Один был совсем слабенький, мы с мамой кормили его из пипетки. Он уже пытается встать, только лапки еще разъезжаются и мяукают не умеет».

Или: «Санька вообще ненормальный. Мы с ним всё время дерёмся. В субботу он выстрелил в меня из трубочки ранеткой и попал по лицу. Теперь у меня синяк рядом с глазом. Мама говорит,

это всё потому, что я красивая, и потом будет ещё хуже. А папа сказал, что поймает его и поставит ему эту трубочку в одно место. Но пока не поймал».

Или: «Я теперь живу в твоей комнате. Там нет ни твоей кровати, ни тумбочки, и больше не пахнет лекарствами. Кровать увезли на дачу, а мне купили новую тахту. Я просила двухэтажную кровать, такую, чтобы каждый день спать, как в поезде, но мама сказала, что это глупо, когда один ребёнок. Я пожалела, что у меня нет брата, но потом подумала, что он бы всё равно спал наверху, и сразу перестала жалеть».

Или: «Мама говорит, ты умер, потому что курил. Я никогда в жизни не буду курить».

Оля не видела его мёртвым. Не захотела посмотреть. Запомнила только ноги. Самые обыкновенные ноги деда – чёрные отутюженные брюки, носки и новенькие лакированные ботинки. В таких только танцевать, кружить барышень под ритмы рок-н-ролла, веселиться, быть живым, а не лежать здесь, в комнате с занавешенными зеркалами. «Поэтому и ботинки такие, – подумала Оля, – чтобы ловчее было танцевать в другом мире под неведомую музыку».

Там, в ином мире, наверняка сохранилась старая квартира из снесённого дома. На стене по-прежнему висят часы с маятником, но время остановилось. Изюм в день кот Тимка урчит в любимом углу дивана, лениво обмякнув на вышитой подушке; папин брат Ванюшка, трёхлетним упавший в колодец, катает по полу грузовичок; прабабушка и прапрабабушка солят на кухне огурцы и сплетничают о соседях. А молодая бабушка, готовясь идти на танцы, красит губы вишнёвой помадой, крутится перед зеркалом в летящем платье и хохочет, когда дед подхватывает её за талию, а она, зацепившись за его шею, дрыгает в воздухе ногами.

Оля видит их, молодых, счастливых, влюблённых, нездешних, и проплывает дальше, сносимая во взбитое пуховое облако крепкого сна.

Ольга
ХАПИЛОВА

ЛЮД ПОСКОННЫЙ

АЛТАЙ

Вновь душа воспарила под свод голубого шатра,
Выше хвойных вершин, выше хриплого
птичьего грая –
Это кровная память во сне догоняет ветра,
Веселящие хлеб в белых нивах Алтайского края.

Всё по тем же дорогам кивают вослед ковыли,
И тяжёлое облако вечно клубится в прицепе,
Где давнишние предки тонули в горячей пыли, 65
Намотав на запястья литые кандалные цепи.

О мой тучный Алтай, словно пёстрое стадо
коров!
Зазвенит колокольчик, манящий, залиvistый,
ранний, –
И останется сердце меж сёл в девяносто
дворов,
Удивительно русских, простых и хороших
названий.

Мой далёкий Алтай, мы покуда с тобою
на «вы»,
Но ты вспомнишь меня, ты узнаешь, конечно,
взгляни-ка!
И почудится будто дыхание медвяной травы,
И средь ночи подушка пахнет молоком
с земляникой.

ЗАПОВЕДНОЕ РУССКОЕ СЛОВО

Мне бы только пятак разменять –
Оловянной копеечке рада;
Посмотрите сюда: у меня –
Пачпорт древнего Китежа-града!

Кто-то бросит: «Похмельная вдрызг!» –
А на солнышке светится яро
Он, ещё не просохший от брызг
Бирюзовой воды Светлояра.

Только с первого взгляда проста,
Дратвой шитая грубо, сурово,
Но надёжно хранит береста
Заповедное русское слово.

Слово-ключ, не прочесть нипочём,
Но одним непреложно, незримо
Открываются этим ключом
Двери Горнего Ерусалима.

* * *

Тепло. Уютная кровать.
Ватрушки с пыла...
Мы как-то склонны забывать,
Но это было.

ХАПИЛОВА (СЕМЁНОВА) Ольга Сергеевна родилась 14 июля 1981 года в пгт Темиртау Таштагольского района Кемеровской области. Окончила Новокузнецкое медицинское училище. Работает фельдшером-лаборантом участковой больницы. Пишет с 1996 года. Публиковалась в местной и областной прессе, журнале «Огни Кузбасса», альманахах, коллективных сборниках, на литературных порталах в интернете. Автор сборника стихов «Молодое вино» (2012 год). Живёт в пгт Темиртау.

И нас делили в веке том
По цвету, расе.
Война. Берлин. Четвёртый дом,
Тиргартенштрассе.

В суровой памяти тот след
Ещё не стёртый –
Спусти каких-то сорок лет
Я помню твёрдо.
Во снах теперь ещё кричу,
Кровь в жилах стынет.
Ты только вдумайся чуть-чуть,
Живущий ныне!
Откуда в головы проник
С иным до кучи
Нечеловеческий инстинкт
Губить и мучить?!

Сжимаю гневно, чёрт возьми,
Кулак до боли:
О мир, о наш гуманный мир,
Как ты позволил?!

А мне без роду, без имён
Кричат: «Не верьте!»
Но помню памятью времён
Конвейер смерти.
И как стояли печи в ряд
На самом деле...
Но кое-где они дымят
Ещё доселе.

ЛЮД ПОСКОННЫЙ

Не нужно всё же люд посконный злить –
Когда личины желчны и сухи,
Не разобрать, кто ближний, а кто дальний;
А доведётся Родину делить –
Не троньте нас, мы люди от сохи,
От очага, мехов и наковальни!

Сливём помехой, надо понимать,
Но правда есть, и мы стоим на ней
До искр из глаз, до юшки из-под носу.
И нас ещё несёт земля-мать,
И верится – в круговороте дней
Не будет нам на сто веков износу!

* * *

А когда всерьёз слягу, обомлев, –
Жизнь нельзя купить-выменять –
Пойте надо мной, пойте обо мне
И от моего имени;

На любой мотив, голосом любым –
Только бы слова Божии,
Чтоб ненастным днём светом голубым
Небеса на миг ожили,

Чтоб крестом проплыл белокрылый стерх
Над моей земной пристанью,
Чтоб от песни той устремились вверх
Взоры, как один, пристально,

Чтоб блеснул просвет жёлтого желтей
Звёздочкой Пути Млечного,
Чтобы стала вдруг вера у людей
Твёрже в торжество вечного!

К РУССКОМУ СЛОВУ

Что-то навеки останется в нас от бывшего –
Силой мужей и ранимостью девичьих грёз...
Чтобы прочувствовать верное русское слово,
Нужно прислушаться к шелесту лип и берёз;

К шуму ручья и к дыханию тёплого хлеба,
К звону заздравному, к тихому плачу невест.
Слышите, русское слово в кристалликах неба
Утром морозным с окраин несёт благовест.

Будут незыблемо, что бы извне ни напели,
Русское слово в его заповедных слогах
Стройно вызванивать дождики внешней капли
И колокольчики в росных июльских лугах.

В наигрыш чистый «Подгорной» на тульской
трёхрядке
Русское слово вольёт, как и встарь,
гармонист...

Русское слово лежит синевой в тетрадке –
К русскому слову путь долог, суров и тернист.

**Антон
ЛУКИН**

ДВА РАССКАЗА

ДОЖДЛИВЫМ ВЕЧЕРОМ

Панкратий Егорович лежал на печи и тихонько постанывал. Иногда завывал в голос, когда на него подолгу не обращали внимания. Маленький, щупленький, в свои семьдесят лет выглядел хило, неважно, но силы в нём были. Со старухой ещё держали скотину, корову, правда, лет десять назад продали – тяжело уже, но коза имелась. Ещё Панкратий Егорович держал кур и очень любил своего разноцветного красавца-петуха. Стоило тому только расправить крылья, выпятить грудь и важно поквокать, как куры-дурёхи тут же бежали к нему. Панкратий Егорович поправлял кепку и, прищурив один глаз, улыбался:

– Заставишь мою старуху так же драпать. Щас!

По вечерам у Панкратия Егоровича прихватывало ногу. Ещё в юности настудил. Теперь, лёжа на печи, укрывшись полушубком, пытался отогреть. Да разве отогреешь? К постоянным лёгким болям старик уже привык и по вечерам, забравшись на печь, тихонько начинал постанывать. Но случалось, хотя и не часто, что ногу лопило невыносимо, тогда тот бранил её, окаянную, благим матом. Старуха натирала ногу самогоном и мёдом, обматывала полотенцем,

плескала немного в кружку и давала старику. Тот выпивал, быстро хмелел и засыпал.

67

Сегодня, как обычно, Панкратий Егорович лежал на печи, укутав ноги полушубком, и поглядывал в окно. Шёл дождь, на улице было хмуро и сыро, и на душе как-то тоже становилось тоскливо. Старуха его, Августина Серафимовна, сидела на кровати и, склонившись, ловко работая спицами, что-то вязала. Внук Стёпка сидел рядом за столом и читал книгу. Страсть как любил читать. Приехал погостить к деду с бабкой на лето и прихватил с собою целый ворох книг. Мальчишка в двенадцать лет был не по годам умен, и Панкратию Егоровичу иной раз нравилось его слушать.

Старик снова закричал, застонал в голос. Хотел, чтобы на него обратили внимание. На него обратили.

– Сильно болит? – спросил Стёпка.

– Ишо как, – старик был рад, что его заметили.

– Давно бы в район съездил с кем-нибудь в больницу, глядишь, и вылечили бы ногу-то, – посоветовал внук.

– Как же, вылечат там. Дождётсяя.

– Отчего же не вылечат? Поди, не глупые люди работают. Может, на процедуры какие прогре-

ЛУКИН Антон Евгеньевич родился в селе Дивеево Нижегородской области 2 декабря 1985 года. Окончил Арда-товский аграрный техникум. Автор пяти книг. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Литературная учёба» (Москва), «Южная звезда» (Ставрополь), «Вокзал» (Санкт-Петербург), «Великоросс» (Москва), «Лава» (Харьков), «Параллели» (Рязань), «Человечество» (Москва), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Автограф» (Донецк), «Сфинкс» (Санкт-Петербург), «Алтай» (Барнаул), «Солнечный зайчик» (Нижний Новгород), «Молодая гвардия» (Москва). Лауреат премии им. Андрея Платонова. Живёт в Дивеево.

вательные направили бы или мазь какую-нибудь выписали.

– Мазь... Что мне их мазь? Мне вон старуха самогонкой натрёт ногу-то, вот те и лекарство. Лучше всех ваших мазей. – Старик посмотрел на супругу. – А ежели немного и внутрь плеснуть, то вообще никакая зараза не пристанет.

Августина Серафимовна пропустила мимо ушей реплику больного. Панкратий Егорович понял, что самогона ему сегодня не нальют. Не сказать, чтобы он частенько выпивал, но в такую вот дрянную погоду, когда на душе тоскливо и одиноко, перед сном грядущим кружечку бы пригубил.

– Папка мой вон тоже всю зиму с зубом мучился. И домучился. Весной пошёл в больницу – вырвали. А сразу обратился бы, глядишь, поставили бы пломбу – и зубик цел.

– Зюбик, – протянул старик. – Зубов – их вон скока. Один вырвешь и не заметишь. А у меня ног всего одна пара. Оттяпают по колено ишо.

– Ну тебя, – Стёпка махнул рукой и взялся снова за книгу, – глупость какую-то молотишь.

Панкратию Егоровичу стало даже обидно, что от него отмахнулись, как от непутёвого. И, чтобы сгладить вину, он решил сменить тему. Разговаривать ему хотелось. За беседой было не так тоскливо.

– Чаво это ты там всё читаешь? – обратился он к внуку.

– Роман.

– Про любовь, что ли?

– Ну, можно и так сказать.

– Мал ишо про любовь-то читать. Поди, «женилка» ишо не выросла!

– Чего не выросло? – Степан оторвался от книги.

Бабушка тоже перестала вязать, посмотрела на деда.

– Ты чаво это языком-то завертел, как собака хвостом? – спросила старуха. – Не слушай его, Стёпочка, дурака старого. Не слушай.

Панкратий Егорович заулыбался, засиял весь. Повернулся на спину, широкой ладонью потёр губы, не переставая улыбаться. Его веселило то, что он смог утереть начитанному внуку нос: «Оказывается, не всё ты, парень, знаешь. Про это, пожалуй, в книгах не пишут».

Степан, догадавшись, что дед смолол очередную глупость, отвернулся к окну.

Полежав немного на спине, старик снова перевернулся на левый бок.

– Ты вот книг стока набрал с собой, неужто всё прочтёшь? – Панкратий Егорович глянул на внука, тот и ухом не повёл. – Чаво молчишь?

– Не мешай.

– Было бы чаму мешать, – старик покашлял в ладонь. – Это, конечно, не картошку окучить да травы накосить.

Степан посмотрел на деда. Работать Стёпка и впрямь не любил. Не за этим приехал в деревню. И постоянно уваливал от работы. То с ребятами на реку убежит, то на сушилах с книгой затаится.

– Что же, по-твоему, и читать вовсе не нужно?

– А чаво их читать-то?

– Чтобы дремучим не быть.

– Батюшки, – захорохорил дед, – я вот до своих годков дожил не читамши, и ничаво, как видишь, живой.

– А Шекспира знаешь?

– Чаво?

– А Чехова, Пушкина?

– Это который с кудрями был? – старик призадумался. – Знамо, конечно. Что я, по-твоему, совсем, что ли, неуч?... Он ещё сам себе памятник смастерил.

– Да не смастерил, а воздвиг. И не из бронзы, а нерукотворный.

– Эт как?

– Читать для этого нужно, чтобы знать. Вот как!

Августина Серафимовна улыбнулась. Её радовало, что внук у неё – смышлёный малый, идёт в ногу со временем. В отличие от деда, она никогда не препятствовала, чтобы тот читал. Грядки она и сама польёт, чего мальчонку зря тревожить.

Панкратий Егорович призадумался, почесал лысину, перевернулся на спину, тяжело вздохнул.

– Завтра забором будем заниматься.

– С кем? – Стёпка оторвался от книги.

– Ясно дело, с кем. Будем старую рухлядь разбирать да за баней складывать.

– Не такая уж это и рухлядь.

– Те бы только от работы увильнуть, – старик покосился на внука. Паренёк тоже недовольно посмотрел на деда. – Чаво на рыбалку-то не ходишь?... Хоть бы окуней наловил, мы бы с бабкой зажарили.

– Комаров кормить?

– Посмотрите, какие мы! Уж не съедят.

Степан на это ничего не ответил. Старик, посмотрев на светлый затылок внука, что-то непо-

нятное пробубнил и перевёл взгляд в дальний угол, где стояли его большие сапоги. Вспомнился младший сын Филипп, Стёпкин отец. Вообще у них со старухой большая семья: шестеро детей. Один утонул. Двух недель не дожил до восемнадцатилетия. После выпускного с ребятами пошли встречать рассвет на реку. Вся компания изрядно пьяная. Кому-то взбрело в голову окунуться. Полезли все. А кровь-то молодая, горячая. Давай соревноваться, кто реку переплывёт. А она в тех местах широка. Трезвый с трудом осилишь расстояние, не то что хмельной. Вылавливали потом троих. Среди ребят был и сын Панкратия Егоровича Димка. Вот, оказывается, как беда внезапно подкрадывается, а затем со всего размаху бьёт наотмашь. Так намного больней. Когда готовишься, когда её ждёшь, ещё есть силы ей противостоять, а тут... праздник, радость... да ведь молодые какие – ещё жить и жить. У Августины ноги тогда отказали от горя, всё лето пролежала не вставая, да и у Панкратия в сорок лет виски посеребрились. Что ни говори, а всё же материнское сердце за дитё своё переживает куда больше.

Панкратий Егорович снова повернулся на бок, посмотрел на старуху.

– Дождь идёт ишо? Не слышу.

Августина Серафимовна посмотрела в окно.

– Приутих, но ещё моросит.

– Грибы нынче пойдут, – старик громко кашлянул в ладонь. – Плесни полкружки. Не усну, видно.

– Опять разболелась? – старуха сквозь очки посмотрела на супруга. Чего-чего, а обманывать тот не умел. Смолodu никому не врал.

– Да так. Терпимо.

– Вот и терпи. Нечего.

– Пить вредно, – вставил своё слово Степан.

– Понимал бы чаво, – старику стало обидно.

– А чего тут понимать? Тут и так всё ясно.

Алкоголь разрушает клетки мозга, печени и приводит к раковым заболеваниям...

– Пошёл ты.

– А ты не огрызайся, – вступилась Августина Серафимовна за внука. – Умные вещи толкуют, а ты ишо бранишься.

– Умные вещи-и! Чаво бы понимал. От горшка два вершка! – Панкратию Егоровичу и впрямь до боли в животе стало обидно и горько, что из-за какой-то паршивой кружки о нём говорят как о заядлом алкоголике.

– Многие бытовые ссоры, в том числе и с летальным исходом, как раз и происходят по вине

алкоголизма. Кто-то выпил, показалось мало, ему бы ещё, да не дают, он в драку, а рука тяжёлая... Отсюда выводы.

– Я што, по-твоему, драться с кем собрался? Удумал!

– Драться не драться, а к insultу рано или поздно приведёт. Тем более в твоём возрасте.

– Это у вас там, в городе, мрут, как мухи. Поэтому как дрянь всяку хлещут. Бодягу. А самогон, если по-домашнему и для себя, полезней родниковой воды будет. Неужто моя бы его гнала, чтобы я ноги скорее протянул?

– Всё же...

– Вот те и всё же! Ясно дело, у вас там пьют ведрами да с пелёнок, потом валяются в подворотнях. А ежели мужик всю жизнь в поле на комбайне да на тракторах отработал, неужто ему под старость лет и выпить нельзя? Кружка в день ему положена.

– Прямо уж и положена? Откуда такие выводы?

– А у тебя?

– В журнале «Здоровье» вычитал, да кое-что по биологии проходили, – ответил Стёпка.

– Я твои книги сожгу завтра все, чтобы голова чепухой не забивал.

– Ну чаво ты ерепенишься, как воробей старый? – вмешалась Августина Серафимовна.

Иногда, когда было что-то не по-стариковски, тот вёл себя, как большой ребёнок. Бранился и обижался. Старуха это знала и потому особо не сердилась. С пожилыми людьми такое часто бывает, когда их не понимают или не пытаются понять.

– Ну вас, – буркнул Панкратий Егорович и, матюгнувшись себе под нос, перевернулся на другой бок, к стенке.

В избе стало тихо. Старик уткнулся носом в подушку. Вспомнился снова Филипп, младшенький. Панкратий любил о нём вспоминать. Вот уж кто действительно его понимал, так это Филипп. Вообще тот с самого детства рос парнишкой добрым и заботливым, последнюю рубаху готов был отдать. Как-то раз принёс с улицы котёнка подбитого, одноглазого. Ну куда его? У самих кошка пятерых принесла. И всё же нет, не выкинули, уговорил. И ведь вымахал какой. И не подумаешь, что когда-то был озябшим комочком шерсти. Пусть и одноглазый, а кот был справный. Оказался крысоловом. Всех крыс в избе извёл. Долго он прожил у них, как к родному привыкли. Как-то раз захворал сильно и пропал. Не ред-

кость, когда кошки перед смертью издыхать уходят в чужие места. Гордые животные. Припомнилось старику и то, как однажды отправились они с Филиппом в лес по грибы. Полные корзинки набрали. И только собрались обратно, как вдруг из-за диких кустов малинника медведь показался. Посмотрел на двух перепуганных грибников, повёл носом, внюхивая вокруг себя воздух, и пошёл дальше. Вот уж страху-то натерпелись! Поди, был бы с малышами, всё, крышка. А рыбалку-то как Филипп любил! Уж никогда не откажется с отцом поутру на реку пойти. А бывает, и сам, хоть и на ночь приедет погостить, а возьмёт лопату с вечера, червей приготовит – и к отцу: так, мол, и так, не уважите ли компанию составить. Сроду ни с какими книгами не сидел.

«Книголюбы, мать их. Все они лоботрясы. Взяли моду с книгой валяться сутки напролёт. С каких это пор видано, чтобы летом, в ясную погоду с книгой лежать, словно других дел не найдётся? Лодыри, это их замашки: я, мол, не отдыхаю, я с книгой, и отстаньте от меня. Чехова мы не знаем. Он что мне, ваш Чехов, картошку вскопает или травы накосит, чтобы я его знать должен был?» – старик про себя ругнулся.

Августина Серафимовна перестала вязать. Встала с кровати, обула галоши, покинула избу. Старик перевернулся на спину. Посмотрел в окно. Дождь прошёл. Видно, в хлев направилась. Внук по-прежнему, подперев голову одной рукой, сидел за столом с книгой.

– Поди, знаешь, где бутылку прячет? – Степан оторвался от книги. – Сходи кружку набери. Что-то на душе тоскливо.

– Сейчас на душе тоскливо, а завтра голова бо-бо, – ответил внук.

– Значит, придётся забор до лучших времён отложить, – схитрил Панкратий Егорович. Услышав такую новость, Стёпка быстро вышел в сени. – Лентяй.

Паренёк протянул старику кружку и подал малосольный огурец.

– Может, сала отрезать?

– Не надо.

Панкратий Егорович в несколько глотков опустошил налитое, занюхал локтем, затем надкусил огурец.

– Хороша-а, – изрёк он. – Бабке только ничего не говори.

– Ясное дело, мне же и попадёт.

Старик улыбнулся. Степан, убрав кружку, опять уселся за стол и взялся за книгу. Панкра-

тий Егорович, немного покряхтев, отвернулся к стене. А забор всё же разобрать нужно. Завтра с утра пораньше работёнка для него имеется. Внука тревожить не станет. Пусть читает, может, и правда каким ученым станет.

ПОРТРЕТ НА ПАМЯТЬ

Деревня Ижовка окольцована садами. С дороги её хорошо видно. Через рыжее спелое поле виднеется такой маленький остров, будто лодка по реке плывёт. Почти у каждого жителя в саду посажена вишня и сирень. Весной, когда всё цветёт, деревня усыпана белыми, сиреневыми цветами и стоит приятный аромат.

Еще Ижовка славится целебной водой. За деревней, ближе к лесу, бьёт родник, и вода его считается лечебной. Летом часто можно увидеть в деревне городских на дорогах машинах. Остановившись перед каждым встречным, всегда интересуются одним и тем же – как добраться до родника.

Хотя колодцев в деревне много, местный народ всё равно ходит к роднику за водицей: испить или просто умыться. Да разве сравнится вода из колодца с родниковой живою водою? Одно удовольствие только любоваться, как пробивается из земли, расталкивая маленькие песчинки, хрупкая струйка. Вот она где – жизнь.

Прохор Афанасьевич, как обычно, с самого утра шеверялся во дворе, когда его окликнули. Старик обернулся. По ту сторону забора стоял паренёк, годов двадцати, в разноцветной футболке, с рюкзаком за спиной.

– Прутников Прохор Афанасьевич здесь проживает? – спросил вежливо юноша.

– А? – не расслышал старик. Он был глуховат на одно ухо.

– Прутников – это вы?!

– Я, я, да... э-э, – старик подошёл ближе, чтобы лучше разглядеть гостя.

– Сергей, – представился парень и протянул через забор руку. Старик пожал крепкую молодую ладонь и снова представился. – Понимаете, в чём дело. Я студент. Художник. Учусь на четвёртом курсе. Мне нужно к началу августа сдать пейзажные работы. Неплохо было бы показать и сельский быт. Понимаете? Мне бы вашу местную красоту запечатлеть на бумаге. Так сказать, увековечить. – Парень улыбнулся. – Места у вас красивые, родник славится на всю округу, только и работай. А остановиться вот не у кого. Ко многим просился. Не пускают. Одна

женщина посоветовала к вам обратиться. Вы, сказала она, кого-то прошлым летом к себе пускали. Да и живёте, говорит, одиноко, скучно одному-то.

Прохор Афанасьевич и взаправду жил один. Жену, Агафью, схоронил восемнадцать лет тому назад. Умерла сердечная от рака. Долго хворала и мучилась. За всю жизнь ни одну букашку не обидела, слова худого никому не сказала. А тут... умирала в муках. Видно, такова воля Господа. Долго Афанасьич не мог прийти в себя после смерти супруги. Замкнутым стал. На людях почти не показывался. Всю зиму в избе просидел. Сам захворал сильно. Если бы не тётка Анисья, почтальонка и местная знахарка, может, и сам следом за Агафьей ушёл бы. Не редкость, когда вот так вот старики друг за другом уходят. Чаще почему-то мужики одиночества не переносят. Что ни говори, а всё же бабская душа закалкой сильнее.

Прохор Афанасьевич потёр седую щетину и улыбнулся, по-детски прищурив один глаз. Отворив калитку, старик запустил юного гостя во двор и велел идти в избу.

— Только, дед, давай сразу договоримся о цене, — поправляя рюкзак, промолвил Сергей. — Денег, скажу сразу, немного. Да и, сами понимаете, когда это было видано, чтоб у студентов деньги водились. Тут и... — хотел было что-то добавить паренёк, но старик его перебил.

— Будет тебе, ну что ты в самом деле? — Прохор Афанасьевич похлопал паренька по плечу. — Коли дружно жить станем, так хоть всё лето гости. Отчего бы хорошего человека не принять? Постель имеется, чаго ей попусту без дела стоять?

На том и сошлись. И зажили они, как и велел хозяин избы, дружно. Сергей, с утра пораньше позавтракав, уходил за околицу «увечивать» местную природу. Старик, покопавшись немного на заднем дворе да в огороде, брёл в избу приготовить обед.

Понравился ему студент. Особенно нравилась Прохору Афанасьевичу его настойчивость. Если у того что не получалось, не отчаивался, ничего, мол, завтра обязательно получится. И то, что паренёк был худоват, особо печалило старика. Ему постоянно хотелось того угостить чем-нибудь повкуснее, пожирнее, помясистей. Уж больно фраза эта запала в душу: «Где это видано, чтоб у студентов деньги водились». Вспоминались сразу военное детство, послево-

енная юность, тяжёлый ранний труд. Оттого-то, может быть, и проснулась непонятная жалость у старика к пареньку.

Ещё Прохора Афанасьевича радовало то, что Сергей выбрал именно его деревню и так живо расхваливал её красоту. Сейчас ведь вся молодёжь в город бежит, лучшей жизни, лучшего угла ищет. И потому, когда Сергей возвращался в избу, удовлетворённый работой, его на столе поджидала жареная картошка с грибами, ломоть сала, зелень и кувшин с молоком. Студент благодарил старика, садился трапезничать и обязательно рассказывал Прохору Афанасьевичу, чем сегодня занимался. То это была покосившаяся берёзка у оврага, то пастух Егор с деревенским стадом, то сама Ижовка со стороны леса. Родник пока не трогал — берёг до последнего. По словам паренька, ему хотелось, чтобы душа сама потянула его к нему, тогда точно картина получится. Ведь любая работа должна ладиться с душой. Зритель это сразу почувствует.

— Тут к пастуху девчушка постоянно с ведром ходит, корову доить, рыженькая такая, Клавой звать, — завёл как-то раз Сергей за ужином тему. — Смешная. Я как вечером ни пройду по деревне, всё никак не могу встретить. Неужто дома сидит? Барышня эдакая.

— Дык ты про Мурзину внучку, что ли? Хех. Заставишь такую невесту дома сидеть. С Егоркой на танцы ездят на его-то трёхколёсном агрегате.

— Это куда это?

— В район. Куда же ещё? Тут до Черёмушек рукой подать.

— Танцы — это дело хорошее. Надо как-нибудь клуб ваш посетить. Размять кости.

— Не ходил бы один-то. Новеньких-то не особо встречают. Кабы бока не намяли. Она ить, молодёжь, сейчас такая. И не посмотрят, что один.

— Ну, этим меня, дед, не возмёшь. Не родился ещё тот человек, которого бы я испугался.

— Иди к лешему, — улыбнулся старик.

Сергей, глядя на него, тоже усмехнулся.

В Черёмушки он всё-таки скатался. Правда, как съездил, не говорил. Только отнекивался, что приехал он сюда не отдыхать, а работать, а за юбками он и в городе хорошо ухлёстывает. Что там произошло, неизвестно, только после этого юный художник вечерами из дому нос не казал.

Работать с землёю, как оказалось, Сергей не привык. Как-то Прохор Афанасьевич попросил

помочь ему на усаднике картошку окучить. Паренёк согласился. Но, порыхлив землю мотыгой под солнышком, догадался, что работёнка-то не из лёгких. И сообщил старику, что помог бы и дальше, но руки беречь нужно, ведь у художника весь талант именно в руках кроется. Старик поначалу на это обиделся и про себя выругал того лентяем, но к вечеру обида прошла.

«Ну, в самом-то деле, — размышлял про себя Прохор Афанасьевич. — Ведь каждому своё. Зато он вон как красками рисует. Залюбуешься».

По субботам Прутников топил баню. Вечером, загнав кур и подоив козу, Прохор Афанасьевич со студентиком шли споласкиваться. Париться Афанасьич любил долго. Берёзовым веником хлестал паренька по раскалённой спине и ногам, лишь изредка поправляя на голове шапку. Сергей несколько раз выбегал в предбанник отдышаться и испить кислого домашнего квасу. Сам же Серёга махал веником лениво, не с таким азартом выходило у него, как у старика. Да и руки уставали быстро, и голову тоже пекло. Уже в предбаннике, усевшись на лавку, паренёк поглядывал на разруганное жилистое тело хозяина бани и дивился тому, откуда в нём столько силы и энергии. Глядел на крепкие худые руки, на которых, словно натянутые тросы, виднелись толстые вены. Знал бы он, сколько эти руки испытали на себе работы, сколько всего было переделано этими толстыми сбитыми пальцами. Представить и то трудно.

Вечерами, перед сном грядущим, старик выходил во двор, усаживался на лавку, забивал табак и любовался розовым небом, что уходило за горизонт. В такую погоду приятно посидеть на свежем воздухе. Что-нибудь да обязательно припомнится из прошлого. Непонятные думы лезут в голову, и всем телом ощущаешь радость того, что живёшь. Ведь не дано больше тем, кто ушёл от нас, радоваться нежности этого вечера, ощущать лёгкую прохладу летнего ветерка, любоваться закатом и наслаждаться тишиной. И как-то печально становится немного. Понимаешь частичкой себя, что всё это будет вечно. Всё, но не ты. Рано или поздно человеку придётся уйти, но всё так же будут гореть закаты и полыхать рассветы, всё так же по осени улетят зимовать птицы, всё так же зимою выпадет пушистый снег... Обязательно вспомнишь в такой вечер дорогих сердцу людей. Сердце всегда болит за детей и внуков, переживает и беспокоит-

ся, часто, конечно, без дела, но на то оно и сердце. Ему не прикажешь: не волнуйся, всё в порядке. Обидно от того, что разъехались дети кто куда, и затянул, как водоворот, их этот стальной город, что и не выбраться из него, не найти времени приехать на выходные к отцу или черкнуть пару строк, что всё в порядке. Даже до этого не доходят руки.

Пришло время и Сергею возвращаться обратно в город. Рисунки были готовы, и на просьбу старика погостить ещё пришлось вежливо отказать. Некогда.

Прохор Афанасьевич долго любовался работами юного гостя и, как всегда, по-детски, с прищуром, улыбался. Постоял-постоял возле рисунков и попросил паренька:

— А вот меня так же сможешь нарисовать, а?

— А чего бы нет? — улыбнулся Сергей. — Легко!

— Я её вот тут повешу, над кроватью. Ничё, как думаешь?

— Нормально, — согласился парень.

Прохор Афанасьевич принарядился, как на праздник, причёсался, на пиджак повесил медали, которые у него имелись, и, затаив дыхание, уселся на стул. Сидел неподвижно, не то что шелохнуться — моргнуть боялся, пока юный художник не успокоил его. Мол, ничего, если немного и пошевелишься, ведь человека рисуем, а не куклу. И вот пара часов работы, и портрет готов. Как живой получился на нём Афанасьич, даже моложе своих лет.

Долго старик любовался работой, довольно улыбаясь. Даже слеза блеснула в глазах. Сергей помог повесить портрет над кроватью, куда велел старик, и попросил за работу три тысячи рублей.

— Что ни говори, дед, а работа есть работа, она оплачиваться должна. Это я ещё по-божески беру. В городе за такой портрет раза в три заплатили бы больше.

Прутников ничего не ответил. Ушёл в горницу, достал из старого комода узелок, развязал платок зубами и взял нужную сумму. Паренёк забрал деньги, поблагодарил ещё раз старика и поспешил на автобус.

Прохор Афанасьевич постоял немного у кровати, полюбовался портретом и, прихватив авоську, пошагал к магазину. На обратном пути собирался навестить Агафью. Только там, присев у могилочки, всегда можно поговорить с душою.

Дмитрий ФИЛИППЕНКО

НА УЛИЦЕ ТИХОЙ

ОБЛЕПИХА

На улице Тихой троих застрелили,
Попрятались кошки, собаки не выли,
Все мирные жители спали в квартирах,
Когда убивали семью ювелира.

Убийцы сбежали, никто не услышал,
А в доме покойников плакали мыши.
В соседнем дворе расцвела облепиха.
На улице Тихой по-прежнему тихо.

СРЕДИ ТИШИНЫ

Кто-то стихи пишет ради войны
И расстреливает одиночество.
Я же валяюсь среди тишины
И плюю, и плюю в потолочество.

Мне не стучат, не кричат, всё равно.
Помер мой телефон тамагочей.
Видел соседей. Прилично давно.
И не видел бы долго воочию.

Может, начать наконец-то с нуля
И стихи написать, заморочиться,
Этим тоску мне свою расстрелять,
Да не хочется.

НА СТРАНИЦАХ ВОЙНЫ

На страницах войны не до слов,
Но запомнится русская сила.
И запомнится запах цветов
На могилах.

В переулках горячей войны
Выживает седой Севастополь...
Символ братства у целой страны –
Русский тополь.

Связки порваны, нечем кричать.
По Берлину проносится топот,
Угасает Рейхстага свеча
Над Европой.

В коридорах уснувшей луны,
Отражается эхо, свобода.
Но останется шёпот войны
У народа.

МАТЧ ЧЕРНОГОРИЯ – РОССИЯ

За каждый файер нужно отвечать,
Когда в Европе холодно и плохо.
Погасла черногорская свеча
На стадионе, где скрипит эпоха.

Назад нельзя, пробито колесо.
И разве жизнь дешевле всех трофеев?
Ещё чуть-чуть, и не дай Бог в висок!
Тогда б за всех ответил Акинфеев.

Такой футбол – ненужная игра.
И исправлять его никто не хочет.
Останется нам чёрная гора
Из околофутбольных многоточий.

УЕХАЛА ОНА

Домой уехала она,
Не помахала мне рукою.
Мне остаётся вспоминать
Любви смертельные уколы.

Похоже, не любил. Страдал.
Привык к её непостоянству.
Нас разделила черед
Медлительных зелёных станций.

За поворотом у зимы
Без рук моих замёрзли руки.
Пообещала, будем мы
Дружить страницами в «Фейсбуке».

Уехала на свой восток
И не дала второго шанса
Но я успел испить глоток –
Глоток иркутского пространства.

* * *

Надоели твои туманы.
Надоели твои рассветы.
Я устал от твоих обманов,
От секретов и от запретов.

Не пиши, не звони. Не надо.
Отравился я этой дружбой.
Пусть себя ты считаешь кладом,
Только золота мне не нужно.

Перемирие – это больно.
Расставание – это выход.
Ты звезда. Ты собой довольна.
А молчание – это тихо.

МОЙ БАНГКОК

Говорят, что ты опасный
И таинственный до жути.
И беречь свой нужен паспорт
В уличном твоём уюте.

Пробки – восемь-десять баллов,
Это русским не помеха.
И пускай жена устала,
Я не зря к тебе приехал.

У тебя безумно вкусно
И всегда хватает соли.
Фильмы про тебя – искусство,
Но с Ван Даммом в главной роли.

Покорили небоскрёбы,
Полюбил цветные храмы.
Я вернусь домой, но чтобы
Взять путёвочку для мамы.

СЕМИНАРУ В БУГУРУСЛАНЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

В последних числах сентября
Поэты самой лучшей марки
Живут в гостинице «Заря»,
За водкой ходят в алкомаркет.

Читают по ночам стихи,
Не веря в пустоту стакана.
Закон нельзя назвать сухим
По правилам Бугуруслана.

И восхищает каламбур.
Столицу области сердито
Все называют Оренбург,
А значит, двери все открыты...

...Я трезвый. Ни в одном глазу,
Но с полным чемоданом строчек.
Любимой дочке привезу
В подарок аленький цветочек.

ПРОСПЕКТЫ, ЛИВНИ, ФОНАРИ...

Проспекты, ливни, фонари
Запомнили прогулки наши.
Я выстроил забор из рифм,
Но без любви не стал он краше.

Горизонтальная зима
Легла на город мой кузнецкий.
Тебя любил, и ты сама
Меня любила не по-детски.

Тебя любить – великий дар...
И в музыке зелёных сосен
Нас разлучила навсегда
Моя кольчугинская осень.

**Виктор
КИРЮШИН**

**ДА ЗДРАВСТВУЮТ БЕЛКИ!
ДА ЗДРАВСТВУЮТ УТКИ!**

(Из «Поэтического календаря
русской природы для детей»)

ЯНВАРЬ

ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ

Вот чудо так чудо:
Цветы на стекле!
Они не мечтают
О летнем тепле.
На окнах букеты
Пионов и лилий
Из тонких
Лучистых
Серебряных линий.
В морозы и стужу
Они вырастают,
А чуть потеплеет –
И сразу растают.

НАГУЛЯЛСЯ

Снег месил,
По горке ёрзал
Я полдня.
Даже валенки замёрзли
У меня.
На мороз я не в обиде,
Ведь терпел его не зря:
На рябине нашей видел
С красной грудкой
Снегиря.

75

НАЛИМ

Затихла река
Подо льдом в январе,
И только налиму
Не спится в норе.
Подобно акуле
В далёких морях,
Он занят охотой
У старых коряг.
Рыбёшка!
Держись от коряг
За версту,
А то пропадёшь
У налима во рту.

ГЛУХАРЬ

У мишки – берлога.
У белки – дупло.
Уютно обоим зимой
И тепло.
А что же глухарь?
Тут с квартирой беда,
Ведь нет у него
Ни норы, ни гнезда.
Как быть глухарю
В холода и пургу?
Он ест на сосне,
А ночует в снегу.

КИРЮШИН Виктор Фёдорович – поэт, переводчик, публицист. Родился в Брянске в 1953 году. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Публиковался во многих газетах и журналах, антологиях «Венок славы», «Час мужества», «Русская поэзия: XX век», «Русская поэзия: XXI век», «Молитвы русских поэтов». Автор четырёх сборников стихотворений. Лауреат премии Ленинского комсомола в области литературы и искусства, Всероссийской премии им. Ф. И. Тютчева «Русский путь», Международной премии им. Андрея Платонова, Независимой премии им. Бориса Корнилова. Золотой лауреат фестиваля-конкурса «Русский Stil» в Германии, «Литературная Вена» в Австрии. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Москве.

КОРМИТЕ ПТИЦ!

Кормите птиц,
Пока лежат снега,
Трещит мороз
И в мире мало света.
Кормите птиц,
Пока метёт пурга.
Они добром
Ответят вам на это.
Когда листвою
Оденутся леса
Под ясными
Живыми небесами,
Какое счастье
Слышать голоса
Тех самых птиц,
Которых мы спасали!

БАГУЛЬНИК

Ветку багульника
Взяли домой,
И расцвела она,
Прямо зимой.
Мы не мечтали
О чуде таком –
Сразу пахнуло
Погожим деньком,
Прелью таёжной
И камнем нагретым,
Ясным, весенним,
Улыбчивым светом,
Первою травкой
И тёплым дождём...
Нынче январь?
Ничего, подождём!

ОЛЯПКА

Видел я –
И не одну –
Птиц, что бегают
По дну
В быстрой речке
Под водой
За стремительной едой.
Как букашек на лугу,
Ловят рыбу мелюзгу.
Под камнями
Без очков
Ищут крохотных рачков.
Ни ворона и ни голубь
Не нырнут зимою в прорубь.
Только ей не зябко.
Вылезай, оляпка!

В БЕРЛОГЕ

Вездесущие сороки
Оглашают криком высь:
«У медведицы в берлоге
Медвежата родились!»
Холода стоят – не шутка!
Только ночи все и дни
В самых-самых
Тёплых шубках
Рядом с мамой
Спят они.
Спят медведицыны дети,
А растает снег и лёд,
Разузнают, где на свете
Самый-самый
Вкусный мёд.

ПРИМЕТЫ

Если кошка
Жмётся к печке,
Если лёд
Трещит на речке,
Иней лёг на провода –
Наступают холода.
Если рамы
Отпотели,
Улеглись в лесу метели,
Кошка дремлет
На полу –
Это к вёдру
И теплу.

КЛЕСТЫ

У клестов волнение:
В семействе пополнение.
Чем кормиться в январе,
Если стужа на дворе?
И хотя ответ непрост,
Не сдаётся папа-клёст,
Клювом луцит шишки
Для клеста-сынишки.

ФЕВРАЛЬ

ЛИСА И МЫШЬ

Под снегом шевелится мышь:
Её попробуй-ка услышь!
Потратишь попусту часы,
Но слух отменный у лисы.

С утра нагринула в лесок –
И вот бросок,
Ещё бросок.
На хитрой мордочке ловца
Сверкает
Снежная пыльца.
А мышки в лапах нет как нет.
Сегодня убежал обед.

ЗИМНЯЯ РЫБАЛКА

Кому – лыжня,
Кому – коньки,
А мне – плотва
И окуньки.
Сижу,
От холода
Седой,
Мормышка пляшет
Под водой.
Гуляет ветер
Ледяной,
И нет поклёвки
Ни одной.
Порошей
Лунку замело,
А дома тихо
И тепло.
Бросаю эту
Маяту...
Но что же я
Скажу коту?

ПРИБАВЛЕНИЕ ДНЯ

Конечно, конечно,
Ни белки,
Ни утки
Считать не умеют
Часы
И минутки.
Часов не имеют
Ни утки,
Ни белки.
Зачем им на воле
Какие-то стрелки?
Но чувствуют
Белки,
И чувствуют
Утки,
Когда прибавляется
День по минутке.

Живые часы
Удивительно чутки.
Да здравствуют белки!
Да здравствуют утки!

РАКИ

Где живут зимою раки?
Не в берлоге,
Не в бараке,
Не в дупле,
Не на луне –
Под корягою
На дне.
Мамы-раки
По старинке
На себе
Хранят икринки.
Так и возят
Без затей
Сотни будущих
Детей.

ИНЕЙ

Как эта роца наряжена славно:
Бархат, парча, канитель, бахрома!
– Кто же художник?
– Художник – зима.
Непредсказуема и своенравна.
– Кто помогает?
– Конечно, мороз.
Лепит, кроит, вырезает, сшивает.
Это ведь он в кружева одевает
Заледеневшие плечи берёз.

ПЧЁЛЫ

Тёплой одёжки
У пчёл не бывает.
Как же семья
В холода выживает?
В улье своём,
Не забыв ни о ком,
Сгрудились тесным
И тёплым клубком,
Круглыми сутками
Греют друг друга.
Так доживут
До цветущего луга.
Крепко запомнит
Пчелиная поросль:
Вместе – нехолодно,
Холодно – порознь.

СУГРОБ

*Сугроб у забора
Всё выше и выше.
Того и гляди
Доберётся до крыши.*

*Растёт он с одной
И другой стороны
И вырасти может
До самой луны.*

*Но мама смеётся:
– Какая луна?
Ведь после зимы
Наступает весна.*

*Случится тепло –
И за пару ночей
Сугроб-великан
Превратится в ручей.*

ВОРОНА

*Ворона отнюдь не была забиякой,
Но драться решила с какой-то собакой
За мёрзлую,
Чудом добытую кость,
Которую отнял непрошенный гость.*

*Ворона дзюдо с карате не училась,
Но клюнуть обидчика в нос изловчилась.
И слышали долго
Весь двор и округа,
Как выл ошарашенный пёс от испуга.
С тех пор обходиться с вороной без драки
Стараются самые злые собаки.*

МЕТЕЛЬ

*Сеет, веет, даже воеет
Что-то грозное, живое.
Вот такая канитель
Называется метель.
Ветер снег колючий месит,
Валит с ног
И куролесит.
Худо псу бездомному –
Доброму и скромному.
Выживать зимой – не шутки,
Если нет приличной будки.*

СИНИЦА

*Пусть зима заполошная злится,
Но среди ледяной белизны
Веселее запела синица –
Колокольчик грядущей весны.*

Дорогая Вера Леонидовна, поздравляем Вас с юбилеем! Поздравляем Вас, нашего автора, члена редколлегии и прекрасную женщину, и желаем традиционные многая и благая лета! Ваши произведения украшают страницы «Огней Кузбасса». Желаем Вам благополучия и вдохновения!

**Вера
ЛАВРИНА**

ДВЕ СКАЗКИ

ЦЫПЛЁНОК, КОТОРЫЙ НЕ ХОТЕЛ БЫТЬ КУРИЦЕЙ

На большом дворе в начале лета появился чудесный маленький цыплёнок. Клювик у него был красный, лапки розовые, пух жёлтый, а глазки круглые, как бусинки.

Цыплёнок ходил по двору очень довольный собой. Ему нравились его розовые лапки и нежный жёлтый пушок. Время от времени он подбегал к луже и смотрел на своё отражение. «Хороший маленький цыплёнок», — с удовольствием говорил он про себя. Цыплёнок посматривал на других обитателей двора — никто не казался ему таким милым и прелестным, как он сам.

«Кем же мне стать, когда я вырасту большим? — думал про себя цыплёнок. — Индюком? Да ну! Какие-то красные тряпки болтаются у них на клювах. Может быть, гусем?»

Гуси ему нравились больше. Но как они ходят! Переваливаясь с ноги на ногу. А утки — те ещё смешнее.

«Нет, не хочу быть ни гусем, ни уткой, — решил цыплёнок. — Даже собакой не хочу быть». Собаку цыплёнок, конечно, побаивался. Но что она может сделать? Сидит на цепи, бедняга, лает до хрипоты. Но самыми смешными ему казались куры: ходят с глупым видом, вытягивают шеи. То замрут, то вдруг завохчут на весь двор. Роятся в мусоре. Хлопают своими

куцыми крыльями. А летать-то не умеют. «Вот нелепые создания! — думал про них цыплёнок. — Хорошо, что я — не они и никогда не буду таким». Он даже дразнилку про кур придумал: «Собаки громко лают, а куры не летают!»

«Всё-таки как хорошо быть жёлтеньким красивым цыплёнком. Им я, пожалуй, и останусь», — с гордостью думал про себя цыплёнок.

79

Но однажды он увидел, как в небе над ним кружила белая голубка. Её хвост трепетал на ветру, как диковинный цветок. Она сделала несколько кругов и опустилась посреди двора.

— Вот кем я хочу стать — голубем! — воскликнул цыплёнок. — Чтобы так же красиво летать над домами, подниматься всё выше и выше под облака. Это мне нравится!

Белая голубка услышала это и почему-то рассмеялась. «Что тут смешного?» — подумал цыплёнок. С тех пор он стал жить в мечтах о том, что когда-нибудь станет прекрасным голубем. Как и все маленькие создания, он был уверен в своём чудесном будущем.

Как-то дразнил он кур своей дразнилкой, тут слетела к нему с крыши белая голубка и сказала:

— А хочешь, малыш, я тебе открою одну неприятную тайну?

Цыплёнок заморгал.

— Ты — будущая курица! — произнесла голубка.

Цыплёнок опешил: он — миленький, чудесный цыплёнок — будущая курица?! Это невозможно!

ЛАВРИНА (ПРАВДА) Вера Леонидовна родилась в Казахстане, в селе Лавровка Кокчетавской области. Окончила исторический факультет Томского университета. Её стихи и проза публиковались в журналах «Огни Кузбасса», «Дружба народов», «Наш современник», «После 12», «Субъект и реальность» (Санкт-Петербург). Автор более двух десятков книг стихов и прозы, учебников. Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

— Вы говорите неправду. Я совсем на них не похож, — сказал наконец цыплёнок, оправившись от изумления.

Голубка рассмеялась:

— Пройдут какие-нибудь два-три месяца, и ты ничем не будешь отличаться от кур.

— А я не хочу быть курицей, — твердо заявил цыплёнок. — Я буду голубем, как ты.

Белая голубка вновь рассмеялась.

— Ты ещё очень мал и не знаешь, что гусята обязательно становятся гусями, щенки — собаками, а цыплята — курицами.

— Не может этого быть! — не поверил цыплёнок. — Я буду тем, кем я захочу, — голубем.

— Глупыш, так не бывает. Ты станешь курицей, потому что ты цыплёнок.

— Но они даже не умеют летать! — выкрикнул цыплёнок.

— Всё верно. Разве ты умеешь летать?

— Я ещё не пробовал.

— Ну так попробуй. Полетай со мной. Давай!

Голубка взмахнула крыльями, поднялась в воздух и сделала несколько кругов над цыплёнком.

Цыплёнок хлопал своими маленькими крылышками, затопил розовыми лапками, но даже на сантиметр не смог подняться в воздух. Белая голубка села рядом и рассмеялась:

— Ну что? Полетал?

— Я просто ещё маленький и пока не умею летать.

— Хорошо, я прилечу к тебе через месяц-другой — полетаем, — пообещала белая голубка и упорхнула на крышу.

Цыплёнок в волнении заходил по двору. Изредка он враждебно посматривал на кур, копающихся в навозной куче в дальнем углу двора.

«Нет, всё-таки это невозможно, чтобы я стал таким, как бестолковые квохчущие куры, которые даже не умеют летать», — с неприязнью думал цыплёнок. Теперь он, кажется, согласился бы стать кем угодно, даже индюком с красной тряпкой на клюве, но только не курицей, только не курицей!

Цыплёнок начал вспоминать, что куры всегда с большим дружелюбием относились к нему, а некоторые даже называли его «деточкой». Но это до тех пор, пока он не стал их дразнить. Ему вспомнилось, что однажды, когда он дразнил кур, одна из них крикнула ему: «Сам курица, а нас дразнишь, вот бестолковый!». Тогда цыплёнок просто не придавал значения этим словам: чего только ни придумают глупые куры. Но теперь...

Цыплёнок решил проверить свои опасения. Он набрался смелости, подошёл к толстой важной гусыне и спросил:

— Вы не скажете мне, кем становятся, кем становятся... — он замялся, — ...цыплята?

Гусыня с удивлением посмотрела на него.

— Ты до сих пор этого не знаешь, малыш?

— Я знаю... но хочу уточнить.

— Курами, конечно, — хмыкнула гусыня.

— И что, все цыплята становятся курами? — упавшим голосом спросил цыплёнок.

— Все до единого, — уверенно произнесла гусыня. — Не помню, чтобы из цыплёнка получился хотя бы захудалый гусь. Ничем дельным они не становятся.

Цыплёнок всё же не мог до конца поверить в неприятную новость. Он подошёл к утке и спросил как можно небрежнее:

— Скажите, а из кого получают куры?

Утка склонила голову сначала на один бок, потом на другой:

— Из таких цыплят, как ты, желтобокий, — ласково сказала она безо всякой усмешки.

— И все куры раньше были цыплятами? — со слабой надеждой спросил он.

— Вот именно, маленькими жёлтыми цыплятками. Да, — вздохнула она, — я давно заметила, что куры с возрастом сильно дурнеют. Не то что утки. Мы в детстве очень миленькие, а со временем только хорошеем. Но ты не грусти, желтобокий. Может быть, из тебя получится неплохая беленькая курочка. Хотя, конечно... — утка опять вздохнула, — сомнительно.

«Значит, я действительно будущая курица», — понял цыплёнок и сильно загрустил. Выходит, впереди у него ничего интересного и возвышенного: никогда он не сможет взмыть высоко в небо, кружить над крышами, как белая голубка, и тем более летать к дальним лесам и озёрам. Его ждёт низкая участь — он превратится в курицу, будет ковылять по двору, рыться в мусоре и навозе, бестолково квохтать. Он представил себе всю эту картину и решительно пискнул:

— Нет! Нет! Никогда не стану я курицей! Я научусь летать и буду... буду... Не буду курицей!

Маленький цыплёнок решил немедленно научиться летать. Недалеко от палисадника он нашёл невысокий камень и пытался залететь на него. Сначала у него ничего не получалось. Крошечные крылья не поднимали его. День за днём цыплёнок подходил к камню в надежде взлететь на него. И однажды у него это получилось! Через две недели он легко взлетал и слетал с камня.

Потом цыплёнок приметил невысокий пенёк рядом с оградой палисадника. Пенёк был намного выше камня, и цыплёнок стал брать новую высоту. Так же, день за днём, напрягая все силы, пытался взлететь на пенёк. Прошло немало времени, но цыплёнку всё-таки удалось покорить высокий пенёк.

— Теперь я буду взлетать на ограду палисадника, — решил цыплёнок.

А ограда была очень высокой. Даже если двадцать маленьких цыплят поставить друг на друга, то и тогда ограда оказалась бы выше них.

К этому времени крылья цыплёнка уже подросли и окрепли. Да и сам он начал меняться. Его нежный жёлтый пух исчез, вместо него появились жёсткие белые пёрышки, лапы вытянулись и загрубели. Стало ясно, что цыплёнок необратимо превращается в курицу. Все эти перемены совсем не радовали цыплёнка, ведь он не хотел быть курицей. Одно только утешало его: крылья стали шире и сильнее, поэтому взлетать на ограду он научился быстро.

Взлететь на ограду — это ещё не летать. Цыплёнок это отлично понимал. Ведь многие взрослые курицы легко взлетали на ограду и слетали с неё.

— Сейчас я научусь взлетать на крышу, — решил цыплёнок, но правильнее было бы теперь называть его маленькой курицей.

Очередная высота покорилась цыплёнку, то есть маленькой курице, не сразу. Ведь ни одна взрослая курица не могла взлететь так высоко. Но маленькая курочка, как и прежде, без устали махала крылышками, штурмуя высокую крышу.

— Странное создание, — судачили про неё обитатели двора.

Некоторые и вовсе смеялись над ней:

— Глупая курочка! Решила небо покорить!

Но особенно негодовали сами куры:

— Какая-то ненормальная курица, — квохтали они. — Порочит весь наш куриный род своими выходками. Ей, видите ли, хочется летать.

Но маленькая курочка не обращала ни на кого внимания и продолжала свои попытки. И однажды она... взлетела на крышу, чего не удавалось ни одной курице во всём курином роду.

— Я на крыше! — ликовала курочка.

— Ты делаешь большие успехи, — сказала ей белая голубка, которая часто проводила время на крыше. — Ну что, летаем, малышка?

— Полетаем, — ответила та.

— Держись за мной! — Голубка взмыла вверх.

Курочка замахала своими крепкими крыльями и поднялась за голубкой. Она летала! Так же

легко и свободно, как белая голубка. Сделав несколько кругов, две птицы вернулись на крышу.

— Ты молодчина! — с одобрением сказала белая голубка. — Никогда бы не поверила, что курицы могут так хорошо летать, если бы сама не увидела это.

Курочка не вернулась больше на свой двор. Она поселилась на высоком дереве неподалёку от голубятни, где жила белая голубка. С ней они частенько летали и к дальнему лесу, и на большое озеро, и на скошенные луга клевать пшеницу.

Цыплёнок, как ему ни хотелось, всё же стал курицей, но необыкновенной. Он научился летать так же красиво и высоко, как голуби. Хотя это далось ему очень нелегко. Если не покладая крылышек трудиться над своей мечтой, то случается самое невероятное.

ИГРЫ ДЛЯ ОДНОГО ЁЖИКА

— Не буду с вами играть! — крикнул ёжик Ерошка Тёпке и Тимошке. — Как побеждать, так всегда вам, а как проигрывать, так мне.

Ёжик повернулся и пошёл на свою клеверную полянку, где он всегда грустил. «В прятки я три раза всех искал, в там-сям ни разу не выиграл. На речке только один «блинчик» получился. А у этого Тёпки — пять и три у Тимошки. Ещё смеются надо мной: «Неумеха — всем потеха!» Тоже мне, друзья называются!» — с обидой думал ёжик о своих неудачах.

Он рассерженно пнул попавшую под ноги кочку. Но кочка оказалась осиным гнездом. Из него тотчас же вылетел рой ос и со злым жужжанием набросился на Ерошку. Ёжик едва успел свернуться клубочком. Одна оса всё же ужалила его за нос. Бедный Ерошка взвизгнул от боли и закатился под широкий лист. Там он долго лежал, поджидая, пока все осы разлетятся. Когда жужжание смолкло, Ерошка осторожно выбрался из-под листа и побрёл на клеверную полянку. Настроение у ёжика совсем испортилось. Ужаленный нос распух и болел.

На полянке он сел на пенёк и стал грустить.

— Вот придумаю сейчас какую-нибудь игру, буду один в неё играть и всегда побеждать в ней, — решил Ерошка. — Вот! Придумал! — Ёжик даже подскочил на пенёчке от радости. — Если подпрыгну десять раз на одной лапке, то я выиграю.

Он легко подпрыгнул десять раз на одной лапке.

— Теперь на другой.

Ерошка для верности попрыгал десять раз и на другой лапке.

– Вот я и выиграл! – крикнул он в сторону, где по его предположениям были сейчас Тимошка и Тёпка, и снова уселся на пенёк.

Но радость как-то быстро улетучилась, и Ерошка решил придумать ещё какую-нибудь игру, в которой он победит.

– Если я быстро обойду десять раз вокруг этого пенёка, то я выиграл, – придумал он вторую игру.

Ёжик оббежал десять раз вокруг пенёка.

– Выиграл, – сказал сам себе ёжик без всякого удовольствия.

– Если я спрыгну с пенёка десять раз, то я выиграл, – придумал он третью игру.

Ерошка десять раз залез на пенёк, десять раз спрыгнул с него и понял, что ничего интересного в этой игре нет.

– Какую бы игру придумать? – ёжик подлёр мордочку лапкой. – Если я, если я соберу десять шишек, то я выиграл, – придумал он четвёртую игру.

«А что их собирать? – разочарованно подумал ёжик. – Вон их сколько под сосной валяется. Это какая-то неинтересная игра». – И Ерошка не стал собирать шишки.

«Надо придумать интересную игру», – Ерошка глубоко задумался, но в голову больше не приходили никакие игры.

– Получается одна плохость, – вздохнул ёжик. – То есть плохота, – тут же поправил он себя. – Плохота или плохость? Ну, в общем, плохизна, – махнул рукой Ерошка и снова загрустил.

В это время из норы вылезла старая барсучиха. Она решила погреться на солнышке и заодно довязать кружевной чепчик для своей внучки. Цзинь-цзинь – звенели её спицы, поблёскивая в солнечных лучах.

– Может, вы знаете игру для одного маленького ёжика? Но только чтобы он всегда в ней побеждал, – с надеждой спросил он барсучиху.

Барсучиха задумалась:

– Нет, малыш, что-то я не припомню такой игры.

Ёжик выглядел совсем невесёлым. Она сказала ему:

– Знаешь, когда-то я была такой же маленькой, как ты...

Ёжик с сомнением посмотрел на старую барсучиху и не поверил ей.

– И если мне было очень грустно, – продолжала та, – я покупала себе шоколадку, съедала её целиком, и это мне помогало.

– А разве в древности были шоколадки? – с удивлением спросил он.

– Да, и очень вкусные. Это во-первых. Моё детство пришлось не на такую уж древность, это тоже во-первых, – сухо заметила она.

Но ёжик точно знал, что до его появления мир пребывал в самой дремучей древности.

– Наверное, в древности были такие шоколадки, которые помогали от грусти, – предположил он. – Нынешние не помогают, я уже сколько раз пробовал.

– Попробуй гоголь-моголь, – посоветовала барсучиха. – Одно яйцо, три чайных ложки сахара, несколько капель лимонного сока и чуть-чуть ванили.

– Это же еда, она помогает от голода, а не от грусти, – вздохнул ёжик.

– Но еда помогает пережить грусть, – настаивала старая барсучиха, – уж я-то знаю.

Их разговор слышала ящерица, которая тоже грелась неподалёку на солнышке.

– Малыш прав, еда здесь ни при чём, – сказала она. – Когда мне становится совсем грустно, я отправляюсь к реке, смотрю на своё отражение и говорю ему: «Привет, ты неплохо выглядишь, может, улыбнёшься мне?».

– А если вы плохо выглядите? – бесхитростно спросил Ерошка.

– Это неважно, – ящерица мотнула маленькой головкой. – Я заставляю себя улыбнуться, и моё отражение улыбается мне. Мы болтаем о том о сём.

– И получается игра для одной ящерицы? – оживился ёжик.

– Ну да, игра, – неуверенно согласилась ящерица.

– Наверное, она подойдёт и для одного ёжика! – обрадовался он.

Ерошка тут же побежал к реке, наклонился к воде и с теплотой сказал своему отражению:

– Привет, Ерошка, ты неплохо... – тут он осёкся, потому что на самом деле выглядел скверно.

Его прежде чудесный остренький носик опух, расплылся, и Ерошка стал похож на небольшого колючего гиппопотама.

– Кажется, ящерица сказала, что можно выглядеть и плохо, главное, улыбнуться себе.

Ерошка так и сделал.

– Давай поболтаем о том о сём, – предложил он своему опухшему отражению. – Ты, например, во что любишь играть?

– Я люблю играть в прятки, – ответил он за отражение.

– А ты? – спросило отражение Ерошкиным голосом.

82

– Я тоже люблю играть в прятки, – ответил ёжик.

– Может, поиграем?

– Давай.

Ерошка бросил камешек в отражение – оно исчезло.

– Вот ты и спрятался, – сказал Ерошка.

Когда рябь улеглась, отражение снова появилось.

– Вот и нашёлся, – обрадовался ёжик. – Теперь я буду прятаться.

После этих слов настроение у Ерошки снова испортилось. Он понял, что игра закончилась, потому что отражение в воде не сможет его искать.

– А знаешь что, – сказал он своему отражению, – ты очень плохо выглядишь! У тебя нос, как у гипотопы... гитопопы... гипотопы... Как у черепахи! – выкрикнул наконец ёжик. – И играть с тобой неинтересно!

Он запустил камень в своё отражение и пошёл прочь от реки.

Неподалёку он увидел садик, в котором играла девочка.

Ерошка просунул мордочку между прутьев ограды и стал наблюдать.

На траве перед девочкой сидела дюжина кукол.

– Сейчас мы будем играть в школу, – сказала она своим куклам.

«Вот играет же человек один, и у него хорошо получается», – с завистью подумал ёжик.

Он пробрался через ограду, подошёл к девочке и спросил:

– Может, ты придумаешь игру для одного ёжика?

Девочка с удивлением посмотрела на Ерошку.

– Придумай игру для одного ёжика, – снова попросил он.

– Я могу придумать игру даже для десяти ёжиков, – уверенно ответила девочка.

– Нет-нет, мне нужно только для одного.

– Давай я сначала придумаю игру для ёжика и для девочки Люси.

Ерошка подумал и согласился.

– Но только, чтобы ёжик в ней выиграл, – поставил он своё условие.

– А девочка Люся, значит, проиграла?

– Да, – бесхитростно признался Ерошка.

– А если я придумаю игру, где никто не будет проигрывать и побеждать, ты будешь со мной играть? – спросила девочка.

– А разве это интересно? – удивился ёжик.

– Очень интересно. Вот, например, мы будем играть в больницу. Ты как будто пришёл ко мне лечиться.

Люся повязала белую косынку, взяла дудочку.

– Здравствуйте, больной, что у вас болит? – спросила она у ёжика взрослым голосом.

– У меня болит нос, – честно сказал Ерошка.

– Так, послушаем вас. – Люся приложила дудочку к Ерошкиному животу.

– Щекотно! – захихикал тот.

– Так, хорошо. – Люся невозмутимо продолжала осмотр. – Теперь постукаем вас.

Девочка постучала пальчиками по животу. Ерошка не удержался и прыснул.

– Ой, ой! Щекотно! – смеялся он.

– Больной, не смейтесь, – строго предупредила Люся. – Посмотрите вверх.

Ёжик посмотрел вверх.

– Теперь вниз. Налево. Направо.

Ерошка посмотрел так, как просила Люся.

– Ну что ж, теперь понятно, что у вас болит нос, – сказала Люся. – Надо делать примочки.

– А это не больно? – забеспокоился ёжик.

– Нисколько, – успокоила его девочка.

Она уложила Ерошку в постель, накрыла его шарфом, потом намочила тряпочку лекарством и положила её на распухший нос ёжика.

– Лежите, больной, а я пока приготовлю для вас обед. На первое будет хлеб, а на второе – молоко.

– А на третье? – не удержался ёжик.

– На третье – хлеб с молоком, – Люся весело улыбнулась и убежала в дом.

Ерошка лежал под тёплым шарфом на мягкой постели, с примочкой на носу, блаженно прикрыв глаза. Неподалёку сидела дюжина кукол. Они с сочувствием, как казалось ёжику, смотрели на него разноцветными глазами. Над ним шелестела зелёная листва, весело щебетали птички.

Люся накормила больного вкусным белым хлебом, напоила тёплым молоком. Потом снова послушала его дудочкой.

– Скоро вы будете совсем здоровы, – объявила она.

Ерошка и вправду почувствовал, что боль начала утихать.

«А всё-таки хорошая это игра для одного ёжика и одной девочки Люси», – думал счастливый ёжик, нежась под пушистым полосатым шарфом.

Дорогая Зоя Николаевна, от всей души поздравляем Вас со славным юбилеем! Любимый и верный наш автор, желаем Вам здоровья и сил для осуществления всех творческих замыслов! Так держать!

Зоя ЕСТАМОНОВА

СЛОВО

I

Ясный ум, твёрдый характер, спокойный и внимательный взгляд.

Перед нами – человек особой профессии, генерал-майор в отставке, доктор юридических наук, автор книги «Август 1991 года и не только о нём. Размышления военного контрразведчика».

Кажется, не одну меня из слушающих Николая Ивановича Рыжака удивляет склад его речи. Не так уж часто в наши дни можно слышать подобные сочетания эрудиции, простоты, богатства мысли и лексики. И ни единого лишнего или избитого слова! Увы, подобное владение литературной палитрой русского языка – редкость.

С 1990-х годов начиналось и продолжается после гибели Советского Союза то, что называют попросту «образовательными услугами»: занесенная с Запада эпидемия «глобального образования».

Логика ясна. Большому бизнесу транснациональных компаний нужны лишь компетентные и легко управляемые биороботы.

И сокращаются в школе часы гуманитарных программ вместе со списками рекомендуемых детям книг классической литературы.

Всё чаще закрываются библиотеки и книжные магазины. И налицо невежество, косноязычие, безграмотность.

Мышление в эпоху интернета философ Фёдор Гиренок вполне справедливо называет лоскутным, фрагментным, а сознание – клиповым.

И как будто о нас, сегодняшних, писал Иван Сергеевич Тургенев, когда к славословию родного языка добавил: «Как не впасть в отчаяние при виде того, что совершается дома?».

Кое-кто, усомнившись в жизнеспособности «великого и могучего», доходит до кощунства.

Редактор газеты «Московский комсомолец» Павел Гусев, выступая в передаче «Культурная революция», спокойно констатировал: «Время идёт, и мы не можем остановить это время. Конечно, он (русский язык. – З. Е.) должен быть. Но он – памятник...».

Почитать бы уважаемому либералу стихи Ивана Алексеевича Бунина:

*Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.*

II

В минувший Год литературы в России скромно отметили 145-летие со дня рождения лауреата Нобелевской премии в области литературы 1933 года русского писателя и поэта И. А. Бунина: в Институте мировой литературы РАН прошла пресс-конференция, на канале «Культура» – документальный фильм «Вунине». Название фильма латинским алфавитом подчёркивало: эмигрант.

Один из потомков старинного дворянского рода, И. А. Бунин навсегда покинул Родину в годы Гражданской войны.

«...Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то жили, которую мы не ценили, не понимали – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...»

Читая эти бунинские слова, я спрашивала себя: а что будут знать наши внуки-правнуки о срубленном под корень в 1990-е Советском Союзе?

Была, есть и будет бесконечная риторика о сталинских репрессиях. Не исключены объективные суждения о преимуществах социалистической системы. А как передать саму атмосферу невиданного в истории проекта? Но ведь она, эта пассионарность, была источником подвигов и в годы Великой Отечественной войны, и «в буднях великих строек», в любой самой мирной профессии.

«Куль личности»? Но был ещё и культ образования, культ труда, культ книги, культ созидания. А разве создание Советов – не традиция российской общественной психологии?

Две правды – белая и красная. Две исторических судьбы

«Была Россия, где она теперь? Сильно плакал... Радость жизни убита войной, революцией...»

И плакал Бунин, и гневался. Да ещё как! А читая его «Окаянные дни», понимаешь: злые, беспощадные слова касаются и моих, и твоих советских предков.

Именно эту жестокую белую правду, трагедию Гражданской войны открывает фильм Никиты Михалкова, созданный по мотивам небольшого, подобного этюда, рассказа Бунина «Солнечный удар». «Как это случилось?» – повторяет поручик, герой фильма. Между тем, ответ находится у автора рассказа: «...Выхода нет... Чуть не весь народ за революцию...». И полнейшая солидарность Бунина с режиссёром фильма, который ему не суждено было увидеть: «...Нельзя огулом хаять народ! А белых, конечно, можно. А у белых всё отнято, поругано, изнасиловано, убито – Родина...».

Горечь, отчаяние, боль. Только ведь эмигранты бывают разные. Одни, расставшись с Родиной, рвутся душой с чужбины на свою землю. Другие, родившись в России, превращаются в духовных эмигрантов. И уезжать не желают, и Родину-мать унижают и кланют.

III

Моё знакомство с творчеством И. А. Бунина состоялось на филологическом факультете Ленинградского университета, выбор его книги «Жизнь Арсеньева» темой дипломной работы – дни открытия удивительного русского художника. Концентрация мысли, яркость образов, какая-то невероятная, снайперская точность слова!

Не знаю, как удалось сэкономить некую сумму из стипендии, чтобы купить в букинистическом магазине Ленинграда первое, 1915 года, издание собрания сочинений Бунина. А в летние каникулы мечтала добраться из своего родного Брянска на Орловщину, где проходили юные годы писателя. Там корни его во многом автобиографической повести «Суходол», написанной рукой человека, не понаслышке знавшего грусть вырождения дворянских усадеб и особенность родства мелкопоместных владельцев с крестьянами. «...Дворян, деревня и дом в Суходоле составляли одну семью. И кто же был роднее нам суходольских мужиков?»

А повесть «Деревня» полна ощущением близости нарастающих грозных перемен. «...В один и тот же день взбунтовались мужики чуть ли не по всему уезду. И гостиницы города долго были переполнены помещиками, искавшими защиты у властей...»

«К тебе, мой враг под кличкою товарищ...» – цитировал Михалков поэта Староверова, одного из белогвардейских казаков.

Но вот строки из поэмы Николая Асеева «Семён Проскаков», посвящённой сибиряку, кольчугинскому шахтёру-красногвардейцу:

*Алые деревни
среди белой
тайги...
Времени не тратили
белые каратели...*

В 1960-е годы, работая на Кемеровском телевидении, я встречалась со свидетелями революционных событий, отыскала адрес командира партизанского отряда Ивана Илларионовича Бойко, и он откликнулся на моё письмо. Писал о трагедии, которую переживали его земляки в обстановке колчаковского террора: «...Днём и ночью каратели хватали по наговору, без разбора людей, пытали, избивали до полусмерти плетями или шомполами, массами расстреливали в Камышинской балке...».

Я готовила сценарий телефильма о Гражданской войне в Кузбассе, а на моей книжной полке появи-

лось изданное в советское время собрание сочинений Бунина.

К 100-летию со дня рождения писателя из Ленинграда пришёл подарок – И. А. Бунин. «Избранное» со статьёй кандидата филологических наук Людмилы Владимировны Крутиковой. Это благодаря ей я впервые узнала о Бунине. Она была первым исследователем его творчества в нашей стране.

Я постоянно находила информацию о заграничной жизни Бунина и о том, как он раздавал нуждающимся свою «нобелевку», а сам потом голодал. О том, как в 1940-е прятал в своём доме антифашистов.

Парижский литератор А. Бахрах вспоминал, с каким волнением Бунин следил за Сталинградской битвой. С восторгом он отзывался о поэме Твардовского «Василий Тёркин». И вечная тоска сопровождала его до самой смерти. «...Очень хочу домой... Меня всегда волновали земля и народ...».

Так кем же были для него русские мужики, с которыми сроднились его мелкопоместные предки и которых он так яростно проклинал в воспоминаниях «Окаянные дни»? Как же боролись и уживались в его душе две правды – белая и красная?

И на это он успел дать ответ: «Народ сам сказал о себе: «Из нас, как из дерева, – и дубина, и икона – в зависимости от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев». Если бы я эту «икону», эту Русь не любил, из-за чего бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так беспрерывно, так люто?».

Контрасты русского характера!

Актёр Михаил Пореченков рассказывал о своей роли Поддубного: «Вот такой он есть, русский человек. Мягкий, но давить на него не надо – руки может оторвать. Он не злой, но настойчивый, не хитрый, но со смекалкой. Понятный и простой, но в то же время загадочный...»

О русской непредсказуемости по-своему рассуждал американец Майкл Бом, постоянный участник политических теледискуссий: «Россия – не враг и не друг, она – *беспокойство*».

Ведущий ток-шоу Пётр Толстой с обычной доброжелательностью и прямотой отозвался в ответ: «Мы любим американцев. Просто не надо лезть в Россию...».

Прав великий поэт Тютчев: «Умом Россию не понять...». О русской загадочности бесполезно толковать со здравомыслящим американцем.

Впрочем, Майкл Бом – известный любитель русских пословиц и поговорок, и можно бы предложить ему кое-что из арсенала народной мудрости: «*Как аукнется, так и откликнется*», «*Что посеешь, то и пожнешь*».

IV

В дни, когда украинским детям усиленно прививают русофобию, у мальчика из Сирии спросили, кем он хочет быть. Он ответил: «Русским».

В апреле 2016-го в прессе, на телевидении и в социальных сетях – многие тысячи восторженных отзывов о подвиге «русского Рэмбо». Все могли видеть фотоснимки 25-летнего Александра Прохоренко в форме старшего лейтенанта.

Факты биографии простейшие.

Родился в Оренбургской области. Окончил школу с серебряной медалью, затем – Смоленскую военную академию с отличием. Отправляясь в первую командировку, скрыл от жены, что улетает в Сирию. Вернуться к рождению своего первенца не сумел: погиб при освобождении античной Пальмиры. Последнее боевое задание – выявлять объекты расположения боевиков ИГИЛ и сообщать командованию точные координаты для нанесения авиаударов.

17 марта ему, окружённому со всех сторон, боевики предложили сдаться. Они владели русским языком, но не знали русского характера. Молодой офицер передал на командный пункт последнее сообщение: «*Вызываю огонь на себя!*»

Александру Прохоренко посмертно присвоено звание Героя России.

«Русский Рэмбо»? Для тех, кто воспитан на голливудских боевиках, подвиг – достояние супермена. Да какой уж там супермен – художавый, улыбочивый, чернобровый деревенский пацан. Но мы-то знаем, что в годы Великой Отечественной наш воин бросался на амбразуру вражеского пулемёта. Шёл на таран фашистского самолёта. Потеряв обе ноги, продолжал летать и уничтожать самолёты противника. Таков русский характер.

Непривычные менталитету европейца и американца патриотизм, безграничная преданность Родине вызывают настороженность, отчуждённость, раздражение.

И, наверное, неслучайно президент Путин говорил о чьих-то настойчивых попытках перекодировать наше общество.

Изменить национальный генокод, воспитанные веками традиции? Этого и хотят те, кто считает себя бесспорными хозяевами мира. А значит, всех, кто доставляет «*беспокойство*», следует перевоспитать «по понятиям» экспортируемой из Америки демократии и европейской толерантности. Убеждаешься: эти два начала накрепко связаны между собой, когда слушаешь интеллигентного немецкого политолога Александра Рара: «Немцы верят, что арабы будут принимать европейские ценности, Меркель в это верит. Мы их будем интегрировать, учить, цивилизовать».

Рар дважды повторяет: «Россия сама говорила устами Ельцина: учите нас демократии».

Чтобы не обидеть собеседников, толерантный Рар не стал говорить о том, что слова «Родина» и «справедливость» в Европе некорректны.

Он со свойственной ему искренностью добавляет: «В Германии нет однозначной позиции. Но многое будет зависеть от того, что скажет Вашингтон».

V

О том, что значат уроки демократии по-американски и перевернутые вверх тормашками ценности и смыслы европейского миропорядка, мы не просто испытали в годы «лихих», мы продолжаем их испытывать.

Не скажу более кратко и точно, чем русский политолог Сергей Михеев: «В 90-е годы подменили понятия «хорошо – плохо» на «выгодно – невыгодно».

«Роскошь! – вызывает реклама. – Однажды изменив представления о ней, мы изменим мир...»

Изменили. И вот прижились у нас теория, практика и эстетика потребления.

Креативная дама, культуролог Ирина Прохорова поделилась с читателями «Литературной газеты» мыслями о русской литературе, которая «не хочет хэппи энда».

Почувствовать у Америки? Там уже переписали любимую детскую сказку Перро «Красная Шапочка». Девочка теперь спокойно шагает по лесу навстречу волку, ведь в её корзинке рядом с пирожками для бабушки лежит пистолет.

А вот и наши «шутники» просят с экрана Деда Мороза заменить новогодние подарки на денежки.

«Выгодно – невыгодно» – главный лозунг потребительского мышления.

Тут и девичья мечта выйти замуж за олигарха, успешная работа многих, очень многих создателей телевизионной отравы, и алчность управляющих компаний, следствие которой – гибель человека в обветшавшем лифте, и факты жестокой расправы лжеколлекторов над должниками, и криминал на рынке ритуальных услуг...

«Роскошь – это...» И всё же навстречу любимой заповеди банков готовы встать наследники завещанного нам бессмертного сокровища – слова. «Когда для человека главное – получить дражайший пятак, легко дать этот пятак, но когда душа таит зерно пламенного растения – чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии. Новая душа будет у него, новая у тебя...»

А ведь эти строки из «Алых парусов» звучали по радио в осаждённом, блокадном Ленинграде.

VI

Отдыхая в гостеприимном Крыму, на пляжах Ялты, Коктебеля, Судака, не забудем посетить маленький домик Старого Крыма, где прошли последние дни писателя Александра Грина (настоящая фамилия – Гриневский). Вспомним о том, как этот юный романтик, влюблённый в море, скитался по гаваням, работал грузчиком, голодал, жил в подвале, был счастлив, когда взяли наконец-то матросом

на пароход, и вот спустя годы сумел оставить нам в наследство и «Алые паруса», и много других сокровищ своей мечты.

Основатель страны Гринландии с её городами Зурбаганом, Лиссом, Гель-Гью был родом из провинциальной Вятки.

Мальчишку Сашу Гриневского исключили из гимназии за плохое поведение. Чем-то он был похож на нынешних озорников. А ещё он очень любил читать.

«Читал бессистемно, безудержно, запоем», – пишет он о себе в автобиографии. Читал Майна Рида, Жюль Верна, Эдгара По. И мечтал о необыкновенных путешествиях.

«Мне кажется, что без романтизма ни поэзии, ни искусства быть не может».

Возможно, в сегодняшнем мире, где романтика и прагматизм почти враждебны, имеет смысл поспорить с этими словами классика киргизской литературы Чингиза Айтматова? Не стоит. Если бы он был один такой, русский чудака Александр Грин... Он, родившийся в XIX веке, не мог, конечно, читать американского писателя Рэя Бредбери. А ведь тот был таким же великим романтиком и фантазёром. И ещё обоих объединяло свойство истинных художников слова – пророческий взгляд в завтрашний день человечества.

Герой рассказа Грина «Серый автомобиль» был уверен, что машина имеет сознание, подобное механической части человеческого существа, и размышлял о том, что «жизнь делается сложнее, быстрее, ее интенсивность возрастает непрерывно, и этой особенности соответствует техника».

И следует предостережение писателя: «В скорости есть предел, за которым движение по горизонтальной превращается в падение...».

В повести Рэя Бредбери «451⁰ по Фаренгейту» – перед нами американский город будущего, где чтение книг наказуемо, по закону книги сжигаются. Зачем? «Пусть люди станут похожими друг на друга как две капли воды; тогда все будут счастливы, ибо не будет великанов, рядом с которыми другие почувствуют своё ничтожество...»

Непохожий на своих коллег-пожарников герой повести Монтэг тайком спасает несколько обречённых книг. В отместку сжигается его собственный дом.

И вот ведь какая зеркальная история: за резкий выпад Рэя Бредбери против кандидата в президенты сенатора Голдуотера чьи-то руки поджигают в Лос-Анджелесе дом писателя-гуманиста.

VII

Один из самых странных лауреатов Нобелевской премии мира Барак Обама отправился в гости в столицу Кубы.

И какое совпадение! Именно отсюда, из Гаваны, призывал к ответу американское правительство, поддерживал Кубинское освободительное движение и приветствовал Фиделя Кастро Нобелевский лауреат 1954 года, постоянный гость и житель Острова свободы Эрнест Хемингуэй.

Автор всемирно известных, очень любимых в Советском Союзе очерков, рассказов, повестей и романов, антифашист, военкор и художник слова, он родился в Америке. Он объехал всю Европу и Африку, работал в Италии, Париже, Гаване. В 1937-м он был в Испании на стороне интернациональных бригад.

В 1941-м он в знак солидарности направляет в СССР телеграмму: «Народ Советского Союза своей борьбой защищает все народы, сопротивляющиеся фашистскому порабощению».

В июне 1944-го Хемингуэй высаживается с американскими войсками на Нормандском побережье. Он собирает отряд французских партизан. Он входит в Париж с войсками союзников.

Вы сегодня гордитесь, американцы, этим сыном своего народа? Наверное, далеко не все. Ведь это ему принадлежат беспощадные слова: *«Те, кто заведает, разжигает и ведет войну, – свиньи, думающие только об экономической конкуренции и о том, что на этом можно нажиться...»*

Что скажешь, любитель русских пословиц Майкл Бом?

Не в бровь, а в глаз!

VIII

В 1915 году Бунин пишет рассказ «Господин из Сан-Франциско».

Сюжет предельно прост. Некий безымянный американский миллионер едет с семьёй в Италию отдыхать и развлекаться.

На палубе роскошного парохода «Атлантида» весело проводят время пресыщенные богатством путешественники. В танцевальном зале «под бесстыдно-грустную музыку» танцует пара, нанятая изображать любовь. «В утробе парохода» трудятся голые по пояс, облитые потом работяги.

В гостинице миллионер скоропостижно умирает. В обратный путь его везут в ящике из-под содовой воды, поставленном на самое дно чёрного трюма, чтобы не оскорблять чувства тех, кто развлекается на палубе.

В рассказе нет навязчивой оценки социальных контрастов. Аристократ дворянского происхождения, Бунин по-своему, как православный человек и как художник, выражает своё отношение к потребительскому буржуазному раю: «...Бесчисленные огненные глаза корабля были за снегом видны Дьяволу, следившему со скал Гибралтара.... Дьявол был громаден, как утёс, но громаден был и корабль, многоярусный, многотрубный, созданный гордыней Нового Человека со старым сердцем...».

IX

Когда в статье 1908 года «Разрушение личности» Максим Горький писал о литераторах, которые уходят на службу мещанству, он, конечно же, не имел в виду существовавшее в царской России мещанское сословие. У слова «мещанин» есть второй, переносный смысл. В словаре Ожегова читаем: «Человек с мелким интересом и узким кругозором».

У Горького было повышенное требование к человеку, который выбирает путь служения искусству, культуре в целом, о котором писал и Бунин, если видел, что у людей творческой природы проявлялись «порочность», «угодничество улице», «бесстыдная жажда успехов, скандалов».

Если Горький был беспощаден к мещанству, поскольку оно «пожирал личность изнутри», то Бунин видел истоки торжествующей пошлости прежде всего в поклонении Золотому тельцу: «Я с истинным страхом смотрел всегда на всякое благополучие, приобретение которого и обладание которым поглощало человека, а излишество и обычная низость этого благополучия вызывали во мне ненависть...».

Поистине удивительна перекличка этих мыслей с суждением русского религиозного философа князя Евгения Трубецкого: «Продажа собственной души и Родины за тридцать сребреников, явная сделка с сатаной из-за выгод, явное поклонение сатане, который стремится вторгнуться в святая свя-

тых нашего храма, – вот куда в конце концов ведет мещанский идеал сытого довольства...».

И если наше духовное здоровье небезразлично всем, кто испытал и всё ещё продолжает ощущать унижительную власть лихих 90-х, стоит, может быть, задуматься над словами Горького: «Он бессмертен, мещанин, живуч, как лопух».

X

«...Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах мёда и осенней свежести...»

Помню и я этот запах. Помню отцовский сад в Брянске.

«...В теплую ночь сплю среди яблонь. В лунном свете антоновки почти голубые. Засыпая, слышу мягкий стук падающих спелых плодов...»

Ностальгия сроднила эти воспоминания с музыкой рассказа «Антоновские яблоки». А теперь вот открылась особенная правда того, что было написано Буниным столетие назад:

*И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.*

Май, 2016 год

Михаил ТАРКОВСКИЙ

УХОДЯЩАЯ НАТУРА ЕНИСЕЙСКА

«Город ране в Енисейске был», – говорил мой сосед дядя Гриша, Григорий Трофимович Попов, матёрейший старик, сроднившийся с Енисеем и сибирской стариной до такой степени, что, казалось, оторви его хоть на минуту, погибнет от голода и удушья. «Город ране в Енисейске был...» В этой фразе заключается судьба старинных сибирских городов, которые будучи во времена освоения Сибири опорными и центральными, к XX веку оказались в стороне и уступили ношу столичности Красноярску и Новосибирску. Город Енисейск основали на левом берегу Енисея в полусотне километров ниже устья Ангары в 1619 году тобольские казаки во главе с Максимом Трубочаниновым. «...Пошли за волок в тынгусы и Тынгуской острог... ставили».

В одно из десятилетий XVIII века (с 1730 по 1740 год) сюда из Тобольска ходило более двух десятков тридцатитонных судов. В ту же пору здесь проходила ярмарка с пушным отделом – самым большим в Сибири. Суда шли с Оби по Кети до острога Маковского, а дальше до Енисейска на лошадях, или, как говорят в Сибири, на конях.

До конца XVIII века путь из Томска на Иркутск проходил именно через Енисейск, но после обустройства нового Сибирского тракта через Красноярск началось угасание этого важнейшего городка. Его судьба лишь отчасти сходна с судьбой Томска, минувший в 1893–1896 годах, прошёл Транссиб. Именно железная дорога превратила малоизвестный Новониколаевск в столичный Новосибирск и лишила Томск центральной роли. Но если этот первый в Сибири университетский город лишь несколько померк перед гигантским Новосибирском, то с ростом Красноярска Енисейск свою роль утратил убийственно.

Когда я впервые оказался здесь по молодости, то и значения-то не придавал этому городку, такому заштатному по сравнению и с Красноярском, и с Абаканом. Я ничего о нём не знал и проникся его духом, только когда стал бывать там и интересоваться историей. Оказалось, что в Енисейске служил рядовым казаком Семён Дежнёв. Именно енисейские казаки основали Красноярск, Якутск, Иркутск, Нерчинск. Енисейск стоял на перекрестье путей и, как канаты, держал в трудовых руках связь

с огромным Енисеем, Ангарой и Леной, собирая ясак с кетских и тунгусских племён и служа перевалочной базой. В 1642 году здесь был возведён Спасо-Преображенский монастырь. К концу XVII века Енисейск стал в Сибири вторым после Тобольска центром ремёсел и торговли. Через Енисейск пролегали торговые пути на Тобольск и Москву, на восток и юг Сибири, на Амур и в Китай.

Енисейск сохранил облик сибирского города XVIII–XIX веков, по сути являясь музеем под открытым небом, но экспонаты находятся в таком удручающем состоянии, что сердце обливается кровью. Нигде не испытываешь такого чувства запустения и такой любви ко всему уходящему, как в этом тихом городке, поражающем количеством старинных домов и домишек с удивительными наличниками – их очертания необыкновенно плавны, а узоры-завитки с глазками придают зрячее выражение. Купеческие дома, деревянные, каменные, каменно-деревянные с несусветными ажурными угловыми верандами на втором этаже, храмы, восстановленные и нуждающиеся в восстановлении, покосившиеся, уходящие в землю избы с наличниками и ставнями, потемневшие от времени заборы... Вольно разросшиеся тополя. Полузаросшие травой могильные плиты в Спасо-Преображенском монастыре. И ты... Со всем этим один на один. С глазу на глаз с бессонно текущим в душу потоком родной земли. Сострадание к ней. Ощущение ушедшего времени, разрывающий сердце взор старины и контраст с тем, что испытываешь в сияющих исторических центрах более везучих городов. И мысль: ну почему, несмотря на утрату столичности, нельзя заняться сохранением архитектурного наследия, как это делается в Тобольске, который хоть и тоже в стороне, но несравненно ухоженней Енисейска, в чём во многом заслуга Аркадия Елфимова, мецената и знаменитого собирателя Русского мира. Но Енисейск – история особая, и я уверен, что его рвущая душу запущенность зачем-то нам дана – наверное, чтобы открыть в себе самый пронзительный род любви.

В Енисейске, в Спасо-Преображенском монастыре, долгое время жил замечательный человек отец Севастьян, настоящий старец наших дней, единственный во всей епархии совершавший чин отчитки. К нему ехали со всей Сибири. Теперь он в том самом Маковском, через который шла связь с Тобольском. А в Енисейск приезжают молиться, думать, писать картины. Видно, место такое.

Мне всегда были близки и понятны параллели человек – страна, человек – город. Они казались мне ключом к пониманию отношений между человеком и его землёй, хорошо объясняющим и укладывающим в душе отношение к нашей истории и пространству. Когда отождествляешь эти понятия с человеком, то становится очевидной неделимость

Русского мира. Ведь не отрежешь себе часть туловища, ногу, кусок головы. Город, городок, деревня так же болеют и выздоравливают, рождаются и клонятся к закату, оставляя детей в надежде на продолжение жизни. Страна так же, как и человек, испытывает рост и внутреннюю распрю – гражданскую войну, так же бьётся с недугами и недругами, защищая свой очаг.

Мы привыкли рассматривать Русский мир в защитном противостоянии агрессивным цивилизациям, забывая, что порой и смыслы внутри нашего мира меняют пути, и упадок и разрушение вызваны изменением географии жизни и передвижения.

Обо всём этом я думал прохладным осенним днём, двигаясь по трассе Красноярск – Енисейск. Дорога становилась всё задумчивей, асфальт старше, кое-где прерываясь бетонкой, ритмично отдающей в колёса, а редкие посёлки и редкие машины усиливали отрешающее ощущение от этого пути на север. Чем ближе был Енисейск, тем сильнее я волновался: каждая встреча с этим городом – особый разговор. Особое усилие и особый вопрос: долго ли город-музей будет погружаться в прошлое, несмотря на обращение в ЮНЕСКО взять его на поруки? И не позорище ли такие обращения, отдающие признанием собственного бессилия? И что будет, когда сменятся поколения и встанет вопрос, кому принять на плечи ношу этого города, понести его образ дальше? Найдётся ли вообще кто-то, раненный этим образом?

Уже шли подступы к Енисейску и тянулся промышленный Лесосибирск, который давно перерос Енисейск со своими лесоперерабатывающими предприятиями и огромным речным портом. С самым большим к востоку от Урала Крестовоздвиженским красавцем-собором, построенным в наши дни и архитектурно напоминающим собор Василия Блаженного. И ещё с одним строящимся храмом. Всё это я видел много раз, но повторюсь, ехал в Енисейск с новым ощущением. В моих глазах стояли картины молодой красноярской художницы Евгении Аблязовой*.

Евгения – я знаю её не первый год и зову Женя – настоящая гордость нашего края, она, конечно же, член Союза художников России, участница многих выставок и представляла свою живопись, участвуя в международных пленэрах в Сирии и Италии. Женя занимается ещё и преподаванием.

Енисейск – Женина тема. Я давно не видел картин, в которых было бы столько материнской заботы о том, что любишь и хочешь спасти. Под впечатлением от них я записал интервью с Женей, и теперь вместо музыки в машине звучал её задумчивый голос:

– Думаю, главное для художника – найти тему, близкую сердцу и не надуманную. Сейчас в том, что

называют современным искусством, многое делается ради денег. А найти свою тему, которая тебя трогает и наполняет, – это большое счастье. Мне повезло. Я родилась в Енисейске, в месте, которое само по себе напитано глубокой энергией, удивительным духом. У меня простая семья: мама – библиотечкарь, бабушка – учитель русского языка и литературы, с детства мне прививали духовные ценности. Какую поддержку мне дала семья! Мной гордились, помогали во всём. Это долгий путь – вырастить художника, начиная с шести лет, с того момента, как меня повели в художественную школу. Потом училище, потом институт. Мы долго учимся. Наверное, я осознала свой путь не сразу, не помню ощущения выбора. Мне кажется, всё решило само окружающее пространство – это же Енисейск!

«Енисейск» – отсёк придорожный щит, и, едва я въехал в осенний городок, закрапал дождь, словно подчёркивая особость происходящего, и через несколько минут я шелестел по потемневшим блестящим улицам, сравнивая Женины картины с тем, что видел по сторонам. Картины Аблязовой при всей их сознательной сдержанности настолько выразительны, что я уже не понимал, что первородней – её портреты енисейских окошек или сами эти окна, проплывающие мимо в выцветшей своей красе. Я остановился возле такого дома – в нём была раньше, кажется, почта, теперь висел ржавый засов. Поддаваясь настроению, я медленно нащупал кнопку на дверце. Покрытое крупными каплями стекло так же медленно оползло, и в машину хлынул запах дождя. Целый мир влажным лезвием тронул и без того обострённую душу.

Правая посадка за рулём позволяла мне глядеть в глаза и окнам, и удивительным здешним наличникам. Чуден зрячий совиный вид их глазков! Будто время глядит на тебя недвижно и пристально. Наличники эти появились в конце XIX века в русле моды на «изящный вкус», которая в аскетической обстановке Сибири выглядит неожиданно оранжерейно, да и ничего подобного в остальной округе не увидишь. Это же «сибирское барокко» есть в Томске и Иркутске, что подчёркивает историческую связь между этими главными городами, их былую близость.

Порыв ветра влажно и шумно прошёл по тополям, дождь с силой осыпал и мостовую, и крышу машины, и я несколько раз тронул клавишку громкости. Чистый Женин голос прозвучал отзывчиво и будто окрепнув:

– Домики, да. Балясинки, наличники... А та часть, что над окном, называется сандрик. А сами завитки с глазками – волюты. В училище я любила рисовать то, что покривее, что завалилось – такая живая пластика. Это по технике рисовать интереснее. А теперь есть любимый небольшой участок, там три-четыре дома. Раньше меня это место не привлекало,

* Работы художницы Е. Аблязовой представлены на вклейке этого номера.

а теперь я его вдруг открыла и написала много этюдов. Бывает, ищешь место, ходишь часами. Многое зависит от освещения, от времени года. Можно неожиданно увидеть какую-то фактуру в короткий момент. Маленькие случайные мгновения.

Я закрыл окно и тронулся, медленно поехал вдоль домов и заборов, которые угловато ломались, то уходя в землю, то снова будто выплывая на поверхность нашего времени. Заборы были прямоугольных линий с ажурными карнизами на воротах. Доски располагались то в строчку, то ёлочкой. И без того тёмные, они особенно потемнели от дождя.

– Не каждому зрителю нужны серьёзные выстраданные вещи, – прозвучал Женин голос. – Кто-то скажет, что это мрачно, например, спросит: «А почему здесь забор сломанный?» Есть прикладная сторона искусства, а есть содержательная, бесконечная по поискам. Как есть картины для жизни, интерьерные, а есть – для музея. Последние могут быть прекрасны, но они для... встречи, а не для того, чтобы с ними жить. Если покупаешь картину, помни, что с ней придётся жить, как с членом семьи. Это очень тонко. Мне кажется, картины – это такие же люди, как мы.

Я уже не понимал, где Женины картины, а где настоящие дома, по-разному покосившиеся и с разным выражением глаз. Несмотря на старость, и избы, и заборы образовывали очень плотный ряд. Вдруг в нём открылся зияющий квадрат.

– Я приезжаю и в любую погоду брожу и стараюсь побольше подметить, захватить. Проверить, всё ли на месте, – Женя помолчала. – Бывает, уже не всё... А если и всё, то смотрю, где что ещё отвалилось или оторвано. Сейчас всё глобально меняется, даже отношение к семье. А у меня к семье очень глубокая привязанность. И, возможно, это тоже объясняет мою привязанность к месту – к деталям, которые дороги. И даже к простым вещам, которые нравятся рисовать, – опавшему листу под ногами, капусте в огороде, вот этим домотканым половичкам. Да... такие вот мы немодные... Я считаю, что художник должен просто быть искренним. И если я это всё люблю, из этого состою, мне не надо ничего выдумывать... А я всегда любила Енисейск. И не было желания сбежать оттуда, мол, дыра, деревня...

Я неумолимо двигался в сторону Спасо-Преображенского монастыря. На Жениной картине главный собор проглядывается сквозь золотую листву. Сегодня всё было серым, блестящим от дождя... Это обычные отношения жизни и искусства, существующего, чтобы открывать в окружающем обобщающий смысл. Силу образа.

– Иногда так страшно, – сказала вдруг Женя, – а вдруг темы кончатся? Но они не кончаются. Я очень жалею, что не написала тогда портрет отца Сева-

стьяна, но я бы, наверно, и не осмелилась... А теперь жалею... Но коплю материал, этюды натурные, фотографии – всё пролистываю и вдруг вижу совсем другое, новое, неожиданное. Енисейск, думаю, всегда будет основой для меня. Но я надеюсь, что подкоплю человеческого опыта и выйду на более широкие темы. Может быть, это будет что-то общечеловеческое, религиозное. Или портретное. Вообще, мне кажется, нормальный художник никогда не думает о шедеврах. Просто делает то, что его трогает. Я знаю, что всегда найдётся зритель. А задачи прославиться и заработать кучу денег у меня нет. Лучше быть собой на своём месте, чем неизвестно кем среди общей массы. Наш Союз художников – прекрасные, профессиональные люди, создающие настоящие произведения. Хотя они продаются, может быть, раз в год. А те ребята, которые зарабатывают деньги, шокируя зрителя... не знаю, что от этого останется, время покажет. Всё-таки есть ремесло и традиция. А все эти перформансы и инсталляции, когда голышом дефилируют в ошейнике... Разве это изобразительное искусство? Для меня огромные города – жёсткая чуждая среда, их пространство меня душит. Тем более и уехать далеко от Енисейска я не могу. А друзей у меня хватает. Да и понятие одиночества для художника... особое...

Я подумал о том, что тоже всегда оказываюсь в Енисейске один. И что это труднейшее одиночество мне так же необходимо, как и Жене, бродящей в любую погоду по Енисейску и выискивающей его оттенки то в снежной слякоти, то в морочной морозности, то в прозрачности бабьего лета. И что я, бредя по полупустым улицам мимо собора с выломанной фасадной иконой, испытываю такие ощущения, которые никогда бы не испытал, если бы Енисейск был отреставрирован и полон туристических толп. Но город надо восстанавливать. Ты согласна, Жень?

– Да. Я слышала, что собирались перевезти часть ангарских изб из зоны затопления Богучанской ГЭС и сделать в пригороде Енисейска музей деревянного зодчества, да ещё несколько енисейских домов спасти. Но, по-моему, всё заглохло. Скорее всего, каменный купеческий центр не ломают. Подали документы в ЮНЕСКО, повесили таблички памятников федерального значения. А деревянный фонд стремительно утрачивается. Культурное отношение, к сожалению, требует больших вложений, чем... некультурное. Я очень болезненно это переживаю. Перемены, стройки. С одной стороны, я понимаю, что молодёжь останется, будет растить детей, город будет жить. С другой стороны, безумно жаль этой старины. Культура – это, увы, не первоочередная потребность человека. Дома разбирают, распиливают. А брёвна внутри белые! Дома живые. Исторические окна заменяются на пластик – тупо вырезают дыру, запенивают и ляпают. Встре-

чаются мнения: вот, мол, зачем реставрировать эту рухлядь, лучше бы садик построили! Люди не понимают, что если не спасать эту «рухлядь», то Енисейска не будет вообще. *Потому что там нет никакого другого ресурса, кроме красоты.*

Я медленно ехал вдоль Спасо-Преображенского монастыря... Дышащего, живого, уже восстановленного до такой степени, что недавний ветхий его облик казался минутным наваждением и вызывал недоверие собственной памяти. А когда-то он очень сильно пострадал от разрушителей. В довершение всего в него был буквально вживлён пивзавод. Прямо в стену. Да и стоял он говоряще: на островке между улиц Перенсона, Марковского и Рабоче-крестьянской. Возрождение монашеской жизни началось здесь с 1990 года. В монастыре долгое время жил отец Севастьян. Вот что говорил о нём один монах: «И ещё есть у нас в епархии благодатный старец отец Севастьян под девяносто годочков – духовник мужского монастыря в Енисейске (очень суровый край). За духовным советом в нашей епархии к нему только все и ездят (скольким людям он помог!). Обладает он многими дарами преизобильно. Бесов изгоняет. Только один он во всей епархии совершает чин отчитки. Всего человека и все помышления его видит как на ладони, многим говорит, как быть в их ситуации, ещё до того, как те успевают слово вымолвить, часто говорит что-то человеку, например: «А книжки-то с чёрной магией нужно обязательно из дома выбросить», а у этого человека их и нету, он вроде как и близко к сердцу эти слова не воспринимает, зато эти книжки есть у человека, который стоит рядом и обязательно это слышит, но ему отец Севастьян по любви этого не говорит, чтобы не обидеть».

Отец Севастьян был небольшого роста, с прозрачными висками и необыкновенно ясными молодыми глазами. Отличался добротой, желанием и готовностью помогать. Несмотря на преклонный возраст, он всегда находил силы для страждущих. Хотя и очень уставал. «Бывает, после службы пойдет к себе в келью отдохнуть, – рассказывает близко знавший его иеромонах. – Кто-то приезжает. Ему говоришь: «Вот, батюшка, снова приехали». Вздыхнет так. Видно, что тяжело ему. Спросишь: «Может, сказать, чтоб завтра приходили?» «Нет, – отвечает, – люди приехали издалека, значит, беда какая-то их привела, надо поговорить»... Народу много идет в течение дня. По себе могу сказать, что иногда начинаешь раздражаться, хочется побыть в одиночестве. В нем этого вообще не было, проявлялись какие-то уже сверхчеловеческие свойства. Бывает, тяжело на душе, просто рядом с ним постоишь, ни слова не говоря, – и отходит уныние. Вот такой человек.

К нему приезжали самые разные люди. Среди них были руководители предприятий, члены их се-

мей, музыканты, художники, преподаватели институтов. Многие находились на грани самоубийства, настолько невыносимы были их страдания. Демон ведь намного сильнее человека, и он пользуется своим превосходством, издевается, внушает какие-то неразумные вещи. А люди этого не понимают, пытаются с ним разговаривать. Во время отчитки внешние проявления одержимости усиливаются. Пришедшие в храм начинают кричать матом, ругать батюшку, чего до этого за ними не наблюдалось. Некоторые катаются по полу, дрыгают ногами – в общем, ведут себя неадекватно. Бывали случаи, когда на отца Севастьяна пытались наброситься. Вообще такие обряды сильно сказывались на здоровье священника. Он даже в обморок падал во время отчитки... Злобная сущность действует не только на того, кто ею одержим. Когда мы участвуем в судьбе человека, мы берем на себя часть его тяжести...

Моя хорошая знакомая, приехавшая из Новосибирска специально к отцу Севастьяну, рассказывала, как попросила у него просфоры, и они пошли в подсобку их искать. Он не мог вспомнить, где они лежат, и долго копался среди бочек с крупами и прочей жизненной всячиной. Вышел отец Севастьян по-летнему, а на улице был сильный мороз, но он не остановился, пока не нашёл просфоры и не отсыпал ей целый пакет. А про деньги сказал, что денег у них хватает и что они понадобятся моей знакомой на обратном пути. Так и случилось, по дороге навалились траты, и денег хватило впритык. Сейчас отец Севастьян живёт в старинном селе Маковском Енисейского района, где продолжает служить в храме, но уже за штатом церкви. И к нему так же тянутся люди...

Я оставил машину у крашеных железных ворот и, зайдя в монастырь, прошёл в храм, где первый раз в жизни увидел отца Севастьяна, попав к нему на службу. Это было больше чем десять лет назад. После той памятной службы отец Севастьян прочитал проповедь о покаянии. Храм ещё только восстанавливался, и всё происходило в каком-то боковом помещении, чуть ли не среди опалубок и цемента. Это была сильнейшая служба в моей жизни.

Я помолился за отца Севастьяна и за Женю, после этого дня будто связавшихся в светлую и бесконечную дорогу. И поехал по мокрому Енисейску, на мостовых которого уже завязывались вечерние радужные пятна, переживая одну радужную мысль: если по Божией воле Енисейск восстановим, то Женины образы приобретут особую, уже летописную ценность. А если нет, то всё равно останутся пронзительным напоминанием о забывчивости, картинной галереей с названием «Город, в котором ранее был город».

Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ

ПЕРЕВОРОТ

Как-то в начале июля два приятеля сидели на берегу Катуня, прямо напротив Манжерокского порога. День был солнечный, выше по течению Катунь широко блестела, а ниже, сужаясь в шершавом горлышке скал, весело пенилась, образуя волны, воронки и прочие водные препятствия, именуемые порогом.

Костя, высокий нескладный парень, смотрел на рокочущую воду со священным трепетом – весла в руках никогда не держал. Второй, Данила, подставляя солнцу мускулистый торс, разглядывал девчонку, загорающих на камешках. Вдруг Костя вскочил:

– Смотри, смотри, рафты идут!

– Да это туристы-матрасники развлекаются, – сказал Данила, но на реку всё-таки посмотрел. Как толстые бело-красные жуки, упавшие на спину и дрыгающие лапами, по Катуня двигались два рафта. В каждом сидело по десятку человек, не меньше.

– Видишь, они даже грести синхронно не могут, – продолжал Данила, – половина, как пить дать, сегодня первый раз весло видит.

– Как же их допустили?

– Как-как... Надоело на пляже валяться, пришёл в контору – их сейчас на каждой турбазе... Заплатил за так называемый двухчасовой сплав, пятиминутный инструктаж прослушал, бумажку об этом подписал, каску, спасжилет получил и вперёд! Ты посмотри, в первом рафте – шестеро гребут, а четверо, девчонки, просто в середине сидят. Ой, сейчас визгу будет! Ладно, Манжерок не сложный, а дальше – река гладкая – выловят.

– А сзади рафта – это кто?

– Не сзади, а на корме. Это главный страдалец – инструктор. Ему таких охламонов раза три в день дают, и он должен их неосознанность как-то уравновешивать – переворачиваться-то не хочется...

– То есть они перевернуться могут?

– А то! Видишь, первый рафт правым бортом прямо под волну разворачивает, а второй-то, второй – разгоняется... Ой-ё! Они сейчас столкнутся.

Действительно, два рафта сошлись там, где пенистые волны бьют, казалось, со всех сторон. Второй рафт протаранил первый в левый борт, но сразу сдал назад – гребцы в нём, хоть и вразнобой, но сумели выполнить команду «Табань!». Зато первый

рафт окончательно развернулся правым бортом к волнам и, как в замедленном кино, начал переворачиваться через левый борт. В какой-то момент казалось – положение ещё можно спасти. Инструктор изо всех сил налёг на весло, пытаясь выставить судно носом к волне и, перекрывая грохот воды, заорал во всё горло: «Гребём, суки!». Двое или трое отчаянно заработали вёслами, но остальные, особенно девчонки из середины рафта, уже безвольными тюфяками сыпались на левый борт, а лишённый веса правый борт поднимался над ними и вот – упал. Вокруг, как поплавки, показались каски – это начали всплывать горе-гребцы. Они кричали, причитали, матерились, теряли вёсла, в панике стремились к берегу, забыв, что плыть надо к рафту и цепляться за него. Кто-то, конечно, схватился за леера судна и попытался вскарабкаться через скользкий борт. Но инструктор, первым забравшись на перевёрнутый рафт, чуть ли не силком сбросил поднимающихся обратно в воду. Он ловко подцепил ручкой весла за леер на днище, встал в полный рост и, прыгнув всем весом на один из бортов, перевернул судно правильно. При этом те, кто цеплялся за рафт, опять оказались под ним...

– И что теперь с ними будет? – забеспокоился Костя.

– Подберут их, не бойся, – усмехнулся Данила, – главное, чтобы не нахлебались от страха. Вон, видишь, им навстречу катер береговой охраны вышел. Он тут в разгар сезона дежурит. Гляди, гляди, девчонки уже вытаскивают. Видишь ли, человек на жилете плывёт быстрее рафта. А вторая лодка – молодцы, худо-бедно преодолели порог. И первая почти всех собрала. Напьются ребятки сегодня! Да что Манжерок – «троечка» по категории сложности. Вот у меня «пятёрка» была... На Чую...

– Ты не рассказывал, что сплавлился...

– Да что рассказывать, – Данила вздохнул, надел рубашку и отвернулся от реки, – я из-за этого рафтинга такую девчонку потерял!

– Как?!

– А вот так. Шли командой восемь человек на одном рафте, плюс каякер страховки. Все – люди бывалые, кроме неё... Иришки. Видел бы ты Ирочку в купальнике – фигурка литая, упругая. Со спортом дружила, но на рафтинг пошла первый раз. Видишь ли, Костя, на многодневные сплавы, где пороги и четвёртой, и пятой категории сложности, у некоторых турфирм та же политика: заплатил – вперёд! Собственно, по дороге на сплав мы и познакомились. Три года прошло – как сейчас помню. Иришка, глядя на Чую, так смешно глазами хлопала: «Ой, так вот это «бочка» называется, да? Когда волна закручивается? Ух ты! Воронка? «Поганка»?.. «Поганка», Костик, это когда вода, затянутая воронкой, выбрасывается рядом наплывом, похожим на шляпу гри-

ба. Глянь, перед Манжерком – «поганки» и воронки, они маленькие, нестрашные, а вот когда воронка во весь рафт...

– Вы в воронку угодили?

– Нет. Раз я уж начал рассказывать, слушай, не перебивай, – вздохнул Данила и продолжил, просеивая меж пальцев неровный крупный песок. – Тот порог был серьезней некуда – «пятёрка», для туристов – предел сложности. Бегемот. Забавное название, правда? Никто не помнит, за что его так окрестили. Может, из-за того, что в третьей ступени порога, посередине реки, как зуб в пасти бегемота, торчит камень, похожий на клык. По «клыку» сразу видно, каков уровень воды. Если он полностью закрыт – вода высокая, идти очень опасно. Ещё одна узнаваемая примета Бегемота – деревянный мостик над самым узким местом. Собственно, под мостом – первая ступень порога: такой мощный слив, короткий, метра полтора, но почти отвесный. Если будешь когда-нибудь ехать по Чуйскому тракту, не поленись, выйди на семьсот шестьдесят первом километре, спустись к Чуе, постой на этом мосту, а ещё лучше – ляг на него и посмотри вниз, как там вода кипит, бурлит... Через минуту голова кругом пойдёт. А на скалах, дружище, металлические таблички сияют с именами тех, кто погиб там... В память и в назидание всяким зелёным дуракам.

Мы, как положено, зачалились перед порогом и пошли просматривать его. Стоим на мостике, а под нами поток бушует! Вода высоченная – «клыка» почти не видно. Однако на предложение инструктора, а мог бы настоять, глядишь, до сих пор бы туристов катал... Короче, на разумное предложение обнести мост и войти за ним, минув эту коварную первую ступень, мы, глупые турики, ответили: «Деньги плачены не за обносы, а за экстрим! Пройдём всё!» Иришка, конечно, молчала, глазела на меня преданно, ещё пара человек вроде бы сомневалась, но потом решилась. Каякер страховки, он-то профессионал, ему такие препятствия – дело обычное, скептически улыбнулся: «Ну-ну, давайте...» Каякер сопровождает группу как раз для того, чтобы в случае переворота собрать людей, оторвавшихся от рафта, которые, как ты сам видел, плывут на жилете быстрее лодки. И вот каякер основные препятствия Бегемота прошёл, красавец, и зачалился ниже, в улове, ждать нас.

И мы рванулись во все восемь вёсел... и зашли под мост криво, что я, сидя вторым по левому борту, увидел сразу, но сделать уже ничего не мог. Моё весло чётко по команде вонзилось в воду, весло правого загребного – тоже. А у сидящего передо мной левого загребного, который должен был заколоться в волну синхронно, весло ещё на девять часов показывает. Левый загребной не успел! Не успел... Мы, пять минут назад бившие себя в грудь,

элементарно не попали друг другу в такт! И врубились левым бортом вперёд, а не носом, как полагаются! Правый борт «закусило», а левый начало поднимать. Примерно как сейчас на Манжероке, только Бегемот не в пример жёстче. Я сделал отчаянную попытку перевесить свой борт – до предела отклонился влево, стараясь дотянуться до воды, – весло чиркнуло по воздуху. Тут же рафт поставило вертикально на правый борт, и все мы посыпались в воду, сталкиваясь друг с другом... А вода – сплошное кипящее месиво. У меня от удара вышибло весло. Кажется, передо мной мелькнуло Иришкино лицо, – она сидела на противоположном борту, но всё смешалось – вёсла, чьи-то руки, ноги, каски, и всё накрылось рафтом, как медным тазом. Единственное, что я успел сделать, – глубоко вдохнуть...

Скажу тебе, Костик, ощущение шокирующее, хотя бывал я в переворотах, бывал не раз, и за борт меня смывало. Но это был мега-переворот. Привыкнуть к такому, наверно, могут только профи. Представь, после яркого солнца, открытого воздуха, грохота порога погружение – это мгновенная слепота, теснота и глухота. Переход в иной мир, не иначе. Там человеку не место. Включаются иные чувства! Чувства... Слышишь, какими словами заговорил? Просто много раз этот миг вспоминал... Как бушующая вода протаскивает меня сквозь тесный, узкий ледяной чулок... Каску срывает с головы так, что лямка врежется в горло, уносит ногами вперёд. Это хорошо... Можно отталкиваться от камней... Всем телом, каждой клеточкой чувствую: стихия безразлична к человечку... Только спокойно! Потерял весло – надо просто терпеть, «котла» в Бегемоте нет, скоро выбросит на поверхность...

Выкинуло! Прежде чем вдохнуть, открываю глаза. Вовремя! Прямо в лицо – пенный гребень... Невысокий, но нахлебаться хватит. Отворачиваюсь. Вдыхаю судорожно, быстро, немного – холодная вода сдавливает грудь и тут же снова утаскивает в глубину... Выталкивает опять... А силы тают! Не вижу ни рафта, ни каяка, ни Иришки, никого из экипажа. Только Чужа и я... Пару раз ударило по бедру – скользят! Наверное, проскочил мимо «клыка»... И несёт меня прямо по центру реки, в главную «бочару». Прямо перед ней выныриваю и вижу: серое небо, левый берег и здоровенную мутную волну, нависающую над головой... И понимаю – вот сейчас всё может кончиться раз и навсегда. Я перестану быть. Я на грани небытия... Я падаю за эту грань... Я – щепочка в руках стихии.

Вся жизнь перед глазами не проходит, нет, точно могу сказать, гложет одна досадная тоска: «Неужели всё?». И, знаешь, как жить захотелось? Нечеловечески. И я просто запретил себе паниковать. Вдохнул, зачем-то закрыл глаза, и меня захлопнуло волной. Я не сопротивлялся, терпел... тянуло нога-

ми вперёд. Сгруппировался, чтобы оттолкнуться от камней, – в Чуе они выскакивают неожиданно близко к поверхности, не то, что в Катуні, она значительно глубже. Вдруг вспомнил Иришку, но тут же забыл... Казалось, тащило целую вечность, хотя на самом-то деле не больше минуты. Дышать хотелось невозможно, но я просто отключил мозг и терпел. И вот Чуя выплюнула меня, как косточку обсосанную...

Потом чуть не нахлебался в крайних волнах – рано обрадовался спасению. Подоспел каякер, наш ангел-хранитель, и отбуксировал к берегу. Знаешь, на корме каяка есть специальные ручки, за них берёшься, и тебя, как пойманную рыбку, тащат на сушу. И вот наконец-то под ногами устойчивая земля! Боже! Солнышко светит, воздух такой сладкий... Тёплый ветер в лицо, белая бабочка над водой... Веришь ли, такая нахлынула полнота бытия! Ни до, ни после не чувствовал так остро – жизнь прекрасна! Я упал на траву, дышу, радуюсь и, поверишь ли,

думаю не про Иру, а про мамку свою думаю и сестрёнку младшую, они в это время на турбазе у Белого Бёма отдыхали, совсем недалеко, а я, дурень, мог их никогда больше не увидеть!

– Ну а Ира? Инструктор? Они что, утонули?

– Ира-то? Ира молодец, сама выбралась, даже вёсла не потеряла. Кто бы мог подумать! Такая хрупкая девочка, а нашла в себе силы. После Чуи так прирастилась к рафтингу – в соревнованиях участвует.

– Как же ты её потерял? – обескураженно переспросил Костя.

– А я в рафт больше ни ногой. Из-за этого и расстались. Инструктор, кстати, тоже с туристами больше не сплавляется. Сказал, надоело ему за безбашенных любителей отвечать. Спортивным рафтингом занялся. Видел его недавно с Иришкой, но она меня не узнала.

г. Омск

Владимир СТАРЫХ

НА РЕКЕ В ЗАПОЛЯРЬЕ

Воспоминание

– Ледоход закончился. Завтра воскресенье. Пойдём с утра на лодке искать траву на сено для оленей? – сняв медицинский халат и надевая полшубок, спросил Женя.

– Куда?

– Говорят, на прошлогоднем месте травы мало. Надо искать новые угодья внизу по течению.

– Ты знаешь, что лодка на ходу и мотор не барахлит?

– У Василия Ивановича спросим. У него всегда во всём порядок.

– Пойдём.

Женя – молодой терапевт из Челябинска. Я – начинающий хирург из Воронежа. Работаем в Якутии по распределению после окончания института. Наша районная больница находится в посёлке Кюсюр, расположенном на берегу реки Лены в нижнем её течении. Мы молоды, полны сил. Верим, что здесь наберёмся профессионального и жизненного опыта, вынесем все трудности в суровых заполярных условиях и честно выполним свой долг перед государством, которое нас бесплатно учило в медицинском институте, платило стипендии и предоставляло спортивный зал и инвентарь для занятий спортом. Мы добросовестно и старательно трудимся и намерены работать без отпуска все три года в Якутии согласно заключённому договору.

Женя и я – ровесники, живём в комнате бревенчатого барака с отдельным входом. Дверь из комнаты без тамбура открывается непосредственно наружу, и воздух с морозцем струится сквозь щели. Работаем с восьми утра до шести вечера. После окончания рабочего дня в комнате затапливаем печь заранее подготовленными дровами. Зимой, пока разгорится огонь в печи и в комнате согреется воздух, выходим из жилья на лютый мороз и ежедневно, даже в темноте полярной ночи, пилим брёвна, колем дрова и складываем их в комнате на просушку у печки для завтрашнего дня. Когда от затопленной печи становится тепло и мы ещё согреваемся чаем, оставляем на печке ведро с речной водой из проруби в надежде, что после сна будет чем умыться. Потом забираемся под одеяла и при свете

керосиновой лампы читаем художественную литературу и делимся своими мыслями о прочитанном.

Как-то перед сном Женя отложил в сторону читаемый томик и, повернувшись ко мне, спросил:

– Что ты скажешь об афоризме «Особенной любви достоин тот, кто недостойной душу отдаёт»? Ведь справедливей было бы считать, что особенной любви заслуживает тот, кто душу отдаёт достойной?

– Если мужчина любит недостойную, вероятно, у него очень сильная любовь. Такое чувство заслуживает уважения. Почему же он любит недостойную? Быть может, они живут на необитаемом острове только двое? Хотелось бы знать, в чём её недостойность: варить умеет только яйца и картошку в мундирах? Смысл этого афоризма из сонета Шекспира в переводе Маршака легче понять в контексте.

Женя удовлетворённо улыбнулся, взял в руки отложенный томик и прочитал:

*Так бесконечно обаянье зла,
Уверенность и власть греховных сил,
Что я, прощая чёрные дела,
Твой грех, как добродетель, полюбил.*

*Всё, что вражду питало бы в другом,
Питает нежность у меня в груди.
Люблю я то, что все клянут кругом,
Но ты меня со всеми не суди.*

*Особенной любви достоин тот,
Кто недостойной душу отдаёт.*

Немного подумав, я пустился в рассуждения.

– Из контекста видно, что герои сонета живут в среде, где уверенная власть греховных сил и обаяние зла. Не ясно, что конкретно подразумевается под греховными силами: жестокость церковной инквизиции и других властей или порочность окружающих людей? В такой обстановке недостойность женщины, возможно, меркнет перед греховными силами, и грех её на этом фоне персонаж воспринимает как добродетель и даже полюбил. То, что вражду питает у других, а у персонажа вызывает нежность, а также любовь его к тому, что все клянут кругом, наводит на предположение о возможном отклонении его эмоций или необычности ума. С точки зрения простого человека, мужчину, который душу отдаёт недостойной, становится жалко. В представлении русских, если кого-то жалеют, это может означать, что его любят. Вот и получается, у героя сонета есть шансы на любовь из-за жалости к нему. Не исключён и вариант, что персонаж хитроумно играет демонстрацией своей оригинальности, чтобы всего лишь вызвать к нему интерес конкретной женщины. В таком случае говорить об особенной любви к персонажу не приходится. Что же каса-

ется термина «особенной», мне кажется, он не из текста Шекспира, возможно, употреблён Маршаком. Да и перевод другим поэтом может оказаться без этого слова.

Женя терпеливо выслушал мой пространный ответ.

– Действительно, Маршак при переводе мог по-своему понять и выразить смысл текста автора. Чтобы нам объективно толковать сонет Шекспира, надо прочитать первоисточник. К сожалению, у нас такой возможности нет. Кто вышлет нам текст, составленный самим Шекспиром? Сколько на это понадобится времени, а если вдруг кто-то пришлёт, успеем ли мы получить его? Ведь даже ежедневные газеты нам доставляют самолётом нередко один раз в месяц.

Наше интеллектуальное общение с Женей скрашивает суровый быт и взаимно обогащает нас.

Зимой по зову будильника утром вскакиваем с железных, выданных больницей кроватей с ощущением, будто выскочили из постели в тундру на мороз. Пока мы спим, печка быстро остывает, и к утру вода в ведре уже превратилась в толстый лёд. Поэтому неумытые мчимся в расположенное недалеко от нашего жилья деревянное барачное здание больницы, где, благодаря стараниям истопника, всегда тепло. Там умываемся, бреемся и, напившись горячего чаю с принесённым из дома печеньем, приступаем к работе в стационаре до плотного обеда в поселковой столовой. Потом ведём амбулаторный приём больных до шести часов вечера. Так, не считая дни, живём всю зиму, кажущуюся бесконечной в полярной ночи, пока её постепенно не сменит более продолжительный многосуточный полярный день с гомоном разнообразных перелётных птиц, сонмищем комаров и тучами назойливой мошкеры.

– Надо предупредить Василия Ивановича, что нам нужна будет лодка, – напомнил Женя.

– И не забыть полностью залить бензобак, – добавил я.

Василий Иванович значительно старше нас, на Севере живёт давно. Его знают все как честного человека, добросовестного труженика, любящего свою большую семью. В больнице он числится истопником много лет и по собственной инициативе выполняет в больнице всякую физическую работу. Он почти всегда молчит, но если что-либо скажет, то это всегда справедливо или рационально. На нём лежат хлопоты по круглогодичному отоплению всего помещения, он взял на себя и постоянную заботу о ездовых оленях, которые здесь необходимы для перевозки дров и других грузов. Оленья упряжка с нартой у больницы – единственный транспорт. Дорог здесь нет. На весь посёлок вдоль барачков только один тротуар шириной в две грубые доски, на-

стеленные на поперечно уложенные брёвнышки из не гниющей в воде лиственницы. В короткое и холодное лето он возвышается над влажной тундрой. Здесь вечная мерзлота. Деревья не растут, лишь в горных распадах встречаются низкорослые кустарники, стланики, невысокая трава и мох. С наступлением лета, чтобы достаточно запасти сена на подкормку наших оленей в долгую полярную ночь, иногда приходится искать несколько мест для сенокоса. Средства на питание оленей в бюджете больницы не предусмотрены, а без оленей в зоне бездорожья тундры трудно обойтись. Вот и вошло в нашу неписаную обязанность летом заготавливать сено для оленей.

Утром яркие лучи солнца напомнили мне, что давно наступил полярный день, и можно взять фотоаппарат, который после полярной ночи ещё не использовал. Отправляясь в путь и имея небольшой опыт общения с природой Севера, я всегда на всякий случай брал с собой герметично закупоренные коробок спичек и бумагу. И на этот раз по привычке захватил их, хотя поездка намечалась недолгой: только найти место для сенокоса и – назад.

Василий Иванович, выслушав наше намерение отправиться в поисках травы на лодке, помолчал и не спеша, как бы что-то взвешивая и вслух рассуждая, сказал:

– Если бы пошли вверх по течению, в случае чего оттуда могли вернуться сплавом. Обратно – быстрое встречное течение. Вниз вам одним идти нельзя. Я пойду с вами.

Мы с одобрением отнеслись к такому предложению: Василий Иванович хорошо знает ближайшие берега, и с ним быстрее найдём место с подходящей травой.

Говорят, в половодье Лена на равнинах разливается вширь на сорок километров. В нижнем её течении берега высокие и горы местами сжимают русло реки до двух километров. Течение там ускоряется, и могучая река стремительно несёт свои холодные воды в Ледовитый океан. Русло реки ближе к устью разветвляется на множество рукавов, образуя бесчисленные острова и мелкие наносные островки, которые то исчезают, то в иной год появляются.

После ледохода на берегу скопились глыбы льдин, и даже в солнечный день здесь холодно. Мы забираемся в обычную рыбацкую лодку с установленным на её транце подвесным мотором. Василий Иванович заводит его, и лодка быстро отчаливает от берега.

На воде опасных для навигации помех не видно, лишь изредка встречаются унесённые рекой павшие деревья. С ветвями они, как правило, хорошо видны издали, и мы обходим их. День солнечный. Лодка, оглушительно треща мотором и вздрагивая на мелких волнах, прорезает сизую поверхность

реки, оставляя позади две расходящиеся волны с белыми гребнями. Воздух чистый, влажный, прохладный и при вдыхании вызывает необычное ощущение бодрости и осознание нашей причастности к первозданной природе. Но в ней при её притягательности таятся и опасности, которые трудно предсказать. Пронесётся мысли: «Не налетим ли на полузатопленное бревно, не заглохнет ли мотор на стремнине, не понесёт ли обездвиженную лодку быстрым течением к океану? В устье реки среди множества островов на сотни километров даже оленевода не увидишь: он кочует за стадом вдали от берега, где в тундре олени ищут свой корм. Так что на пути к океану встреча с человеком не предвидится».

Пересекли середину русла реки и пошли вдоль противоположного высокого левого берега. Всматриваемся в контуры гор и пытаемся увидеть признаки возможного угодья для сенокоса. У неглубокого распадка разглядел ниже вершины горы площадку, защищённую от ветров, на которой может расти трава. Показал на неё Василию Ивановичу. Посмотрев, он направил туда лодку, и вскоре она сходу выскочила носом на гравий узкой прибрежной полосы у основания горы. Василий Иванович остался у лодки, а Женя и я разными маршрутами стали подниматься в гору. Когда я взойшёл на ровное место и поднял глаза на открывшуюся площадку, внезапно замер от удивления. Передо мной в безлюдном месте возникло не чудесное явление дикой природы, а неожиданное творение человека – более чем двухметровый надгробный памятник

из красного гранита, установленный на постаменте. На памятнике выгравирована старым русским шрифтом надпись: «...почётный гражданин Яковъ Фёдоровичъ Санниковъ, родился 8 августа 1844 г.*» Возникли вопросы: «Кто поставил, когда и каким образом он поднят на такую кручу вдали от жилья?» Подумал: «Имя с отчеством такое же, как у известного путешественника и исследователя Арктики, который севернее этих мест, с острова Котельный в Северном Ледовитом океане, увидел остров, названный впоследствии Землёй Санникова. Судя по старому русскому шрифту, изготовлен памятник давно, а доставлен, конечно, только по реке. Подняли же его на гору, по-видимому, усилиями множества людей».

Позвал Женю. Увидев старинный памятник из привозного красного гранита на горе в далёкой от цивилизации тундре, удивился не менее моего:

– Неужели это могила того Санникова, который открыл землю, названную его именем?

– В любом случае мы нашли участок земли Санникова.

Как бывалые туристы сделали несколько фотографий памятника и возле него.

Повезло нам и с поиском места сенокоса: на площадке, прикрытой горой от ветра, оказалось немало пригодной для сенокоса травы. Задача выполнена, можно отправляться домой.

28

Василий Иванович повёл лодку вдоль крутого берега, не выходя на фарватер, где встречное течение очень быстрое. Скорость нашего передвижения против течения при возвращении значительно медленнее, чем в начале пути. Погода по-прежнему солнечная, воздух над рекой прохладней, чем на берегу, и так изумительно чист, что дышится с наслаждением. Настроение от встречи с удивившим нас памятником приподнятое. Мысли проносятся то об открытой Санниковым неведомой земле и причине её исчезновения, то о неожиданно найденном памятнике и судьбе открывателя, то о романе Обручева «Земля Санникова».

Неожиданно Женя задумчиво заговорил о своих планах на будущее.

– После отработки в Якутии я хочу поступить в ординатуру московского института.

– Почему московского?

– Там хорошие старые библиотеки и новые медицинские: можно найти всё, что меня заинтересо-

* Яков Фёдорович Санников (6 августа 1844 – 10 января 1908) – якутский купец II гильдии, меценат, помогавший экспедициям Александра Бунге, Эдуарда Толля, Фритьофа Нансена, внук промышленника Якова Санникова-старшего (первооткрывателя Земли Санникова), потомственный почётный инородец.

ет. Клиники лучше оснащены, и выше шансы обучиться новому по специальности.

– У тебя в Москве нет родственников, где будешь жить?

– У специалистов, отработавших на Севере после института по распределению и направлению, есть преимущества, и клиническим ординаторам предоставляют место в общежитии.

– Я намереваюсь тоже в Москве поступить в клиническую ординатуру по хирургии или в аспирантуру в Воронеже... Наверное, всю жизнь будем учиться.

– Тебе надо идти в науку.

Разговор внезапно оборвался, когда лодку резко качнуло: это Василий Иванович изменил маршрут и направил лодку поперёк течения к нашему менее высокому правому берегу. Одновременно мы обратили внимание на появившуюся на фоне безоблачного неба тёмную полосу над горизонтом. Потом заметили, что она быстро увеличивается и выдвигается в нашу сторону.

– С какой скоростью несётся туча? – с любопытством спросил Женя.

– Кажется, как высоко летящий самолёт, – предположил я.

На случай дождя я извлёк из фотоаппарата касету с отснятой плёнкой и положил в герметичную баночку, где лежали спички. Подумал, как в посёлке организовать проявление плёнки и убедиться, что снимки получились.

Вскоре сизая туча быстро заслонила солнце. Всё вокруг сразу утратило яркие краски и стало сумрачным. Небо до горизонта затянула тёмно-серая пелена. Когда мы подошли к фарватеру на середине реки, тяжёлая туча уже нависла над нами. Упали первые капли, и вслед за ними брызги дождя стегнули по одежде и лицу. Река нахмурилась, почернела. Резко усилился ветер. Возле нас стали беспрерывно подниматься волны с взлохмаченными верхушками. Ветер налетал порывами, срывая и разбрызгивая с гребней волн белую пену. С каждой минутой высота волн нарастала, и дождь с брызгами речной воды всё чаще залетал в лодку. Внезапно резким порывом ветра в лодку хлестнуло большой холодной волной. Я схватил ведро, Женя – объёмную консервную банку, и мы, стоя в резиновых сапогах в воде на дне лодки, бросились вычерпывать её. Лодку то поднимало над волнами, то опускало между гребнями в пучину, оставляя над головой только окошко в небо. Казалось, вершины соседних волн вот-вот сомкнутся над нами. Чтобы не упасть в бушующую реку, пришлось одной рукой держаться за борт лодки, а другой быстро черпать и выплёскивать воду. Однако обильные потоки воды от волн всё чаще попадали в лодку. Вопреки нашим стараниям воды в ней становилось больше. Волна, хлестнувшая через борт, заполняла почти всё дно лодки.

После очередной высокой волны, накрывшей корму, внезапно заглох мотор. И тогда мы услышали голос бури. Свистел ветер, шумел дождь, свирепо разбивались о борт разъярённые волны, плескалась и билась вода в лодке. Вместе с неукротимым дождём ревушая от бури река, кажется, гневно бросала на нас свои обильные потоки. Не обращая внимания на промокшую одежду и холод, отчаянно, почти панически мы стремительно черпали воду из тонущей лодки и выплёскивали её за борт. Василий Иванович, держась за мотор, чтобы от резкой качки не свалиться в реку, пытался его завести. Сквозь гул ветра, дождя и волн он прерывисто кричал:

– Лодка деревянная... на корме мотор тяжёлый... над водой останется нос... держитесь за него... не плывите... ветер сильный... прибьёт лодку к нашему берегу.

Когда крутая волна наконец накрыла всю лодку, я оказался в реке. От внезапного острого холода захватило дух. Перед глазами мелькнул контур борта лодки, я ухватился за него и, подтянувшись, увидел головы Василия Ивановича и Жени, которые то опускались между волнами, то поднимались над их гребнями вместе с носом лодки. Перехватывая борт, приблизился к ним. До берега оставалось метров двадцать. В мыслях пронеслось: «Пока мышцы не остыли и их не свело судорогой, надо плыть к берегу. Но... одежда промокла, стала тяжёлой, сапоги из-за мокрых носков не сбросить... Сколько времени можем продержаться в холодной воде? Течение несёт нас вниз, к океану, но ветер дует в сторону нашего берега... Василий Иванович советовал не добираться вплавь. У него большой опыт, и я верю ему». Одновременно заметил: берег постепенно приближается.

Да, Василий Иванович, как всегда, оказался прав. Через несколько минут терпения, показавшихся чуть ли не вечностью, ветер подогнал нас к берегу. Когда нога коснулась дна, исчезло ощущение непосредственной опасности, и мы выскочили из воды на блестящую от влаги россыпь гальки. Дрожа от холода, мгновенно вытащили лодку из реки и опрокинули её.

– Вот когда можно пожалеть, что никто из нас не курит, и спичек нет, – дрожащим от холода голосом произнёс Женя. – Всё мокрое.

– Может быть, не всё, – неуверенно, но с надеждой произнёс я.

С трудом протиснул руку в мокрый карман, вытащил герметичную баночку. Плохоподвижными от холода пальцами открыл её, извлёк из обёртки сухой спичечный коробок с куском бумаги и протянул Василию Ивановичу.

Он молча взял и сразу же принялся за выполнение неотложной и самой важной задачи: под моросящим дождём с ветром, имея сухими только спич-

ки с листком бумаги, разжечь спасительный огонь костра. Женя и я ринулись искать на прибрежной полосе всё, что может гореть. Бегали по скользкой мокрой гальке без передышек долго, стремясь не упасть и движением согреться. Пока Женя и я собирали выброшенные рекой стволы деревьев, ветки, деревянные обломки, ветер постепенно начал стихать. Натаскали на несколько больших костров. Многоопытный Василий Иванович сумел поджечь кусочки смолистой коры сосны, затем щепки и мелкие веточки. Прикрыв огонёк своим телом от капель дождя и появившихся среди них влажных снежинок, он, продолжая подсушивать древесную мелочь, наконец разжёл большой костёр. Вскоре дождь прекратился и ветер ослабел. За это время найденные стволы деревьев мы сложили у костра с ветреной стороны, образовав от ветра невысокий заслон, и по его краям подобную поперечную пристройку. Внутри сооружения сложили древесную кору хвойных деревьев и щепки для другого костра. Когда его разожгли, между кострами настелили под ноги подстилку из мелких ветвей. От костров желанное тепло пошло к нам с разных сторон. Для ускорения просушки одежды из неё выжали воду и развесили на жерди вблизи костров. Свои же тела, как блинчики на сковороде, поворачивали разной стороной к пышущему жаром огню костров. Постепенно бельё на теле высохло. Развешанная верхняя одежда испускала пар, вселяя в нас надежду, что и она всё-таки подсушится. По мере прекращения испарения всё, что было тёплым и представлялось сухим, начали надевать.

После того как общими усилиями перевернули опрокинутую лодку, Василий Иванович занялся мотором.

- Наша помощь нужна? – спросил Женя.
- Нет. Поддерживайте огонь... сушите одежду.

Теперь, когда явная опасность утонуть миновала и мы уже не дрожали от холода, у Жени появилось желание поделиться тем, о чём в это время думал и я.

– Как нам повезло, что с нами пошёл многоопытный Василий Иванович!

– Да, но это не везучая случайность, а следствие его прозорливости и заботы о нас, молодых и мало знающих каверзы Севера.

Наконец, полностью облачившись в тёплую, пахнущую костром и хвоей верхнюю одежду, я лёг на хворост и в согревающем со всех сторон тепле от костров, освобождаясь от нервного напряжения и физической утомлённости, неожиданно задремал.

Треск мотора вернул меня к действительности. Это Василию Ивановичу удалось запустить мотор лодки. Увидев, что я поднял голову, он улыбнулся.

– Бензина хватит.... Пойдём вблизи своего берега... Скоро будем дома.

Всё, что предсказывал Василий Иванович, всегда сбывалось. Так было и в этот раз.

С тех пор прошло более полувека. Но память надёжно хранит эмоционально насыщенные события далёкого прошлого. Когда же всплывают картины былого и меня вновь охватывают незабываемые ощущения и переживания того дня в Заполярье на реке Лене, с благодарностью судьбе я вспоминаю Василия Ивановича – честного, доброжелательного, мужественного, с житейской мудростью человека, который в момент опасности, нависшей над его жизнью, не теряя самообладания, в поисках выхода из критического положения направлял свои мысли и старания на спасение всех нас. Очень хочется, чтобы образ такого прекрасного человека не развеяло стремительно несущееся время со своими изменчивыми идеалами и понятиями ценностей.

Валерий КИМ

ДОРОГА НА ТАФУИН

Записки фотографа-любителя (Отрывок из книги)

Мой поезд отходил от маленькой станции Топки, расположенной недалеко от Кемерово, вечером 21 июня.

Устроившись на своё место на нижней полке купе, я достал роман Александра Дюма «Сорок пять» и попробовал почитать. Но меня одолело сонное состояние, и я, даже не раздевшись, уснул под стук мерно бегущих по железному пути колёс...

Когда утром проснулся, мы были уже где-то за Мариинском. Мимо проплывала тайга, то и дело сменявшаяся полями, отдельными домиками и берёзовыми рощицами. Это был обычный пейзаж на границе между Западной и Восточной Сибирью. Его я наблюдал десятки раз в те годы, когда занимался в аспирантуре политехнического института научно-исследовательской работой. Мне часто приходилось ездить на золотые рудники Хакасии и Красноярского края, расположенные в Кузнецком Алатау и Восточном Саяне. Именно под влиянием этих поездок я серьёзно увлёкся фототворчеством и стал посещать кемеровский фотоклуб «Томь». Мои несовершенные фотопейзажи и жанровые фотографии того времени не произвели никакого впечатления на членов клуба, среди которых было много профессиональных фотожурналистов. Но это не ослабило мой интерес к фотографии. Даже подстегнуло желание добиться в фототворчестве таких же успехов, как у Николая Карева, Валерия Фоминского или Дмитрия Коробейникова... Но... успех в то время ко мне так и не пришёл. Не мог я соревноваться с мэтрами кузбасской и сибирской фотографии, имея лишь один фотоаппарат «Зенит-В» и один «Киев-4м». К тому же всё нарастал дефицит фотоплёнки и фотобумаги в стране, в результате чего мне приходилось снимать на первых попавшихся фотоматериалах. Так что в аналоговой чёрно-белой фотографии я не добился высоких результатов, но зато многому научился, общаясь на семинарах и творческих встречах с известными сибирскими фотографами. Таким образом, фотоклуб «Томь» заложил в моей душе прочный фундамент, позволивший мне выжить в очень трудные годы конца XX века.

...Подъезжая уже к Красноярску, мои попутчики немного разговорились и стали знакомиться друг с другом. Как я помню, напротив меня ехала женщина домой в Иркутск, а на боковых местах – пожилая семейная пара. Женщина немного походила на бурятку и была немногословной, углубившись в чтение своей книги. С семейной же парой я разговорился, узнав, что они недавно переехали из Читинской области в Кузбасс. Оказалось, что много лет они жили в шахтёрском городе Краснокаменске, близ которого добывали урановую руду. С этим городом были связаны и мои воспоминания молодости. Мои коллеги в Сибирском филиале института геомеханики ВНИМИ ездили туда в командировки и в качестве сувениров привозили с уранового рудника красивые камни – нефрит и чароит. Некоторые из этих камней, которые я выменял у своих коллег, до сих пор лежат в моём домашнем книжном шкафу.

Бывшие краснокаменцы рассказали мне, как они трудно выживали в своём городе в 1990-е годы. Как город, закрытый для посторонних в советское время, в перестройку открыли для всех, и в него буквально хлынул поток авантюристов и преступников со всей страны. Дело было в том, что через этот приграничный город Читинской области везли по железной дороге промышленные грузы и товары из Китая. В результате этого многие поезда просто-напросто разграблялись приезжими и местными «флибустьерами» и романтиками с большой дороги. Убийства в то время совершались в Краснокаменске почти ежедневно. До тех пор, пока многочисленных бандитов не стали отстреливать десятками с помощью армейских подразделений... Но городу это уже не помогло. Жители его стали продавать свои квартиры за бесценок и уезжать в западные, более спокойные районы страны...

Так спокойно, почти в домашней обстановке мы доехали до самого Иркутска. И здесь многие пассажиры покинули поезд, а на их место вошли другие – молодые и шумные. В основном – сильные и накачанные парни. У них почти не было вещей, но зато было много водки.

Таким был и мой новый попутчик с верхней полки. Когда он устроился на своём месте, первым делом достал из дорожной сумки пакет с едой и бутылку водки, предложив мне вместе распить её. Я вежливо отказался, пить в поезде с незнакомыми попутчиками за всю свою жизнь так и не научился. Тогда парень пригласил к своему «столу» молодого бурята из соседнего купе. Как помню, у того на майке сзади была надпись «МЧС».

Выпив всю водку, мой сосед достал из сумки книгу, по обложке которой было видно, что это кровавый боевик, залез на свою полку и... захрапел. Бурят же, которому захотелось выпить ещё, пошёл искать себе новых собутыльников. Он быстро на-

шёл их и дошёл до такой кондиции, что не мог уже связать двух слов...

Часа через два после отъезда из Иркутска за окнами вагона появился седой Байкал. Он и в самом деле выглядел седым под свинцовыми тучами. Я достал свой цифровой фотоаппарат и стал снимать озеро через оконное стекло. Но качество снимков было плохим из-за грязи и пыли на стекле, которое не мыли несколько месяцев. Тогда я пошёл в тамбур, в котором был расположен туалет, опустил раму окна и так снимал.

Над байкальской серой водой летали редкие чайки и утки; одинокие рыбаки сидели в лодках с удочками или спиннингами в руках; на пустынных галечных пляжах не было ни души... Лишь в некоторых местах берега можно было увидеть прогуливающих людей, туристов с рюкзаками и рыбаков. Чахлые берёзки, лиственницы и ёлки украшали байкальский пейзаж...

Потом пошли бурятские степи с синими горами на горизонте, появилась Селенга, впадающая в Байкал множеством рукавов и притоков, и поезд стал петлять вдоль реки, постепенно приближаясь к столице Республики Бурятия Улан-Удэ...

Город этот оказался весьма своеобразным. Он не походил ни на один другой город Восточной и Западной России. Скорее всего, он мне напомнил... монгольский Улан-Батор, виденный когда-то в кино, это большой караван-сарай, хаотично застроенный вперемежку частными и многоэтажными домами. Одним словом, бурятская столица меня несколько не впечатлила. Но зато на вокзале в одном из продовольственных магазинов продавался свежеекопчёный и солёный омуль – самая знаменитая байкальская рыба. Чтобы не соблазнять себя желанием выпить за седой Байкал и закусить водку омулем, я не стал покупать его, решив отложить это до своего возвращения с Дальнего Востока. Вести же омуля в Приморский край тоже было неприличным, так как вкус тихоокеанской красной рыбы всем хорошо известен, а потому сравнивать омуля с кетой или горбушей просто глупо.

Проснувшийся сосед с верхней полки пошёл похмеляться в соседнее купе, а я, почитав о приключениях при французском дворе времён Людовика XI и Маргариты Наваррской, принялся смотреть в окно, карауля красивый пейзаж за окном, достойный моей фотокамеры...

К вечеру, когда освещение стало более художественным, облака на небе – более живописными, а лесной пейзаж – более необычным, я принялся за фотосъёмку через открытое окно туалетного тамбура. Возможно, соседи по вагону принимали меня за старого придурка или иностранного шпиона, снимающего стратегические железнодорожные объекты Транссиба. Но я к этому давно привык и не обращал внимания на косые взгляды...

Забайкальские пейзажи были если не великолепны, то уж достойны того, чтобы их снимать. Мимо нашего поезда проплывала суровая горная страна, покрытая лиственничной тайгой вперемежку с тонкими и низкорослыми берёзками. Редкие грунтовые дороги с проезжающими по ним машинами скрашивали суровый бурятский пейзаж. Что же касается человеческого жилья, да и самих людей за окном, то у меня сложилось впечатление, что наш поезд шёл по пустынным и почти диким краям, в которых человека можно встретить, проехав не менее ста километров. А потом опять тайга, лиственницы, горы на горизонте много-много часов подряд...

Наснимавши вволю облака с заходящим солнцем, я поужинал лапшой «Доширак», выпил зелёного чая с вафлями, почитал французский роман и опять погрузился в сон...

Что мне приснилось, я не помнил.

Глубокой ночью мы прибыли в Читу – столицу Забайкальского края. Сквозь сон я видел, как одни пассажиры вышли на этой станции, а на их местах появились другие. В наше купе вошли двое мужчин богатырской наружности и расположились напротив меня...

Когда я рано утром проснулся и пошёл в тамбур, меня ждал большой сюрприз. Посмотрев в открытое окно, я увидел такой необычный утренний пейзаж, что просто рот открыл от удивления! Наш поезд шёл вдоль государственной границы, которая была проложена по берегу неширокой реки. Это была Куэнга. С одной стороны вагонов над нами нависали красные гранитные скалы, а с другой – тянулись ограда с колючей проволокой и неглубокий ров, вырытый вдоль границы. За этим же ровом текла река Шилка, а на другом её берегу был уже Китай. Туман стелился над водой, китайским берегом реки и берёзовым редколесьем... Над горами-сопками всходило солнце... Как зачарованный, я стоял в туалете, смотря через открытое окно на этот необычный пейзаж. Хотел было пойти за фотоаппаратом в купе, но потом передумал, испугавшись того, что меня действительно примут за китайского шпиона, фотографирующего пограничную линию...

Когда настал день и соседи по купе наконец-то проснулись, я стал разглядывать их из-под раскрытой книги. Это были настоящие мордовороты – немногословные и хмурые. Неужели они тоже ехали на Дальний Восток?! Ну и соседи мне попались. Один пьёт беспробудно, двое других вообще не вызывают никакого доверия. Вот это компания!..

И что мне оставалось делать?

Мой сосед из Иркутска продолжал пить и играть в карты с парнями из соседнего купе. Двое мордоворотов из Читы постоянно спали. Других попутчиков я плохо помню. Были еще мамы с малолетними

детьми, которые бегали по всему вагону или качались, ухватившись за металлические поручни, в проходе. Но детей с мамами было гораздо меньше, чем в поездах, следовавших из Сибири на Чёрное море. Здесь же большая часть пассажиров состояла из крепких молодых парней, не обременённых багажом и детьми. Сначала я никак не мог понять, зачем они едут на Дальний Восток. Может, это вахтовики с Сахалина или Курил? Отдохнули дома, а сейчас возвращаются на свои нефтяные платформы и трубопроводы? Не отдыхать же они едут?!

И только в самом конце пути, когда мы подъезжали уже к приморскому Уссурийску, из разговора своих попутчиков я узнал, что все они едут за японскими машинами, собираясь их купить на приморских рынках, а потом своим ходом сразу же поехать домой... Их не волновало, что машины эти подержанные и праворульные. Главное, чтобы были дешевле, чем в автосалонах их городов.

С покупателями японских машин мне ещё не раз предстояло встретиться в дальнейшем, но я об этом даже не подозревал. Я по-прежнему стоял у раскрытого окна в тамбуре туалета и щёлкал затвором фотоаппарата. Фотосъёмка проплывающих мимо забайкальских пейзажей оставалась главным моим развлечением в этой дальней дороге, длившейся более четырёх суток. Наш поезд после Читы шёл рядом с Шилкой, петляя, словно гигантская змея, вдоль её извилистого русла. Ведь царь Николай Второй тоже сэкономил деньги на строительстве Транссиба. Вместо того чтобы прокладывать по возможности прямой железнодорожный путь на Дальний Восток и строить для этого многочисленные тоннели и мосты, он дал указание руководителям строительства дороги использовать особенности здешнего рельефа при прокладке магистрали. А рельеф за Байкалом был таков, что представлял собой гигантское плоскогорье из сопок, покрытых лиственничной тайгой. На деле это означало, что единственной возможностью построить в начале XX века железную дорогу на Дальний Восток было прокладывать путь вдоль вьющейся змеей Шилки. Это очень сильно удлинняло весь путь, но было гораздо дешевле, чем спрямлять дорогу ради экономии времени будущим поездам, идущим к Японскому морю. И только в Амурской области, в которой сопки и тайга сменяются равниной, появилась возможность спрямить путь и тем самым значительно сократить по времени движение поездов от одной станции до другой.

Ещё одной особенностью Транссиба в Забайкалье было большое количество колючей проволоки вдоль мостов и станций с охранными вышками. Они остались в этих местах с тех времён, когда Китай из лучшего друга Советского Союза превратился в его злейшего врага. После военного конфликта на

острове Даманском и реке Уссури на Дальнем Востоке сосредоточили огромную военную группировку, растянутую вдоль всей советско-китайской границы. Руководители СССР страшно боялись войны с бывшим союзником. Ведь он отлично знал все особенности советской военной системы, а потому представлял большую угрозу.

В начале XX века Николай Второй для сокращения железнодорожного сообщения с Владивостоком решил параллельно с Транссибом построить ещё один путь, ведущий из Читы по китайской территории в более удобных географических условиях. Так была построена Восточно-Китайская железная дорога, прошедшая на Дальний Восток через северо-восточные китайские провинции и государство Маньчжурию. В то время это можно было сделать, сыграв на противостоянии двух соседних азиатских стран, нуждавшихся в экономической помощи со стороны России и стран Запада. Но после Второй мировой войны Маньчжурия перестала существовать, так как была поглощена Китаем, а потому китайское руководство попросило СССР (то есть потребовало в мягкой форме) передать всю Восточно-Китайскую железную дорогу их стране. И Хрущёв по глупости своей и широте русской души согласился на это. А когда понял, какую ошибку совершил, было уже поздно. Ему оставалось только потрясать в воздухе кулаками и стучать об трибуну ООН знаменитой своей туфлей. Эта туфля относилась не только к Америке, но и к Китаю, которому дали понять, что хитрить и юлить с Советским Союзом очень опасно. Но Китай продолжал гнуть свою лицемерную линию, готовясь окончательно порвать со своим «старшим братом». Ведь китайцы, как более опытные в тысячелетней своей дипломатии, сразу поняли, что линия советского руководства на развенчание культа Сталина смерти подобна. Так оно и оказалось. «Младший брат» оказался умнее «старшего» и под видом культурной революции стал изгонять всех сторонников нового советского курса со всех руководящих и идеологических постов. И это ему удалось осуществить довольно быстро.

Что касается автомобильных дорог в Забайкалье и Амурской области, то в основном я видел из окна своего вагона, как по пыльной грунтовой дороге проезжают редкие одинокие машины. Даже так называемая федеральная трасса Чита – Хабаровск была хоть и асфальтированной, но всего в две встречных полосы. Местные жители, ехавшие в нашем вагоне, утверждали, что федеральная трасса до сих пор полностью не построена и на ней есть участки, покрытые только гравием. А потому даже президенту страны, когда он приехал в Читу торжественно открывать эту федеральную трассу, показали только небольшой участок дороги, специально подготовленный к его приезду...

После города Белогорска, расположенного вблизи небольшой реки под названием Томь, скромной тётки нашей красавицы Томи, больших станций с длительными стоянками значительно прибавилось. Поезд уже не останавливался на две-три минуты, чтобы потом снова мчаться вперёд. На таких станциях, как Чернышевск-Забайкальский, Облучье, Ульякам, Ерофей Павлович, Биробиджан, поезд стоял по двадцать-тридцать минут, а потому его пассажиры могли выйти на перрон, чтобы подышать свежим воздухом, закупить продукты в станционных ларьках и пройтись вдоль стоящих вагонов. Ну, а я эти остановки использовал для того, чтобы поснимать привокзальные пейзажи и жанровые фотографии на тему «Станционный смотритель».

Что мне приглянулось для фотосъёмки?

Конечно, все памятники советского времени, установленные на станциях. Ведь они были не только и не столько произведениями монументального искусства, сколько яркими символами ушедшей эпохи. В Белогорске это был Владимир Ильич с протянутой в сторону поездов рукой. В Чернышевске-Забайкальском – пламенный демократ и философ-утопист в распахнутом пальто и с очень задумчивым видом. На станции Облучье – опять Ленин, но только маленький и скромно расположенный рядом с вокзалом в небольшом скверике. А вот на станции со звучным названием Ерофей Павлович знаменитого казака и первопроходца Дальнего Востока Хабарова почему-то не оказалось. Вместо него у вокзала были установлены две стилизованные на современный лад ладьи, на которых казаки Хабарова плыли по Амуру в поисках пути до Тихого океана. На фоне красивого вечернего неба с заходящим солнцем эти ладьи смотрелись весьма эффектно, и я с азартом принялся фотографировать их в разных ракурсах и с разных сторон.

Что ещё можно сказать об увиденных станциях Забайкальской железной дороги? Нет, они не походили на станцию из красивого фильма «Безымянная звезда», снятого сорок лет назад Михаилом Козаковым. На них не сбегались все жители пристанционных посёлков, чтобы посмотреть на пассажиров проходящих мимо поездов. Лишь флегматичные коровы, одинокие бабы, торгующие ягодой и овощами со своего огорода, нищие попрошайки да подростки на великах с мопедами встречали изнурённых жарой и духотой пассажиров. Такое было ощущение, что местным жителям глубоко наплевать на то, кто ехал в проходящих поездах на Дальний Восток, а кто возвращался оттуда... Тем более что вид у пассажиров с остановившегося поезда был отнюдь не аристократический. Скорее наоборот, почти маргинальный. Мужчины – с голыми животами, в одних шортах-трусах; женщины – в таких же шортах и майках с иностранными надписями

на груди; дети – в одних трусах или плавках... Какая там столичная аристократия!.. Какая ещё романтическая любовь!.. Какие такие наряды от парижских домов моды!.. Это же вам Россия, а не Европа!..

Одним словом, снимать на забайкальских станциях было почти нечего. Возможно, я не такой уж большой фотограф, который даже в туалет ходит только с фотокамерой. Конечно, можно и туалеты станционные снимать так, что они станут настоящими фотокартинами, но у меня, сколько я ни снимал эти самые станционные туалеты, ничего интересного из этого не вышло.

Лучше всего у меня получались на снимках голодные собаки, которые на каждой станции обязательно встречали останавливающиеся поезда. Нет, их не интересовали пассажиры с фирменного поезда Москва – Пекин. Они не сгорали от любопытства, разглядывая наряды дам бальзаковского возраста, вышедших подышать на перрон вокзала. Они не обращали никакого внимания на сладкие парочки влюблённых, целующихся у всех на виду. Они были голодные, а потому с воодушевлением смотрели на пассажиров с мороженым в руках. Да так жалобно и пронзительно-умно, что у большинства пассажиров их взгляд вызывал умильные слёзы и пробуждал уснувшую в поезде совесть. Но я к таким пассажирам не относился, а потому все собаки обходили меня стороной...

Так пролетело четверо суток.

К вечеру четвёртого дня показался великий, могучий и, как оказалось в последствии, ужасный батюшка-Амур.

Он действительно был широким, но не настолько, как наша Обь в её северном устье. По нему плыли грузовые баржи, а по мосту мимо нас проносились составы, шедшие порожняком из Находки и Владивостока...

Хабаровский вокзал был красив своей старинной и современной евроотделкой. Ради любопытства я вышел с фотоаппаратом на привокзальную площадь. К удивлению, она мне напомнила такую же площадь в Кемерове. На ней стояли такие же стандартные девятиэтажки советского времени, а вокруг них были расположены магазины и магазинчики с большими рекламными баннерами. Площадь была полна народа...

Сам же город я почти и не увидел.

Как-то так получилось, что после стоянки в Хабаровске наш поезд очень быстро миновал этот дальневосточный город в обрамлении светящихся на тёмном небе заводских труб. Я так и не увидел его красивые улицы и площади, его памятники и парки, его горожан, в конце концов...

Впереди меня ждал Владивосток.

Я заранее приготовился ко встрече с долгожданным городом на берегу бухты Золотой Рог. За-

рядил аккумулятор фотоаппарата, сложил в рюкзак вещи и рано лёг спать, решив встретить восход солнца вместе с Приморским краем. За четыре дня путешествия по Транссибу я уже приспособился к смене часовых поясов по пути следования поезда. Разница во времени между Владивостоком и Кемерово в четыре часа была для меня несущественной. Я мысленно уже стоял на берегу Японского моря и смотрел на проплывающие мимо меня большие корабли. Я видел недавно построенный Золотой мост, связавший Владивосток с островом Русский. Я уже вдыхал полной грудью крепкий солёный воздух, насыщенный ароматом морских водорослей и лесов, покрывающих приморские сопки. Я... незаметно для себя заснул...

...И когда внезапно проснулся от толчка останавливающегося поезда, тут же бросился к окну, пытаюсь разглядеть в утренних сумерках название железнодорожной станции. Слава Богу, это был не Владивосток, а какой-то маленький полустанок, на котором поезд только замедлил ход и даже не остановился. Я схватил фотоаппарат и побежал к окну тамбура, приготовившись фотографировать начинавшееся приморское утро. Наконец поезд снова набрал ход, и я стал снимать, щёлкая затвором камеры со скоростью заправского репортёра...

Пейзаж за окном действительно был необычным. На горизонте расстилались низкие горы-сопки, окрашенные в тёмно-синий цвет, а перед ними проплывала равнина с редкими деревьями и кустарником. Деревья были похожи и одновременно не похожи на наши сибирские берёзы. Ствол и листья у них были такими же, но росли они не раскидистой кроной, а... зонтиками, словно в африканской саванне. Столь необычных берёз я никогда ещё не видел! Впечатление от них было таким, будто мы подъезжали не к российскому Владивостоку, а к южноафриканскому Кейптауну...

Наконец над далёкими сопками стал розоветь небосвод, и я приготовился к съёмке восходящего солнца. Но прошло ещё некоторое время, прежде

чем из-за гор появился краешек красного диска. И тут уж фотокамера моя стала снимать без остановок... Я не замечал ни проезжавших мимо грузовых составов, ни мелькавших станционных строений, ни столбов линий электропередачи... **Я снимал восход солнца над всей Россией!**

Потом появился Уссурийск, и мои попутчики-мордовороты, сменив шорты и майки на грязные и мятые штаны и чёрные ветровки, пошли на выход из вагона. Сосед-иркутянин преспокойно продолжал спать на верхней полке. Я же присел на своём месте к окну и стал смотреть на город. Вернее, на отдельные дома, высившиеся в разных местах среди деревьев и кустарников. Уссурийск меня явно не впечатлил. Быть может, он остался где-то в стороне от станции, а потому я и не мог его толком увидеть?..

Через час показались пригороды Владивостока.

Наш поезд шёл вдоль Амурского залива, и мимо проплывал прибрежный морской пейзаж. Море было отнюдь не таким жизнерадостным и ярким, как Чёрное. Мелкие серые волны лизали песчаный берег, на котором не было ни души. Лишь при подходе к самому городу на береговых пляжах показались домики баз отдыха и дачные коттеджи. Появились рыбаки с удочками в руках. Они ловили рыбу с берега или с резиновых лодок. Потом я увидел высотные дома, построенные у подножия сопки или прямо на них. Затем появились старые кирпичные здания начала XX века, тянувшиеся почти до самого вокзала. Наконец мы прибыли в столицу Приморского края.

Я спросил иркутянина, куда он пойдёт с вокзала. Тот ответил, что поедет прямо на таможню для покупки машины, а потом своим ходом сразу же домой. Мне стало ясно по такому ответу, что путь этот иркутянину хорошо известен. Видно, он приезжал за машинами во Владик не в первый раз. Даже не попрощавшись со мной, иркутянин скрылся в толпе встречающих и пассажиров.

Я тоже направился к зданию вокзала с рюкзаком за спиной и большой дорожной сумкой в руках...

Олег ЯЦЕНКО

ПУТЬ СЕЛЬСКОГО ХИРУРГА

ОТ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА»

Журнал «Огни Кузбасса» представляет вниманию читателя сокращённый вариант готовящейся к изданию книги Олега Яценко «Путь сельского хирурга». Материалы, на основании которых написана книга, взяты из дневниковых записей районного хирурга Константина Родионовича Яценко, рассказов очевидцев, живших в тяжёлое послевоенное время, и воспоминаний сына сельского хирурга врача Олега Яценко. Это произведение является продолжением опубликованных в нашем журнале «Записок капитана медицинской службы» (2014, № 2) и «Освобождение Донбасса» (2015, № 3).

Будущая книга насыщена именами великих и простых людей, жителей села Кузедеево. Они выстояли и сумели победить в тяжёлом труде по восстановлению нашей Родины. Вечная им слава!

Судьба каждой семьи и потомков коренных фамилий интересует автора. Думаем, это вызовет не меньший интерес у читателя, так как многие представители поколений кузедеевцев отличились в истории России по всей Евразии, невольно записав свои имена в книгу человеческой памяти.

*Уважение к минувшему – вот черта,
отличающая цивилизованность от дикости.*
А. С. Пушкин

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Многие интересные события тех лет отчётливо остались в памяти как особо значимые для меня и окружающих людей: родственников, друзей нашей семьи и всех, кто находился в постоянных заботах и труде. Восстанавливать реалии бы-

лого помогли пожелтевшие письма, вырезки из газет, беседы и, конечно, бесценные записи в дневниках моего отца, хирурга села Кузедеево. Мама работала терапевтом.

Моё детство и подростковый период прошли на территории районной больницы села Кузедеево, в окружении старых белых халатов и штопанных и перештопанных больничных пижам. Изношенные за десятилетия вещи продолжали служить людям. Вот это движение пижам и халатов среди деревянных построек больницы я очень хорошо помню. Мой любопытный детский взгляд фиксировал многое в своеобразном мире сельской больницы. Я был свой среди халатов и пижам, и меня никто от себя не отталкивал за излишнюю любознательность, а наоборот, все люди, несмотря на крайнюю занятость, относились ко мне приветливо.

Я был невольным свидетелем постоянных разговоров родителей, которые дома ежедневно обсуждали состояние больных, перспективы медицинской помощи в больнице и районе. В сельской местности, как и по всей стране, катастрофически не хватало медицинских работников. Отец проводил дни и ночи в хирургии. Он так же, как и все медицинские работники больницы, пропитался карболкой, лизолом, мазью Вишневского и другими лечебными и дезинфицирующими препаратами настолько сильно, что в нашем доме не было вещи, которая бы не пахла больницей.

Больничная территория казалась мне огромным миром, по которому я путешествовал, постоянно делая открытия. Большие и маленькие больничные строения были отделены друг от друга огромными зелёными полянами травы. Выйдя из дома и сделав несколько шагов на пригорок, можно было быстро нарвать полную металлическую кружку лесной клубники и земляники.

Послевоенное время встряхнуло и напомнило о добрых вековых традициях старинного сибирского села. После империалистической войны, переворотов власти, Гражданской войны, смуты, раскулачивания, репрессий и неожиданного нападения на нашу страну фашистской Германии, а по сути, почти всех европейских стран, позволивших гитлеровским войскам дойти до сердца нашей Родины Москвы, враги России обнадёжились, что великая держава рухнет. Они забыли или не знали нашу историю! В тяжёлые времена все народы великой страны России сплываются неведомой для всего мира силой, и она начинает бить врага так, что гонит его до самого логова, показывая в очередной раз, что с мечом к нам ходить нельзя.

В послевоенной разрухе и голоде враги усмотрели вымирание победившего фашизм народа. Но и такое в России невозможно. Тем более в стране, где большинство населения жило в сельской местности. В сёлах, где все знали друг друга и понимали, что нужно напряжённо работать с раннего утра до позднего вечера, чтобы накормить голодную страну. Да, это было особое время!

Я застал участников Русско-японской, Первой мировой, Гражданской, советско-финской и Великой Отечественной войн. Разговаривал с партизанами, которые ходили по селу в папах с красной лентой, но хорошо знал и сохранившихся рядовых из белой армии Колчака. Вражда между ними давно ушла в прошлое, как будто её и не было в истории. Заботы дня насущного требовали дружной работы от всех. Тем более тех, кто испытал много трудностей в жизни. Русский человек очень добрый и отзывчивый, но и мудрый. Без этих исконно русских качеств невозможно справиться с общими заботами и трудностями сельской жизни. В селе люди почитают друг друга и с уважением относятся к старшим и младшим.

Среди людей в белых халатах я никогда не слышал обращения «ты», только «вы». По моему мнению, базисная основа поддерживаемого ими и принятого эстафетой от предшествующих врачей России величайшего гуманизма, которую я наблюдал и старался вникнуть в её смысл, должна переходить из поколения в поколение. Медицинская культура, передающаяся от предшественников, принималась врачами как святыня, которую не вправе никто исказить, тем более порочить. Врачебное сообщество несёт людям культуру, веру в себя и государство. Нарушение во всех направлениях традиционных канонов врачебного искусства в среде людей, посвятивших себя медицине, порождает самое страшное – равнодушие.

Иногда отец спрашивал меня: «А что ты сегодня сделал полезного для России?» С детства я втянулся в сельский труд, в общение, с одной стороны, с простыми людьми, а с другой – с интеллигенцией, представляющей врачебную элиту. Все они были одинаково интересны мне. При этом нужно отметить, что я рос без особого надзора и без программ по воспитанию достойного члена общества. Моим забываемым душевным другом в детстве была моя бабушка, мама моего отца, Анастасия Матвеевна Перевалова, а по мужу Яценко.

Мой отец был направлен на фронт зауряд-врачом. Не успели курсанты военного факультета Харьковского медицинского института сдать вы-

пускные экзамены – началась война. Те из них, кому выпало жить, после Великой Победы доучивались и получали дипломы в сохранившихся после войны институтах. Капитан медицинской службы К. Р. Яценко выбрал город Одессу.

Демобилизованный капитан медицинской службы К. Р. Яценко 5 марта 1947 года, после успешной сдачи государственных экзаменов в Одесском государственном медицинском институте, получил направление на работу: «В распоряжение отдела здравоохранения Кемеровской области, по личному настоянию». «Долгожданный диплом, где написано: «Лечебное дело» и стоят подписи председателя государственной комиссии профессора Гнилорыбова, академиков и профессоров, получен» – эти строки написаны в дневнике моего отца, капитана медицинской службы Константина Родионовича Яценко.

Далее – записи из дневника подполковника медицинской службы в запасе К. Р. Яценко, заслуженного врача РСФСР, почётного гражданина села Кузедеево. Рассказы отца сыну. Свидетельства и воспоминания очевидцев того счастливого, но тяжёлого для народа России послевоенного времени.

ПРОЩАНИЕ С ОДЕССОЙ

За время учёбы в Одессе жил у родителей погибшего любимца полка комбата Петра Цыпкина. Доучиваться в Харьков не поехал. Настояли родители Петра, чтобы я жил у них. Приняли меня в дом как родного сына. У Якова Кирилловича и Марфы Ивановны, отца и матери Петра, небольшая, но весьма содержательная библиотека классиков дореволюционных изданий. Полные собрания сочинений А. К. Толстого, К. М. Станюковича, Г. Успенского, Г. Гауптмана, Л. Андреева, В. Вересаева, Ф. И. Тютчева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Жана Мольера. Отдельные тома, выпущенные в советское время: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и сборник рассказов А. П. Чехова. Собрания сочинений изданы до революции для подписчиков знаменитого журнала «Нива».

Появлялось хоть немного свободного времени, которое сразу же насыщалось чтением. Соскучился по литературе за долгие годы боёв с незваными пришельцами. После войны усилилась жажда прочитать, осмыслить и непременно дать анализ прочитанному произведению.

Взял с полки том коллеги – врача-писателя В. В. Вересаева. Заметил с первой же страницы книги, что изменилось мое отношение к пониманию содержания, смысла каждой строки. Делаю вывод с

помощью писателя-коллеги, что война сформировала у некоторых людей грубость и отсутствие любви к ближнему. Некоторые люди перестали понимать прекрасное, дарованное им от рождения природой. Но у большинства людей произошло обострение желания восприятия мира и поиска в нем мельчайших тонкостей, приносящих радость, ранее не замечаемой красоты окружающего, где человек не хозяин, а находится в гармонии с Природой, которая и дарит право воспринять человеческие отношения с чувством собственного благородства. После победы над фашизмом русский человек, прошедший войну, стал чувствовать себя героем своего существования на Земле и сплоченной высокой преданности своей Родине.

У меня сформировалось мнение, слушая разговоры многих военных, что они не затрагивают тему, связанную с войной, мало говорят о бытовых проблемах, а больше внимания уделяют высоким, упущенным за годы войны идеалам духовности.

Война неотступно следует за мной. Постоянно тербит память. Мучает бессонница. Отвлекает чтение. По-моему, великая русская литература не может делиться на рождающую интерес к чтению у читателя и скучную. Последней не существует.

При распределении профессор Живетов уговаривал меня остаться на кафедре хирургической стоматологии. Возмущался моим выбором академик Ясеновский: «Не понимаю, простите! Но я не понимаю! Что, Сибирь лучше Одессы? У вас, батенька, контузий не было?» Отвечаю на академическое хамство: «Были, как и у всех, кто в окопах на передовой воевал». Отчаянно бросаюсь в объяснения: «В Сибири мои корни. Я обязан вернуться и спасти жизни тех, кто потерял на войне родственников, охранять здоровье новых поколений, чьи отцы и братья отдали жизнь за Родину. Лечить земляков, кто после войны остался живым. Спасать родовые фамилии, чьи предки осваивали Сибирь. Село Кузедеево, где я родился и вырос, – старинное казачье поселение. Одесса – несравненный город, а горожан, его населяющих, даже подобных, во всем мире нет. Буду скучать, но меня в родном краю ждет мама, родственники и простые люди, которых не видел десять лет. И в наших краях каждый шаг – история, а не только в Одессе».

«Я вас понимаю», – язвительно произнес профессор Ясеновский, повернул голову к Гнилорыбову, что-то прошептал ему на ухо, после чего попытался исправить сказанное им, не меняя тональность: «Мы вас понимаем! Что сделаешь, если сибиряку Одесса не по душе. Езжайте к вашим

медведям. Вы, сибиряки, народ упорный, и на фронте, и в тылу! Не ошибусь, и коллеги меня поддержат, что из 46 выпусков Одесского медицинского института вы первый, кто добровольно едет в Сибирь, когда перед вами открыто много дорог». Спокойно отвечаю: «Я же не русский богатырь из сказки, у которого всего три дороги и все с предупреждением о грозящей опасности. Вы сказали, что у меня дорог много. Вот, чтобы не заблудиться среди них, я и поеду по одной, что ведет в родное село Кузедеево».

Профессор Гнилорыбов протягивает мне руку на прощание. Рукопожатие ученика известного всему миру хирурга Н. А. Богораза запомнится на всю жизнь. Оживший академик Ясеновский начинает бубнить, ссылаясь на изречение Михаила Ломоносова: «Да! Российское могущество прирастать будет Сибирью». Его поддерживает Гнилорыбов: «Да! Но вы, коллега, забыли слова великого историка Василия Осиповича Ключевского. Позвольте, но я дополню: «В России центр на периферии».

В Одессе мы очень сдружились: я, Сашка Ситниченко с Вагнером и Великановым. Образовалась группа из четырех капитанов медицинской службы. Заводила среди нас – Женя Вагнер. Не может жить без одесских анекдотов. Я не могу и малую часть запомнить, а у него их в памяти тысячи. Вагнер часто возмущается и говорит: «Киев называют матерью городов русских, но он стал почему-то столицей Украины. Окраина России претендует на центр Вселенной? Получается, что Владимирский собор живописно в русском стиле хохлы Васнецов и Нестеров расписали, а малевать на помощь кузнеца Вакулу пригласили? В Киеве каждый камень – русская история. На стенах храма неповторимые пейзажи с царевичами Борисом и Глебом из русских былин. Киев – это и есть величие русского могущества, подтвержденного историей. Земля, подарившая России и всему миру великих и неповторимых русских людей». И продолжает неистово иронизировать: «У хохлов, как их называл русский писатель Николай Васильевич Гоголь, по-моему, две страсти. Первая – выбиться хотя бы в сержанты на военной службе, а если преподавать, то только марксизм-ленинизм, и пробиваться в члены парткома. Нет и не было украинских ученых, как и такой национальности. У них на все, где мозгами шевелить надо, ответ один: «Нэ трэба». Лишь бы утроба сытно набита была, так это «трэба». Республика Украина – надуманное большевиками образование после революции 1917 года. Вот с нашим городом Одессой все ясно и понятно. Это просто город-мама! У нашей

мамы Одессы много детей, но папы разные. Но опять же, а при чем здесь украинцы? Одесса всегда будет городом, которому, как поет уважаемый Лёничка Утесов: «Не страшны ни горе, ни беда». Здесь пели Вера Холодная и Александр Вертинский. Их с восторгом слушала не только вся Одесса, а Миша Япончик готов был носить Верочку на руках, и Гриша Котовский при каждой встрече целовал ей ручки. А какие это были уважаемые люди! И нечего нас пытаться дурить, навязывая самостийность. Вы знаете? На крыше дома встречаются два кота – киевский и одесский. «Ну шо, помяукаем?» – предлагает киевский. «Таки мяу», – отвечает одесский».

Заметно, что Саша Ситниченко обижается. Он из Полтавы. Женя Вагнер старается сгладить обстановку: «А вы знаете, как Шолом-Алейхем приехал в Турцию? «Салам алейкум, Шолом-Алейхем!» – восторженно кричат турки. «Бьем челом», – отвечает Шолом». Все долго хохочем, представляя сцену встречи турок и еврейского писателя, бьющего челом по русской традиции.

Спустились по потемкинской лестнице посмотреть на порт и взглянуть в сторону далеких лиманов, покрытых морской дымкой. Надеюсь, что впечатления от Одессы надолго останутся со мной как о красивейшем приморском городе России, достойном восхищения его историей, архитектурой, а для нас недавним подвигом матросов, защищавших Одессу-мату и освободивших ее от непрошеных гостей: румын, венгров и немцев. Воевал я с немцами за Ростов, город, который называют «папа». Одесса, как и Севастополь, – это символ беспримерной героической отваги русских моряков. Как бесстрашно воюют наши матросы, я видел при освобождении Крыма. Могу представить, как они дрались за Одессу.

Попрощавшись с ребятами, пошел на рынок «Привоз» – уважаемое одесситами место – купить для дочери нашего комбата Людмилы Ципкиной подарок. Осталась без матери и отца. Девочка растет под опекой бабушки и дедушки. Нашел шоколад и маленькую куколку дореволюционного изготовления. Людмила будет рада. На одесском «Приводе», несмотря на тяжелые события войны, найти можно все, что душа пожелает.

Ухожу в ночь на харьковский поезд. Темень южная. Город почистили от уголовников, но за голенищем сапога у меня ампутационный нож, лезвие которого острее бритвы. На всякий неожиданный случай, а в Одессе неожиданности – обычное явление. Десять лет, как мне кажется, пролетели мигмом, но давно я не видел родных кузедеевских мест. Не-

вольно повторяю и повторяю, идя в темноте и напевая всего четыре строки:

*Дорогой длинную,
Да ночью лунною,
Да с песней той,
Что вдаль летит звеня!..*

ИЗ ЕВРОПЫ В АЗИЮ

В родные места добираться от Одессы третью неделю. Заминки на посадку в Харькове, а особенно в Новосибирске. Покинул село Кузедеево в июне 1937 года, чтобы не возвращаться до тех пор, пока не почувствую, что могу оперировать и спасать больных при сложных патологиях, требующих высокого искусства хирурга. Была еще одна немаловажная причина. Шли неожиданные и многочисленные аресты по линии ОГПУ. Переименовали карательную организацию в НКВД и раскрутили маховик на полный ход. Активно арестовывали людей, подозревая в наиболее трудолюбивых, тем более имевших образование, «врагов народа», обвиняя их в заговорах против власти.

Невольно, но мои мысли были навязчиво связаны с боязнью, что я сын офицера, мобилизованного в армию Колчака. Отца помню очень смутно. Он погиб в бою за Пермь в 1919 году. Ко времени его трагической гибели мне не исполнилось и четырех лет. Мама боялась за меня и настоятельно требовала, чтобы в анкетах я писал в графе «отец»: «Неизвестно». Мама говорила: «Меня не спасет имя дяди Ивана Перевалова, члена первого Кузедеевского совдепа, казненного белыми. Мой муж, твой отец, был организатором Кузедеевской волости, а потом офицером белой армии. Они его нам не простят, хотя он не против народа, а за Россию воевал и убит был в бою красными». На моих глазах арестовали главного врача больницы Н. Д. Корюкина вместе с сыном. Под его руководством было отстроено типовое здание больницы в 1936 году. Он же возглавлял хирургическую службу района. Его жена после ареста мужа и сына сошла с ума и была отправлена в Новосибирскую психиатрическую больницу. Из села забирали людей днём и ночью. Были арестованы: Берлявский – директор педагогического училища, Гладков Иван Васильевич – первый секретарь райкома, Ребров – председатель райисполкома, Атургашев Иван – священник вместе с тремя сыновьями Николаем, Александром и Серафимом и многие другие порядочные безвинные люди. Забрали районного прокурора Никиту Хведчика, по чьей инициативе благоустривалось Кузедеево.

Прокурора Хведчика, который до своего ареста подписывал списки подлежащих аресту и сам принимал в них активное участие, застрелили при конвоировании. Крестьянина Пантелеева Егора забрали по доносу Шахова Андрея, и он бесследно исчез.

И подобных им много, и не только русских, но и шорских родов. Сегодня, находясь в дороге, думаю, что должен же кто-то сохраниться из рода Тенековых. В. А. Воробьева и Петра Гавриловича Савинцева, что были женаты на женщинах с девичьими фамилиями Тенековы, при мне арестовали. Дальнейшую судьбу их не знаю. Они были уважаемыми в селе людьми.

Возвращаясь в родные места на поезде, а дорога домой ведет меня к размышлениям о прошлом. В Кузедеево, на удивление всей округе, сохранилась церковь святого великомученика и целителя Пантелеймона. Когда я уезжал, в ней проводились службы, на которые брели из дальних деревень сгорбленные старушки, опирающиеся на клюку. Они находили в себе силы преодолеть вёрсты, молитвой успокоить душу, поставить свечи в память о безвинно убиенных и пропавших без вести родственниках, а накладывая крестное знамение, просить у Бога мира для России.

Страшное время пережили люди. Многие коренные кузедеевские фамилии оборвались. Их предки поколениями трудились, осваивая холодную и недоступную Сибирь. Будущий участник белого движения бескорыстно помогал завтрашнему борцу за новую сладкую жизнь – красному, и наоборот. И после всего этого кошмара, когда объявили, что «мы их шапками закидаем», народ какой-то внутренней неведомой силой объединился и выбил врага с земли своей, а потом еще и прошагал русский солдат по Европе, дал, как всегда было в истории, свободу другим народам. Сегодня, после неисчислимых потерь Гражданской войны, репрессий и потерь в войне с фашизмом, люди восстанавливают свою страну.

Первый ужас кузедеевцы испытали не от белых и красных, а от страшного нашествия на Кузедеево анархистов-роговцев с Алтая. Эти безграмотные крестьяне, которых ввели в психоз в своих интересах анархически настроенные вожаки, якобы присоединившиеся к красным в борьбе за народное счастье, грабили и безжалостно убивали людей на кровавом пути своего следования до Кузнецка. Отрубали головы священникам, родственникам купцов, сочувствовавшим белому движению, и по доносам. Доносчики всегда есть. Они служат вожакам любой масти: белой, красной или зелёной. Получа-

ют от своей грязной работы удовольствие. Многих потомков безвинно погибших мучеников знал лично. Прорвались по крови людской роговцы в Кузнецк и на центральной площади устроили публичную казнь арестованных ими безвинных людей со всего уезда, собранных и согнанных в город со всех волостей. Нужно установить имена и фамилии погибших от рук палачей кузедеевцев, людей из соседних сел и деревень, как раскулаченных, так и репрессированных. Роговцы казнили открыто, при людском сборе, отрубая уши, у женщин груди, а затем обезглавливали обреченных. Сотрудники ОГПУ, а с 1934 года – НКВД, старались работать тихо, стреляли людей в тюрьмах и лагерях, лишили людей жизни намного больше, чем алтайская роговская чума. У тех и других руки залиты кровью народа. Несомненно, больше всего кузедеевцев погибло во время Великой Отечественной войны. Их братьев, отцов раскулачивали, репрессировали, а они, несмотря на трагедии, произошедшие с их родными, доблестно воевали и героически погибали за Россию. Но должны быть восстановлены имена тех, у кого совесть чиста. Они работали для России. Несли добро людям, и гибель их не оправдана ничем.

Вокруг Кузедеево до начала 1930-х годов скрывались в тайге на труднодоступных заимках банды, называвшие себя в смутное время «красными партизанами», а на самом деле они грабили и убивали, неожиданно появляясь в разных местах. С приходом регулярной Красной армии сибирские разбойники, несмотря на организованные облавы с целью их ликвидации, ускользали, хорошо зная местность. Белогвардейских банд в регионе не было. Белые офицеры ушли за кордон. Не по их чести было заниматься грабежом народа. «Красные партизаны» продолжали изредка появляться, не давая покоя простым крестьянам небольших деревень, защитить которых было некому. В каждой деревне отряд красноармейцев для охраны населения не поставишь. Война с бандитизмом, кроваво разгулявшимся от Алтая до Кузнецка, проводилась с привлечением частей Красной армии. Большая часть бандитов была выловлена и по решению судов расстреляна, несмотря на их оправдания, что они изначально помогали советской власти. Это явление понятно и не ново для России, когда бедные и безграмотные мужики становились жадными до чужого добра и власти. Банды из русских крестьян, живших грабежами населения Горной Шории, были рождены Гражданской войной. Шорцы не принимали участия в бандитизме. Когда я уезжал, в народе ходили упорные слухи, что все награбленное, осо-

бенно церковная утварь и царские червонцы, зарыто бандитами в тайге.

Мы разъехались с мамой в самый тяжелый год репрессий. Я уехал учиться подальше от родных мест, в европейскую часть России, а она, работая поваром, меняла места жительства: Кузедеево, Тельбес, Нарым, Зырянское и т. д. Денег у нас не было. Перебивались случайными заработками. Иногда она присылала мне копейки, заработанные от продажи таежной ягоды в степном Алтае. Сегодня возвращаюсь к матери после десяти лет разлуки.

Русское село Кузедеево считают казацким. Время возникновения Кузедеево – ноябрь 1657 года. Присланные из Кузнецкой крепости казаки начали строительство военного укрепления. Для возведения острога была послана в тяжелую дорогу 41 казачья семья. Нужно было тащить с собой инструменты для строительства, пушки и неприхотливый скраб. Добраться до места предстоящего строительства сквозь непроходимую тайгу с семьями, грузом, в усиливающийся ноябрьский мороз было неимоверно тяжелой задачей. Отважные люди получили в дороге отморожения, и многие дети, женщины и казаки умирали. Пережили зиму только 30 человек, но весной пришло пополнение и было налажено регулярное снабжение боеприпасами и продовольствием. Главное, казаки выполнили свою задачу: несмотря на большие потери, заложили основание острога, который кузедеевцы называют крепостью.

Для строительства острога они выбрали ровную поляну над обрывистым берегом Кондомы. К 1660 году неприступное сооружение, окруженное рвами, насыпными валами, обнесенное частоколом, было готово. В сторону степей Алтая смотрели жерла пушек. Острог с его воинским гарнизоном вошел в состав Бийско-Кузнецкой оборонительной линии. На защиту России в Сибири встали умеющие преодолевать тяготы жизни, презирующие смерть люди – казаки. Все это мне известно от моих односельчан, старожилов Кузедеево, потомков казачьих семей. Их предки не жалели своих сил, здоровья и жизни, служа России.

Казаки везли на возах в Кузедеево старинные иконы с изображением Георгия Победоносца, целителя Пантелеймона. Первое, что сделали, – построили на площадке, выбранной для строительства острога, часовню. Молились. В сибирскую стужу продолжали возводить надежно укрепленный участок обороны. Копали землю и делали мощные насыпные валы, возвышающиеся по краям оборонительного сооружения. В землю вкапывали распиленные вдоль ствола сосновые бревна. Высо-

та частокола – не менее трех метров. Соорудили из крепких лесин подставы для пушек и направили их стволы в сторону степей. По внутренней окружности деревянного укрепления сделали обходные подмости, а среди бревен – бойницы.

Поезд ползет, петляя среди Уральских гор. Каменный пояс. В этих местах купцы Демидовы начали строить заводы и поставлять в войска Петра Великого пушки и ружья. Отсюда двинулся Ермак Тимофеевич осваивать Сибирь. Красиво на Урале, как и у нас, в горах Шории.

Промелькнул столб, отделяющий Европу от Азии. Пересекал границу 10 лет назад. Тогда бежали со всего вагона люди к окну, чтобы испытать миг счастья переезда из Азии в Европу. Многие восторженно кричали: «Все! Мы в Европе!». Сегодня у меня радостно на душе, что я вернулся из Европы в Азию, и поезд движется в глубину континента, где есть большое село под названием Кузедеево. Смотрю в окно на проносящиеся перед глазами лесные красоты азиатской стороны, невольно вспомнил стихи Александра Блока «Скифы». Особенно сочно звучат строки знаменитого стихотворения в исполнении великого артиста В. Качалова.

Миллионы – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

*Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!*

<...>

Россия – Сфинкс! Ликуя, и скорбя,

И обливаясь черной кровью,

Она глядит, глядит, глядит в тебя

И с ненавистью, и с любовью!..

Десять лет назад я уехал по этой же железной дороге на Запад с одними мыслями и надеждами, а возвращаюсь с другими. Уезжал дерзающим опытом и побед юношей, а возвращаюсь взрослым мужем, имеющим знания, но с переживаниями, что их никогда не будет хватать, чтобы приблизиться хоть к малому совершенству в избранной мною профессии. Ответ на чеховский вопрос о смысле рождения человека сам пришел в голову после увиденного мною за время дороги. Учиться нужно будет всю оставшуюся жизнь, чтобы делать добро. Иначе врача, тем более хирурга, из меня не получится. Быть же рутинным человеком и жить как многие? Это же противно прежде всего моей душе, самому моему пребыванию среди людей. Зачем я тогда родился? Все понятно!

Вспоминаю время, когда работа стоматолога окончательно меня разочаровала. Слишком одно-

образно. Влюбился в хирургию. Повезло. Видел и восхищался виртуозной техникой опытного хирурга, когда ассистировал на операциях прибывшему из Воронежа на поселение в Кузедеево ассистенту клиники хирургии Густаву Александровичу Таубесу. Народ освободил его руки и светлые мозги от лесоповала. Направили работать хирургом в Кузедеево. Он сразу же весь отдался любимому делу, когда его востребовал народ. Почему я ему приглянулся и он начал активно притягивать меня к операционному столу? Не знаю!

С искренним восторгом Густав Александрович рассказывал мне о великих ученых и хирургах. Основателя общей хирургии, разработавшего методы резекции желудка, Т. Бильрота хирург из Вены считал своим учителем. Восхищался венским психиатром З. Фрейдом и его учением о бессознательном в психике человека. С Фрейдом он был знаком лично. Я ничего не понял, когда Таубес объяснял мне теорию своего знакомого, но подумал: а не за то ли, что он так был увлечен учением Фрейда, хирурга Таубеса сослали к нам в Сибирь? Густав Александрович преклонялся перед русской хирургической школой. Знаком был в Киеве с профессором Алексеем Петровичем Крымовым, которого советские военные врачи считают гением отечественной военно-полевой хирургии. Таубес был знаком со многими выдающимися хирургами: В. И. Разумовским, С. И. Спасокукоцким, А. Н. Бакулевым, их достойными учениками. Его можно было слушать бесконечно и не уставать от рассказов, многочисленных примеров из хирургической практики. При разговоре в его словах слышался немецкий акцент, но сказал мне за чаем, что он еврей, и просил не разглашать его тайну: «Константин! Пусть все думают, что я немец. Мне так спокойней спится, хотя я нахожусь не в Вене и даже не в Киеве, а на железной кровати в комнатухе далеко в Сибири. Но думаю, что это намного лучше немецкого антисемитизма».

Желание стать хирургом усиливалось у меня после каждой очередной операции, но назойливо беспокоило, что нет слуха, тем более музыкального. Вдобавок наша сельская терапевт заявила: «Константин! Вы никогда не будете лечебником. Вы при аускультации даже шумы сердца не слышите. Вы дантист!» После ее слов я впал в удрученное состояние. Густав Александрович же был неутомим в своем желании сделать из молодого стоматолога перспективного хирурга: «Константин! Уверю вас, я сам никогда не слышу, какие там шумы в сердце, но все могу определить по пульсу. Нас учили тонкостям терапевтической диагностики по определе-

нию состояния пульса. Слух есть у каждого человека, но все требует тренировки и развития». Густав Александрович добился своей цели по отношению к моему самолюбию. Я незаметно втянулся в хирургию, помогая ему при самых тяжелых операциях, когда кровь заливает все операционное поле, а ситуация требует незамедлительного решения. Проблему решает ум хирурга, а разрешают ее руки и прежде всего пальцы. Хирург с большим практическим опытом научил меня вязать разные хирургические узлы глубоко в ранах и на ощупь, а то и всего двумя пальцами. На всю жизнь я перенял от него правило, прежде чем идти на операцию, пусть она была до этого проделана десятки раз, обязательно вновь и вновь смотреть топографический атлас анатомии, чтобы весь ход операции и возможные неожиданности были осмыслены тщательно. Более всего меня удивляло, что после проведенных сложных полостных операций смертности практически не было, за исключением редких случаев. Я стал смотреть на венского хирурга Таубеса как на непревзойденного во всем мире, хирурга от Бога.

Густав Александрович частенько подчеркивал: «Вот! Поняли, Константин, что значит постоянное повторение анатомии? Мы считаем, что знаем ее. Уверю вас, что в этом скрывается недооценка своих возможностей. Вы должны предварительно отыграть ваш сценарий, как в театре, но на сцене с декорациями мышц, сосудов, нервов, а только потом ваши пальцы делают весьма значимые движения. Вы считаете, что слова «анатомия», «операция», «хирургический театр действий» – пустословие? Нет! Подходя к больному, мы за его жизнь вступаем в бой с оружием. Это скальпель и другие хирургические инструменты, помогающие вам стать победителем в очередном сражении за жизнь человека. Они в ваших руках. Движение вашей руки превосходит жест актера на сцене. Он рукой определяет состояние его души и передает зрителю без слов, что произойдет. У нас с вами хирургический стол, то есть сцена, поменьше, но ответственности не испортить сценарий плохой игрой значительно больше».

Я утаивал от Густава Александровича, что показанные им узлы учусь вязать втайне ото всех. Опускал обычную нитку в глиняную кринку и двумя пальцами завязывал узел, то есть в темноте и на ощупь. Изначально злился, что у меня не получается даже собрать нитку. Длительные тренировки выработали совершенство, которое и поражало Густава Александровича.

Приходя к родственникам, я бесконечно слушал через стетоскоп сердцебиение и дыхание у всей

моей родни от стариков до детей. Завел тетрадь и записывал все оттенки пульсовой волны от частоты до наполнения, от ритма до напряжения, и получил в итоге поразившие меня результаты наблюдений. Родственники охотно подвергались моим исследованиям и были довольны, когда мои заключения сводились к тому, что каждый осмотренный чисто дышит, и сердца у всех бьются ровно. Не помню, но, кажется, я так и не услышал шумов сердца. Но по пульсу я начал определять изменения, происходящие в сердечно-сосудистой системе. При терапевтических исследованиях отметил для себя, что слово, сказанное врачом человеку, имеет колоссальное значение. Словом можно вызвать аритмию сердца даже у здорового.

Как-то дерзнул вступить в спор с терапевтом, что у больного несколько другая патология, а не та, которая выставлена диагнозом в истории болезни. Получил отпор: «Константин! Вы дантист! Я сколько раз буду вам напоминать, кто вы? Почему лезете не в свое дело? Идите и рвите зубы». Она специально злила меня! Я понимал её правоту, но не принимал хамства. Я все чаще задумывался над своим будущим и начал грезить хирургией. Мысль, что если бы я был хирургом, то последнее слово было бы за мной, стала преследовать меня. Оружие хирурга – это сталь, а у терапевта только щит, на обратной стороне которого чаще неизвестно что навешано. Предположения о наличии заболевания врач выстраивает на основании симптомов. Они komponуются в синдром или даже несколько синдромов. Что-то выпадает из общей закономерности, занимая неожиданно ведущее положение. Многие врачи подтягивают не вписывающиеся симптомы и признаки в общую картину назревающего диагноза, а другие стараются игнорировать вроде бы незаметные реалии, несмотря на жалобы больного. Вырисовываются два обманчивых пути постановки ошибочного диагноза, а значит, и лечения, которое упрется в тупик. Игнорирование малой симптоматики дает большие, порою непоправимые последствия. Идти же только путем подтверждения своих предположений на основании полученных лабораторных данных, инструментальных исследований считаю неэтичным. Только когда клиническое мышление врача, прошедшего годы практики, в большинстве случаев ставит плюсовую характеристику в диагностике заболевания, а проведенные исследования подтверждают логическое мышление клинициста, можно считать терапевтическое лечение обоснованным. И даже при этом ни один терапевт не застрахован от ближайших или отдаленных ос-

ложнений у больного, а сам процесс лечения является диагностическим критерием правильности выбора.

Больные терапевтического профиля очень сложны для диагностики, тем более для возможности лечения до окончательного выздоровления. В этом отношении можно сказать, что хирургу легче, поскольку он может подтвердить или отвергнуть предполагаемое, когда подушечки его пальцев соприкасаются с органом, нервом, артерией или веной. Диагностика опытного хирурга, которому приходится быть внутри человеческого организма, намного точнее, чем предположения терапевта. Однако риск оперативного вмешательства не может находиться в одной плоскости с терапевтическим лечением. Возможно, в очень далеком будущем терапия станет доминирующей по отношению к хирургии. Для этого должен быть пройден нелегкий путь научных исследований, который отнесем в область бесконечности.

Кузедеевская больница, когда я неожиданно для всех уехал, находилась в крайне тяжелом состоянии. Дефицит медикаментов, старый и изношенный инструментарий. Терапевтическое лечение больных, по моему мнению, весьма слабое. Многое было невозможным. Мы часто пользовались лекарственными травами, и это помогало. Великий миссионер Василий Вербицкий, несмотря на отсутствие у него медицинских знаний, широко использовал в лечении больных народную медицину. О действии лечебных трав, сроках их сбора, методах приготовления из них отваров, настоек я знал очень много благодаря жителям Кузедеево. «Вы в Сибири ходите по лечебным травам и не замечаете, что вы делаете. Вы их топчете! В Европе вас бы всех посадили в тюрьму и были правы! Нет порядка на этой земле и не будет», – повторял, впадая в унылое состояние, Густав Александрович.

В больнице ничего не было, кроме инструментов для экстракции зубов. Возможностей для лечения стоматологических больных не было. Быть зуборвачом, напоминающим героев произведений А. П. Чехова, претило всему моему внутреннему содержанию и вызывало молчаливый, но труднопереносимый протест. Развилось и снисходительное отношение к терапии. Из всех медицинских направлений в итоге решение о судьбе больного будет за хирургом. Это стало моим непоколебимым убеждением. Только хирург способен сделать доступ к тем «шумам», которые терапевт только слышит, а я увижу пораженный орган и неопровержимо докажу причину патологического процесса. Вывод,

что хирургия – наиважнейшее направление в медицине, стал для меня неоспорим.

Интерес к изучению хирургии вырос во мне настолько, что, уйдя в очередной отпуск, я уехал на Запад с мыслями о невозвращении. Меня гнало желание постичь невозможное, а для этого прежде всего нужны знания анатомии и топики в совершенстве и постоянный труд.

Все рекомендации Густава Александровича Таубеса должны стать для меня уставными задачами, а цель жизни определилась во время долгой дороги домой четко: лечить людей – самая добрая профессия в мире. Напутствием мне были слова мамы: «Костя! Делай только добрые дела людям! Так мне говорил твой отец».

Находясь на полке вагона, я мечтаю о долгожданной встрече и о том, как я начну выполнять намеченные планы. Их так много! Вспоминаю слова русского ученого и великого врача-инфекциониста Александра Федоровича Билибина: «Наука дает знания врачу, синтезирует и формирует законы управления; искусство озаряет, дает радость жизни, оценку целого качества; философия цементирует, дает горизонт, обосновывает стратегию движения; практика внедряет в жизнь полученные знания и обогащает опыт врача. И все это органически сочетается в клинической медицине».

БИЛЕТ В ЮНОСТЬ

Лежу на первой полке в вагоне, везущем меня из Новосибирска до Сталинска. Дорогие сердцу воспоминания молодости наплывают одно за другим. Мечтаю о встрече с городом юности Кузнецком, а за ним рукой подать до села Кузедеево.

Учебное заведение в Кузнецке (Сталинске) было открыто в 1826 году как уездное училище. Высшее начальное образование стали давать в школе с 1912 года. Когда учился я, школа стала называться школой второй ступени, а потом ее переименовали в общеобразовательное учебное заведение.

Я знаю, что последний личный секретарь Льва Николаевича Толстого В. Ф. Булгаков, написавший книгу «Толстой в последние дни его жизни», – выпускник нашей школы. Когда узнал об этом от учителя, перечитал, сидя на крепостной стене Кузнецка, все имеющиеся произведения Льва Николаевича, как будто искал через книгу знакомства с его секретарем.

Примером для глубокого уважения к учителю для меня был классный руководитель, преподаватель биологии Николай Михайлович Богословский. Наша обоюдная любовь к природе, ее обитателям и

многообразию растительного мира сблизила нас, учителя и ученика. Он был знаком с работами по ботанике, географии, метеорологии, написанными Василием Вербицким в Кузедеевском стане. Я вместе с учителем восхищался работами ученого, жившего десятки лет в моем родном селе Кузедеево.

Часть нас, мальчишек и девчонок, детей погибших в Гражданской войне белых офицеров, жили в двухэтажном доме героя Порт-Артурского сражения генерала Паутова. Чьи мы дети, было закрытой для окружающих темой. Просто сироты. У супругов Паутовых, Александра Ивановича и Христины Ивановны, своих детей не было.

За мое проживание у генерала мама рассчитывалась продуктами, как и все остальные родственники ребятишек, которых приняли в светлый дом светского просвещения. Денег Паутовы не брали. Генеральская супружеская пара отличалась высочайшей деликатностью в общении не только с нами, но, как я наблюдал, и с людьми, населяющими Кузнецк. Нужно отметить, что общение было весьма избирательным. Генерал имел огромный авторитет среди горожан Кузнецка. Его не посмели тронуть ни красные, ни анархисты, ни тем более разноликие бандиты. Большого роста и крепкого телосложения, он ходил по улицам Кузнецка при всех властях в генеральской шинели, под которой скрывались награды царского времени. Мимо кого-то проходил молча. Кого-то удостоивал легким кивком головы. Мог остановиться и беседовать с человеком, достойным его внимания, но никогда не протягивал руку первым для приветствия. У меня сложилось впечатление, что он вообще не любил рукопожатий, предпочитая знаковые жесты приветствия. Мне его поведение почему-то очень нравилось, но в ту пору я считал, что для этого нужно стать генералом.

Про Христину Ивановну не скажешь, что она половина Александра Ивановича. Маленькая и худенькая, во всех домашних делах успевающая женщина. Периодически меняет нарядные платья. Христина Ивановна – это строгая доброта, следящая за нами и исправляющая как бы незаметно наши недостатки, но мы это видим, и нам становится стыдно. В следующий раз делаем, как она, доставляя Христине Ивановне удовольствие.

В доме генерала нас строго обучали светскому этикету. Особенное внимание – поведению во время обеда. Хочется взять блин со стола руками и окунуть его целиком в масло по-кузедеевски, а не положено. Вилочки и ножи разложены так, что к каждому блюду избирательный подход с обязатель-

ным выбором столовых приборов. Христина Ивановна следит и делает в мягком тоне замечание, если кто-нибудь из нас ошибется в выборе вилки или ножа. На втором этаже жили девочки, а на первом – мальчики, но за стол садились вместе, соблюдая все тонкости правил, принятых в интеллигентном обществе. Мальчики обязаны были отодвинуть стул от стола так, чтобы было удобно сесть девочке. После того как все девочки удобно устроились за столом, могли сесть аккуратно возле них мы. Каждый знал свое место в паре, чтобы во время принятия пищи уделять внимание девочке. В доме Паутовых нас обучили правильному поведению во время танцев, что, честно признаться, я никак не мог достаточно освоить. Понял позже, что я не улавливал и не мог совместить такт со звучанием музыки из граммофона, но наша женская половина на меня не обижалась, а старалась помочь мне усвоить уроки Христины Ивановны.

Мне нравилось подниматься на высокую гору в крепость, и там, сидя на крепостной стене, зачитываться очередной книгой из богатой библиотеки генерала. Мне в связи с аккуратным обращением с книгами было дано разрешение заниматься самообразованием вне дома. Более никто из ребятшек такой великой милости не был удостоен. На территории крепости была действующая церковь с сохранившимися в советское время колоколами. Вид на город Кузнецк с высоты колокольни потрясающий. Прежде всего собор с белыми стенами и возвышающимися куполами. Его роговцы разграбили. Храм, в котором венчался Ф. И. Достоевский, выглядел более серо после пожара, устроенного бандитами. Хорошо видно улицу, названную в честь гения человечества, и дом кузнецовского купца Алексея Егоровича Фонарева, где писатель жил. Помню, как в чудесную безветренную погоду, удобно расположившись на ровных кирпичях крепостной стены, зачитался книгой «Подросток», которую мне посоветовал внимательно изучить Александр Иванович. По устоявшейся привычке делаю записи в тетрадь. Взял на карандаш признание подростка: «Мне нравилось ужасно представлять себе существо именно бесталанное и срединное, стоящее перед миром и говорящее ему с улыбкой: «Вы Галилеи и Коперники, Карлы Великие и Наполеоны, вы Пушкины и Шекспиров, а вот я – бездарность и незаконность и все-таки выше вас, потому что сами этому подчинились».

В Кузнецке сохранились дома, в которых когда-то, находясь в ссылке, жили Обнорский, Куйбышев

и великий Федор Михайлович Достоевский, но для меня самое достопримечательное – это старинная крепость. Жители Кузнецка говорили, не сомневаясь, что под крепостью есть скрытые подземные ходы, которые выводят на глинистый обрыв правого берега реки Томи. Все это будоражило воображение мальчишки. Фантазии усиливались после чтения книг из библиотеки Александра Ивановича. Я представлял во всех красках населенные хорошими людьми города, которые меня ждут, и я обязательно в них побываю. Все оказалось не совсем так. Жизнь бросила меня в такой водоворот событий, что в юности и представить себе не мог.

ГОРОД МОЛОДОСТИ

9 апреля я выехал в Кузнецкое, а прибыл в Сталинск 25 апреля, 16 изнурительных суток в пути. Всякие мысли лезли в голову, хорошие и плохие.

Переживал, что умру от истощения на третьей вещевой полке, и закопают меня в степи, как случилось иногда с некоторыми пассажирами в пути. Прочь тоску и уныние! Сегодня я хоть и обессиленный мужик, и на обтянутых кожей костях свисает, как на вешалке, военная форма, но я победитель. Чем ближе родные места, тем больше воспоминаний.

Вспоминаю Томск, когда мы учились в стоматологическом институте. Во время лекции могли неожиданно зайти серые люди, молча забрать с трибуны профессора, а то выкрикнуть фамилию студента и увести его из зала. В дальнейшем мы арестованных профессоров, доцентов, тем более студентов никогда не видели. Никто из родных не знал их судьбу. В нас постоянно вселяли страх перед всемогущей властью. Зал молча, как будто так и нужно, провожал обреченных. Все арестованные попадали в список врагов народа и непременно участвовали в каком-нибудь «заговоре». Никто из них не вернулся.

Наконец-то, тяжело пытая, паровоз втаскивает вагоны на железнодорожную станцию. Здание вокзала не изменилось со времен моей молодости. Сложено оно аккуратно и на века, как и все опоры мостов на Кондоме и над речками, в нее впадающими, каменными блоками, выпиленными из горных пород. Наверху здания огромный портрет генералиссимуса, а под ним из больших букв составлено слово – СТАЛИНСК.

Выйдя из вагона, смотрю в сторону Кузнецка, но город моей юности закрыт стройками. Повернулся в обратную сторону, где стояли деревянные домики, но их заменили дома с большими окнами и шпильками по западному стилю. Становится ясно, что строительство ведут военнопленные. Так и должно

быть! Небывалый урон и разрушения принесли на нашу землю немцы, обманутые фашистской идеологией. Ныне отрабатывают у нас в Сибири. Военнопленных очень много, но не вижу барачных, огороженных колючей проволокой. Сторожат немцев несколько солдат с карабинами. У немцев свои бригады. Могут сесть и покурить по их команде. То есть немецких военнопленных содержат в лучших условиях, чем наших заключенных.

Зашел в здание вокзала. Очень чисто. Крышка бачка с водой закрыта на замок. Висит объявление: «Осторожно! Кипяток». Запах специфичен для всех вокзалов, но, оказывается, сталинский вокзал чище, чем все те, в которых был.

Свободно взял билет до станции Кузедеево и скорее вышел на улицу, хотя и там дышать было нечем. От строящихся зданий волнами тянет незнакомым химическим запахом. Запахи, как после взрыва авиабомбы: гарь, раскаленный металл, земля и кровь. Объяснение всему чаду вижу. Из заводских труб густо валит дым и расплывается над стройками города. Страна восстанавливается! Сибиряки денно и ночно работают, обеспечивая всю Россию углем, металлом, лесом и продовольствием.

Посмотрел на здание вокзала и вспоминаю былое, как возвращались с мамой в 1931 году из села Зырянское, которое расположено под Томском. Нам хватило денег доехать до Кузнецка. Не только копеек, но и куска хлеба не осталось. От голода голова кружилась. Отчаяние такое, что хоть закрывай глаза от стыда и иди просить милостыню. Нам можно было попытаться дойти до Кузедеева пешком, но сил бы не хватило. Где-нибудь по дороге умерли бы в тайге. Мама тогда пошла к начальнику вокзала. Вернулась с ведром и тряпкой. Вымыла Анастасия Матвеевна полы на вокзале. Я приносил ей чистую воду, а грязную таскал, спотыкаясь на слабых ногах, выливал вокзальную зловонную грязь в сточную канаву. Таскал ведра с водой из последних сил. За работу дали нам буханку хлеба и посадили на поезд до станции Кузедеево. Так мы добрались до брата мамы, Осипа Матвеевича Перевалова.

Зашел в вагон. Теплится в душе безнадежная мечта, что это последний в моей жизни поезд. Как мне ненавистны станции, вокзалы и вагоны! Сразу же нахлынут невольно воспоминания об ужасах недавнего прошлого. Успокаиваю себя тем, что, слава Богу, не слышу противного воя моторов вражеских самолетов, ужасающего свиста падающих на голову бомб. Надо мной мирное небо.

Смотрю из окна вагона против течения реки Кондомы. Вижу далеко на берегу реки крайние до-

мики станции Кузедеево. Слева от вагона – высокие скалы, а справа вокруг Кондомы начинают расширяться ровные травянистые просторы. Еще несколько минут, и я сойду на своей станции. Стою на подножке вагона. Надо мной – голубое прозрачное небо. Поля огоньков и знакомый запах детства. Радость переполняет душу, а стихи Сергея Александровича Есенина рвутся криком в сторону Кузедеева:

*Гой ты, Русь моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосет глаза.*

Сердце стучит так, что, кажется, разорвется, и я не успею увидеть Кузедеево и моих родных. Поезд останавливается. Я спрыгиваю с подножки вагона на родную землю. Я стою на кузедеевской земле. Не верится! Как будто это сон, который так часто мне приходил на фронте, что я в кругу родных людей в селе Кузедеево.

НА КОНЕЧНОЙ СТАНЦИИ СОЙДУ

На станции Кузедеево меня встретили две худенькие старушки. Родные сестры: Анастасия Матвеевна и Ольга Матвеевна Переваловы. По мужьям Яценко и Заверохина.

Преждевременно постарели за десять лет разлуки самые родные мне люди, особенно мама. Тетушка Оля всего на два года старше мамы, но лицом выглядит свежее. Волосы на голове у матери все седые, а у сестры только начали белеть. Вспоминаю случаи на фронте. Утром видишь молодого солдата с чернявой головой, а к вечеру перед тобой украшенный сединой старик.

Мама растерялась, увидев меня. В грудь мне уткнется, сложив руки на груди, а то обнимает меня. Не знает, что со мной делать. Целуют беспрерывно беззубыми ртами и плачут две сестры. Когда уезжал, зубы у них были, и сами выглядели намного моложе.

Мама радуется и продолжает причитать: «Все меня успокаивали, когда похоронку на тебя получила и писем долго не было, а потом неожиданно пошли, что продолжаешь воевать. Потом другая бумага пришла, что «в боях за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, пропал без вести». А мне говорят: «Жив твой Костя!» Мама меня ждала, как и все другие матери, работая в тылу дни и ночи, проявляя героизм и мужество, свойственные русской женщине.

Мама перекрестилась и тихо мне говорит: «Тебе, Костя, можно все сказать. Ты врач, а это что священник. Только без рясы. Тебя крестили в Кузедеевской церкви Святого мученика Пантелеймона. Батюшка рассказывал, что Пантелеймон тоже врачом был. За исцеления больных сам принял мученическую смерть. Может, ты поэтому врачом стал, что таинство крещения в храме святого великомученика и целителя принял. Провидение это, что живой в село вернулся и лечить людей будешь. На то воля Господа!»

Взбадриваю своих родненьких бабулечек: «Сейчас начну работать и откормлю вас всех. Дня два-три отдохну, в бане отмоюсь и отосплюсь. На работу очень хочется сходить, но только чистому, и не только телом, но и душой. Как только я выйду на работу, то ты, мама, уволишься. Будешь домашними делами заниматься. Хватит! Нароботалась! Вот если я работать не буду, то меня точно никто не прокормит, тем более мою семью. Никто меня, фронтовика, на послевоенное довольствие не поставит. Отвоевал! Награды и погоны в ящик. Пора белый халат надевать. Пока доучивался, добирался в Кузедеево, навыки хирургические растерял. Вышшую правду и у Бога не найдешь, а милостыни он не подаст. При таком послевоенном голоде недолго к нему на приём попасть».

Мама с тетей Олей крестятся и говорят мне: «Не богохульствуй, Костя! Про чистоту души вспомнил, а словами грешишь. Душу в церкви при покаянии очищать нужно. В церковь пойдешь?» Отвечаю резко: «Нет! Не положено!», обнимаю огорченную маму и с теплотой читаю ей незнакомые строки:

*И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.*

Мамулька моя успокоилась, еще теснее прижалась ко мне. Вот как действуют слова великого поэта на душу русского человека! Мы с мамой всю жизнь и до войны голодали, но выживали, как и многие другие люди. Будем жить и дальше.

ПЕРЕПРАВА

От станции Кузедеево нам нужно дойти до реки Кондомы, чтобы попасть в аил Кузедеевский, а из него идти через сосновый бор в Кузедеево. Вышли на обрывистый берег красавицы реки Кондомы. Противоположный берег более пологий.

Кричим и машем людям на противоположную сторону реки, что стоят у лодок. Нас услышали. К краю берега подошла женщина в сапогах. Сложила руки рупором и кричит: «Матвеевна! Матвеевны! Поднимайтесь выше к устью Теша, а то нас снесет».

По реке плывут нескончаемым потоком бревна. Наш перевозчик идет вверх по левому берегу, к устью Малого Теша. Там стоят среди залитого водой тальника лодки. А мы пробуемся по правому берегу через ясачную поляну к устью Большого Теша.

Переправляемся через реку, поместив два моих чемодана в середину лодки. Вода несет нас по течению наискось реки к левому берегу. Периодически течение бьет в борт, обдавая нас брызгами воды. Жалко будет, если в чемоданы проникнет вода. Книжки, тетради с записями лекций, кое-что из накопленного за долгие годы архива, о котором посторонним людям знать не положено, могут намокнуть. Слова расплывутся, особенно написанные химическим карандашом. Беспокоюсь, что потеряю бесценную информацию. Довезти с таким трудом от Одессы собранный материал и потерять его на родной реке, рядом с домом?! Обидно!

Лодчица умело лавирует между бревен.

АИЛ КУЗЕДЕЕВСКИЙ

Поднялись мы по тропинке к месту, где стояла первая построенная Василием Вербицким церковь. Молча подошли к остаткам разрушенного храма, которую строили айльские и кузедеевские мужики всем миром в улусе Кузедеевском. Мама и тетя Оля тихо молятся, крестятся и кланяются каменному остоу храма. Церковь св. Иоанна Крестителя – детище Вербицкого – разграблена роговцами. Бесследно исчезли древние и ценнейшие иконы, привезенные из Новгорода, Москвы, Киева. Древние иконы дарили церкви казаки и крестьяне Кузедеево. Ироды надругались над своей же историей, а затем, чтобы и памяти не было, разрушили здание храма. Тетя Оля говорит о том, что среди народа ходят слухи: «Добрались варвары и до праха Василия Вербицкого и других погребенных просветителей на Алтае. Сравнивали с землей церкви и могилы уважаемых народом людей. Это они так с религией боролись, что мертвых даже боялись. Было это еще в начале тридцатых годов, перед войной. Грехами своими накликали беду на нашу землю».

В середине прошлого века для постоянного места жительства и строительства стана миссионер В. Вербицкий выбрал улус Кузедеевский, расположенный на левом берегу реки Кондомы. Шор-

цы называли это место Судаг-ал, что в переводе на русский означает Водяной аил. Из селения открывается изумительный вид на горы, покрытые лесом, и реку Кондому, в которую впадает с противоположной стороны аила река Большой Теш, а выше шорского поселения по левому берегу прорезался сквозь глинистый берег и бесшумно вливается Малый Теш. Как два брата поддерживают с обеих сторон руками мать, придавая ей больше сил для движения вперед.

Веровать в Бога – это личное дело человека, но поскольку заложен огромный общественный интерес в веру, совесть и человеколюбие через Господа, то будьте любезны относиться к религии с величайшим уважением, если вы даже стоите на атеистических позициях. Это и приведет желающего и умного человека к стремлению познания абсолютной истины, пробуждению совести. Безумствующие люди в массовом психозе будут храмы рушить, могилы осквернять, иконы и книги жечь. Нельзя допускать такого грехопадения среди русского народа. Это его гибель!

Смотрим мы на остатки церкви. Много труда и забот было вложено в строительство первой церкви аила Кузедеевского и села Кузедеево. Обработанные камни на жернова мельниц добывали мужики на крутой горе, названной Жерновой гривой, возвышающейся над крутым поворотом правого берега Кондомы. Тяжелая ручная работа – выбить камень из скалы, обработать его, не расколов, и сохранить по дороге, не утопив в реке и не разбив при установке жерновов на мельнице. Скатывали кругляки к реке и переправляли плотами на противоположный левый берег, а затем везли на телегах в село. Камни, которые не пошли в дело, разбросаны были по всему селу. Старики рассказывали, что Вербицкому пришла мысль сделать из них фундамент церкви. Грузили на подводы тяжелые камни казаки Болтовский Осип Степанович с сыновьями, Батвинкин Варфоломей Андреевич с сыновьями, Пупышев Евдоким с сыновьями. Их имена и фамилии запомнили старожилы. Все жители села помогали святому делу. В те времена рубили срубы домов сообща, помогая друг другу. Строить первую церковь стремились мужики всем миром. Везли кузедеевцы обтесанные каменные плиты на подводах для закладки фундамента церкви в аил. Начали выкладывать плиты для фундамента 25 мая 1858 года. 12 октября возведение церкви св. Крестителя Иоанна было закончено.

Память о подвиге Василия Вербицкого люди сохранили, потомкам передали предки и старожилы

села. Вербицкий был учителем, этнографом, лингвистом, географом и ботаником. С 1858 года он 27 лет жил в улусе Кузедеевском, постоянно находясь в разъездах, изучая природу нашего края и ведя научные исследования, попадая в сложные ситуации и подвергая свою жизнь риску. Все свои наблюдения, итоги исследований записывал, а научные работы публиковал в центральной печати. Большую работу провел Вербицкий как исследователь и учёный в районе села Кузедеево. Его пример достоин уважения и подражания.

ПЕРЕВАЛОВЫ И ПОПОВЫ

Зашел к Поповым, в дом батьки Николая, в котором прошла свадьба моих родителей. Когда-то Николай Попов в своем доме разрешил временно открыть трёхклассную школу, пока основное здание строилось. Я, будучи подростком, часто жил у них в маленькой комнате, что в зал выходит. Родовая ветвь моя уходит к Поповым. Потом, как стал зубным врачом, у них жил или у дяди Осипа Матвеевича. Когда Горно-Шорский район организовали и центр из Мысков перенесли в 1930–1932 годах в Кузедеево, то племянница Лубовны, матери Николая, Глафира Кондратьевна Кусургашева с мужем Иваном Яковлевичем Арбачаковым, а он в то время был секретарем ВЛКСМ Горно-Шорского района, поселились у Поповых. Жили в той же маленькой комнате, что периодически доставалась мне. Кусургашева уехала в Москву. После их отъезда в маленькой комнате под кроватью и на подоконнике в доме Поповых остались интересные для истории бумаги в перевязанных веревками стопках. Тащить с собой в Москву столько бумаг? Самим жечь, видимо, было нельзя. Решили, что хозяева их сожгут в печи, а я посмотрел, и почти на каждой бумаге стоит печать: «Секретно». Даже есть материалы ВКП(б). Потихоньку перетаскивал к Переваловым и спрятал. Придёт время – изучу! История не простит, если не узнаю, о чём партия большевиков думала в начале 1930-х годов.

В родах Переваловых и Поповых раскулаченных, репрессированных нет, как и погибших в Великую Отечественную. Повезло!

Со слов кровных родственников, народ в селе голодает. Выручают заготовки на зиму сушеной ягоды и корней, орехов, рыбы, молотой черемухи. Ребятишки копают корни кандыков и диких лилий – саранки. Очень выручает колба. Выбиваются из земли трубками сочные пучки. Едят их сырыми и варёными. Вся деревня варит супы из зелени с весны. Молодой крапивы хватает на всех. Зеленые супы из

крапивы и пучки. На фоне всеобщего голода много больных и нуждающихся в хирургическом лечении. Высокая смертность от травм, патологии, требующей неотложной хирургии, но особенно от инфекционных заболеваний среди детей. Распространён среди населения туберкулёз.

Многое изменилось на моей родине. Но природа все так же прекрасна. Жить людям нужно, а не искать друг в друге врага. Разве возможны подлые отношения между людьми в столь сказочных местах?

СЕЛЬСКАЯ МЕДИЦИНА

В райздравотдел, чтобы захватить на месте начальство, пошел с утра. Заведующий райздравотделом Иван Иванович Романов искренне рад моему приезду, тем более что я хочу взять на себя хирургическую службу. Когда начинаю разговор о предоставлении жилья, начальник уводит разговор в сторону. Однако нам с женой, маме и сыну это крайне необходимо. Строительство дома – это его забота как руководителя, а мне подавай данные по заболеваемости, травматизму, смертности, эпидемиологическому состоянию в районе. Хотя бы карту найди с обозначением всех населенных пунктов. Романов говорит, что у него нет карты. Интересно, для чего он сюда посажен? Ему прежний главный врач Дей Федорович Веников хорошо организованное хозяйство оставил. Наблюдай и командуй. Видимо, следит за подсобным хозяйством, а что в районе творится, не знает. Во мне появляется нарастающее раздражение, но я сдерживаю отрицательные эмоции, так как Романов – участник Великой Отечественной войны и инвалид 2-й группы. Передвигается с помощью костылей. Правую ногу ампутировали в госпитале после тяжелого ранения. Видимо, хотели спасти ногу и тянули время, пока не попал в госпиталь, но началась гангрена. Выжил, однако сегодня ему трудно. Голова работает нормально, но дать оценку состоянию оказания медицинской помощи в районе ему физически тяжело. Для полноценного выполнения работы нужно постоянно посещать отдаленные села и деревни. Работу откладывать на завтра нельзя. Нужна дисциплина. Романов – фронтовик и, наверное, понимает, что без проведения оценки работы на местах это невозможно. Видимо, переживает, что не успевает все объехать, тем более добираться на костылях через тайгу в далекую деревню по бездорожью, где лошадь и то в трясину проваливается, ему не под силу. Оборотистого помощника ему нужно найти. Да где его возьмешь? Огромная дыра в кадрах медицинских работников.

Я привык за время войны принимать обоснованные решения, ориентируясь по карте. Тогда передо мной лежала неизвестная мне местность, но вокруг Кузедеева с детства всё знакомо. Спокойно говорю: «Вы как-нибудь быстрее определяйтесь хотя бы с временным жильем для моей семьи. Ваше дело – следить, чтобы грязь с территории больницы и фельдшерских пунктов была убрана, а не в клиническую медицину лезть. Кто за хозяйственную службу отвечает?» Чувствую, что мои вопросы довели Ивана Ивановича до злости. Получаю в ответ резкие слова: «Может, ты на себя руководство здравоохранением района возьмешь? Я на это место партией поставлен. Не тебе меня учить. На хозяйстве такой же инвалид, как и я, но я на костылях передвигаюсь, а он без правой руки управляется. Руку ему на фронте оторвало, а один глаз только ночь от дня отличает. Крестьянников его фамилия! У меня людей острая нехватка, а тебе дом подавай! Пусть ты и фронтовик. Таких, как ты, много. Ютятся, где придется. Некоторые в землянках живут. Время тяжелое». Заведующий районным отделом здравоохранения разозлил меня. Говорю командным голосом, как на фронте: «Учиться никогда и никому не поздно. Тем более в мирное время, как мне, так и вам. Сегодня население остро нуждается в медицинской помощи и прежде всего хирургической. К вам хирург приехал, а моя жена терапевт, уже почти три года в больнице работает. Можем и уехать! У нас растёт сын. С каких это пор вы фамильярничать стали? Мы с вами в одном полку не воевали! А чтобы хозяйство в порядок привести, нужны прежде всего мозги, а другую работу выполнять найдутся люди с руками и ногами. Я коренной житель этих мест. Меня знают, я со многими знаком. У меня к вам просьба! Во-первых, пока я езу в Кемерово, чтобы все данные по району были на столе и с картой. За моё отсутствие многое могло измениться. Во-вторых, определитесь с местом жительства моей семьи. В-третьих, неужели вам не понятно, что начинать надо с периферии. Скажите мне, в каком из ближайших поселений у нас фельдшерский пункт?» Вскипевший заведующий райздравотделом внезапно остыл: «Во Втором Бенжерепе опытный фельдшер работает. Бывший фронтовик Властько Петр Аникиевич». Спрашиваю: «А в Сары-Чумыше есть?» Отвечает уныло: «Нет! Был, но уехал. С врачами у нас туго, а уж фельдшеров единицы». Стараюсь спокойно объяснить ситуацию: «Вот мы с вами два фронтовика. Без обид на меня, но на кой же черт у вас опытный фельдшер

сидит вдали от основной дороги? Его в Первый Бенжереп переводить надо. Рядом Юла, Кандаlep, тот же Второй Бенжереп, и из Сары-Чумыша люди поедут к нему. Так ближе. А от фельдшерских пунктов подтягивать на райбольницу людей можно. Иначе нам не снизить заболеваемость и смертность. В селах нужно организовывать медицинские пункты при выстроенных домах для фельдшеров, разделив дом на две части. Одна для хозяина и его семьи, а другая половина – медицинская». Молчит фронтовик. Надеюсь, что мы поняли друг друга. Пока он ищет какие-то бумаги, копаясь в столе, быстро написал ему заявление о приеме на работу в кузедеевскую районную больницу хирургом. Иван Иванович углубился в план действий. Весь ушел в мысли. Что-то пишет и чертит на бумаге. Я тихо ушел, положив организатору здравоохранения заявление на стол.

Иду и размышляю. Неотложная хирургия всегда будет, но для того чтобы пошла плановая хирургия, нужна и система выездного осмотра населения. Хотя бы терапевтическими и фельдшерскими силами. Но системы нет, как и плана у заврайздра-
вотделом. Неизвестно состояние фельдшерской помощи в районе. Хотя бы медицинские сестры были! Их нет! Мне ввиду отсутствия карты района неизвестно количество населенных пунктов, количество жителей в них. За время войны могли произойти большие изменения. Мне нужно знать состояние от села Кузедеево до любой заимки. Состояние дорог, а вот они, пожалуй, не изменились за десять лет, а где-то их вообще нет. Возможности средств доставки больного для оказания фельдшерской, а затем и врачебной помощи ограничены. Проблем предстоит решить много, но на месте стоять нельзя. Возвращаясь с фронта, мечтал, как посвящу себя хирургии, но не снимал с себя организационных обязательств. Не будет поэтапно четко организованной и работающей медицинской помощи, не бывать и высококвалифицированной и вовремя оказанной населению хирургической помощи. Надеюсь на совместное решение организационных вопросов в областном отделе здравоохранения. Надеюсь, что встречу понимание в Кемерово! Иначе нас задушит высокая смертность населения. На такой огромной площади – тайга с забившимися в нее малыми и большими деревнями. Организовать достаточную медицинскую помощь населению проблематично. Нужно усиленно работать.

Ия Семеновна работает районным терапевтом, а мне достанется вся хирургия и еще, как я понял со

слов Романова, по причине отсутствия инфекциониста весьма трудоёмкая работа в инфекционном отделении. Пусть временная и знакомая с фронта, но придётся читать работы уважаемого советского инфекциониста А. Ф. Билибина. Зашел представиться главному врачу больницы Нине Федоровне Доломановой. Увидел давно знакомую огненно-рыжую голову. Доломанова – из коренных кузедеевцев. Когда я работал до войны стоматологом, она ещё училась на лечебном факультете в Томске. Однако наша встреча прошла на официальных тонах. Разговаривает со мной холодно и как начальник с подчиненным. Как меняются люди, севшие в кресло! На фронте не была, а начала давать мне установки о правилах поведения на её территории. Выслушал молча, буркнул: «До свидания» – и ушел. Понял, что я тут не ко двору пришелся.

Вижу спину старика Таубеса. Сидит худоба, большая, чем моя, ведёт приём больных. Сейчас состоится самая приятная встреча за сегодняшний день – с Густавом Александровичем Таубесом. На всю жизнь запомнил взятые у него уроки. Он надоумил меня идти в хирургию, с его подачи я поехал учиться в дальние края. Во второй половине 1930-х годов репрессированный хирург попал в сибирскую глухомань. Почему угодил под жернова репрессий без права на переписку, ему самому непонятно. Если еще и врачебную деятельность запретить опытному хирургу, то все население вымрет. Врачей во все российские времена не хватало. Кузедеево приняло его, как и многих других, что при царе, что при новой власти, и с тех пор работает он хирургом больницы села Кузедеево. Здание больницы заложили еще при мне, а открыли к 7 ноября 1937 года. Вина Густава Александровича только в том, что он немец, а медицинское образование получал в столице Австрии Вене. Мобилизован во время Первой мировой войны в армию. Попал на территории России в плен. Принял российское подданство. Оканчивал Киевский медицинский институт. Работал хирургом. Женился на дочери знаменитого художника В. Н. Яковлева. Переехал в Воронеж ассистентом клиники факультетской хирургии, но был репрессирован и сослан в Горную Шорию.

Работал лесорубом в лесхозе Сарбалы, а затем сторожем селы в Кузедеево. По многочисленным просьбам, особенно шорского населения, ему разрешили хирургическую деятельность. В Кузедеево да и на весь регион не было хирурга. Живёт одиноко отличный специалист, живая энциклопедия медицины. Подорвали ему здоровье многочисленные гонения. Сколько же надо «ума»,

чтобы руки, умеющие без осложнений делать резекцию желудка, отправить на лесоповал?! С его талантом – в столичных клиниках сложнейшие операции делать! Он в Кузедеево практикует в отсутствие положенных ему условий и не жалуется. Остался без жены и сына. Они не знают, где он, а он не знает, где они. Выслали одного, без права переписки. В таких ситуациях, чтобы уцелеть самим, родные отказываются от главы семьи. Возможно, что и их определили, но в другие места. Прошло десять лет с тех пор, как мы расстались. Обнялись. Старичок в моих руках, что воробышек, хотя я и сам такой, только ребра торчат, но выше ростом. Густав Александрович совсем высох. Одни сухожилия. Но тот же юмор, что и десять лет назад. Маленького человека еще более сгорбило, а на голове остались редкие пряди седых волос. Его ветром может сдуть, а он продолжает оперировать. Скольких моих односельчан спас от смерти за это время! Будут ли их потомки помнить о нем?

«Костя! Вы знаете, как я вас рад видеть! Живой. В орденах. И Ваша мечта сбылась. Вы избрали путь хирурга». Из глаз старика катятся по глубоким морщинам щек искренние слезы. «Вы! Густав Александрович, как вы?», – хотя вижу, что старый хирург, как говорят, на ладан дышит. «Что я? – сквозь слезы отвечает Густав Александрович. – Я выброшенный из жизни старик. Но, Константин! Я добился, что послеоперационная смертность у меня при полостных операциях составляет 1,82 процента. Ну, а в остальном... Правильная у русских поговорка: «Если бы молодость знала, если бы старость могла». Вы молоды! Многое можете сделать. Константин! Вы окончили известный в Европе институт. Вы учились в Харькове и Одессе. Институты со славными именами. Я вспоминаю Вену. Великие профессора. Вена всегда соперничала с Парижем. Вам дорога открыта. Вы стали членом партии?» Отвечаю: «Меня туда не приглашали!» Густав Александрович, как мне показалось, облегченно вздохнул. Я его понимаю. Спокойно продолжает: «Впрочем, как я считаю, не было порядка в России и не будет. Запомните слова уходящего из этого мира старика на всю вашу жизнь, что вам необходимо учиться каждый день и так до конца жизни. Тем более хирургу ограничиваться в своей специальности нельзя. Жизнь требует от врача широкого диапазона знаний, и учитите, что не только по медицине. Врачевание, тем более хирургия – это искусство, которому нет ничего равного в мире. Но никогда даже на минуту не соглашайтесь быть администратором. Погубите свой талант. Я прослеживаю тенденцию к тому, что

после моего и вашего поколения командовать станут главные врачи, а в большинстве это будут неудавшиеся лечебники, а значит, карьеристы. Сегодня тяжелое время в организации здравоохранения. Нужно поднимать медицину на должную высоту. Поэтому опора на практиков. Тем более прошедших войну и имеющих огромный опыт организации. Но когда все будет сделано, а останется только командовать хитрым, но глупым людям, то они могут прибрать клинику в угоду себе. Тогда вы вспомните старого венского врача. Приходите на чай. Я живу все в той же комнатухе, и знаете, доволен. Константин! Вы для меня как сын». Отвернулся от меня. Плачет, но не хочет, чтобы его слабость видел я.

Провожая взглядом сгорбившего, шаркающего ногами старика. Я вижу, что он очень устал, но никогда в жизни не слышал от него слов: «Я устал». Для истинного хирурга это недостойные его чести слова. Сегодня у него ни кола ни двора, но он видел Вену. Ходил в Венский оперный театр. Видел и слышал театральных знаменитостей Европы. Энрико Карузо – гений тенор, а в базе его кумир – Федор Иванович Шаляпин. С его слов, только они могли гибкостью своего тембра, когда исполняли арии, вызвать звон подвесок на театральных люстрах. Таубес учился медицине у великих людей. Он знаком был с хирургом Герценом, внуком знаменитого писателя свободы. А ведь он счастливый человек, несмотря на то, что господин случай когда-то определил его судьбу злодейски. Подобное происходит со многими талантливыми людьми. Или невероятный взлет под облака, или падение до элементарно земного существования. Но для этих интеллигентных до мозга костей людей характерно, что в простоте своего поведения они знают и понимают то, что недоступно подавляющей массе людей. Они чувствуют свое величие мысли и поэтому счастливы, куда бы их ни забрасывала судьба и где бы они ни были.

Осматриваю районную больницу. Одноэтажное деревянное строение с двумя крылами. Больница на сто коек. Знакомлюсь с условиями. Полная антисанитария. В хирургии еще как-то сохраняется порядок благодаря усилиям хотя и плохо выглядящего Густава Александровича.

Тяжелый случай с обеспечением должной санитарии в больнице. Нет кадров, чтобы залить хлоркой сливные ямы и туалеты. Обслуживающий персонал совершенно не подготовлен. Не хватает белья и дезинфицирующих растворов. Моя фронтальная полоса переместилась в Кузедеево. Хирургических коек 25. Пять палат: две гнойные, две чистые и

одна травматологическая. Понравились операционная и предоперационная. Бочки для стерилизации перевязочного материала и инструментария вмонтированы в печь. Какая в них температура? Вся больница печного отопления. Печи громадные, но зато обеспечивают теплом. Хорошая перевязочная. Еще проблема – периодическое отключение электричества. В операционной больше керосиновых ламп стоит наготове, чем по всей больнице. Примикает к хирургии терапия. Проверяю библиотеку. Было очень много книг, которые годами собирались, а сегодня единичные экземпляры. Растащили или сожгли? Обидно! Зашел в гинекологическое отделение. Познакомился с врачом-гинекологом Натальей Дмитриевной Махонько. Приятная молодая женщина, но долго у нас не продержится. Поработает и при первом же удобном случае уедет от нас. Удивительно, но в больнице есть окулист Лидия Николаевна Колчина и даже госинспектор Савва Павлович Сопчеко. В терапии работает Ия Семеновна Яценко. Жену назначили главным терапевтом района. Над кем главным? Ни одного терапевта нет во всем районе. Смеюсь над ней, что она собой командует. Я ординатор хирургического отделения и согласился временно на ведение больных в инфекционном отделении из-за отсутствия специалиста. С кадрами врачей проблема. Терапевт в единственном числе, стоматолога, психоневролога, рентгенолога, как и новой установки для проведения обследования больных нет. Средний медицинский персонал нуждается в подготовке. Медицинская сестра выполняет лабораторные исследования, но только общие анализы крови и мочи. Пополнения не предвидится. Больных уйма. Патология разнообразна. Огромное подсобное хозяйство, которое обеспечивает больных продовольствием. Лекарств практически нет. Перевязочный материал в дефиците. Бинты стирают, и они вновь идут в работу. Все хирургические инструменты старые. Скальпели от постоянной заточки превратились в тонкие полоски металла. Действительно, как работать в таких условиях? Нет даже возможности дать эфирный наркоз. Шовного материала нет. Нет рентген-кабинета. Но оказывается, на бумаге существует. Какая хирургия? Какая борьба с туберкулёзом и инфекциями, если на весь район нет врача-инфекциониста, а терапевт в единственном числе? Поэтому для моей жены затуманились все здешние красоты, а дума одна у неё: как бы отсюда убраться. *Diabolus non est tam ater, ac pingitur.* Это по-латыни. Русские говорят: «Не так страшен черт, как его малюют». Нужно искать поддержки в Кемерово!

ПОЕЗДКИ ПЛАНИРУЕМЫЕ И НЕОЖИДАННЫЕ

Еду в Кемерово. Работники облздравотдела не удивлены, что стремлюсь в сельскую местность, хотя города без хирургов. Здравоохранение Кемеровской области находится в плачевном состоянии. Знаю состояние городской медицинской помощи в Томске с его знаменитыми традициями, тем более, усвоил европейское, находясь в Харькове и Одессе. Ищу в облисполкоме заведующую областным отделом здравоохранения Марию Нестеровну Горбунову. Узнал от врачей о ней как о весьма деятельном и порядочном человеке. Мне объяснили, что ее трудно застать на месте, так как постоянно ездит по области, поднимая здравоохранение на местах, а заместители без её присутствия большие проблемы не решают. Оставил на столах заместителей многочисленные заявки, как вопли о помощи. Нашего Романова сотрудники облздора не помнят, когда видели. Понимаю, что тяжело ему до Кемерово добраться, а потом ходить по кабинетам. Мне повезло, познакомился с главным врачом областной больницы Степаном Васильевичем Беляевым. Он хирург, но взял на себя тяжелое бремя организации здравоохранения в Кузбассе. Быстро находим общий язык и взаимопонимание. У нас весьма сходные фронтовые истории. Он был в окружении и попадал в плен, как и я. Бежал. Воевал в партизанском отряде, а потом, когда влились в Советскую армию, его арестовали и мучали спецпроверками, то есть мы с ним проверенные люди, нам бояться нечего. С ним можно быть откровенным. Изложил все медицинские проблемы Кузедеевского района. Степан Васильевич говорит: «Вот что, Костя! У меня, у тебя, у всех нас после войны забот выше кузедеевских гор. Садись и все, что мне сказал, аккуратно на бумагу. От обеспеченности кадрами до лекарств. Делай запросы на большее, ну, а получишь, сколько мы сможем организовать. У нас вся область в помощи нуждается. Соседей обижать тоже нехорошо. Мы и так перевели заботу о медицине на промышленные предприятия, а ты сам знаешь, что и им тяжело. Рядом с тобой Мундыбаш. Так там больница и снабжение будет через некоторое время намного выше, чем у тебя в Кузедеево. Может, в Мундыбаш поедешь работать или ко мне в областной центр переберешься?» Отвечаю: «Мне бы съездить в Новосибирск на учебу в клинику хирургии В. М. Мыш. Мне учиться надо еще, а не думать, где удобно жить». Категорически протестую, чтобы направили работать в город, мотивируя, что я сельский житель

и от своей деревни не оторвусь. Беляев говорит, что он тоже деревенский, а поскольку областная больница прежде всего обязана помогать селу, то я могу обращаться к нему всегда. Обещает организовать учёбу. Просит дать ему список, что конкретно мне как хирургу нужно на первое время. Обещает помочь с хирургическим инструментарием и оборудованием для хирургического отделения Кузедеевской больницы. Вызвал заместителя и даёт указание: «Согласно этому списку обеспечить хирурга Яценко тем, что он просит». Заместитель начал упираться, что у самих нет. Беляев даёт команду строго: «Выдай всё. Ему для работы надо. И расписку в получении не забудь взять». На прощание Степан Васильевич говорит: «А ты знаешь, Костя, что Кузедеево повезло? Езжай, организуй и оперируй, а пока мой зам собирает тебе посылку, иди познакомься с нашими хирургами. Приглашение в Новосибирск придёт на Кузедеево». Ухожу удовлетворённый разговором, но вот в чём Кузедеево повезло, когда там завал в медицине? Иду и думаю! Знакомлюсь с хирургическим отделением областной больницы. Заведующий отделением Михаил Алексеевич Подгорбунский. Врачи и медицинские сестры – очень отзывчивые люди. Со всеми переговорил: А. Ф. Костюченко, А. И. Еланцевой, И. С. Мосорским, Боковой, Курасовой. Ознакомился с организацией хирургической помощи, санпропускником и амбулаторной службой. Опыт организации хирургической службы областной больницы нужно переносить на нашу районную больницу. У Подгорбунского в хирургическом отделении идеальная чистота. Работа упорядочена. Медицинские сёстры с большим опытом и весьма тактичны. Очень полезные знакомства. Обязательно приеду к Михаилу Алексеевичу. Посмотрю, как он оперирует, и поучусь у него искусству хирургии.

Возвращаюсь в Кузедеево из Кемерова с упакованным ящиком от областной больницы. Рассматривать подарки буду дома. Мечтаю попасть на учёбу в клинику В. М. Мыш при Новосибирском ГИДУВе.

Профессор Мыш – ученик знаменитого профессора из Санкт-Петербурга Н. А. Вельяминова. Сам Владимир Михайлович Мыш превзошел учителя и известен на всю страну заслуженным влиянием на умы учёных и практических врачей. Знаю о его достижениях. Харьковские и одесские профессора в лекциях периодически ссылались на его авторитет в проблемных вопросах. Незаменимы были во время войны его книги по искусству наложения повязок (десмургия). Много слышал о нем, когда учился на

зубного врача в Томске, как и о хирургической клинике профессора Андрея Григорьевича Савиных. Савиных любил ездить по Томску в розвальнях, запряженных лошадьми, под звон колокольчиков, подвешенных к дугам. Профессор катался по городу в настоящей русской тройке. Нас, студентов, все это приводило в восторг. Человек с мировым именем – и вот так просто ездит в расписных розвальнях. Чудит? Ему можно! Студенты толкают друг друга локтями и восторженно кричат вслед пронесшейся тройке лошадей с бубенцами: «Вон! Смотрите. Профессор Савиных поехал!» ГИДУВ находился в Томске. Славился на всю Россию именами, но его неожиданно, когда расстроился город Новониколаевск, перевели в Новосибирск. С каким удовольствием я походил бы по Томску, если бы ГИДУВ остался в городе моей студенческой юности!

До Нового года получил письмо из Новосибирска. В нём – приглашение с 5 января 1948 года на четыре месяца на учёбу по хирургии в клинику В. М. Мыш, как обещал С. В. Беляев. Приехал в Новосибирск и, к великому сожалению, узнаю, что 31.12.47 года Владимир Михайлович Мыш скончался. Я так мечтал, что увижу и услышу светило сибирской науки. Обидно, что ушел такой человечище и именно накануне моего цикла учёбы. Уходит история отечественной хирургии. У Владимира Михайловича огромный опыт военной медицины. Все военные врачи основывались в своей работе на его трудах. Знакомлюсь с великолепной клиникой, созданной профессором. Клиника на 180 коек. Еще недавно он ходил среди этих стен. Строил планы. В его опустевшем кабинете висит портрет его учителя Николая Александровича Вельяминова. Согласно установленным заведующим клиникой порядкам, ежедневно проводятся разборы больных, идущих на операцию. Принимаю активное участие в этих обсуждениях и ассистирую на операциях. Смотрю, как работают руки хирургов, сравниваю с тем, как учил Г. А. Таубес. Особое внимание грудной и брюшной хирургии. Изучаю наркоз, применяемый в клинике. Просто и применимо в наших сельских условиях. Проблема только в кадрах. Буду применять эфирный масочный наркоз, а в остальном надеяться на навыки местной анестезии. Они у меня есть. Особое внимание рентгенодиагностике. Особенно интересуют травмы. Совмещение костей при их переломе, техника наложения гипсовых повязок, десмургия и рентген-контроль. Очень важно, как ты сопоставишь кости. Это настоящее искусство, а потому все бережно и поэтапно. Сказывается на работе клиники школа профессора Вельяминова по производственному травматизму.

Мыш продолжил начинания своего учителя. Пристально изучаю производственные травмы. Их механизм нужно знать, что называется, от первой буквы алфавита и до последней. Мне работать в селе. У нас свои особенности должны быть, характерные для сельского травматизма. 2 февраля Новосибирский ГИДУВ проводит заседание хирургического общества, посвященного памяти В. М. Мыш. Основной доклад профессора С. Л. Шнейдера посвящен жизни и творчеству учителя хирургов Сибири. После многочисленных выступлений ассистент Кулик делает доклад: «Огнестрельные ранения прямой кишки», а 5 февраля празднуется в актовом зале медицинского института двадцатилетие ГИДУВа. Изначально институт был организован в 1927 году в Томске, а в 1931 году переведен в Новосибирск. Не пропускаю ничего. Все может пригодиться и найти применение в наших условиях. В конце марта совещание медработников Новосибирской области. Получил сообщение из Кузнецкого, что 30 марта 1948 года у меня родился сын. Как и договаривались, если появится на свет мальчик, назовем Олегом. Шлю поздравление жене и маме, а сам стараюсь не пропустить ни одного мероприятия, связанного с моей профессией.

В мае, по края заполненный энтузиазмом работать на благо здоровья односельчан, вернулся в Кузнецкое. У нас беда. Ушел из жизни дорогой мне человек Густав Александрович Таубес. Остался я с хирургией и больными один против всех проблем. Сходил на его могилу. Похоронили великого для меня, незаметного для большинства людей человека на Аильском кладбище. Посидел рядом со свежим холмиком. Уходят из жизни непревзойденные профессионалы. Отдыхай, Густав Александрович! Ты превзошел себя ради жизни других. Были бы другие условия, сколько полезных книг бы написал! И светило бы имя мудрого врача Таубеса многим поколениям хирургов, так ведь забудут люди, что на обычном сибирском сельском кладбище покоится прах венского хирурга. Нет! Бессмертный ты, Густав Александрович Таубес, за дела твои – спасение жизней многих людей. Вечная тебе память!

За время моего отсутствия Ия развернула лабораторию, получила все необходимое для проведения анализов. Это огромное подспорье, когда дополнительные исследования подтверждают клиническое мышление врача в постановке диагноза. Тактика ведения больного и метод его лечения (терапевтический или хирургический) подтверждаются дополнительными методами исследования, но они никогда не заменят искусство клинического обследования больного. Прежде всего тщательный

анализ жалоб больного, история развития заболевания и руки врача, осматривающего больного. Триумф его мышления всегда подтвердится правильно избранным методом лечения. Вспоминаю слова великого клинициста М. П. Кончаловского: «Клиническая медицина не является дисциплиной неподвижной или стабильной. Клиника допускает и варианты форм, и варианты мысли». Насколько медицина едина с музыкой, живописью и актерской деятельностью, убедили нас предшественники – гениальные врачи своего времени. Считаю себя, как и Г. А. Таубес, счастливым человеком, что слушал и учился у них. Возможно, придут более тяжелые времена для медицины, как и периоды падения в искусстве? Наступит мрачное средневековье для нашей профессии, если в нее вмешаются чиновники от медицины – организаторы здравоохранения. Не понимая глубинного содержания клинического мышления, заручившись поддержкой высокопоставленных чиновников, а не врачей от Бога, навяжут свои методы, которые будут стандартизованы. Тогда наступит крах отечественной медицины и великого русского искусства врачевания. Такое возможно? Наблюдаю врачей, которые, получив дипломы лечебников, стремятся сделать карьеру на чиновничьем поприще. Они бегут от постели больного, но тенденция у них явно прослеживается на командование, подавление клинического мышления у одаренных врачей. Эту опасную тенденцию в психологии поведения людей, получивших врачебные дипломы, заметил не только Густав Александрович, но и я, находясь в послевоенной Одессе.

Крепко притянут я моей профессией к выполнению врачебного долга перед населением. Не могу уйти за ягодой в лес. Меня интересует малина и смородина. Только соберусь, и, как специально, привезут больного. Клубника и земляника растет и краснеет на пригорках вокруг больницы. Больного могут привезти в любое время суток. Часто приходится оперировать по ночам при свете керосиновых ламп. Нет электричества. Естественно, у сельского хирурга нет не только времени суток, но суббот и воскресений. Всегда предупреждаю медицинских сестер даже о короткой отлучке. Говорю, где меня искать. Не успеешь отойти от больницы, а за тобой бежит кто-то в белом халате и машет платком: «Константин Родионович! Больного привезли».

ХАРЬКОВ

Пригласили неожиданно к капитану Малкину в РОМ МГБ села Кузнецкое. Нахожусь в тревоге. Старое напоминают? Нет! Оказывается, должен вылететь

в Харьков и прибыть в трибунал свидетелем по делу врача Куликова. Мы, курсанты военного факультета, считали, что он русский. Нашли сотрудники МГБ мнимого советского военного врача, учившегося с нами и дружески общавшегося, и никто из нас не мог подумать, что он враг. Я его увидел в немецкой форме, когда выбирался с оккупированной территории. Долго не мог поверить. Приходила мысль, что ошибся. Ия тоже узнала его. В Одессе однокурснику Саше рассказал, что среди нас был враг. Когда перешел линию фронта, поставил в известность людей, проводивших мне специальную проверку. Проверили меня и отпустили на фронт, видимо, после того, как моё сообщение подтвердилось. Случайная встреча, когда он меня не узнал, произошла осенью 1942 года. Почти столкнулись с ним, а он – с приподнятой головой в форме офицера СС. Сегодня я вновь попал под охрану МГБ, но возьму с собой карту Кузедеевского района и сделаю необходимые пометки, особенно по организации фельдшерских пунктов.

9 октября 1948 года прибыл в Харьков. Город студенчества не радует. На душе неспокойно. В городе многое разрушено, но идет быстрое восстановление. Поселен МГБ в гостинице «Интурист». Пропускные бумаги у меня с грифом и печатями МГБ. Предупрежден, что при уходе в город должен докладывать дежурному МГБ, куда и зачем пошел, чтобы могли быстро меня найти. Посещаю преимущественно ближайшие кинотеатры. Заседание трибунала. Выступаю как свидетель. В наших рядах был завербованный немцами разведчик. В Харькове, Киеве, Ростове-на-Дону проходят открытые судебные заседания над предателями Родины. Снимают на плёнку, чтобы показывать всей стране. Особенно много судят предателей и карателей на Украине. Все материалы публикуются в газетах. Каждый день беру местные газеты. Судебные заседания проходят более в западной части Украины. Справедливое возмездие настигло изменников, националистов, пособников фашистов и убийц, но сколько успело сбежать?

КУЗЕДЕЕВО – КЕМЕРОВО

После тоскливой харьковской погоды попадаю в бодрящий сибирский мороз. Наш кузедеевский прозрачный воздух при крепком морозе звенит.

Стажируюсь в хирургическом отделении областной больницы у Михаила Алексеевича Подгорбунского. Ассистирую на операциях. Несколько раз пытался высказать свое мнение Михаилу Алексеевичу, но получил резкий ответ: «Ты мне здесь свои

кузедеевские порядки не устанавливай». Понял, что Подгорбунский не терпит возражений, чужого мнения не признает. Заметил, что периодически очень деспотичен к подчиненным. Но как хирург очень смелый. Иногда дерзкий. У него многому можно учиться. Высокая хирургическая техника и стремление улучшить хирургическую помощь. Умело работают руки во время операции. Это мне очень нравится. Невозможно себе представить, какое удовольствие получаешь, когда наблюдаешь за движением пальцев рук опытного и талантливого хирурга. Интересно! Скольких спасли от смерти руки Михаила Алексеевича Подгорбунского? На научно-практическом обществе хирургов он доложил из собственного опыта принципиально новое: «Глухой шов в лечении остеомиелита (тампонада мышцей)». Затем проводит показательную операцию для нас, хотя нас пока не так уж много в области. Слушаем и смотрим. Я в восторге. Непременно применю методы лечения, разработанные Михаилом Алексеевичем, по приезду в Кузедеево. Тем более изучил все тонкости движения рук Подгорбунского. На следующем заседании хирургов слушаем доклад М. С. Рапопорта: «Успехи советской онкологии». Об успехах слышал от многих, и со времен развития отечественной онкологической школы Петром Александровичем Герценом – ничего нового. Но искренне рад тому, что онкологическая помощь в Кемеровской области начинает развиваться. Значит, у столь значимого и серьёзного направления есть будущее.

В Кемерово прибыл Государственный эстрадный оркестр РСФСР Л. О. Утесова. В зале кинотеатра «Москва» наслаждаюсь музыкой и исполнением песен Утесовым. Как и в прошедшие времена, в восторге от выступления! Слушал Леонида Осиповича еще в Харькове, когда его оркестр назывался «Теа-джаз». Потом под открытым небом в освобожденном Крыму, а после войны – в Одессе. И наконец неожиданно приятная встреча, можно считать, что получил подарок в Кемерово из недавнего прошлого. После концерта моя жизнь вновь окрасилась в радостные тона. Вдаюсь в воспоминания недавнего времени. Одессу освобождали наши матросы с утёсовскими песнями. Вышвырнули румын и немцев из любимого города нашего певца.

Обращаюсь в лечебный сектор Кемеровского облздравотдела со своими нуждами по обеспечению хирургической помощи Кузедеевской районной больницы. Простимулировала меня творческая зависть к условиям работы Михаила Алексеевича. Наконец-то состоялась встреча и знакомство с Ма-

рией Нестеровной Горбуновой. Общая характеристика – боевая женщина. Такие и были у нас на фронте. С ней можно решать проблемы, а основная у меня – строительство хирургического корпуса районной больницы. Считаю решение этой проблемы неотложной задачей. Очень высок травматизм у работников колхозов. В селах нет рентгенкабинетов. В районе дороги очень плохие, а населенных пунктов, по моим данным, когда я изучал Кузедеевский район по карте в номере гостиницы Харькова, 107. Встречаю полное понимание со стороны заведующей областным отделом здравоохранения. Мария Нестеровна задает мне вопрос: «Вы сами с Украины? У меня фамилия Солдатенко. По мужу Горбунова. Я родилась в Белоруссии, а оканчивала Донецкий (Сталино) медицинский институт, по распределению меня направили в Кузбасс». Отвечаю: «Фамилия Яценко, но родился в Кузедеево. Фамилия по отцу, а он из уральских казаков. По матери все мои предки – пермские крестьяне. Я русский. Возможно, на Украине можно найти родственников по фамилии Яценко, но пока не знаю. У жены много родни в Донбассе. Я воевал в местах вашей учебы. Наша дивизия освобождала Донбасс». Мария Нестеровна уже успела оценить и поняла мои заботы. Переводит нашу беседу в тональность общения близких знакомых: «Константин Родионович! А ваша жена у меня была. Она из Красного Луча. Вам, фронтовику, дорога открыта. Понимаю! Работы много, но это у всех нас тяжелый послевоенный путь. Все ваши заявки у меня. Мои замы передали ваши просьбы. Я вам помогу в любом вопросе. Мне Минздрав всегда даст добро на развитие здравоохранения в Кузбассе. Ваши просьбы переданы на утверждение в облисполком. Не беспокойтесь! Каждый пункт, указанный вами на бумаге, взят уже в работу, и обязательно будет, я вас уверяю, положительное решение на уровне облисполкома с одобрением обкома партии. Все согласуем и в приказ. Нам сельское здравоохранение в первую очередь поднимать надо. В ближайшее время в Кузедеево начнется строительство хирургического корпуса. Команду по рентгенкабинету дам сегодня же. Действительно, по бумагам он есть, а на самом деле нет. Разберёмся! Вы на месте смотрите, как вам удобно, то есть мы сегодня вновь на передовой. Ответственность возложим на райздравотдел и главного врача. Кто сегодня у вас в больнице главный врач? Извините! Совсем запуталась. Мы в Кузедеево главным врачом направили Марию Яковлевну Глазырину. Она после окончания Омского медицинского института приехала в Кузбасс. Молодая жен-

щина. Хотела у нас оставить, а она на самостоятельную работу просится, на периферию. Помогите и поддержите её. Врач Доломанова как бы выбыла из нашего подчинения в рудуправление. Константин Родионович, вы клиницист! Мы вас должны слушать, а не вы нас! Я вышла из практических врачей, а война определила меня начальником эвакогоспиталя. Непременно буду у вас. Вы ведь пригласили Беляева на пасеку в липовую рощу. Он мне сказал. Он очень хорошего мнения о вас. Почему вы забыли работников облздравотдела пригласить? Не беспокойтесь. Возьму всех главных специалистов, и нагрянем к вам в ваше любимое Кузедеево. Поработаем вместе. Все, что в наших силах, сделаем. Действительно, очень хочу увидеть красоты липового острова. Я много мест объехала на юге Горной Шории в связи с малярией, трахомой и прочими различными заболеваниями. Понимаю, трудно вам одному. Подождите. Найдём вам помощника. Временно на всю горношорскую тайгу придётся вам работать, но вы боевой офицер. У меня нет сомнений, что справитесь. Приказы ждите на днях, они выполнены согласно вашим просьбам. Ответственные люди привезут и сделают всё, а вы не отвлекайтесь от своего дела. Но, может, все-таки есть желание, учитывая богатый опыт, стать заведующим райздравотделом, хотя бы на время организации медпомощи?» Отвечаю категорично: «Нет!» Мария Нестеровна поняла меня, улыбается: «Вы же знаете, что есть люди, стремящиеся на командирские посты. Нас война заставила стать организаторами и командирами, а к молодым я очень внимательно присматриваюсь, чтобы авантюристов не пустить. Константин, считаю, что мы встретимся в новом хирургическом корпусе Кузедеевской больницы. Буду у вас. Счастливо вам! Передавайте привет супруге от меня! Не забывайте поддерживать молодого главного врача. Это моя личная просьба к вам как опытному офицеру-мужчине. Врач молодая и очень интересная женщина! Нужно сохранить у вас надолго главного врача Глазырину!» Поблагодарил Марию Нестеровну. Для моей семьи дом еще не достроен, а хирургический корпус с рентгеном будет. С такими людьми, как Горбунова и Беляев, медицина в Кузбассе станет лучшей в Сибирском регионе.

После моего пребывания в хирургии областной больницы Михаил Алексеевич Подгорбунский много раз приезжал в Кузедеево, и мы вместе оперировали больных, разрабатывали планы по улучшению хирургической помощи населению района. Любит он забираться в глухие таёжные места, на рыбалку,

а ещё неожиданно появиться, как и в Кемерово, на пороге нашего хирургического отделения. Никогда не предупреждает о своём приезде. Впрочем, это его поведение по моему характеру. Мне тоже нравится внезапно предстать перед не ждущими меня людьми. Проверить чистоту и порядок. В один из дней его посещения вспомнил, что нахожусь перед учителем в долгу. Предложил Михаилу Алексеевичу посетить глухую таёжную речку Черный Мигаш. Он согласился. Загорелся в нём охотничий азарт, когда услышал от меня, что там полно хариуса, а может и кускуч попасться. Чтобы всё было в порядке, а дорога в те места через болота по Черному логу, попросил Лёню Ананина быть проводником Подгорбунскому. Наши предки – земляки. Ананин Василий прибыл на поселение в Кузнецкое из-под Перми еще в 1858 году. Его сын Яков Васильевич был избран народом сельским старостой. Он предупредил мужиков Совдепа о готовящемся аресте, но они не сумели надежно скрыться. Род Ананьевых – это рыбаки и охотники. Тайгу все знают хорошо. Она им как дом родной. Леонид согласился, и они ушли с Михаилом Алексеевичем в непроходимую тайгу, а я беспокоюсь, что их нет уже третий день. Пришли! Оказывается, Подгорбунский всё хотел кускуча поймать, но не повезло, а спали они с Лёней высоко над землей, среди кедровых иголок. Умеет Ананин на ветках кедра пихтовые лежанки устраивать. Сделает на высоте люльку так, что не свалишься и комар не достанет. Михаил Алексеевич с Лёней друзьями стали. Попарились в бане. Уехал Подгорбунский весьма довольный насыщенным риском путешествием. Побывал в нехоженных местах и хариуса ловил. Перед отъездом сделал обход. Особое внимание больным, находящимся в послеоперационном периоде. Посчастливилось людям. Их оперировал сам М. А. Подгорбунский. Послеоперационных осложнений ни у кого нет.

А мне знания нужны: онкология, травма, детская хирургия, нейрохирургия, урология и прочее, прочее... Во всех направлениях я оперирую людей. Не столь частой помощи приезжающих хирургов хватает на поверхностную передышку. Хотя многие из Сталинска и Кемерово начали говорить, что хирургическое отделение Кузнецкое стало для них второй клиникой. Но они работают коллективно, а я один. Один я не в силах справиться без надежного помощника. Работа идёт на износ.

РАБОТА С ПРАВОМ СНА

Согласно приказу Минздрава РСФСР, сельскому врачу дежурство в больнице разрешено на дому

и с правом сна. Таких привилегий городским врачам не дано. Однако бюлети приказы Министерства здравоохранения и придерживаться льгот сельским врачам не удастся. Смешно, но и грустно! Вызывают к больным в любое время суток. Тем более что хирург в единственном числе, и не только в Кузнецком районе, а во многих. В городе врач отдежурил и домой. Знает, что его заменили. Не все же такие, как Михаил Алексеевич Подгорбунский, кто в любое время может прийти, чтобы посмотреть тяжелого больного, помочь коллегам советом, а то и встать за операционный стол. Любит Михаил Алексеевич делать обходы в выходные дни, когда контроль может быть ослаблен в отношении больных. В понедельник с утра общий обход. Врачи докладывают ему, а он уже в курсе состояния больного.

Когда уезжал на учебу в далекие края, дал себе слово, что если вернусь, то буду день и ночь бороться за здоровье односельчан. Молодо – зелено. Пока слово держу, периодически хватаясь за валидол, и слежу за пульсом. Проявляю к больным бескрайний гуманизм без жалости к себе. Они ведь меня не спрашивают, как я себя чувствую. В истории не помню такого, чтобы больной поинтересовался здоровьем врача. Глупость какая-то. Больной врач? Он обязан всю жизнь и ежеминутно быть здоровым. Считаю, что со всеми обнаруженными в работе недостатками не у других, а прежде всего своими, нужно справляться. Тогда и другие подтянутся. В ситуациях, мешающих работе, а их воз и маленькая тележка, мирного существования в собственном организме не будет. В конечном итоге бунт. Срыв адаптации со всеми печальными последствиями. На войне отмечал часто, что бойцы понимают – врач должен отдохнуть. В мирной жизни такого и близко нет. Выложись и сделай все возможное, а часто получается, что и невозможное организм врача выдерживает. Привередливых родственников у больного в селе нет. Ты в единственном числе, и ты для них как Бог. Клятву Гиппократу никто спрашивать не будет. Это в городе, если что, то: «Вы давали клятву врача», – и понеслось. У нас народ в труде с утра и до ночи, а не посменно. Ни одного случая не помню за эти годы, чтобы кто-то претензии предъявил. Может, и авторитет меня спасает. Бояться провоцировать медицинских работников грубостью. Понимают, что от меня зависит их жизнь. Чувствую, что народ тянется ко мне с любовью.

Не успел приехать в Кузнецкое из Кемерово, а дел навалилось уйма. Заврайздравотделом получил приказ о строительстве хирургического корпуса на сто коек. Для района это сильно. Завезен рентген-

аппарат. Пусть устанавливают. Специалист по диагностике есть – моя жена, которой сообщили, что аппарат скоро установят. Я же вместе с Романовым и Глазыриной выбираем место для строительства хирургического корпуса. Показываю, где нужно строить. Местное начальство беспрекословно согласено. Когда приходит приказ сверху, бросается его выполнять. Деньги на строительство получены. Рабочие есть. Мне остается только следить, чтобы это была не конюшня, а соответствующий санитарным нормам хирургический корпус.

Опирую много. Выежаю на фельдшерские пункты. Фельдшеры часто меняются. Амбулаторные операции провожу на месте. Жена следует моему примеру по профилактике и раннему выявлению заболеваний. Выбрали ей самую спокойную лошадь для поездок на вызовы к больным. Ию мужики посадят в седло, а потом под многочисленные вскрикивания от боли снимают с лошади. Охи и ахи следуют бесконечно. Еле входит в дом. Ничего страшного. Это наша сибирская медицина. Привыкнуть к верховой езде она не может. Неумолимое время летит незаметно. Больше всего его уходит на экстренную хирургию и травматологию. Вижу, что укрепляется мой авторитет у населения. Доверие растет.

Незаметно наступил 1952 год. Ежегодно, а именно в январе, заведены отчеты главных специалистов районов у главных специалистов области. Ия ездит с годовым отчетом по терапии к Саре Самуиловне Альшиц, а я обязательно посещаю Степана Васильевича Беляева. У нас очень увлекательные беседы. Ни с кем так открыто не делился впечатлениями, как с ним.

Обязательно захожу в хирургическое отделение к мудрому Михаилу Алексеевичу Подгорбунскому, чтобы пообщаться с коллегами. Прием теплый. Хирурги всегда найдут друг с другом общий язык. Михаил Алексеевич с первым вопросом ко мне: «Как там Лёня поживает? Ещё бы с ним сходил. У вас мест глухих много, а с Лёней надежно. Привет ему от меня». Отвечаю, что обязательно передам, и он передаёт и ждёт на рыбалку или охоту на медведя. Понимаю, что Михаилу Алексеевичу не так просто вырваться из клиники, но надо, поскольку душа просит.

6 и 8 июня немного отвлекся от дел насущных, побывав на выездной сессии научного совета Новосибирского научно-исследовательского института ортопедии и травматологии в Сталинске. Много интересного. Новые знакомства с практикующими травматологами. Более всего сошлись ха-

рактерами с В. П. Селивановым. Сильный врач в травматологии. Возле него крутятся будущие доктора наук и профессора, впитывая идеи, исходящие от В. Селиванова. У Селиванова, как и Подгорбунского, нет ученой степени, а есть ученое звание. Оба доценты. И оба в идеях, которые смело воплощают в практику. Их идеями и воспользуются более предприимчивые ученики, воплотив материал в кандидатские и докторские диссертации. Думаю, что Подгорбунскому и Селиванову диссертации не нужны. Их авторитет настолько огромен, что хоть академиком стань, но через них не перешагнешь. Хирургом можно быть только от Бога, а не от диссертаций.

Так и мне нужно работать простым хирургом в Кузеево, оставаясь самим собой. Несколько раз посетил больницу Степан Васильевич Беляев. Во всех направлениях свое слово держит. Привез для операционной и перевязочной новый инструментарий. Сидим у меня дома и едим борщ, который приготовила Ия. Для меня он сладкий. Сварен по украинскому рецепту, а я люблю наши кислые щи. Делаю замечание Ие, а Беляев мне, что к жене придираюсь. Глядим друг другу в глаза и улыбаемся. Мужики! Степан Васильевич рассказывает, сколько сил ему понадобилось, чтобы из Новосибирска ГИДУВ перекинуть в Сталинск. Говорит: «Если бы ты, Костя, знал, как сопротивлялись некоторые знаменитости! Обвинили меня во вредительстве. Я все делал тихо, как в партизанских лесах Белоруссии. Не на того они напали! Решили обхитрить. Да я их хитроумность на сто шагов вперед вижу. Вынашиваю я еще одну полезную и нужную мысль. Вроде всё и на всех уровнях согласовал».

Я же про себя смеаю: что-то еще задумал партизанский хирург? У него мысли тоже впереди него идут! Я свое обещание сдержал. Беляев родился и вырос в красноярской тайге, а она мало отличается от наших буреломов. Сходили мы к Вениамину Николаевичу Попову в липовую рощу на пасеку. В красноярской тайге липы нет. Тем более не пробовал Беляев липового меда. С нами пошли спутники Степана Васильевича, молодые врачи, которых он прихватил с собой из Кемерово.

КЕМЕРОВО – КУЗЕЕВО

IV Всекузбасский съезд врачей проходит в Кемерово 25–28 декабря 1952 года. Хирурги активно знакомятся со мной. Почтительно удивляются. В журнале «Хирургия» (№ 1) опубликована моя статья «К вопросу о лечении ранений сердца». На меня смотрят как на необычное явление в хирургическом

мире. В городе никто не делает, а он в селе дерзнул! А ведь первое сшивание раны сердечной мышцы после ножевого ранения я провел еще в 1950 году, но помалкивал. Моложе был. Побаивался осуждения коллег с важными физиономиями. Знаю, что оперируют они не лучше меня, но мнение о себе у некоторых завышенное. После того как провел пять успешных операций на сердце, я осмелел и, никому не сказав, послал статью в журнал. Не оправдались слова знаменитого немецкого хирурга прошлого века Т. Бильрота: «Хирург, который зашьет рану сердца, потеряет уважение своих товарищей». Оказывается, операция стала возможной даже не в центре Европы, а в условиях далекого, неизвестного европейцам сибирского села Кузедеево. Однако вижу, что кое-кто завидует. Не люблю я этого проявления человеческой психологии. Тем более в медицине. Ранее как-то не замечал. Или я молодой был, или в медицине другого склада люди были. Учились друг у друга. Этикет соблюдали.

В начале 1953 года в стране раскрыт очередной «заговор». Дошла очередь и до врачей, на которых обрушились репрессии. Все газеты трубят, что разоблачены «врачи-убийцы». Назвали очередную провокацию «дело врачей». Вспоминаю безвредного Густава Александровича. Все врачи собираются у нас в доме, чтобы услышать важное правительственное сообщение. 5 марта 1953 года умер Сталин. Смотрю, что все плачут, кто искренне, а кто наигранно. Мы с мамой молчим. Сын Олег удивленно на нас смотрит. У каждого человека по поводу ухода вождя всех народов свои мысли, которые очень нежелательно высказывать, но тревога у всех: а что будет завтра? Соблюдаем траур, но нужно лечить больных, а не плакать. С кончиной Иосифа Виссарионовича дело врачей растворилось, как будто его и не было. Врачи вновь могут переживать за больных, а не за то, что завтра «черный ворон» увезет их в небытие. Я не склонен к мистике, но невольно возникают мысли. Сталин запускает против врачей репрессии и погибает в отсутствие врачебной помощи.

В седьмом номере журнала «Советская медицина» опубликована моя статья «К статистике сельскохозяйственного травматизма», а в методических рекомендациях «Современные достижения хирургии» – описание техники операции при ранении сердца в условиях районной Кузедеевской больницы.

В мае проходит объединенная сессия Кемеровского хирургического общества и ВОСХИТО по вопросу восстановительной хирургии и лечения инва-

лидов войны. Наконец-то на государственном уровне организуется ортопедическая помощь инвалидам Великой Отечественной войны.

МОСКВА

В середине января 1955 года прибыл в Москву на XXVI съезд хирургов СССР. Слушаю доклады и вижу светил хирургии: Н. Н. Еланского, А. А. Вишневого, Б. В. Петровского, В. Н. Шамова, Е. Н. Мешалкина, А. Н. Филатова, А. Н. Бакулева, Н. Н. Петрова, Б. В. Огнева, Л. К. Богуш, А. Г. Савиных, В. И. Стручкова, Д. А. Арапова, И. В. Бураковского, Н. И. Амосова, Ф. Г. Углова и многих других, представляющих весь свет советской хирургии. Известные на весь мир имена.

Набрался смелости и обратился к академику Николаю Николаевичу Петрову. Сказал, что сибирскому хирургу очень хочется поучиться в его клинике онкологии. Встретил ответ, которого даже не ожидал. Редкой интеллигентности человек отвлекся от знакомых ему знаменитостей и стал разговаривать со мной на равных. Узнал, что я фронтовик и работаю в сибирском селе хирургом. Продолжил беседу и задал много вопросов по проблемам заболеваемости в сельской местности. Мы разговаривали в каком-то особом такте. Диалог с Петровым следовало записать. В итоге он сказал: «Хорошо! Ждите именную путевку, но простите, мы ее пришлем на ваш Кемеровский отдел здравоохранения. Ждите! У вас, как я понял, время быстро летит в заботах о больных. До встречи». Николай Николаевич протянул мне руку и, слегка склонив голову, сказал: «Честь имею!». Русский советский академик, а встретишь на улице и пропустишь мимо, не обратив внимания на простого и опрятного старичка.

На следующий день – большой театр. Слушаю «Князя Игоря» А. П. Бородина. Великий композитор Бородин изначально окончил Медико-хирургическую академию. Стал доктором. И сколько их, великих, от врачебной специальности пришли в литературу и музыку? Талантливые артисты, как и хирурги, великой страны. В государстве – всеобщий подъем культуры. Начало небывалого подъема творчества. Появляются новые личности. Ранее неизвестные имена в музыке, литературе, живописи и, естественно, в медицине. Невиданное наступление на обывателя просвещением – журнал «Здоровье». Для врачей выпускается масса специализированных журналов. Советский народ становится самым читающим на планете. Доставка журналов и газет под строгим контролем работников почты. Могу на

свою зарплату без ущерба для семейного бюджета выписать всем членам семьи журналы и газеты. Это очень хорошо. Советская власть дает огромные возможности для самообразования каждому гражданину Великой страны. На родину из столицы добрался успешно.

ЛЕНИНГРАД

С января и до начала мая 1956 года нахожусь в Ленинградском институте усовершенствования врачей им. С. М. Кирова. Директор ГИДУВа профессор Блинов Н. И. Институт усовершенствования врачей впервые проводит свой первый хирургический цикл. Занятия проходят в клинике академика Николая Николаевича Петрова. Выдающийся советский онколог. На усовершенствование прибыло 30 врачей из разных регионов России. На базе одной клиники расположены две хирургические кафедры. С нами занимаются тринадцать преподавателей. Из них девять профессоров и один академик, то есть почти на трех врачей один преподаватель, и один из них – профессор. Показатель очень высокого качества обучения.

Находимся на Первой кафедре клиники. Знакомство с нами Н. Н. Петров начал с лекции по деонтологии в хирургии. Блестящий лектор. Эрудиция огромная. Можно сказать, что мы попали в театр одного актера. Стараюсь записать все мудрые изречения, исходящие от Николая Николаевича: «Хирург должен помнить, что в хирургии, как и вообще в жизни, существуют два способа, чтобы стать выше окружающих. Один из этих способов более трудный, основанный на том, чтобы самому подняться в своих знаниях, в своей технике, в добросовестности к делу. Другой способ более легкий. Он основан на том, чтобы принижать и устрашать людей вокруг себя. Однако только первый способ действительно возвышает человека, делает его более ценным для коллектива! Важность и заносчивость руководителя поощряют низкопоклонство, угодливость и лесть со стороны подчиненных, а где лесть – там обман, а где обман – там плохие условия для исправления ошибок, для истинного прогресса».

Продолжаем слушать Петрова на одном дыхании: «Хирургия для больных, а не больные для хирургии», «Смелость хирурга не должна превышать умелость», «Благодеяния хирурга его больным могут создаваться не только теми операциями, которые он делает, но и теми, которые он не делает. Умеет обоснованно от них отказываться, доказывая свою правоту коллегам», «Больной – это всегда че-

ловеческая личность со своими сложными переживаниями, а отнюдь не безличный «случай».

На следующий день слушаем лекции по острому перитониту профессора А. И. Ракова. Для меня это огромная, порою неразрешимая в запоздалых случаях проблема в условиях сельской хирургии. Однако и с перитонитом справляемся, но опять же все зависит от времени, а порою самого больного. Его выносливости. Я исполняю роль помощника, когда стараюсь хоть чем-то помочь больному. Чем раньше выставлен диагноз о начале заболевания, тем легче искусно провести операцию, а значит, возрастают гарантии на жизнь. Что нам делать? Об этом хочется кричать, вытянув руки к небу, когда у нас ужасный дефицит лекарств, особенно антибиотиков.

Лекция «Рак молочной железы». Читает, приводя примеры из практики и возможности первичной клинической диагностики, сам академик. С его слов понятно давно нам известное, что, как всегда, ранняя диагностика остается залогом возможного успеха в лечении. Мы это все знаем, но как практически это осуществить и не терять женщин? Тем более у нас, в сельской местности. У нас не город Ленинград, а тайга с отдаленными поселками.

Николай Николаевич считает, что онкологическое заболевание не приговор. Мы с ним согласны. Всякие случаи были в практике, а вернее, в жизни. Приводит примеры, когда ему приходилось удалять массивные опухоли при наличии метастазов. После радикальной операции вдруг исчезали совершенно неожиданно подтвержденные гистологическими исследованиями метастазы. Считает, онкологические заболевания в настоящее время возможно лечить хирургическим путем, но современное состояние медицинской науки еще не достигло того уровня, чтобы разобраться с причинами онкологических заболеваний. И эта ситуация печальна для всех, как для врачей, так и для больных. Всему свое время, но это очень долгий и мучительный путь, и просвета в конце этого темного туннеля академик пока не видит. Известная истина, что «надежда умирает последней».

В восторге от лекции по истории отечественной хирургии, которую прочитал профессор В. В. Орнатский. Узнал много нового и неизвестного мне. Великому нашему хирургу Пирогову сказали, что у него не рак языка, а обычная язва. Возможно, он поверил прибывшему знаменитому коллеге из Европы. А вот знаменитому психиатру из Вены З. Фрейду, знакомому Г. А. Таубеса, сказали правду. Он немедленно отреагировал на слова врача: «А кто

вам дал право говорить мне, что у меня рак?» Подводя итог своей лекции, профессор сделал заключение: «Знание прошлого медицины больше, чем какое-либо другое знание, помогает нам избегать уже не раз проделанных ошибок и заблуждений. Чаще вся суть в слове. Кому и как вы его сказали».

Чем провинился великий Ф. М. Достоевский перед советской властью, что в 1930-е годы попал под запрет? Его произведение «Бесы» жгли, а я горжусь, что успел прочитать его в библиотеке генерала Паутова и, пораженный содержанием, ходил к дому Достоевского в Кузнецке, в котором давно живут «посторонние люди». Смотрел на окна и думал. Понял, кто они, бесы! События того времени давали для меня реальные примеры кровавого разгула бесовщины.

Смотрю знаменитый спектакль Вс. Вишневского «Оптимистическая трагедия». Потрясающие сцены, напоминающие мне трагедии в наших краях. Противостояние женщины-комиссара и вожака анархистов. В роли вожака знаменитый артист Ю. В. Толубеев. Очень правдиво воспринимается. Бесподобна сцена прибытия в отряд матросов-анархистов. Заносят на сцену женщину с оголенным животом, а матросы играют на ней в карты, как будто для них это стол. На весь зал звуки шлепающих по животу карт, которые прилипают к коже. Непременно схожу посмотреть спектакль еще раз. Игра артистов глубоко впечатлила меня. Я ухожу из театра потрясенный увиденными сценами и сочным содержанием, почему-то навязчиво напевая: «Была бы шляпа, пальто из драпа, а остальное трын-трава...».

Посетил военно-медицинский музей. Рассматривая экспонаты, вспоминаю нашу военно-медицинскую доктрину. В музее четко обозначено обоснование маневрирования силами и средствами медицинской службы в действующей армии. Принцип этапной эвакуации и лечения раненых. Богатый материалами музей. Долго стою напротив фотографии военного хирурга С. И. Банайтиса. Вспоминаю Харьков, как мы, молодые военфаковцы, восторгались Станиславом Иосифовичем, учеником великого патриарха отечественной хирургии В. А. Опеля, видя на груди Банайтиса орден Красной Звезды. В Харьков он приехал учить нас. Заведовал кафедрой военно-полевой хирургии. Дал нам установочные знания. С ними мы, его ученики, пошли на войну. Сегодня можно читать многотомный труд «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Наш учитель С. И. Банайтис – главный редактор. К сожалению, его уже нет. Время бежит безжалостно. Кажется, еще вчера слушал его

лекции, звучащие в большом зале Харьковского мединститута.

Перед отъездом из Ленинграда посетил Смольный. Бывший институт благородных девиц. В. И. Ленин организовал в здании, предназначенном для юных женщин, штаб революции. Отсюда он руководил восстанием, и город Петра Великого переименовали в Ленинград.

Сделал выписки из высказываний на лекциях профессоров Ленинграда, которые более всего произвели впечатление своей оригинальностью: «...больной с травмой требует такой же экстренности, как при перфоративной язве желудка», «...лечат больного не методом, а головой», «...перелом не срастается от незнаний врача», «...не имей своего мнения, чего сам не делал», «...не делай умных операций глупому больному», «...неясен диагноз для среднего врача, то он неясен и профессору», «...нужно иметь голову, а не головной конец».

ХИРУРГИЯ – ЭТО ИСКУССТВО

Приняли бригаду врачей из Кемерово во главе с М. Н. Горбуновой. Очень довольна Мария Нестерова на хирургическом отделении. Спрашивает: «Как вы, Константин Родионович, умеете в такой чистоте отделение поддерживать? Подобного блеска я во фронтовых госпиталях не видела». Отвечаю: «Мария Нестеровна, мы же с вами военные врачи. Фронтная привычка и четкое исполнение персоналом моих распоряжений. Весь порядок работы хирургического отделения от «а» до «я» и ответственность каждого сотрудника четко и наглядно обозначены на листах бумаги, которые висят в рамках при входе в хирургическое отделение. Вторые экземпляры у меня хранятся, а под каждым из них подпись работающего в отделении сотрудника. Обход я начинаю с проверки чистоты и жалоб больных на отношение к ним персонала, а все медицинские сестры и санитарки подобраны мною. Коллектив дружный. В вашем подчинении, Мария Нестеровна, военный госпиталь был, а там, насколько я знаю, контроль постоянный. Проверки. Вы мне комплименты выдаете как старший по званию или как женщина? Если как женщина, то для офицера-мужчины это честь». Мария Нестеровна мило улыбается и тихо произносит: «Капитан медицинской службы Яценко! Разве вам непонятно, что я как женщина к самому элегантному и опрятному мужчине-хирургу в нашей области не могу быть равнодушной».

Очень полезно мы провели время с заведующей областным отделом здравоохранения. Намота-

лись по фельдшерским пунктам района. Мария Нестеровна выставила оценку «отлично» за мой труд по организации фельдшерских пунктов и этапов эвакуации при различной патологии. Коллеги, районные хирурги, будут потом мне говорить, что после посещения Кузедеево у них была Горбунова. Они получили нагоняй, а после этого обещание обязательно послать учиться у К. Р. Яценко в Кузедеево. Наживаю я завистников своей непрерывной работой. Это было, есть и будет. В гражданской жизни еще сложнее, чем на фронте. Однако и там сколько неприятностей испытал из-за зависти человеческой. Но зависть – не подлость. Если зависть творческая, инициативная и направлена на то, чтобы лучше сделать, это хорошо, а вот если подставить, особенно мастера есть в бумажных делах, где я ничего не соображаю, как пасквили сочинять.

С. В. Беляев про Кузедеево, наверное, забыл. Занят деятельный человек организацией и открытием Кемеровского медицинского института. По моему мнению, Степан Васильевич совершил подвиг и в Кузбассе. В Сталинске институт усовершенствования врачей, а в Кемерово – медицинский институт. Мария Нестеровна считает, что Беляев изначально сделал базу. Выстроил областную больницу на пустыре, и расположатся в корпусах клинические кафедры. Горбунова скромничает, говоря, что у неё масштабы не те, что у Беляева. При этом признается: «Мне бы медучилища достроить по городам, хотя подготовка медиков уже идет в каждом из них». Сегодня средний медицинский персонал и фельдшеры – на вес золота. Обещала из районного здравотдела прислать при очередном распределении несколько фельдшеров в Кузедеево. В Кузбассе открыты пять учебных заведений для подготовки среднего медицинского персонала. В них есть фельдшерские отделения. По моим подсчетам, сегодня нам нужно не менее 20 фельдшеров. Это минимум, о котором я сказал Марии Нестеровне, а потом поправил на цифру 40. Горбунова смеётся: «Вы, Константин Родионович, решили всю область оставить без фельдшерской помощи? Я вашему главному врачу и Романову обещала, что будут фельдшеры к лету, но не более 15 человек на Кузедеевский район, а не Кузедеево. Район без фельдшеров, а вы, уважаемый хирург Яценко, хотите Кузедеево центром образцовой фельдшерской помощи сделать». Мудрая Горбунова обещала не менее 15 человек, а вероятнее всего, что приедут 20. Сложную задачу с кадрами одновременно будем решать и сами, готовя на местах медицинских сестёр. Все молодые врачи обращаются почему-то изначально

ко мне, а потом уже идут к главному врачу и в райздравотдел. Начальство вроде бы на меня не обижается. Иногда просит, чтобы я дал оценку личным качествам человека и его способностям. Один на один я подтруниваю над ними: «А что же ваша парт-организация не оценивает?» Мария Яковлевна мне ответила: «Что вы, Константин Родионович! В нашей парторганизации больше рабочих, чем врачей, а у вас такой жизненный опыт». Попадаются врачи, желающие стать хирургами. Беру для испытания к операционному столу держать крючки, а они в обморок заваливаются. Отсылаю работать в терапию, но думаю, что им больше рентгенология или физиотерапия подходят. Называю их про себя курортными врачами. Там им место, а не на кузедеевской земле с больными мужиками и бабами возиться, тем более детей лечить.

Часто, в основном в весенне-осенний период, посещают врачи из ГИДУВа г. Сталинска. В этом году можно и нужно. Одному тяжело. Периодически боли за грудиной. Перебои в сердце. Привыкнуть к боли в сердце невозможно. На одной из операций чувствовал сильные боли, которые отдавали в левое плечо и руку, но операцию закончил. Пришел домой. Наглотался всяких сердечных препаратов. Лежу и жду, когда боли утихнут, а сам думаю, что удалось все-таки отстроить шикарное хирургическое отделение в Кузедеево. Какой уникальный хирургический инструментарий я подобрал за многие годы! Любая клиника позавидует. Вроде боли немного утихли, но перебои сохраняются. Надо идти на амбулаторный прием. Люди ждут. Поднимаюсь и иду с бодрым видом. Русскому офицеру погибнуть в бою – честь, не показывая страха. «И вечный бой! Покой нам только снится». После войны не помню, чтобы я спокойно спал.

Стал посещать хирургическое отделение кузедеевской больницы заведующий кафедрой хирургии ГИДУВа профессор Борис Ильич Фукс. Его более всего интересует онкология, как, впрочем, и меня. Пока у нас огромный и беспросветный провал в этой области медицины, но работаем. В подавляющем большинстве случаев встречаемся с запущенными случаями. Народ, особенно женщины, не идут на профилактические осмотры к специалистам. Борис Ильич организовал онкологическую бригаду. В её составе – оперирующий гинеколог. Оповещаем население о приезде специалистов. Приедут, но народ насильно не поведешь к гинекологу и другим специалистам. Слава Богу, хоть наших коллег посмотрят. Иногда обнаруживаю опухоль при кишечной непроходимости.

Если есть возможность, то удаляю. Когда вся брюшина в метастазах и они уже в печени, остается только выводить кишку на кожу живота для отхождения кала. Продлить короткую, в муках, но жизнь. Много больных, особенно женщин, при малейшем подозрении отправляю в Сталинск, в клинику профессора Фукса.

При очередной встрече рассказываю Борису Ильичу о каверзном случае, который произошел со мной. Обратился знакомый мужчина. Жалобы, что на волосистой части головы выросла безболезненная шишка. Я решил, что атерома, особо не задумываясь, вскрыл и тотчас зашил, напугавшись, что провалюсь в мозг. Опухоль, по виду злокачественная, а скорее, метастаз в кости черепа. Направил больного в Сталинск, а он не поехал. Узнаю через месяц, что больной умер. Вскрывать всех нет времени, а метастаз в кости черепа с какого органа? Нет у нас патологоанатома, все судебно-медицинские освидетельствования и вскрытия на мне. Долго ли еще выдержу? Договорились о моем усовершенствовании на его кафедре. Борис Ильич, глядя на меня, сказал: «Вам нужно отдохнуть. Хотя бы выспаться, и не меньше месяца. Приедете ко мне в клинику. Я вас нагружать работой не буду. У меня молодежи много. Пусть не поспят ночами, а на ваше место пришлем в командировку хирурга из нашей клиники. Пусть узнает на своей шкуре, что такое сельская хирургия». Спланировали на следующий год, как и совместную работу по улучшению организации помощи онкологическим больным. Учителем Б. И. Фукса был В. М. Мыш. Знаю, что Фукс был мобилизован в белую армию Колчака, как и мой отец. Поверхностное знакомство у нас с Б. И. Фуком произошло давно, когда я был в Томске, а в Кузбассе он успел поработать, заведя хирургическим отделением г. Ленино (Ленинск-Кузнецкий) в 1925 году. Фукс – это хирург, который каждой клеточкой организма прочувствовал всю тяжесть нашей профессии, но и влюблен в искусство хирургии всей душой.

Постоянная нехватка медицинских сестер для нас проблема, которую не можем закрыть. Готовим, а они уезжают в город. Санитарок в селе не хватает. Все женщины либо зерно лопатят, либо в поле. Травматизм высокий. Сделать практически ничего не могу. У колхозников не работа, а гон на выживание. Вчера ночью оперировал женщину, доставленную с молотбы зерна. От усталости к вечеру не заметила, как склонялась всё больше к земле головой, и попала под лопасть молотилки. Удар пришелся по затылочной части. Если бы по шейному отделу или

теменной области, то проблема жизни, возможно, была бы решена на месте. С травмами головы мне опыта не занимать. На фронте досталось. Выбрал у пострадавшей все раздробленные осколки костей. Пострадала в основном наружная часть пластины черепа. Нижняя оказалась вроде бы целая. Но при вскрытии обнаружил участки с внедрением в мозг острых осколков. Убрал вроде бы все. Поставил дренажи. Иначе что буду делать при отеке мозга? Прикрыл рану асептической повязкой, а голову умело забинтовала моя ставшая незаменимой помощница, медицинская сестра Нина Васильевна Тинарская. Долго нам с ней придется работать, и это хорошо, когда хирург и операционная сестра с полуслова, а то и по взгляду понимают друг друга. Она не уедет. У неё семья кузнецовских корней. Будем наблюдать больную! Потом дефект в черепе металлической пластиной закрою.

Мои размышления прервал тихий стук в дверь. Командую: «Заходи!» В кабинет вошла и прижалась к двери худенькая, с впавшими глазами девочка. Думаю, глядя на нее: как бы не упала. Смягчил тон: «Ты чья, детка, будешь? Что с тобой?» Лепечет: «Мы все голодаем. Есть нечего! Возьмите на работу? Я Тенекова Елена. Вы моего папу, наверное, знали, Михаила». Спрашиваю: «Сколько же тебе лет, Тенекова Елена Михайловна?» Отвечает испуганно: «Пятнадцать мне исполнилось, но я с любой работой справлюсь!» Беру лист бумаги и пишу главному врачу: «Принять санитаркой в хирургическое отделение». Дату ставлю сего дня. Продолжаю: «Елена Михайловна, с этой запиской пойдешь к главному врачу, но предварительно зайдешь к терапевту. Пусть она тебя посмотрит, послушает и распишется, что ты нам нужна. Главному врачу скажешь, что тебе 16 лет. И не делай удивленные глаза. Я знаю, что все из рода Теневых порядочные люди, но здесь для пущей важности соврать нужно. Иди! Учти, что у нас работа связана и с тем, что мужикам некоторые места обмывать приходится. Не заботись?» Обрадованно, и щечки чуть порозовели, девочка отвечает: «Нет! Что вы, дядя Костя! Я сутками работать буду, не погибать же нашей семье от голода». Перехожу на строгий тон: «Обращайся ко мне Константин Родионович! Ты на работу пришла. Здесь тетей и дядей нет. У всех имя и отчество. Уволю, если ошибешься. Пришла ты ко мне, как я понимаю, по совету подружки Екатерины Михайловны Сидоровой, которой тоже 15 лет. Я ее принял. Так?» Отвечает: «Да!» Тихо, как и появилась, исчезает за дверью. Может, из девочек толк по жизни и будет, а так на фоне голодания туберкулезом заболеют.

Много их в детском и подростковом возрасте снесли в могилы на горе, а могли вырасти, стать матерями. Ничего, и эту заразу вытравим из народа. Не будет в Советском Союзе туберкулеза. Я в этом уверен!

1957 ГОД

На встречу Нового года к нам пришли врачи. Собралась молодежь. Гости разошлись под утро. Еду в Сталинск к Б. И. Фуксу. Усовершенствование по грудной и брюшной хирургии. Знакомлюсь с коллективом: доцент Кулик, ассистенты Шпанова, Хоменко, Морозов. Провожу показательную операцию по экстраплевральному пневмолизу. Мне ассистирует Н. Н. Смирнов. Деловая и доброжелательная обстановка в клинике. Неожиданно устанавливаются самые хорошие отношения с супругами Осна. Аркадий Ильич – молодой хирург, увлекается нейрохирургией. Элла Марковна – инфекционист. Мне эта пара по душе. От них исходит интеллигентность достойного прошлого России. Считаю себя слабо знающим нейрохирургию, хотя на фронте приходилось на ходу работать с черепами и мозгами, а вот с инфекциями постоянно вынужден быть начеку. Проводил работу согласно полученным от А. Ф. Билибина указаниям. Строгие требования были по санитарии и профилактике эпидемий, но работать мы научились четко и на передовой линии фронта. Сам перенес малярию и других людей вытаскивал. Пригласил супругов Осна в Кузедеево, сказав, что мы с женой будем рады их видеть. Аркадий Ильич спросил: «Не были ли я в Кишиневе?» Отвечаю, что в те места меня война не заносила. Расстались в обоюдном приятном впечатлении друг о друге.

В клинике хирургии основное внимание уделяю ранней диагностике онкологических заболеваний. Вовремя сделанная операция гарантирует больному годы жизни. Борис Ильич – высокоэрудированный человек из старой школы русских хирургов. Оперирует очень аккуратно. Слежу во время операции за его руками. Прихожу к выводу, что работает мастер. Подобное изящество работы пальцев хирурга можно наблюдать у Подгорбунского. Но есть и своеобразие музыкального исполнения у каждого оператора. Много рук хирургов я видел, но исполнять утонченную мелодию хирургического вмешательства не каждому дано! Не терплю грубую работу, когда с тканями обращаются небрежно, давят и рвут. Нет изящества исполнения. Операция ради операции, а не для удовлетворения души мастерством своего исполнения.

Вылетел в Ленинград на IV Всероссийское совещание по борьбе с травматизмом. Встреча единомышленников проходит в научно-исследовательском институте травматологии и ортопедии. Уважаю ленинградскую школу врачей за то, что поддерживает исторические традиции в медицине. У них во всех направлениях врачебной деятельности регулярно проводятся общества, на которых демонстрируется все новое, приводятся оригинальные примеры из практики, не скрывая ошибки, а анализируя их, как делал великий Пирогов.

В среде ленинградских врачей всегда царит особая атмосфера культуры отношения друг к другу. Ее можно назвать бережной. Сравниваю с Кузбассом. Конечно, с хирургией. В организации здравоохранения – практические врачи. Подавляющее большинство – участники Великой Отечественной. Среди них в Кемерово, Сталинске, Прокопьевске больше выпускников-врачей из Томска, но есть из ленинградской школы. Некоторые прошли войну. Это костяк здравоохранения Кузбасса. Но нас можно по пальцам пересчитать. Все мы между собой тесно связаны в поддержке негласных, но непоколебимых моральных и нравственных законов медицины. Считаю, что в этом немалая заслуга Михаила Алексеевича Подгорбунского. Он сумел объединить вокруг себя талантливых хирургов, но почему-то иногда проникают в хирургию и бездарные люди. Очень радует, что мы не отстаем от ленинградцев. Кузбасские больницы постепенно пополняются врачами из всех вузов России, а у нас, именно в Кузбассе, мощно пустила корни и ленинградская школа. Наблюдается конкуренция взглядов с хирургической школой Москвы, но это творческий путь двух больших направлений. На Кемерово, не на Кузбасс, как я заметил, насаждают со своими претензиями новосибирцы. Возможно, обида за ГИДУВ. Томичи относятся к нам радушно.

У нас стали регулярными областные конференции хирургов, травматологов, гинекологов, терапевтов. Подтягиваются другие специальности. Можно считать, что медицина в Кемеровской области из всех направлений сформирует нашу, кузбасскую школу. Все условия для этого создал С. В. Беляев.

Входит в нужное русло медицина в Кузедеевском районе. Согласно плану, составленному мною в Харькове, распределили обещанных Горбуновой фельдшеров по району. До их прибытия местные власти подготовили им базу, а от больницы завезли необходимое: кровати, бельё, шприцы и т. д. Чувствуется, что сельское здравоохранение встает на

крепкий фундамент благодаря инициативным людям, прошедшим через войну: Марии Нестеровне Горбуновой, Степану Васильевичу Беляеву, Михаилу Алексеевичу Подгорбунскому, Саре Самуиловне Альшиц, Борису Ильичу Фуксу, Валентину Петровичу Селиванову и многим другим, чьи имена достойно представляют в нашей стране Кузбасс. Все они поработали и у нас в Кузедеевском районе. Помогали всем. Делали все что могли, что было в их силах. Мы обогащали друг друга в общении, понимая наши проблемы, и решали их. Советская власть и партия контролировали выполнение предложений, которые вносили для исполнения имеющие опыт работы фронтовики. Нужно отметить, что, несмотря на рабочие разногласия, мы очень дружны в нашем сообществе врачей. Всегда рады видеть друг друга. Нерешенных проблем остается еще очень много. Но уже можно сказать, что советская медицина пробилась в передовые как в практике, так и науке. Еще немного, и мы станем самой лучшей медицинской во всем мире.

Справились с бушевавшей малярией, трахомой и другими заболеваниями, отвлекающими от решения насущных проблем, наваливающих на нас. Продолжает выкашивать людей, особенно детского возраста, туберкулез. Уверен, и с этим справимся. Однако, как всегда в медицине, возможно появление очередных проблем, которые, нет сомнений, временны и будут разрешены. Врачи других направлений стали брать пример организации и общения у хирургов. Молодые врачи ориентируются на нас. Мы постоянно чувствуем огромную поддержку всех наших инициатив со стороны советских и партийных органов. К нам внимательно прислушиваются и помогают. Не вмешиваются, а помогают всеми возможными силами. Мы в подавляющем числе военные врачи, которые знают и могут оперативно решать проблемы. Важно, чтобы последующие поколения врачей стали преемниками того, что сегодня сделали мы.

Мечтаю вырваться из стен операционной на таёжную заимку к тётке Оле. Хотя бы на неделю. Готовлю к публикации в центральных журналах статьи: «Двойное ножевое ранение сердца» и «Лечение змеиных укусов у детей». Вспоминаю, с каким трепетом впервые шел на ранение сердца. Спасали больного троим. Тинарская Нина Васильевна дает масочный наркоз, а операционная сестра Богданова Надежда Федоровна настолько понимает все мои движения, что операция проходит в молчании. Удивляемся все, что после наложения швов на глубокую рану сердце продолжает ровно биться. Не-

сколько дней хожу под шоком. В селе пошли разговоры, что якобы Яценко пришел человеку полностью отрезанную голову и мужик сидит уже на скамейке и курит. Действительно, наш больной поднялся, как мы ни боялись за него, и пошел курить на улицу. Надежда Федоровна еле затолкала его в отделение и уложила в кровать, а он одно: «Я курить хочу. Не имеете права». Хирург Яценко впервые в Советском Союзе в сельской больнице сделал первую операцию при ранении сердца. Как я понял, разорвалась бомба, и хирурги в центральных клиниках смело пойдут на операции при заболеваниях сердца, разрывания сердечной мышцы какой-то сельский хирург ушивает. Даже к отдалённым результатам операций никто не сможет придраться. У бывших пациентов сердце бьётся ровно, а у меня – постоянно перебои.

Поднялся на самую высокую гору западной стороны Кузедеево. Смотрю на родное село. Все видно как на ладони. Я смотрю на дорогие сердцу места. Раньше, когда ходил на заимку к тетушке Оле, солнце светило мне в глаза, а с высокой горы видел село, реку, а за селом – горы, переходящие в холмы Алтая. В Кузедеево уже вечер, вершины гор в красных лучах падающего солнца. На село ложатся сумерки. Над Кондомой начинает клубиться белый туман. Это водяной с русалками по привычке нагоняют пару в предчувствии ночи. В Кузедеево, как рассказывают старики и старушки, хозяева реки купаются вечером и утром в густом тумане, чтобы их люди не видели. Зимой в ночное время русалки выбираются из-под льда в промоинах на перекатах. Любят повалиться в снег, посмеяться над людьми.

Смотрю по вершине знакомых гор противоположной стороны. Вижу на гребне подъема дорожку. Это перевал на заимку Заверохиных. В лучах уходящего солнца вершины гор становятся розовыми и таинственными. Как будто и на меня кто-то в упор безразлично смотрит с далекой вершины. Впечатление, что на моем любимом бугре противоположных гор врубелевский Демон удобно устроился, раздвинул всей мощью своих мускулов стволы акаций и спокойно ждет ночи. Его атлетическое тело попало под лучи садящегося за горизонт солнца. На нем отразились и продолжают играть многочисленными оттенками уходящего дня все краски. Еще немного осталось времени. Уйдёт солнце. Наступят сумерки. Демон поднимется ввысь над грешной землей и будет кружить, любясь бескрайними просторами окружающей Кузедеево красоты: «Вслед за веком век бежал, как за минутой минута, однообразной чередой».

Вся неделя в неотложных операциях. Одну ночь спасали женщину при завороте кишок. В какой-то деревне бабка вправляла ей живот. Участок кишки пришлось удалить, так как он омертвел. Остальные ткани спокойны. Надеюсь, что больная выживет. Перитонит не успел развиваться.

После посещения могилы матери, встречи с ней в мыслях всегда чувствую оптимизм в душе. Появляется твердая уверенность, что обязательно выиграю очередной бой за жизнь человека. Заметил в себе особое и необъяснимое состояние, особенно после того, когда выхожу вымотанным до потери последних сил из операционной, что я должен идти к маме. И иду! Стоит присесть на холмике у ограды ее могилы, как я успокаиваюсь, смотрю в сторону Кузедеево, и как будто я не один, а вместе с ней, молча обмениваюсь с мамой мыслями. Проходит какое-то время, и возникает состояние мира и бодрости в моей душе. Сегодня я вновь уверен в себе и знаю по накопленному опыту, что спасу очередную человеческую жизнь. С годами сильно развилась интуиция. Это умение мгновенно клинически мыслить. Иду и чувствую, что в хирургию привезли неотложного больного. «Medicina fructuosior ars nulla», – говорил древнеримский ученый Плиний. В переводе с латинского на русский это весьма достойное для понимания предназначения медицины изречение: «Нет искусства полезнее медицины». Зайду сразу же в хирургию, а не домой. Отдыхать, несмотря на приближающиеся сумерки, для сельского хирурга рановато.

Иду по деревянному тротуару, который протянут через все село в больницу. Приятно пахнут свежие чистые доски. Тротуар в селе постоянно ремонтируют, заменяя подгнившие плахи новыми, мощными. Встречные люди уступают дорогу, а за спиной переговариваются между собой успокоенно: «Константин Родионович кого-то смотреть ходил».

Приехала навестить нас давняя знакомая Агния Урухпаева, работающая в краеведческом музее Сталинска. Она по национальности шорка. Дружить мы с ней начали еще в детстве, познакомившись в Тельбесе. Агния многое знает о судьбах людей из прежней и новой шорской интеллигенции. Напоминает мне забытые дружеские отношения между русскими и шорскими семьями, родственные связи. Вспомнили одну из первых комсомолок Шории Кусургашеву Полину. О ней я уже слышал от Поповых. Но Агния подтверждает сказанное моими родственниками, что Полина получила образование, окончив Институт народов Востока в Москве, а

затем Институт красной профессуры. Стала заведующей кафедрой марксизма-ленинизма. Получила звание профессора. Максим Горький называл ее ласково Альма (яблоко) за ее красные щеки. Писатель К. Федин пытался ухаживать за ней. Сын Полины стал известным корреспондентом. Родная племянница Полины Н. Ф. Кусургашева делает успехи как балерина Большого театра СССР. Лично для меня имеет большое значение, что народ возрождает свои таланты. За интересными людьми потянется молодежь. При очередном посещении Москвы пойду в Большой театр. В программах буду искать землячку балерину Нину Кусургашеву. Мы не довели наш с Агнией интересный разговор до конца. Стук в дверь прервал беседу. Вошла санитарка и сказала: «Константин Родионович, мужчину с травмами привезли. Под трактор попал». Я извинился перед подругой детства. Попросил, чтобы подождала меня, но ей завтра нужно быть в Сталинске. Утром Агния уедет первым поездом. Обещает приехать и продолжить разговор, а мне нужно запомнить её слова и записать. На ходу говорю: «До встречи». Оставляю Агнию с Ией, а сам бегу среди сосен в хирургию. Важны не только минуты, но и секунды на счету. Возможно, до утра не выйду из операционной, а утром должны пройти две плановые операции, после обеда – амбулаторный приём. А дальше? Что дальше? Продолжение бесконечно следует! Накануне 1958 год. Что он нам готовит? А мы к чему должны быть готовы? Основное, что обеспечит жизнь и работу последующих поколений медиков, сделано! И в основном это обеспечили врачи, получившие невиданную закалку и практические знания во время Великой Отечественной войны. База здравоохранения в Кузбассе восстановлена. Нужно идти вперед и развиваться.

РАЗМЫШЛЕНИЯ АВТОРА

Память возвращает меня в те незабываемые годы, когда была создана база для дальнейшего развития здравоохранения села, когда в школе преподавали в основном мужчины, а жители почувствовали, что самый тяжёлый, послевоенный этап восстановления нормальной жизни пройден их общими усилиями, в одной связке простых тружеников села и представителей интеллигенции. Подрастающее поколение впитывало традиции и опыт прошедших сквозь тяжёлые годы испытаний людей и надежды на благополучное будущее. Старшее поколение было уверено в молодой смене, которая сознательно стремилась к знаниям и была увлечена спортом.

Трудилось подрастающее поколение наравне со взрослыми. Сельская молодёжь стала опережать городских юношей и девушек в поступлении в вузы, и не только региональные, но и столичные. Престижным стало получение высшего образования. Страна подошла к тому, что стала самой читающей в мире. Сформированы были огромные возможности для реализации потенциала каждого на благо всех живущих в великой стране.

В медицине начали сбываться слова великого русского учёного А. Ф. Билибина: «Врач должен измеряться четырьмя измерениями: в ширину (кругозор с усвоением достижений культуры прошлого), в высоту (образование, эрудиция), в глубину (воспитание и самовоспитание), в будущее (стремление к совершенству)». Словами учёного можно смело оценивать то время, их нужно принять на вооружение каждому молодому человеку, идущему вперёд. Однако спорные вопросы в медицине были, есть и будут. Если Гиппократ сказал «да», а Гален – «нет», то, господа чиновники, не ставьте себя в смешное положение, вмешиваясь в ситуацию, вежливо попросите клинициста Авиценну участвовать в споре, а ни в коем случае не больного и, тем более, его родственников.

Вслед за тяжёлыми временами обязательно следуют тёплые десятилетия, но наводить порядок в делах насущных следует всем нам сегодня для будущего России, а она – очень заботливая мама всех населяющих ее народов. Если ориентироваться на пессимизм, характерный для некоторых людей в жёсткое время их жизни, то наша русская тройка будет бить копытами, встанет и не сдвинется с места. Наша русская тройка, вырвавшись на твёрдую почву в тяжёлые для нас послевоенные годы, неожиданно для всего мира, удивив его, взяла в карьер, и мы оказались впереди планеты всей. «Тройка мчится, тройка скачет, вьётся пыль из-под копыт».

Это был интереснейший период жизни, когда каждый день мы узнавали что-то новое, так стремились к взрослости, что сегодня обидно, что в этом стремлении, возможно, что-то пропустили и не заметили в неповторимом периоде жизни людей нашего поколения. Естественный самообман молодости, желание торопить события и равняться на

взрослых. Перенять опыт и мудрость более взрослых – да запросто! Но впереди у меня, моих друзей были 60-е, 70-е годы, а за ними пришли серьёзные в понимании взрослой ответственности 80-е. Это годы, которым я могу и имею право дать оценку. А про 90-е и последовавшее за ними время очередного «умопомрачения» пусть расскажут будущие историки.

Сегодня я бесцельно хожу среди могучих вековых сосен и прикасаюсь к ним ладонью. Впитываю рассказы, слушая шум ветвей, о недавних, но ушедших в историю событиях. Прошло много времени для меня, но это был всего лишь миг для них. Возможно, вот эти молодые сосны в кузедеевском бору посадили мы, девчонки и мальчишки, в начале 60-х годов ушедшего века. Сегодня верхушки деревьев устремились высоко в небо, дружно стоят рядами, как и мы когда-то, стремясь быстрее стать взрослыми, равнялись в школьной линейке на старшее орденосное поколение. Сосны растут! Значит, и мы оправдали своё пребывание на свете. Русский народ считает, что если ты посадил дерево, то уже не зря жил. Стараюсь плотно опереться ладонью о ствол сосны, чтобы почувствовать исходящую из глубины времени неиссякаемую энергию тех людей, что отдали силы жизнеутверждающему началу, возможности твёрдо стоять на ногах их потомкам, продолжая начатое ими благородное дело. Сосны видели их. Они слушали их разговоры, читали мысли. Может, они понимали друг друга лучше, чем мы?

Стоит старинное сибирское село вдоль реки Кондомы. Остаётся Кузедеево в круге неповторимой красоты природы, но, не поддержанная внимательным и бережным отношением к ней, она мельчает на свои неповторимые дары. Может, истощил её силы современный человек? Кто-то хочет предать забвению её богатую историю, и поэтому мы не замечаем красоты окружающего нас мира? Впрочем, история наша далека от окончания.

Медицине дана бесконечная роскошь возможностей познания мира Природы, в центре которой находится человек – сын земли (*Terra filius*). У нас с вами не так много времени, чтобы поговорить о вечной и очень сложной проблеме – смысле нашей с вами жизни...

Виктор АРНАУТОВ

СЛЫШАВШИЙ РЕКИ, И ТРАВЫ, И ДАЖЕ НЕДРА ЗЕМНЫЕ...

(О Геннадии Круглякове)

Его имя и фамилия в моей сознательной жизни возникли тогда, когда я только-только начал приобщаться к писательской среде.

Выпустив в 1999 году в Новосибирске свою первую книжечку рассказов «Вариации на тему «Вокруг рыбалки», ранней весной следующего года я оказался в Томской области, на своей малой родине Пудино, на 60-летнем юбилее нашей средней школы.

Я с гордостью раздавал свои первые автографы, даря и подписывая книжечку своим родичам, друзьям, учителям и однокашникам. Среди однокашников оказался и Миня Синицын – местный самородок-Кулибин, первым запустивший в наш Богом забытый болотный край центральное телевидение.

Принимая в дар мою тоненькую книжку в синей обложке, Миня, стеснительно улыбаясь, спросил:

– А ты не знаком случаем с писателем Геннадием Кругляковым?

Я напряг свою память и не обнаружил в ней такого.

– Н-нет, – запинаясь, виновато произнёс в ответ. – А кто он?

– Да... материн родственник. Племянник её двоюродный. Выходит, он нам с Шуриком троюродным братом доводится... Тоже книжки пишет...

– Да-а? А где он сейчас? – поинтересовался я, скорее из вежливости.

– Жил где-то в Алма-Ате, а теперь, кажется, куда-то под Москву перебрался...

– Ну, Миня! Ты бы ещё про кого из забугорных спросил... Я и своих-то, кузбасских, писателей знаю раз-два – и обчёлся.

– Так он же наш, пудинский. А жил и в Ляшкино, и в Красном Яре. После нашей школы Томский политех заканчивал...

– Даже так? А возраст у него какой?

– Да постарше нас с тобой лет на десяток, чуть более...

– Нет, Миня, не припомню. С таким не встречался... И зацепиться даже не за что...

На том наш разговор с Михаилом Синицыным тогда и закончился. И, похоже, никогда в жизни я о нём бы и не припомнил. Если бы не один случай...

Издав очередью две своих следующих книжки рассказов, я был в писательской среде Кузбасса уже довольно известным «молодым» автором. Со многими поэтами и прозаиками я успел сблизиться. Сергей Донбай (наш руководитель студии «Притомье», которую я посещал), Владимир Иванов и Валентин Махалов дали мне рекомендации для вступления в Союз писателей России. С двумя последними у меня сложились весьма дружеские отношения. Из общения со мной, а особенно после книги «Где Чузик мой коричнево змеится...», они уже знали и о Пудино, и о речке детства моего – Чузике.

Я стал частенько наведываться в Дом литераторов Кузбасса. А однажды, было это в ноябре 2004 года, среди завсегдатаев сего пристанища поэтов и прозаиков я застал и Валентина Махалова. Дядя Валя (так мы, «молодые», называли его) держал в руках книгу, заинтересованно и внимательно читываясь в неё.

Увидев меня и поздоровавшись, он возбуждённо тут же выдал:

– Ты знаком с поэтом Геннадием Кругляковым?

– Я знал одного Круглякова, но его звали Анатолий Иванович. Да и поэт-то он был, сам знаешь какой... Прозаик всё-таки...

– Нет, этот другой, Геннадий. Тоже, между прочим, пишет про твой Чузик. И поэт – хороший!

– Интересно... К сожалению, не знаю такого...

На этом разговор наш окончился, дядя Валя спешил и был озабочен предстоящей творческой встречей.

Зайдя к Анатолию Павловичу Иленко, заместителю председателя Союза писателей Кузбасса, увидел у него на столе книгу «Слушая реки и травы» того самого автора, о котором только что говорил мне Махалов. Я с любопытством раскрыл её и почти на первых же страницах обнаружил до боли родные и знакомые топонимы: Ляшкино, Красный Яр, Пудино, Чузик... А чуть далее и фамилии: Захаровы, Кругляковы, Пуртовы, Гиеш, Антиповы... Вот это сюрприз! Оказывается, Геннадий Кругляков – мой полнейший земляк, родившийся, как и я, в местах спецпоселений, в соседней деревеньке Ляшкино (у меня в повести – Ляхово), в шести километрах от моего Красного Яра.

Придя домой, читал взахлёб его мемуары до полуночи и до того расчувствовался, что не мог уснуть потом ещё часа три... Особенно зацепило меня описание его сиротского детства.

А когда дело дошло до того места, где он жил в Красном Яру, в деревянном рубленом доме, что

стоял как раз напротив нашей начальной школы, у меня и вовсе возникло жгучее ностальгическое чувство. И подозрение: уж не тот ли самый это дом, в котором вырос и я? Только с Геннадием это происходило десятилетиями ранее.

На следующий день я с нетерпением позвонил маме, что жила в Пудино. Стал спрашивать про Геннадия, Захаровых, Кругляковых. И между прочим поинтересовался:

– Мама, а у кого вы купили дом в Красном Яру, что напротив школы?

– У Бекаревых, – услышал я в ответ и был разочарован.

И всё же ещё теплилась у меня надежда:

– А что, они всегда там жили?

– Нет. Они покупали его у Кругляковых...

Вот оно! Точно! Всё-таки моя интуиция и вычисления не подвели меня!

...Читая книгу «Слушая реки и травы», я дошёл до его публицистики. Очень даже неплохо пишет. Зрело. А главное – чувствуется чёткая, если не жёсткая, жизненная позиция и оценка всего происходившего и происходящего сейчас. Помимо прочего, в этой книге есть заметки и статьи о творчестве таких поэтов, как Виктор Боков, Георгий Иванов, Николай Рубцов, Александр Твардовский, а это – уже показатель...

Возникла мысль: а не написать ли ему письмо? Познакомиться и выслать последние две своих книжки о наших с ним общих родных местах. Авось, да и напишет что о них. Ведь нашим-то, кузбасским, собратьям по перу по большому счёту до них и дела нет. Как будто я и не пишу и не издаю их, а читатели-покупатели и не интересуются моими книжками...

Из всё той же книги я узнал и о нелёгкой судьбе моего земляка. А судьба уготовила ему весьма замысловатую биографию.

Родился он в предвоенном 1938 году. Его мама, урождённая Захарова Прасковья Ивановна, вместе с раскулаченными родителями была выселена из деревни Карачи, что в районе озера Чаны, в Нарымскую ссылку – «за болото». Как говаривали ссыльные спецпереселенцы, высадили их «на голую кочку» в рямной тайге, на берегу речки Чузик. Там, в восемнадцати километрах от районного центра Пудино (тоже образованного в 1930 году исключительно из ссыльных), наспех выстроились бараки и домишки деревушки, названной Ляшкино. А по соседству, шестью километрами ближе к райцентру, на высоком берегу Чузика разбежались и домики Красного Яра. Красный Яр – раза в три побольше Ляшкина, в нём была уже и начальная четырёхклассная школа с двумя учительницами.

Нередко в часы досуга и бессонные ночи я, уже довольно взрослый, принимался по памяти воспроизводить все дома этой деревушки. Насчитывал по-

рядка 50 дворов. А ещё – вспоминал, кто же из живущих в ней был какой национальности. И выходило, что на полсотни дворов в ней жили люди аж пятнадцати национальностей! Поистине интернационал из сосланного спецконтингента. Нет теперь там никого. И деревушки той совсем нет...

Тайна своего рождения Геннадию открылась не сразу, уже в сиротстве, лет в десять. Роясь в белье-вом шкафу у своей тётки, он вдруг случайно обнаружил свидетельство о рождении. В нём были его имя и дата рождения, но самое страшное – там стояли другая фамилия и другое отчество – Браницкий Геннадий Теодорович...

Несколько позднее из рассказов родной тётки Геннадия выяснилось следующее: его мама в 1937 году была направлена на курсы бухгалтеров за двести вёрст от Пудина – в Парабель, центр соседнего района. Там у них преподавал ссыльный поляк Теодор (Фёдор) Браницкий. Возникли взаимные чувства, перешедшие в интимные отношения. А вот соединиться любящим ссыльным людям, находящимся на поселениях в разных местах, власти не позволили. В следующем году появился на свет Гена, уже в деревушке Ляшкино Пудинского района, куда из Парабеля вернулась его мать.

Родился Геннадий и вырос безотцовщиной. Уже много позднее, интересуюсь своей родовой по отцовской линии, ниточка разысканий привела его к известным польским семьям Браницких, ведущих свои корни от Александры Васильевны Браницкой, урождённой Энгельгардт, племянницы князя Потёмкина – жены коронного гетмана Франциска Ксаверия Браницкого и их дочери – Елизаветы Ксаверьевны Браницкой-Воронцовой. Да-да, той самой графини Елизаветы Воронцовой, с которой был роман во времена южной ссылки у самого Александра Сергеевича Пушкина! Не слабо... Может, отсюда и генетические истоки таланта писателя Геннадия Круглякова?! Как знать...

А с отчеством у него вышло так, что для поступления в Пудинскую среднюю школу в 1950 году потребовался документ. Тут-то и выдали его приёмным родителям, как свидетельство-дубликат, с указанием фамилии и отчества приёмного отца. Так стал Геннадий Фёдорович Браницкий (Захаров) Геннадием Владимировичем Кругляковым.

Геннадий рано лишился и матери – умерла, унеся с собой многие семейные тайны. Скончались и её родители. Маленький Гена вынужден был мыкаться по родственникам, чаще всего живя в многодетной семье своего двоюродного деда Потапа Захарова (родного деда моих друзей детства и однокашников – Мини и Шурика Синицыных и Толика с Володиём Захаровых).

Как-то его, беспризорного Генку, заметил председатель артели пихтового заводика Влади-

мир Кругляков, живший в Красном Яре, в шести километрах от Ляшкино. Он и уговорил деда Потапа отдать ему мальчонку. Так и оказался Геннадий в семье Кругляковых, усыновивших его и давших ему свою фамилию и отчество. Вот и жили они (правда, недолго) в том самом доме напротив школы, в котором и мне потом довелось жить почти десяток годов, спустя некоторое время – сначала вместе с моими родителями, а позднее – наведываться туда к бабушке.

После окончания начальной школы смышлёного и способного к учёбе мальчишку отправили приёмные родители учиться в Пудино. Все шесть лет учёбы мыкался он по квартирам, каждую субботу пешком преодолевая восемнадцать километров до дома в Ляшкино, куда переехали Кругляковы из Красного Яра. А под вечер в воскресенье – этот же путь обратно с котомкой провизии на неделю за плечами...

Окончили мы с ним одни и те же школы: сначала начальную в Красном Яре, а затем и среднюю Пудинскую, с разницей в одиннадцать лет. Застал я ещё и некоторых общих наших учителей, так что получается, мы с Геннадием Кругляковым – дважды одношкольники.

Возможность вырваться из колхозной крепостной кабалы у молодёжи тех мест была одна – поступить учиться в институт или техникум. Способности к учёбе у Геннадия сочетались с рано проснувшимся исследовательским любопытством. Так, на каникулах после окончания седьмого класса он собрал образцы слабоземистых руд, выступавших по обнажениям берегов нашего Чузика, и радужные разводы болотинок, свидетельствующие о наличии там нефти, и отослал всё это с сопроводительным письмом в Томск, в краеведческий музей. Было это ещё задолго до открытия в наших краях месторождений нефти и газа.

После окончания средней школы Геннадий без особых усилий поступает в Томский политехнический институт на геолого-разведовательный факультет, по специальности «Геофизика». Приобретая специальность, Геннадий пробует себя здесь уже и как поэт. Из-под его пера выходят многие стихи, не всегда ещё зрелые, но откровенные, исходящие от души, а не по заказу. В редакции институтской газеты «За кадры» раз в неделю собирается творческая молодёжь литературного объединения «Молодые голоса».

Здесь, в Томске, он посещает литературную студию, знакомится с другими начинающими поэтами, и не только своего института, но и университета. Среди его молодых собратьев по перу оказываются студенты-политехники: Валерий Лихачёв, Геннадий Анохин, Володя Кононенко, Сергей Семёнов, Николай Доронин, Алик Изыгашев, возглавляе-

мые молодым преподавателем Игорем Леоновым; студенты университета Геннадий Юров, Анатолий Суздальцев и другие талантливые начинающие поэты. Его стихи начинают появляться в вузовских «многотиражках» и даже временами в Томской областной газете «Красное знамя».

Университетскую многотиражку редактировал в то время недавний выпускник филфака ТГУ поэт Василий Казанцев, с которым Геннадий познакомился на одной из совместных встреч пишущих студентов вузов города в 1959 году. Стихи Василия Казанцева для Геннадия были «новым веянием». Некоторых из новых стихов Василия он бывал первым слушателем. Мало того, старший товарищ знакомил и по-новому открывал глаза Геннадия на творчество Александра Твардовского, Василия Белова, Георгия Иванова, Даниила Андреева.

Незабываемые впечатления оставила у студента Геннадия Круглякова первая полевая геологическая практика – на Горном Алтае! Чуйский тракт, бирюзовая красавица Катунь, Чемал, величайшая гора Алтая Белуха...

После третьего курса была практика в Забайкалье, на Хамардабане. Впечатления от пребывания там Геннадий оставил в стихотворении:

*На хвойный склон Хамардабана
С утра взбирается медведь.
К чему ему руда титана,
Железо, олово и медь?
...А там, за озером Гусиным,
Степные стили небеса.
Был жёсткий хлеб. Слегка бензином
Попахивала колбаса....*

В начале лета 1960 года отчисленный с четвёртого курса студент оказался в Кузнецком Алатау – принятым на работу сначала младшим техником-геофизиком, а немного позднее – техником в Северо-Алатауской геофизической экспедиции Западно-Сибирского геологического управления. Экспедиция базировалась в Кемеровской области, недалеко от станции Тяжин. Почти два года он проработал, ведя магнитометрическую съёмку нового месторождения скарнового золота в районе деревни Натальевка. Стихи, казалось, рождались сами по себе:

*Золотое песчаное дно
Самородки скрывало живые.
Я нашёл Золотое руно,
Погребённое в реки земные...
Ах ты, речка, таёжная речка,
Вижу солнечный твой пережат.
У тебя золотое колечко,
Может, с нашей речушки Кундат?*

Написанные в полевых условиях стихи Геннадий отправляет в газеты, его печатает «Комсомолец Кузбасса», редактором которого в то время был Рудольф Теплицкий. За них ему шлют переводы – по три-пять рублей за публикацию.

Здесь, в Кузбассе, Геннадий Кругляков становится скороспелым семьянином, заключив брачный союз в ЗАГСе станции Тяжин со студенткой Томского мединститута Валентиной Кузьминских. От этого союза у молодых появилась на свет дочь Лариса. Геннадий и Валентина оказались настолько разными людьми, что брак этот никак не мог продолжаться длительное время.

В 1961 году Кругляков возвращается в Томск, восстановившись на заочное отделение своего института...

Потом было окончание института, распределение. Работа и скитание по экспедиционным геолого-разведочным горам Саян и Алатау. Была и Молдавия. И опять судьба занесла его в середине шестидесятых годов в наш Кузбасс. На сей раз в Горную Шорию, в эти замечательные и уникальные природные места. Не без его участия в районе Таштагола проводились геофизические исследования запасов магнетита – месторождений местных железных руд. Тут он однажды столкнулся и с чудом природы – реликтовым Кузедеевским липовым островом.

Ему казалось, что в то замечательное утро «пела и радовалась жизни каждая травинка». Под впечатлениями он пишет лирическое стихотворение и очерк об этом чуде природы, обозвав его «Кузедеевским бором», почти риторически вопрошая: «И как же он сохранился, такой древний бор, по соседству с неугомонным, неуживчивым человеческим пристанищем?»

Чутко вслушиваясь в дыхание природы, шелест трав и разговоры перекатных речных струй, он восклицает: «Теперь во всём я вижу красоту!» Геннадий продолжает писать стихи, отсылая их время от времени в газеты «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса». Его печатают, он знакомится с кузбасскими журналистами и писателями. Сближается с поэтами Валентином Махаловым и Игорем Киселёвым. Игорь Киселёв становится и редактором его первой поэтической книжки «Взмах крыла», выпущенной Кемеровским книжным издательством в 1967 году.

Потом романтика геолога и лирика поманила его в Казахстан. На долгие двадцать зрелых лет его пристанищем становится столица Казахстана Алма-Ата. И здесь он попадает в круг замечательных поэтов и прозаиков, среди которых находит особое взаимопонимание с удивительным поэтом Олжасом Сулейменовым.

Его очаровывают новые краски, новизна и архаизм нашего азиатского Востока, как:

*...археологическое эхо,
Эхо эпох и отдельного века,
Эхо могил океанских глубин,
Эхо платформенных глин...*

Готовятся и выходят в издательствах Алма-Аты его поэтические сборники «Звёздная чаша» и «Золотое руно».

Как зримо и звучно-осознательно выглядит его небольшая зарисовка «Лето»:

*Лето, моё лето, –
Дурманит, словно хмель;
Рубашка – в клеточку,
Да ночью – коростель,
Да по дорогам в полдень
Весёлый звон овса,
Да в волосах, как в поле,
Запуталась оса...*

Помимо созерцательной лирики, в его поэтический голос всё чаще вклиниваются тревожные звуки и нотки озабоченности за природу и экологию, и всё оттого, что:

*Я душу открыл небесам,
Ушам и свидетелям ложным,
Восторженным верил глазам,
Шагая по камням тревожным...*

Всё оттого, что:

*Приметы времени во всём –
В траве, в окраске мха,
И как склонилась над ручьём
Усталая ольха...*

Всё потому, что:

*На свидание с Небом я вышел
Средь притихших полей и холмов...
Вечный я житель покинутых мест –
Тучек озябших и ёлок окрест.*

Всё потому, что «я чувствую времени бег», что видится, как «рушатся стены и троны», всё потому, что «мы для природы всего лишь помехи» и что «может быть, лучше природе без нас»...

Как геолога, его не могли не интересоваться предшественники, внесшие свой вклад в исследование и изучение Сибири, её богатств и недр. Среди таковых Н. М. Пржевальский и П. П. Семёнов-Тяньшанский, А. П. Окладников и В. А. Обручев,

И. В. Мушкетов и М. А. Усов. Биография и труды великого путешественника, геолога и исследователя Сибири и труднодоступных районов Средней Азии Ивана Васильевича Мушкетова послужили основой для написания Геннадием Кругляковым о нём книги «Пегие горы», которая вышла в Алма-Ате в 1986 году.

Однако вернёмся к тому времени, когда лично я узнал о существовании моего земляка – поэта Геннадия Круглякова.

Сразу же после моего заочного знакомства с Геннадием через его книгу появилось желание познакомиться с ним лично или для начала хотя бы написать письмо. Сделал я это едва ли не на следующий день. Написал очень тёплое и ностальгическое письмо, сообщив ему о нашем многом общении. Однако как было отправить это письмо адресату, ведь в нашем Доме литераторов его адреса никто не знал. Не мог мне толком никто сказать – и каким образом оказалась его книга в ДЛК. Кто её туда принёс?

С большим трудом, окольными путями, сначала через маму, потом через Миню Сеницына, его младшую сестру Екатерину, живущую в Томске, я наконец-то добрался и до распространителя книги Геннадия Круглякова – жены его двоюродного дяди Павла Захарова (родного дяди Мини и Шурика Сеницыных), живущей в Томске. От неё (Людмилы) я выяснил, что Геннадий Владимирович живёт теперь в подмосковном городе Электросталь, узнал его почтовый и домашний адрес.

Моё письмо ушло в надежде на скорый ответ. Увы, такового не последовало.

Вскоре, в марте 2005 года, я побывал на очередном школьном юбилее в Пудино, где в числе именитых учеников и выпускников Пудинской средней школы числились Владимир Крюков и мы с Кругляковым – как писатели России. Я надеялся на встречу и знакомство с ним. Увы, этого не случилось: Геннадий не смог приехать на встречу, послав туда лишь поздравительную телеграмму и парочку экземпляров своей последней книги.

А к этому времени у меня вышла новая книга «На рифах памяти». И опять – про наши с ним родные места и ностальгические времена. На вечере встречи выпускников школы я делал видеозаписи и даже специально сфотографировался с моими земляками – троюродными братьями и сестрой Геннадия Круглякова, с прицелом – выслать ему всё это с очередным письмом.

Кроме прочего, у меня была и ещё одна подспудная цель: а не напишет ли он свой авторитетный и компетентный отзыв о моей последней книге?

Наконец вместо письма в моей городской кемеровской квартире раздался телефонный звонок, по

межгороду. Слегка запинаящийся и путающийся волнительный голос представился: «Гена Кругляков».

Он благодарил меня за письма, фотографии с вечера встречи и мои книги. Поскольку о книгах речь шла весьма сдержанно и даже как бы окольно, я понял, что до них у него пока дело не дошло и времени не хватило... Жаль... От такого разговора с ним по телефону настроение моё было несколько подавленным, и представление о Геннадии Круглякове как человеке – не самое приятное.

А через некоторое время, в самом начале осени 2005 года, опять же по телефону, Геннадий сообщил мне, что собирается в Томск и планирует навестить в Кемерово. Я обрадовался такой появившейся возможности.

Рано утром 28 сентября он опять позвонил. И попросил, чтобы я встретил его на кемеровском автовокзале. В этот день почти вся наша пишущая братия провожала в последний путь большого друга писателей – народного художника России Виктора Сергеевича Зевакина. Поэтому в ДЛК никого не было, и я решил привезти его к себе домой. Вот что осталось в моих дневниковых записях о той встрече с Геннадием Кругляковым.

30 сентября 2005 г.

Позавчера состоялась ещё одна интересная встреча. Точнее, визуальное знакомство с Геннадием Кругляковым. Приехал он проездом из Москвы, через Томск. Я его встретил на вокзале, привёз к себе домой. Взяли бутылку сухого красного вина и полторашку пива. На скорую руку сготовил и закусить. Включил видеозаписи с Пудинских школьных встреч... Помянули недавно погибшего моего друга, а его троюродного брата – Михаила Сеницына, который меня-то и вывел ещё лет пять назад на поэта Круглякова.

Много говорили о поэзии и поэтах. Кстати, сам Кругляков – человек весьма своеобразный. За кажущейся простотой и демократичностью чувствуется уже некоторый латентный снобизм и высокомерие по отношению к провинциалам... Категоричен в суждениях, непримирим к графоманам.

Из тех моих книжек, что я ему выслал, он, похоже, прочитал не более двух-трёх рассказов. Хотя меня называет писателем (особенно в разговорах по телефону со своими знакомыми). Я же подписал и две своих книжки его томскому приятелю-земляку профессору ТПИ А. М. Гуртякову. (Я о нём слышан, но не знаком.) Покорбило меня как профессионального библиотекаря его отношение к дарственным книгам вообще. Сказал, что и хранить многое не стоит, и выбрасывать не очень хорошо... Что уж говорить про то, что он их внимательно читает... Так, разве что перелистнёт иногда, засунув потом в какую-нибудь темнушку.

Показал ему наш журнал «Огни Кузбасса». Он его даже толком и не посмотрел. Правда, поинтересовался, кто такой Михаил Анохин. Эта фамилия для него ассоциативна с его погибшим другом из студенческой томской юности.

Много рассказывал о знакомствах с Леонидом Мартыновым, Виктором Боковым, Олжасом Сулейменовым, Валентином Распутиным, Юрием Кузнецовым, Анатолием Парпарой, Станиславом Куняевым... Поносил Московскую писательскую организацию во главе с Гусевым, в которой уже порядка 1 700 членов, огульно называя всех их графоманами.

Честно признаюсь, ожидал от подобной встречи большей теплоты и взаимопонимания... Вроде всё не так уж и плохо, но какая-то трещина и даже расширяющаяся дистанционность обозначилась. А накануне, буквально за день, я в «ударе нежных чувств» к малой родине и друзьям, особенно к так нелепо погибшему Мине Синицыну, просматривал видеозаписи. И даже наметил для себя: сделать видеодубль именно для Круглякова и отослать кассету в Москву. На ней – его троюродные братья со стороны Захаровых и Синицыных... Теперь убедился: ему это не очень-то и нужно...

Кругляков выразил сожаление, что не удалось встретиться в Кемерове с Махаловым и Юровым. Вспомнил про Мазаева и Донбая...

Однако книжку свою, которую я заполучил в нашем ЦДЛК ещё год назад, он подписал мне довольно тепло: «Дорогому Виктору Арнаутову – земляку, более, чем земляку, близкому человеку по восприятию этого грустного мира... Искренне – Геннадий Кругляков». Ну, и на том спасибо...

Как ни странно, но после этой встречи отношения наши стали налаживаться в лучшую сторону. Особенно после того, как он прочитал мои книги. Частенько стал он позванивать мне по телефону из Электростали. Обычно уже в состоянии лёгкой прострации от принятого веселящего. Вот ещё одна запись моего дневника:

14 января 2006 г.

Позавчера позвонил из Москвы Г. В. Кругляков, поздравил с Рождеством и Новым годом, сообщил, что родилась у него очередная внучка. Хвалил опять мою прозу. Только лучше бы он написал что-нибудь о ней критического – было бы нечто материальное, а не устно-хвалебное.

Я сделал фотографии для своего писательского фотоальбома. Пополнил фотками, где я с Геннадием Кругляковым и с другом, новокузнецким писателем Владимиром Максимовичем Неунывахиным. Поразительное внешнее сходство между ними! Они и возрастом одинаковы. Просто почти одно и то же лицо! Бывают же такие вот сюрпризы и загадки Природы!

В Томске со временем образовалось своеобразное землячество бывших пудинцев, которые ежегодно, в середине августа, на День физкультурника, собираются человек по тридцать на пригородной даче мастера спорта и бывшего чемпиона России по мотогонкам – нашего земляка Владимира Махно. Среди участников этого «форума» встречаются доктора и кандидаты наук, профессора и доценты вузов, учителя и врачи, военные и инженеры, спортсмены и директора предприятий, культработники и телевизионщики, поэты и прозаики. И не только одни нынешние томиичи, но и новосибирцы, алтайцы, кемеровчане.

На одну из таких встреч пригласили и меня, соблазнив тем, что на неё обещается приехать из Москвы и Геннадий Кругляков. Я связался с ним по телефону. Он подтвердил это.

Мало того, он сообщил, что намерен после встречи съездить и в наше Пудино, побывать и поклониться родным Красному Яру и Ляшкино... А поскольку не стало Мины Синицына, его троюродного брата и моего однокашника, я даже посоветовал ему остановиться там у моей мамы.

Встреча пудинцев состоялась, как и намечалось, в августе 2008 года в Тимирязево – пригороде Томска, на даче у Володи Махно. Приехал туда и я из Кемерова, со своими школьными друзьями – томичом Николаем Ковшаровым и шегарцем Анатолием Устюговым. Только на встрече этой Геннадия Круглякова не было.

Его вообще уже не было в живых...

Но остались его книги и стихи. Много стихов. Среди которых и вот это:

Слушая реки и травы,
Ранние голоса,
Думаешь: «Господи правый,
Так ли прозрачна роса?
Так ли бездонны озёра
С чистою божьей водой?»
Колокол звёздного хора
Грозно гудит над тобой.
Выдержать с нами соседство
Больше не в силах леса.
Есть лишь последнее средство –
Грозные небеса.
Небо огнём разразится,
В недрах послышится рык,
Чтобы освободиться
От неразумных владык...
Слушая реки и травы,
Милую детскую речь,
Думаешь: «Господи правый,
Как их навек уберечь?»

Фильму «Праздники детства» – 35 лет.
Шукшинским дням на Алтае – 40

Ольга ПАВЛОВА

ДВА ЮБИЛЕА

Летом этого года исполнилось тридцать пять лет фильму «Праздники детства», четыре десятилетия проходят на Алтае Шукшинские дни. Два эти события я поставила рядом, хотя кинокартина, основанная на воспоминаниях Василия Макаровича Шукшина о детских годах, не получила широкой зрительской известности. С годами и вовсе она юному поколению может показаться скучноватой – нет в ней яркого, динамичного сюжета, явной борьбы добра со злом тоже нет, да и романтическая история двух влюблённых, на первый взгляд, проста, обыденна даже.

Авторы фильма выбрали мягкие, тёплые и задушевные краски для описания характеров главных героев, сама природа алтайских предгорий умиротворяюще хороша и величественна. И тем острее ощущение надвигающейся беды – военного лихолетия Великой Отечественной... Но жизнь сельской глубинки, враз осиротевшей после проводов почти всего трудоспособного мужского населения на фронт, и определила характер будущей творческой личности, прославившей Россию на весь мир.

Слова Василия Шукшина – яркая иллюстрация впечатлений детства в родном селе: «...Я теперь догадываюсь, что в трудную, горькую пору нашей жизни радость – пусть маленькая, редкая – переживается острее, чище. Это были праздники, которые я берегу – они сами сберегаются всю жизнь потом. Лучшего пока не было...»

Мои встречи с творчеством Шукшина в детстве – это поездка с классом из города Бийска в его родное село Сростки весной в музей. «И слышно под шуршанье шин... Шишков, Шукшин», – читала нам стихи экскурсовод. И мы искали книги, смотрели фильмы и актерские работы с особым чувством гордости за своего знаменитого земляка. А потом, много позже, появились мои стихи «Сюжеты сросткинских рассветов»:

В Сростках рассвет золотится,
Свежестью дышит Пикет.
Может, мне снова приснится
Этот далёкий сюжет...
Школьной экскурсии братство.
И под мелодию шин –
Нашего края богатство,
Где и Шишков, и Шукшин
В строчках знакомых поэта
Вновь оживают для нас.
Сростки в преддверии лета
Дарят тот памятный час,
Что мы забыть не сумеем
В чересполосице лет.
И, неизбежно взрослея,
Снова взойдем на Пикет,
Где выпускные рассветы
Наших детей вдохновят,
Новые будут сюжеты,
Юности искренний взгляд.

В Бийском лицее я учила внучатого племянника Шукшина Сашу Зиновьева. Он мне запомнился как весёлый, открытый, артистичный семилетний ребёнок. У меня был класс мальчиков – проводился тогда, в 90-е, эксперимент (дольше года такая раздельная форма обучения в лицее не продержалась).

Как-то раз весь класс, затаив дыхание, слушал в исполнении Саши известную сказку С. Маршака «О глупом мышонке» на новый лад, где этот непослушный герой остаётся невредим. Общалась я и с заботливой, обаятельной бабушкой Саши – Натальей Макаровной Зиновьевой, родной сестрой В. М. Шукшина, той самой маленькой Талей из «Праздников детства». Иногда мы беседовали с отцом мальчика, Александром Зиновьевым. Он возглавлял в начале 1990-х одну из бийских телекомпаний, а в 1981 году снялся в эпизодической роли красноармейца, который отправлялся на фронт из родного села.

Через несколько лет я работала в Бийском краеведческом музее им. В. В. Бианки и редактировала несколько альманахов «Краеведческий вестник», один из которых был полностью посвящён прозе и поэзии разных авторов о Шукшине.

ГРОЗДЬЯ КАЛИНЫ КРАСНОЙ

Организовывал ли кто-то официально первые Шукшинские чтения на родине Василия Макаровича в селе Сростки Алтайского края? Нет. Но однажды, в очередной день его рождения, 25 июля 1975 года, почитатели его таланта сами пришли на гору Пикет, на то место, где он в финале «Печек-ла-

вочек» сказал: «Всё, ребята!». Памятны многим полные драматизма кадры его «Калины красной», тоже снимавшейся на Алтае. А ныне, начиная с 1976 года, со всей нашей страны, из ближнего и дальнего зарубежья приезжают люди в сибирское село, посещают музей, поднимаются на гору Пикет – эпицентр всех событий праздника. Всероссийский фестиваль «Шукшинские дни на Алтае» проводится каждый год в июле, а истоки его – в обычных литературных чтениях. Произведения писателя читают на болгарском, немецком, польском, французском, арабском, английском, японском и других языках.

Как богата палитра творчества Шукшина! Теперь поклонники его литературного таланта участвуют не только в чтениях, но и в научно-практических конференциях, которые проводятся в музеях и библиотеках Алтайского края. Любители кинематографа знакомятся с лучшими фильмами отечественного кинопроката, могут побеседовать с известными и начинающими артистами. На Алтае с 1999 года, когда отмечалось 70-летие со дня рождения Василия Макаровича, проводится Всероссийский кинофестиваль современных фильмов, близких по тематике творчеству известного киносценариста, режиссёра и артиста. И ещё фестивали в рамках Шукшинских дней: песенный – «В гостях у Шукшина» и самодеятельных коллективов – «Театральная провинция».

Именем В. М. Шукшина названы улицы, театры, библиотеки, школы, высшие учебные заведения и даже... планета. Ему посвящены фильмы и книги, установлено несколько памятников. Можно вспомнить известное высказывание этого неравнодушно-го человека: «Что происходит с нами сегодня? Я ищу героя нашего времени... герой нашего времени – демагог... Я достану его с помощью слова, а скорее – в кино».

Несколько лет назад Леонид Якубович, делая документально-художественный фильм о Шукшине, в конце повествования сказал следующее: «Молодые артисты с удовольствием принимали участие в съёмках нашего фильма, а когда работа закончилась, спросили: «А кто это – Шукшин?». Так что же происходит с нами сегодня? И кто герой нашего времени?»

На этот вопрос ещё со студенческой скамьи пытались найти ответ будущие режиссёры Василий Шукшин и редкий на сегодня даже в мировых масштабах творческий и семейный тандем – супруги Григорьевы. Юрий рассказывал: «Для нас с Ренитой встреча с Шукшиным стала настоящим переворотом. Такая удача выпадает в жизни человека всего

один или два раза. Помимо таланта, нас удивляла его невероятная работоспособность. Он одновременно успевал быть актёром, писателем и режиссёром, не позволяя себе схалтурить ни в одной из этих ипостасей». Воспоминания Рениты Григорьевой полны скорби о безвременной потере друга и единомышленника – Василий Макарович скоропостижно умер 2 октября 1974 года в станице Клетской Волгоградской области на съёмках фильма «Они сражались за Родину»: «Когда Шукшин погиб (я считаю, что он именно погиб, как солдат на посту), мама и сестра хотели похоронить его в родном селе. Мы их долго уговаривали, потом «боролись» за место на Новодевичьем. И сегодня я уверена, что тогда мы поступили правильно, похоронив его рядом с могилами Гоголя, Чехова, Булгакова. Помню, мы в траурном автобусе уже подъезжали по Пироговке к Новодевичьему кладбищу, а по обеим сторонам дороги стояли толпы людей с красными флажками, как на встрече официальной делегации. Но мы присмотрелись – да это же гроздь калины! Когда люди успели достать калину? Я тогда подумала, какой же у нас народ чуткий».

ТРИ РЕЖИССЁРА

В наши дни Ренита Андреевна и Юрий Валентинович Григорьевы известны зрителям как авторы многих документальных и художественных фильмов, среди которых: «Праздники детства», «Говорит Москва», «Мальчики»... Они помогали Василию Макаровичу при жизни и бережно хранят память о нём, открывая музеи, снимая о нём кинокартины, собирая воспоминания его родных и друзей. Много фотографий Шукшина, сделанных Юрием Григорьевым, теперь сопровождают публикации и книги.

Знакомство Григорьевых с Шукшиным состоялось во ВГИКе. Они поступили с исторического факультета МГУ сразу на третий курс, к Сергею Аполлинариевичу Герасимову. В это время Василий был второкурсником в мастерской Михаила Ильича Ромма. И будущие режиссёры всегда ходили смотреть работы друг друга. Хотя с Василием уже тогда многие хотели подружиться, но это было непросто. Он чувствовал близких по духу людей. И друзей у Шукшина было немного. Ренита Андреевна поделилась со зрителями на одной из творческих встреч:

– Когда мы познакомились, он обронил: «На сестру мою, на Натаху, похожа». Только потом я поняла, какой это был комплимент в его устах. Сестру свою он очень любил.

Дружба коренных москвичей с университетским образованием и парня из сибирского села со сто-

роны казалась удивительной. Но это Юрий Валентинович Григорьев объяснял просто:

– Нам, совсем не знавшим деревни, интересно было открыть для себя тот мир. А ему, наоборот, был интересен город... Он быстро и много читал, интересовался современной жизнью. Когда Шукшина-выпускника попросили освободить общежитие, он стал жить у друзей – у него не было ни прописки, ни своего угла. Но уехать из Москвы Вася никак не мог: не отпускали писательские дела в редакции журналов и газет. Много снимался как актёр. И самое главное, он хотел именно на московской киностудии сделать свою первую режиссёрскую работу в кино. У нас в квартире он прожил полгода... Как-то обмолвился, что перед войной его мать в деревне называли «сибулонка» (производное от Сиблаг). Он не любил касаться этой темы, видно, рана в его душе осталась на всю жизнь.

По ложному доносу отец Шукшина был арестован и расстрелян, но позже реабилитирован. А мать маленьких Васи и Тали, Мария Сергеевна, в свои двадцать два года осталась вдовой. И это было только началом тяжёлых испытаний, выпавших на долю простой российской семьи. Во времена СССР окружающим казалось, что Василий Макарович атеист. Но, приезжая в Сростки к матери, он мог спросить: «А где же иконы?» И понимал: убрали их, чтоб не было у него неприятностей. Много позже в московском кабинете Шукшина иконы всё же были. Мольбой его героя Егора Прокудина из «Калины красной» в сцене у церкви вся Россия потрясена была: «Господи, прости меня!».

Сборник рассказов «Из детских лет Ивана Попова» – одна из последних шукшинских книг. В ней отражены реальные факты биографии, она и стала основой для сценария фильма «Праздники детства». Соавторы сценария и режиссёры – Юрий и Ренита Григорьевы. Они вместе заявили о себе вначале в документальном кино, а позже работали на студии Горького в Москве. В память о своём друге Шукшине Григорьевы в 1981 году сняли фильм на родине Василия Макаровича. Картина эта в 1982 году на XV Всесоюзном кинофестивале в Таллине завоёвывает Первый приз и диплом как лучшая для детей и юношества. Творческому коллективу фильма: авторам сценария и режиссёрам Р. и Ю. Григорьевым, оператору Н. Пучкову, художнику Г. Анфиловой, композитору П. Чекалову, актрисе Л. Зайцевой – будет вручена Государственная премия СССР в 1983 году.

В фильме по тем временам много новаторских находок. Он цветной, когда повествует о мирной сельской жизни, и чёрно-белый, когда показывает

сцены проводов односельчан на фронт. В начале и в конце кинокартины от автора выступает сам Василий Макарович Шукшин – кадры хроники сохранили эпизод, где знаменитый режиссёр, артист и писатель сам размахисто косит траву простой литовской, а в финале звучат его слова из книги: «Не робей, Ваня! Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы... Помни это! Будь человеком!» Да и природа сибирская, суровая и щедрая в разные времена года, тоже – живой, действующий, трепещущий и оберегающий людей киногорой.

ФИЛЬМ И ГЛАВНЫЕ РОЛИ

Вокруг фильма «Праздники детства» много интересных, порой удивительных историй. В далёких шестидесятых Ренита и Юрий Григорьевы снялись в эпизоде у режиссёра Шукшина в его фильме «Живёт такой парень», сыграв недовольных супругов из города, оказавшихся на Алтае, путешествуя по Чуйскому тракту. А потом, спустя лет восемнадцать, для своего фильма о детстве Василия Макаровича они долго и вдумчиво выбирали артистов. Главные герои кинокартины – взрослая пара, мать и отчим подростка Ивана Попова и его сестры Тали – и в жизни стали семьёй. Полюбили друг друга, поженились. Вскоре, в 1982 году, появилась на свет их дочь, тоже ставшая актрисой.

Итак, обо всём по порядку. Неслучайно на роль мамы Ивана Попова была назначена уже тогда известная по фильмам «А зори здесь тихие», «Строговы», «Печки-лавочки» и другим московская актриса Людмила Васильевна Зайцева. Ей, родившейся в небольшом хуторке Восточный Краснодарского края, с детства был близок простой крестьянский труд. Доброта и строгость, сильный характер и нежность к близким и друзьям – всё сочеталось в этой женщине. Уже в 1989 году Людмиле Зайцевой будет присвоено звание «Народная артистка РСФСР». Поразительно и внешнее сходство актрисы с Марией Сергеевной, мамой Шукшина, а с ней режиссёры Григорьевы были знакомы лично, общались, приезжая в гости в Сростки. Большие семьи в дореволюционной России не были редкостью, Мария Сергеевна была седьмым ребёнком. А прадеды Шукшина прибыли в Сибирь из Самарской губернии и Поволжья.

Порой судьба сводит людей вместе самым затайливым образом. Геннадий Анатольевич Воронин, окончив театральный факультет Дальневосточного пединститута искусств, оказался на Алтае, в драмтеатре города Бийска. Именно он был выбран на роль мужественного, немногословного и совестливого от-

чима Павла в фильме «Праздники детства». В первых сценах мирной сельской жизни мы видим беседу подростка Вани и его деда о родной земле, о том, чем песни от стихов отличаются. Дед говорит внуку, что песни складываются и от горя большого, чтобы легче стало. Мама ребятешек Мария встречается у реки с Павлом и говорит, чтоб не ходил он за ней, вдовой с детьми. А парень готов жениться, он спрашивает разрешения у сына Вани – старшего мужчины в семье. Маленькая Таля прыгает от радости. Всё село празднует широкую свадьбу, только Иван невесел. Не хочет он уезжать всей семьёй из родных мест в город. И снова дед, сочувствуя внуку, убеждает его, что не только себя любить надо, но и маму понять.

Терпеливый характер Павла раскрывается и в сцене, когда Ваня намеренно курит, пытаясь вызвать гнев отчима, но тот только головой качает: «Эх ты! Голова садовая!» И вот вся семья едет в город на телеге с нехитрым скарбом, рядом идёт корова-кормилица. Задушевные беседы о будущем семьи Павла и Марии касаются и стихов Лермонтова, и необходимости учиться. А Ваня, подхватив Талю, снова пытается сбежать. Отчим верхом догоняет их. Девочка спрашивает: «Ты правда наш настоящий папка?» И Павел подтверждает это каждым своим поступком. Но недолгой будет жизнь в городе, вернётся семья в родное село. Отчим окажется на фронте, и только нежные письма, солдатские треугольники, будут связывать его с близкими людьми. Оборвётся и эта ниточка. Похоронка сообщает о геройской гибели хозяина семьи. В коротких шукшинских строчках столько боли: «...А вот моя мать (М. С. Куксина)... дважды была замужем, дважды оставалась вдовой. Первый раз овдовела в 22 года, второй раз – в 31 год, в 1942 г.»

На главную роль подростка Ивана Попова был взят воспитанник Бийского интерната Серёжа Амосов. А ведь сам режиссёр и сценарист фильма Юрий Григорьев – приёмный сын кинооператора Бориса Александровича Петрова. Артист Геннадий Воронин привёз на кинопробы Серёжу и рассказывал: «Что-то мне в нём показалось такое... пронзительное. Глаза, наверное. Видно было сразу, что он добрый мальчишка, чистый. И весь жар своего загородного сердечка он вложил в эту роль. В нём и сегодня всё это осталось, он молодец. Можно действительно поверить, что «всё было не зря». Фильм «Праздники детства» во многом хорош благодаря душевной отдаче Серёжи, играющего роль Вани Попова. Настоящий мужчина!»

Потом Сергей сыграл в фильме режиссёров Григорьевых «Говорит Москва». Это его вторая роль

в юношеском возрасте. А третья – спустя много непростых для нашей страны лет. В 2009 году режиссёр, автор сценария и продюсер Лидия Боброва нашла Сергея Амосова и утвердила его на роль в своём фильме-драме «Верую» по трём рассказам В. М. Шукшина: «Верую», «Забуксовал» и «Залётный». Картина снималась на киностудии «Ленфильм». В очерке, посвящённом фильму, Татьяна Аверьянова пишет: «Три рассказа Василия Шукшина режиссёр объединила в фильме одним эпиграфом, известными словами писателя: «Важно прорваться в будущую Россию»... Путь духовного возрождения – от тоски, безверия... до высокого поиска Бога». Ныне Сергей Владимирович Амосов живёт в селе Тюменцево Алтайского края, работает у местного фермера.

Артисты Геннадий Воронин и Людмила Зайцева поженились, жили в Москве, растили дочь Василису. После окончания режиссёрского отделения Высших курсов сценаристов и режиссёров мастерской Владимира Грамматикова в 1982 году Геннадий Анатольевич как режиссёр и сценарист снял несколько фильмов. Среди них: «Мария Магдалина», «Два берега». Известны его актёрские работы в картинах «Варварин день», «После войны», «Клан». Он был художественным руководителем телепередачи «Парламентский час». Геннадий Воронин ушёл из жизни 23 июня 2011 года в Москве.

Людмила Васильевна Зайцева после фильма «Праздники детства» много снималась в кино. Она награждена серебряной медалью имени А. Довженко (1986) за роль в фильме «Говорит Москва». После участия в фильмах В. Пичула «Маленькая Вера» и «Мечты идиота» актриса попробовала свои силы в отрицательных, острохарактерных ролях: удачно сыграла роль Ефросиньи в драме Виталия Мельникова «Царевич Алексей» и Екатерину Иоанновну Мекленбургскую в сериале Светланы Дружининой «Тайны дворцовых переворотов».

Василиса Геннадьевна Воронина пошла по стопам родителей. В 2004 году окончив ВГИК, она успешно снимается в кино. А еще Василиса Воронина озвучивает иностранные фильмы (производство США, Германии, Дании, Норвегии, Швеции, Франции, Великобритании). Из отечественных кинокартин можно отметить такие, как: «Глухарь», «Угон», «Личная жизнь доктора Селивановой», «Два берега» и многие другие.

ЭПИЗОДЫ ТОЖЕ ВАЖНЫ

Бывали до войны с фашистской Германией праздники – как раньше умели радоваться на селе!

Братья Заволокины, Александр и Геннадий, певцы, композиторы и музыканты из Новосибирска, авторы всенародно любимого до сих пор проекта «Играй, гармонь любимая!», снялись в фильме в роли бравых частушечников. «Два сельских парня идут по улице на вечерку, разбитные, удалые, в кепочках, в сапогах, один с балалайкой, в накинута на плечи пиджаке, другой – с гармошкой... И такая у них походочка – кандибобером, и такие улыбочки, и такая частушка из уст... Такими их знала вся страна – огромная, ещё советская, такими их любили все: от родной улицы, на которой выросли, до далёкой столичной публики», – делится с читателями один из авторов книги «Созидатели. Очерки о людях, вписавших своё имя в историю Новосибирска».

И на фронт эти ребята тоже уходят, играя односельчанам, возможно, в последний раз. «А впереди у этих артистов – ещё двадцать лет счастливой жизни на сценах страны... Братья Заволокины не случайно снимались в этом фильме: к тому времени они изъездили и исходили шукшинские места, знакомясь с людьми, записывая частушки – в память о любимом своём писателе. Да и лучших, чем они, исполнителей этих самых частушек трудно было сыскать». Как тут не согласиться с мнением новосибирцев о них?

Хотя подросток Иван Попов в годы войны жил в глубоком тылу со своей матерью и сестрёнкой, но, даже выполняя не по-детски тяжёлую работу на селе, мальчик находит поводы для радости и счастливых моментов. Сестра Наталья Зиновьева (Шукшина) в своих книгах о брате с теплом вспоминает: «Вася с детства был жалостливым. Случалось, разобью я тарелку, он опережает меня: «Я её разбил нечаянно»... Я даже делилась с ним кусочком сахара, который мама нам выдавала два раза в неделю. Зимой Вася в школу ходил с холщовой сумкой, в которой вместе с учебниками были бабки. Играли мальчишки после школы на льду замёрзшей Катунь... Ну а я уже в позе: ни одного урока не сделал!.. Прокати меня на горбушке (на спине) десять раз от дивана до кровати! И он чуть ли не бегом, подкидывал меня и взвизгивал, как будто лошадь... Вот так и ездил на нём за каждую его провинность... Когда умер муж и я осталась одна с двумя пятилетними детьми, он помогал мне материально, и я ему как-то сказала: «Езжу, Вася, на твоей горбушке до сих пор».

Сестрёнку Вани Попова в фильме сыграла маленькая Оксана Захарова, и ещё два фильма на счету юной актрисы: «Говорит Москва» и «Два берега». Запомнилась Тале с детства чугуночка, в которой мама делала кашу или затируху – вкрутую замешенное и растёртое в крошки тесто. Обычно варили её

на молоке. В школе зимой дети занимались в стареньких фуфайчонках. Валенки у Васи были подшиты, он перетягивал их верёвочкой, если отлетала подшивка. Сестра ходила в домотканом и сшитом мамой платье. Его если выстираешь, можно было ставить сушить. Писали ребята на старых книгах ручками-палочками, выломанными из веника. Наташа готовила чернила из сажи и разводила её горячей водой, помешивая. Использовали и марганцовку, но она была редкостью. В военные годы, особенно летом, мужская работа была на плечах женщин и подростков. С 11–13-летних спрашивали, как со взрослых.

Строго, но справедливо, используя природное чувство юмора, командовал работой женщин и подростков на полях и ферме в фильме «Праздники детства» инвалид войны, его достоверно сыграл Алексей Захарович Ванин, земляк Василия Макаровича Шукшина. Он родился в селе Благовещенское Алтайского края, был на фронтах Великой Отечественной войны; после – демобилизация, школа тренеров, занятия классической борьбой, учёба в Институте физической культуры, Московская школа машинистов локомотивов и электровозов. С 1962 года Алексей Захарович работал тренером в ДСО «Локомотив». В 1954 году борец Алексей Ванин дебютировал в фильме «Чемпион мира» в роли деревенского кузнеца Ильи Громова, ставшего чемпионом мира. Пришла известность, Ванина стали приглашать сниматься в кино.

На съёмках фильма «Золотой эшелон» борец подружился с В. М. Шукшиным. Алексей Захарович снялся в двух картинах Шукшина – «Ваш сын и брат» (старший сын Игнат, борец в цирке) и «Калина красная» (Пётр, брат Любы). А вместе они оказались в фильме «Они сражались за Родину» С. Бондарчука. С начала 1970-х годов А. З. Ванин много снимается в эпизодах кинофильмов: «Конец Любавиных», «Вечный зов», «Говорит Москва», «Гардемарины, вперед!» и многих других.

Алексей Захарович Ванин – мастер спорта по классической борьбе, неоднократно выигрывал первенства Москвы и Вооружённых Сил, входил в состав сборной СССР. С 1998 года в подмосковной Щербинке проходит Всероссийский юношеский турнир по греко-римской борьбе на призы Алексея Ванина.

Он ушёл из жизни 22 мая 2012 года.

Увлечение книгами к Василию Шукшину пришло как-то сразу. Все его школьные учебники были без корочек. Он в них вкладывал художественную книжку, ставил её на стол и читал. Брал Вася книги из библиотеки и тайком из школьного шкафа, который

стоял в коридоре. Читал он днём и ночью при лунном свете или с жировухой. Наливал во флакончик жира, протягивал верёвочку через картофельный пластик, укрывался одеялом с головой и читал. А однажды заснул и чудом не задохнулся, но одеяло прожёл. Кадры фильма режиссёров Григорьевых рассказывают, как в зимнее время дети втроём с мамой залезали на русскую печку, ставили рядышком лампу. Вася читал вслух. Он переживал до слёз, когда сестра с мамой не могли пересказывать прочитанное им.

Шукшин отмечал: «Так у меня случилось, что лет с 12 мне стали помогать выбирать, что читать. Сперва это была ленинградская учительница, которая в войну оказалась в нашей деревне, преподавала в школе». Известно, что после войны эта учительница – Анна Павловна Тиссаревская – вернулась в Ленинград.

Осенью 1942 года Мария Сергеевна отправляет Василия в Онгудай к крёстному, Павлу Сергеевичу Попову, учиться на бухгалтера. Этот эпизод есть в фильме. Иван едет на грузовике со знакомым парнем по Чуйскому тракту и чуть не становится жертвой хулиганов, но взятое шофёром ружьё распугивает их. Тогда учиться парнишке не пришлось. Шукшин утверждал: «Бухгалтерия совершенно искренно не полезла мне в голову». А его друзья рассказывали: «В суровую военную зиму 1942 года выходили мы на Чуйский тракт – по нему из дружественной Монголии в Бийск шли караваны верблюдов. Погонщики нам давали клочки шерсти. Из них вязали носки и перчатки и отправляли в школьных посылках на фронт. Мы ещё создали драмкружок, где с большим усердием старались подготовить и поставить на клубной сцене «Остров сокровищ» Стивенсона».

Троюродная сестра Шукшина Надежда Алексеевна Ядыкина снялась в роли учительницы в фильме «Праздники детства», её судьба легла в основу новой книги Тамары Поповой «Благослови» (с. Верх-Катунское, Алтайский край). Н. А. Ядыкина – выпускница пединститута, много лет отдавшая работе в школе учителем и завучем. Она тяжело переживала утрату знаменитого и любимого брата. Под её руководством много лет выступал перед зрителями ансамбль «Шукшинята».

В сентябре 1981 года в селе Сростки начались съёмки фильма «Праздники детства», и целый учебный год школа жила этим. Надежда Алексеевна уведомляла ребят о начале репетиций, проверяла явку. Следила, как ребята одеты (соответствует ли их одежда времени, отражавшему ход событий)... Шестеро сростинских мальчишек играли второстепен-

ные роли. Надежда Алексеевна давала консультации по оформлению класса.

ГЕРОИ МАССОВЫХ СЦЕН

Лето 1981 года. Жара. Снимаются в Сростках, на горе Пикет, массовые сцены проводов на фронт односельчан. Участвуют местные жители и студенты бийских учебных заведений. Случайно найденное старое фото кинотеатра «Октябрь» в городе Бийске столько воспоминаний вызвало и послужило поводом написать этот очерк.

Девушки моего курса Бийского пединститута (ныне педуниверситета им. В. М. Шукшина) были на съёмках фильма. Предлагаю читателям их воспоминания спустя тридцать пять лет. Кто-то из них остался работать по специальности учителем в родном селе и городе, другие разъехались по просторам нашей родины, были и те, кто выбрал постоянным местом жительства другую страну.

Людмила Дубова (Лямцева): «А помните, девочки, фильм «Праздники детства» по рассказам Шукшина, мы участвовали в массовке, а когда он вышел, смотрели премьеру в зареченском кинотеатре «Октябрь» Бийска?»

Татьяна Харитоновна: «Да, я помню: под жарким июньским солнцем мы (студентки) шли вслед за солдатами, уходящими на фронт... Так это продолжалось довольно долго. Случился сердечный приступ у кинорежиссёра, и был объявлен перерыв. Затем всё повторяли вновь и вновь. Тогда я поняла, что актрисы из меня не получится... Предложение поучаствовать в киносъёмках в ближайшие два дня я не приняла. Год был 1981-й, помню и премьеру этого фильма.

Я видела артистов Воронина и Зайцеву в работе и на отдыхе».

Татьяна Романенко (Веселова): «Нас пригласили на массовку через комитет комсомола. Мы были на съёмках один день (я, Люся Лямцева, Марина Узварова, а Галина Косменюк была неоднократно). Режиссёры Григорьевы предупредили, что сегодня (было 22 июня) будут снимать на чёрно-белую плёнку проводы на войну. Студенты химикотехнологического техникума приехали раньше нас. Несколько девчонок примерили одежду, которую им выдали. Переодетым был и парень с ИПФ нашего института. Я тогда поняла, насколько трудна профессия актёра. Чтобы снять момент, когда машины едут на Чуйский тракт, весь народ очень долго ждал, когда солнце повернётся в нужную сторону. А когда в Сростках возле колонки я мыла руки, подошла актриса Зайцева, извинилась: «Разрешите?». Тоже на-

чала мыть руки. Вернуться бы назад, я бы автограф попросила обязательно. Дело было в воскресенье, 22 июня 1981 года. А в понедельник был экзамен по математике...»

Светлана Динер (Симонова): «Мы сдавали сессию и к нам приехали, попросили помочь в мас-совке, мы снимались один день, так как на другой был экзамен. Снимали весь день две сцены. Первая – мы провожаем новобранцев, вторая – стоим на горе Пикет, смотрим вдаль, как машины уже с горы уезжают. Мальчик, что снимался в главной роли, живёт в нашем селе, у него до сих пор кличка Артист.

Мы в своей одежде были, к нам приезжали в общежитие и просили, чтобы мы постарались одеться просто, платочки на голову. Мы со знакомыми парнями с ИПФ договорились, что их будем обнимать и целовать на прощание, но в толпе их не нашли, а потом они рассказывали, что их подбежали целовать какие-то другие. Да, была сильная жара, и за счёт киностудии поили пивом».

Татьяна Швемлер (Пошелюжная): «К сожалению, я на съёмках не была, готовилась к экзамену по землеведению, а девушки, помню, поехали, потом их попросили переодеться и взять платочки. Вечером вернулись страшно уставшими и обгоревшими, но очень гордыми. Помню, ходили мы все вместе смотреть этот фильм, но ни единого лица не увидели, где-то вдалеке промелькнули девушки, бежавшие за машиной. Девчата немного расстроились, они мечтали посмотреть в старости на себя, на молодых».

Светлана Рыжова (Полыгалова): «Как снимались в фильме, помню. Устали после съёмок. Ходили, ходили за машинами, провожали мужиков... жара... Всю гору излазили. А в фильме минуты две, а может, и меньше был фрагмент. Но всё равно интересно было, одежду подбирали, чтобы подходила».

«22 июня, в год сорокалетия начала Великой Отечественной войны, снималась... сцена этого фильма: проводы на фронт. Местные жители и артисты рыдали так, будто это было на самом деле. Война ушла, но отголоски её живут в душах сельчан. И они вырвались, лишь только напомнили людям о том страшном времени» – это строки из книги Тамары Поповой «Благослови».

В ПАМЯТЬ О ШУКШИНЕ

Шукшинские дни... Они проходят каждое лето в июле на Алтае уже сорок лет. Приехать на родину нашего знаменитого земляка стремятся люди со всех уголков Земли. Кому-то из современников очень близко творчество Василия Макаровича, кто-то выступает с резкой критикой его режиссёрских и ак-

тёрских работ в кино, рассказов и романов. И всё же Шукшинское движение (если так можно выразиться) вбирает в себя всё новые и новые виды деятельности – тут есть о чём поговорить и себя показать не только литераторам и кинематографистам, но и певцам, танцорам, художникам, даже спортсменам!

Шукшинские дни берут старт в столице Алтайского края Барнауле, потом перемещаются в наш Бийск, далее – родина Василия Макаровича – село Сростки, а кинофестиваль проходит в городе-курорте Белокуриха.

Для газеты «Творческий Алтай» я делала очерк о художнике Зауре Ибрагимове. В его мастерской есть картина, где изображены мать и сын Шукшины. И тогда появилось моё стихотворение «Подсолнухи в Сростках»:

Они похожи: мать и сын –
Две солнечных души, два лика.
Стоит задумчиво Шукшин –
Сын Родины своей великой.
И лета ласковый денёк
В улыбках бликами играет.
А из Москвы путь недалёк
К родному, ясному Алтаю,
Где ждёт-тоскует вечно мать:
«Такая, знать, судьба досталась –
Всю боль сыночку принимать».
И сердце вновь сжимает жалость:
«Непросто Васе моему,
Идя по свету, жить и верить.
Земное делать одному,
Где за победами – потери»...
Июль приходит в Сростки вновь,
В саду – подсолнухи – на диво.
О материнская любовь!
Трудней тебя нет и счастливей.
А сын ушёл за Солнцем в путь
И не успел сказать о многом.
Но верил, что когда-нибудь
Вернётся к отчему порогу,
Придёт с заоблачных вершин
В рожденья день. Танцует лето.
С улыбкой солнечной Шукшин
Глядит на земляков с портрета.
Из разных уголков Земли
Идут Пикету поклониться.
И песни слышатся вдали,
И радостью светлеют лица.

Бывала я на Шукшинских чтениях на горе Пикет, там, у памятника Шукшину, съёмочная группа из Барнаула записала чтение моих стихов, и сюжет был показан на одном из краевых телеканалов.

Наталья Зиновьева, сестра Шукшина, всегда удивлялась, как природа, бирюзовый рассвет в родных местах помогали ему в работе, он как будто заряжался, а гора Пикет была его стартовой площадкой. «Каждый его приезд домой был для нас праздником, – писала Наталья Макаровна. – Мои дети очень любили его и звали лёлей Васей (он их в семимесячном возрасте крестил в церкви). Им было по пять лет, когда они лишились отца. Всю заботу о детях (обуть, одеть) Вася взял на себя. Часто у нас собирались тётки – три родные сестры нашей мамы, и Вася просил их спеть песни, которые пелись в деревне. Старинные, как мы их называли... наши, деревенские. Это протяжные застольные народные песни, в которые вкладывалась душа. Что ни слово, то заноза в сердце. Вася любил петь и сам, негромко, приглушенно». Композитор Павел Чекалов написал музыку ко всем шукшинским фильмам. И «Праздники детства» украшены работой этого мастера мелодий.

«И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, – говорил Василий Макарович Шукшин, – какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор крови... И не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу...»

Наталье Макаровне Зиновьевой, схоронившей брата и через пять лет – мать, выпало нести нелёгкое бремя славы, стойкого интереса к творчеству Василия Макаровича. Ей писали учёные и литераторы, студенты-дипломники, иностранные журналисты. Она отправила десятки сотен писем с откликами, рецензиями, просьбами и советами, отстаивая саму суть творчества: народность, правдивость и искренность.

Н. М. Зиновьева окончила Новосибирский педагогический институт, физико-математический факультет. После окончания института работала учителем математики в сельских школах, инженером и преподавателем в Бийске. Наталья Макаровна вспоминала: «В мои тридцать лет (в день моего рождения) умер муж, оставив меня с двумя пятилетними детьми. Горе тяжело перенесла вся наша семья. Мама говорила: «Милая, неужели ты повторяешь мою судьбу?» А Вася взял заботу о племянниках на себя, они его очень любили. Он писал: «Та-

ленька, я помню наше детство до мелочей, в особенности вспомнил его в дни твоего горя... я люблю в тебе маму – ты от неё много взяла и сама этого не замечаешь. Я люблю в тебе, что ты русская. Что ближе тебя у меня на земле никого нет».

Большой вклад внесла Наталья Макаровна в комплектование музейного фонда в селе Сростки, передавала книги Василия Макаровича, предметы домашнего обихода, в том числе и вещи, принадлежавшие М. С. Куксиной. Всё, что отдано в музей сестрой Шукшина, порядка ста предметов, выделено в отдельную коллекцию. Натальи Макаровны Шукшиной не стало 10 июля 2005 года.

Режиссёр и сценарист Ренита Григорьева несколько раз бывала на Алтае. В 2006 году в Барнауле она выразила особую обеспокоенность падением нравственных устоев в обществе: *«В это время мы в 30-й раз собираемся на Шукшинские чтения. Его с нами уже давно нет, но «кровоточащее сердце» Василия всё ещё здесь. Для него нравственность всегда была краеугольным камнем. Он боялся, что будет утерян образ русской женщины как символа чистоты... Свобода, за которую боролись, обернулась тем, что мы стали рабами жуткой идеологии вседозволенности... Для меня это самый главный вопрос, непосредственно связанный с Василием Шукшиным».*

А в 2009-м Ренита Андреевна сказала: «В этом году отмечается 100-летие матери Шукшина Марии Сергеевны Куксиной. Мы начали Шукшинские чтения на Алтае с презентации книги о ней. И возникла инициатива – в год 65-летия Великой Победы поставить у Кремлёвской стены памятник русской женщине». По её словам, прототипом этого памятника может стать и Мария Сергеевна Куксина – русская мать, одна воспитавшая своих детей».

Современные зрители «Праздников детства» говорят: «Фильм заставляет сопереживать, задуматься о выборе того жизненного пути, который простирается перед нами: сохранить нравственную чистоту и верность или же провалиться в пучину зла и безрассудства (что всегда хлётко и мастерски обличал Василий Макарович Шукшин). После просмотра фильма светлые образы его надолго остаются в душе. Низкий поклон создателям этого шедевра!»

г. Бийск

Аверьянова Т. «Верую» – фильм Лидии Бобровой. СПб., 2009.

Зиновьева Н. Надеюсь и верую. М., 1999.

Зиновьева Н. Он похож на свою родину. Барнаул, 1989.

Муравинская Л. Василий Шукшин: страницы жизни // Сибирские огни. 2009. № 8.

Попова Т. Благослови! Бийск, 2016.

Созидатели. Очерки о людях, вписавших свое имя в историю Новосибирска / сост. Н. А. Александров. Новосибирск: Клуб меценатов, 2003.

Стародубец А. Жил такой парень // Труд. 2002. № 127.

Юрий ДУБАТОВ

И ТАКОЙ РОДИМЫЙ, И ТАКОЙ ДАЛЁКИЙ...

(О Сергее Есенине)

«Мужчина, а вы откуда?» – спросила пожилая голубоглазая женщина с до боли знакомым овалом лица. «Из Кузбасса», – ответил я, неотрывно наблюдая за бабушкой, одетой в старинную юбку. «Вот куда слава отцовская залетела», – последовал ответ. У меня заныло всё внутри. Я понимал, что происходит что-то необыкновенное. Рядом, на скамейке у деревянного столика, сидел мой старший сын-семиклассник. На столике лежала пачка сигарет «Астра» и стояла начатая бутылка коньяка. Всё это принадлежало бабушке. Кто же она? Кто?! Ясно по лицу, что родня Есенина, но кто, кто?.. Спросить не хватает духу. Подошли пять женщин и затараторили: «Здесь гроб на гробе. А это мать рядом похоронена. Как звали-то её?» – «Как и меня, Татьяной», – ответила моя новая знакомая. Со стороны прибывших никакой реакции... Господи-Господи, дай памяти, дай ума. Кто же она?

Всё это происходило у могилы Сергея Есенина на Ваганьковском кладбище четверть века назад. Я был проездом в Москве. Вот и пришёл с сыном попроведать дорогое моему сердцу место. И вдруг такая встреча. Но кто же она, эта бабушка? «А я здесь из Ташкента», – добавляет бабушка. – Надо у брата Кости отцовский чемодан и рубашку забрать – для мурзика». У меня плывёт в голове. Стоп! Костя был у Зинаиды Райх. Бабушка назвала его братом, и про славу отцовскую сказала, и что зовут её так же, как мать Есенина, – Татьяной. Значит, это дочь Сергея Есенина и Зинаиды Райх. Та самая, которая читала стихи у гроба Есенина. А спросить, дурак, так и не смог. Давно это было, в 1989 году. И вот я снова здесь, у могилы поэта. Столика и лавки нет, деревья спилены. А со мной второй сын, Александр. Он всё лето провёл на курсах повышения в Москве и вот теперь как бы мой гид. Сам он уже несколько раз побывал здесь, наслушался всякого, находился, насмотрелся. Я присел на краешек могилы Есенина, осмотрелся. «Батя, иди сюда», – сказал Саня, отойдя метров 10–15 в сторону. – Смотри, кто здесь похоронен, об этом мало кто знает». Я встал, обошёл несколько могил и обомлел.

В небольшом закутке между соседними оградками стояла мемориальная доска, на которой был изображён горбоносый профиль Мейерхольда. Рядом висела информация, что здесь покоятся Зинаида Райх и её дети – Татьяна Есенина и Константин Есенин. Оказывается, они все рядом! У могилы великого поэта и беспутного отца Сергея Александровича Есенина. Помните, как он сказал:

*Но ты детей
По свету растерял,
Свою жену
Легко отдал другому
И без семьи, без дружбы,
Без причал
Ты с головой
Ушёл в кабацкий омут.*

Смерть, вечная успокоительница, соединила их здесь всех.

Поклонившись, я хотел было уходить, но сын сказал: «Постой, отец, это ещё не всё, посмотри, кто у тебя за спиной лежит». Я повернулся и увидел скромный, вросший в землю, похожий на большой серый чемодан памятник из гранита. Раздвинув руками траву, я прочитал надпись, гласившую, что здесь покоится с 1932 года Георгий Устинов, тот самый, который с женой Елизаветой жил в соседнем с Есениным номере в декабре 1925 года и был свидетелем его гибели. Оказывается, в 1932 году в разговоре с сослуживцем Устинов обещал придать гласности неизвестные факты о смерти поэта. Через несколько дней его самого обнаружили в петле. И ведь смогли похоронить именно здесь...

В домашней обстановке, в гостях, я долго рассказывал всё, что знал о творчестве поэта. Наконец мой племянник Иван твёрдо сказал: «Всё, в субботу свожу вас в Константиново, готовьтесь». И вот мы мчимся ранним утром по отличной дороге в сторону Рязани. Едем по навигатору. В Рязань мы не попали. Прибор чётко вывел нас в заданный район Рязанской области, в село Константиново. Когда ехали, я всё время ловил себя на мысли, что природа Подмоскovie очень сильно похожа на нашу, кузбасскую. Как будто едешь по нашей дороге к Ленинску-Кузнецкому.

Остановились мы на площади села Константинова. Было ещё довольно рано, часов 10 утра. Отмахали мы 186 километров от столицы. Огляделись. Видим входные ворота, рядом продают билеты для осмотра музейного комплекса. Поставлено всё чётко, отметил я про себя, кругом за всё надо платить. Походили по музею Есенина... Хороший музей, много автографов, афиш, книг той эпохи, есть по-смертная маска поэта. Девочки-экскурсоводы рассказывают о жизни и творчестве великого поэта.

Рядом со мной паренёк спрашивает у отца: «Почему Есенин уехал из Москвы в Ленинград перед гибелью?» Отец молчит, а я потихоньку цитирую в ответ:

*Я из Москвы надолго убежал,
С милицией я ладить не в сноровке,
За каждый мой пивной скандал
Они меня держали в тигулёвке.*

Люди с удивлением смотрят в мою сторону, а я, выйдя из музея, вижу сцену под открытым небом. Огромный портрет поэта, людей, сидящих перед сценой, кое-кто выходит к микрофону. Набрался смелости и попросил слово. Прочитал своё стихотворение «Тишина на Ваганьковском». Когда сказал, что я из Кузбасса, люди были крайне удивлены. Я передал привет от студии «Притомье» и продолжил свой осмотр музейного комплекса. Побывал в храме, в доме священника и усадьбе помещицы Кашиной. В усадьбе чувствуется ухоженность и внимание ко всему. Здание прекрасно реставрировано. Наконец пришли туда, где родился поэт. Старый дом сгорел в 1923 году. Семья построила новый. Сергей очень сильно помог деньгами. У входа сидела женщина-смотритель с фамилией Есенина, очень далёкая родственница. А во дворе дома «шёл» бронзовый поэт. У памятника посетители делают фото на

память, при этом многие держатся за палец поэта, который блестит, как золотой. От старого времени остались летняя кухня и баня. Я заглянул в щель ограды к соседям, на старой избушке красовалась надпись: «Усадьба продаётся». А вдоль улицы, на которой стоит дом Сергея Есенина, идёт бойкая торговля. Местные жители выставили столы, и для посетителей музея-усадьбы продаются малина, смородина, козье молоко, яйца. Есть и сувениры-поделки. Видел даже лапти. Мелькнула шальная мысль купить их и вместо второй обуви пройти по школе. На площади хороший торговый центр, книжная сувенирная лавка, продуктовый магазин и везде... присутствие образа Есенина. Большой выбор книг о творчестве поэта и его произведения. Купил на память бюстик поэта и несколько книг – цены зашкаливают. На прощание сходили на берег Оки, сфотографировались у часовни и под любимыми берёзами поэта. Прощай, рязанское село Константиново! Село, про которое твой великий сын, незабвенный русский поэт Сергей Есенин, сказал:

*И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского scandalного пиита.*

Юрий Дубатов у могилы Есенина

Марина ЧЕРТОГОВА

«ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ»

Принято считать, что различать искусство по половому признаку – неоправданно, бессмысленно, даже оскорбительно: есть Художник, а кто он: мужчина или женщина, не имеет значения. С другой стороны, людской род изначально делится на две половины, полярные по своей природе, и это как фундаментальная данность земного мироустройства пронизывает все сферы человеческой жизни: социальную, политическую, интеллектуальную, культурную... Так есть, несмотря на всевозможные отклонения, допущения, исключения. А если так, то это – как особый аспект отражения личности – имеет полное право быть темой специального изучения*.

Причем в «половом» контексте искусство рассматривалось всегда однобоко – лишь с точки зрения женского творчества, считавшегося явлением маргинальным, тогда как о мужском, существовавшем как само собой разумеющееся, вопроса никогда не стояло. Неравенство полов, утвердившееся в обществе с давних времён, до сих пор окончательно не изжито.

История знает немало женщин, оставивших в искусстве значительный след и прочно вошедших в анналы изобразительной культуры, однако по сравнению с коллегами сильного пола их число несопоставимо ничтожно. На протяжении многих веков они появлялись в искусстве эпизодически, вопреки сложившимся нормам, сводившим роль женщины к материнству и домашнему очагу, – нормам, менявшимся с косной медлительностью от столетия к столетию. Апофеозом женского равноправия в искусстве, как известно, стали русские художницы

* Художница Анна Броше, участница конференции «Женское искусство как проект будущего» (Москва, 2009): «Можно говорить о том, что нет различия в мужском и женском искусстве, но конкретно между мужчиной и женщиной есть колоссальная разница. Это существа, живущие абсолютно разным гормональным фоном. Они не могут функционировать одинаково, и, соответственно, они не могут производить одни и те же вещи. Можно сказать, что человек должен выйти и встать над физиологической ступенью – и тогда... Что на это вы можете возразить?» [URL:<http://www.svoboda.org/content/article/1615853.html>] (дата обращения: 26.07.2015).

начала XX века – «амазонки авангарда» (Александра Экстер, Наталья Гончарова, Любовь Попова, Ольга Розанова, Варвара Степанова, Надежда Удальцова), которые наравне с художниками-мужчинами приняли активное участие в свершении художественной революции (опередившей социальную) – в формировании абсолютно новой эстетики, полностью опрокинувшей былые традиции.

Воссоздать панораму женского творчества в отечественном искусстве на протяжении пяти веков (XV–XX) стало задачей масштабной выставки «Искусство женского рода», состоявшейся в 2002 году в Государственной Третьяковской галерее. Экспозиция включала более двухсот произведений разнообразных стилей и жанров: от средневекового шитья до актуальных объектов сегодняшних дней. По сути, она показала историю русского искусства без художников мужского пола и тем самым вызвала большой резонанс, бурные и ожесточённые споры. В обсуждении этой выставки профессиональное сообщество раскололось надвое – по половому признаку. Пресса писала, что мужчины-арт-критики высказались решительно против её концепции или не усмотрели в ней вовсе никакой концепции; их коллеги-женщины выставку дружно одобрили**.

Стало быть, и в третьем тысячелетии, когда практически во всех областях общественной жизни слабый пол выступает на равных с сильным, вопрос о женском искусстве по-прежнему остаётся волнующим и открытым.

* * *

Выставочный проект «Песнь Песней», названный торжественно и лирично, представляет творчество современных художниц Сибири – самобытного края со своими истоками, историей, бытием.

Впервые на одной выставочной площадке собралась женская половина профессионального сообщества, и это, с одной стороны, наглядно продемонстрировало наличие оной, с другой – широко продемонстрировало её творческое лицо. Словом, выявило женскую составляющую современного искусства Сибирского федерального округа.

Актуальность данной выставки, полагаю, неоспорима. Во-первых, уже потому, что в истории

** Художница Елена Елагина: «Выставка показала, что женское искусство абсолютно не отличается от мужского. Для того, чтобы сравнить уровни профессионализма, нужно сделать выставку «Искусство мужского рода», и тогда можно будет сделать объективные выводы. Такие выставки, как «Искусство женского рода», сразу становятся мишенью для критики, которая охотно вновь и вновь возвращается к проблеме «природного» предназначения женщины». [URL:<http://www.owl.ru/content/art/p27016.shtml>] (дата обращения: 26.07.2015).

профессионального искусства Сибири, начавшейся, по существу, в 1920-е годы, ещё не было ни одной выставки (!), которая бы объединила и представила творчество региональных художниц, не считая локальных выставок – групповых, городских, областных, проходящих время от времени, чаще по случаю Международного женского дня 8 Марта. Во-вторых, именно сегодня численность и творческая активность сибирских художниц возросли так и настолько, что представить без них искусство Сибири уже немислимо, и это – как тенденцию современного этапа развития – следует выявить, обозначить, продемонстрировать.

История профессионального искусства Сибири показывает, что число художниц на протяжении XX века хоть и росло неуклонно, да очень медленно. На этапе становления (1920-е) их было, по самым смелым подсчётам, чуть больше десятка (на всю необъятную территорию от Омска до Иркутска!), тогда как художников-мужчин насчитывалось более ста*. В годы Великой Отечественной войны в Сибири появились художницы, эвакуированные из европейской части Советского Союза; в 1950–1980-е – выпускницы художественных вузов страны, прибывшие сюда по целевым распределениям, согласно действовавшей государственной программе по превращению Сибири в край высокой культуры. Однако, будучи приезжими, большинство из них потом покидали суровый край, и численность женских рядов в региональных Союзах художников оставалась по-прежнему невысокой.

Ситуация начала выравниваться лишь к концу XX века, когда на территории Сибирского федерального округа окончательно сложилась и окрепла система художественного образования**, когда стремительно нарастала тенденция к тотальному доминированию в студенческих массах представительниц женского пола. Всё это не только увеличило число молодых художниц, пополнявших творческие ряды почти ежегодно, с каждым выпуском, не только повысило их рейтинг и профессиональную состоятельность, это изменило их родословную. Как говорится, где родились, там и пригодились.

* Краткие сведения о художниках и деятелях искусства, живших в Сибири в 1920-х годах // Муратов П. Д. Художественная жизнь Сибири 20-х годов. [URL: http://www.pdmurатов.org/nautschnye_raboty.html] (дата обращения: 10.04.2015).

** Во второй половине XX века значительно возросло число средних специальных учебных заведений, в начале 2000-х – число специальных факультетов в высших учебных заведениях; в 1987 году был открыт Красноярский государственный художественный институт и творческие мастерские регионального отделения «Урал, Сибирь и Дальний Восток» Российской академии художеств. – М. Ч.

Коренные сибирячки, не стесняющиеся: «В Москву! В Москву!», они искренне почитают родную землю, ощущают к ней глубокую личную сопричастность и с благодарностью воздают ей должное: воспевают, исследуют, осмысляют.

Сегодня в сибирских отделениях ВТОО «Союз художников России» числится более трёхсот художниц. Это в тридцать раз больше (!), чем их было в 1920-е годы, на этапе становления профессионального искусства Сибири, но всё же меньше, чем коллег сильного пола, примерно вдвое***. Статистика показывает, что по окончании вузов многие выпускницы всё-таки предпочитают чистому творчеству традиционные ценности (семья, материнство, комфорт) и поэтому, не желая жертвовать женским счастьем, выбирают более востребованные профессии (например, рекламный или интерьерный дизайн), позволяющие обеспечить стабильный заработок, безбедную жизнь, иногда совмещая полезное с приятным. Так поступают многие, но не все.

Представляя коллектив сибирских художниц, выставочный проект «Песнь Песней» выявляет прежде всего именно тех, кто отдаётся искусству сполна и обладает незаурядным творческим я, у кого свой собственный путь развития и сложившийся авторский стиль, чья роль в коллективе по-настоящему значительна и весома. Это не только художницы первого ряда, давно состоявшиеся в профессии, без которых панорама современного искусства Сибири будет выглядеть заметно неполной, недостаточно яркой, но и начинающие, при этом уже заявившие о себе активно, убедительно, многообещающе (например, Анастасия Свинаярева, Мария Точко).

Определиться в выборе таковых помог и глубокий анализ выставок последних десятилетий – больших и малых, виденных чаще воочию или внимательно изученных по каталогам-альбомам; и личное знакомство с большинством из художниц, у которых не раз была в мастерских, формируя коллекцию для музея, и с которыми сама не раз про-

*** На сегодняшний день количественное соотношение между художниками сильного и слабого пола в составах сибирских коллективов ВТОО «Союз художников России» (тех, чьи члены участвуют в выставке) выглядит примерно так: 123 и 24 (Алтайское краевое отделение); 69 и 90 (Иркутское областное отделение); 58 и 16 (Кемеровское областное отделение); 112 и 80 (Красноярская региональная организация); 36 и 23 (Новокузнецкое городское отделение); 64 и 22 (Новосибирское областное отделение); 90 и 48 (Омское областное отделение); 38 и 34 (Томское областное отделение). Приведенные цифры получены летом 2015 г. по запросу из региональных отделений ВТОО «Союз художников России». – М. Ч.

водила выставки*. Помогли и коллеги-искусствоведы (В. Ф. Чирков, Т. Н. Микуцкая, О. Н. Шабалина, Н. В. Тригалева) из разных городов, авторитетные и многоопытные, к которым из опасения ненароком прошляпить талант обращалась за дельным советом, всецело доверяя их мнению, вкусу.

Участницами выставки «Песнь Песней» стали около восьмидесяти художниц из региональных центров Сибирского федерального округа: Омска, Новосибирска, Томска, Кемерово, Новокузнецка (Кемеровской области), Барнаула, Красноярска, Иркутска, Усть-Илимска (Иркутской области). Подавляющее большинство являются членами ВТОО «Союз художников России» (63), причём немало молодых, вступивших в профессиональные ряды лишь за последние пять лет (25), а девять из них – в 2015-м, едва оставив позади молодёжные секции, форумы.

Примечательно, что самой старшей из участниц в этом году исполнилось восемьдесят (Розалии Пантелеевой), самой младшей – всего двадцать три (Марии Точко). Это значит, что на выставке представлено искусство художниц всех ныне действующих поколений, начиная с того, которое выступило в далёкие 1970-е годы. Время показало, что творческим долголетием обладают такие «семидесятницы», как Т. М. Бельчикова (Томск), Р. В. Пантелеева (Томск), Л. Н. Пастушкова (Баранул), О. Н. Чукина (Кемерово).

Произведения, представленные на выставке, отбирались в два этапа: сначала авторы предлагали их многочисленный ряд – те, которые непременно хотели бы показать на выставке; потом на своё усмотрение (кураторское) я оставляла из них немногие лучшие – те, что отличались своей завершенностью, содержательной и формальной: значительностью тем, выразительностью образов, оригинальностью манер, мастерством исполнения. Бескомпромиссность отбора, нацеленного на «большой стиль», отсеяла вал низкопробной продукции: робких этюдов, откровенных цитат, гламурных картинок, сувенирных поделок... Остались избранные, причём не всегда равноценные между собой (природа и степень таланта их авторов часто бывали несопоставимы), но вполне отвечающие предъявленным требованиям, общему уровню, статусу выставки.

* Первоначально, желая открыть для себя новые имена, я разослала «Положение о выставке» в сибирские коллективы ВТОО «Союз художников России» еще в феврале 2015 г. Однако попытка не очень-то удалась – долгое молчание было ответом. Лишь 1 июня – конечный срок подачи заявок – хлынул поток, в основном от начинающих авторов, очень молодых. Понятно, что предлагаемые ими работы еще очень робкие, порой неумелые, не шли ни в какое сравнение с теми, которые придирчиво и неспешно выбирала в течение полугода, связываясь с художницами, с каждой персонально. – М. Ч.

Предпочтение отдавалось произведениям, созданным за последнюю четверть века, преимущественно после миллениума, начиная с 2000-х. Чтобы развернуть панораму именно современного творчества региональных художниц во всём многообразии видов и жанров, индивидуальных исканий и стилевых направлений. Чтобы потом на этой основе выявить тенденции и особенности развития их искусства, яркие таланты и новые имена, чтобы оценить их профессиональный уровень и творческий потенциал. Словом, чтобы осмыслить женскую долю в искусстве Сибири.

Всего на выставке показано около двухсот работ, и только четыре из них датированы концом прошлого века. Это графический триптих (1983) Т. М. Бельчиковой (Томск) и «Ровесница века. Портрет Марии Тихоновны Юмановой» (1995) Е. Н. Юмановой (Кемерово). Исключение сделано потому, что данные работы, не теряя со временем своей актуальности, весьма значительны в искусстве художниц, причём настолько, что отказываясь от них значило бы обеднить представление о творчестве уважаемых авторов и, больше того, об искусстве Сибири в целом.

Поскольку проект кураторский, то окончательное решение в выборе и участниц, и их экспонатов оставалось за мной – инициатором и организатором выставки**. Мне же в этом помогал исключительно опыт – сумма интуиций, сложившаяся за три с половиной десятилетия, что работаю в сфере художественной культуры. Чувство личной ответственности и профессиональная честь заставляли быть предельно требовательной, принципиальной и по возможности объективной, что достаточно трудно, поскольку индивидуальны и сама природа искусства, и его восприятие, которое, как известно, у каждого своё.

Однако субъективность подхода – как основа любого кураторского проекта – всегда оправдана: только так, обретая цельность и целостность, выставка внятно отражает замысел автора, в данном случае – парадоксальность концепции, органично соединившей два противоположных начала: специфическое и универсальное. Притом что проект «Песнь Песней» представляет творчество исключительно сибирских художниц, нельзя не заметить, что он демонстрирует не какое-то особенное женское искусство нашего края, а... Искусство. Таким образом, утверждая равноправие полов, проект воплощает задуманное: переводит «женский вопрос» из социального в художественный.

** Макс Фрай (творческий псевдоним художницы и писательницы Светланы Мартынички): «По большому счёту, кураторская деятельность – это такая принципиально иная форма авторства в искусстве». [URL:<http://azbuka.gif.ru/alfabet/k/curator/>] (дата обращения: 02.08.2015).

Осуществить столь масштабный выставочный проект стало возможным благодаря финансовой помощи Министерства культуры Российской Федерации (Федеральная целевая программа «Культура России»), поддержавшего инициативу Кемеровского областного музея изобразительных искусств (КОМИИ), причём не в первый раз.

Претендуя быть центром по изучению, комплектованию и популяризации современного искусства Сибири, наш музей уже провёл такие межрегиональные выставки, как «Прямая речь» (2011), «Аз есмь» (2013), «Большой стиль» (2014). Каждая из них имела свои задачи, весьма конкретные (например, выставка «Прямая речь» представляла исключительно жанр автопортрета). Однако все они преследовали общие цели: консолидацию творческих сил Сибирского федерального округа, исследование и актуализацию его современных художественных процессов, продвижение Кузбасса как полноправного участника культурной жизни обширного края, а КОМИИ – как открытого музея, престижной выставочной площадки со своими приоритетами и стратегической линией.

Практическим результатом «Песни Песней» станет коллекция произведений, которые по окончании выставки останутся в собрании КОМИИ, существенно пополнив «сибирский» раздел, магистраль-

ный в комплектовании на протяжении вот уже четырёх с половиной десятилетий. Таков был итог и всех предыдущих проектов, благодаря которым наши фонды увеличились на 79 единиц хранения, даров и приобретений*. Причём всякий раз это произведения по-настоящему избранные, прошедшие тройной уровень оценочной экспертизы: после авторского и кураторского отборов, тщательных и пристрастных, они выделены из экспозиций как лучшие из лучших.

Честно признаться, музейные интересы во многом обусловили единый формат этих моих проектов, реализующихся на территории КОМИИ: отвечая специфике нашего комплектования, все они, как один, представляют современное искусство Сибири в актуальных аспектах, высокими образцами (по принципу «лучше меньше, да лучше»). Такая корысть (мотивация), кажущаяся на первый взгляд местечковой, локальной, по сути исполнена глубинного смысла и будущности: профессиональное исследование (проект) получает свою завершённость, «сибирская» коллекция в музейном собрании – интенсивность развития, а история – «сибирскую» коллекцию.

* По завершении выставочного проекта «Прямая речь» в фонды КОМИИ поступило 43 экспоната, после «Аз есмь» – 4, после «Большого стиля» – 32. – М. Ч.

Вера ЛАВРИНА

КРЕСТНЫЙ ХОД «ПО СТОПАМ АЛТАЙСКИХ МИССИОНЕРОВ»

Впечатление участника

– Крестный ход – это походный монастырь, здесь главное – молитва, – наставлял нас в первый день отец Лаврентий, руководитель хода.

Так и было: день начинался и заканчивался с утренних и вечерних молитв. Сколько мы шли, столько и пели Иисусову молитву. Днём между переходами почти всегда читался акафист. За трапезой мы слушали произведения православных авторов. Три раза служилась литургия, а перед ней – вечерние богослужения.

Когда я впервые оказалась в колонне крестоходцев, а среди них многие были неновички, то обратила внимание на их сосредоточенность, спокойствие: никакого предстартового возбуждения или ажиотажа. Первый отрезок пути, четыре километра, мы прошли по Горно-Алтайску, от Покровского храма до Свято-Макарьевского. Вокруг – городское пространство с обычной суетой, шумом: машины, прохожие. Колонна мерно шла, флажконосцы поднимали и опускали флаги, всем ходом творилась Иисусова молитва, люди были внутренне собраны, отрешены от внешнего.

Так начался наш крестный ход «По стопам алтайских миссионеров», десятый по счёту. Он был самым длительным из всех – рассчитан на 15 дней. Каждый год кураторы крестного хода разрабатывают новый, оригинальный маршрут. Наш нынешний маршрут представлял собой огромное кольцо по Горному Алтаю. Мы выехали из Горно-Алтайска с западной стороны и вернулись в него с востока. Покинув Горно-Алтайск, повернули на юг, проехали по трассе параллельно Катунь и Чуе до самой южной точки маршрута – села Акташ (360 км). Отсюда началась пешая часть крестного хода. В основном он проходил по Чулышманской долине: с. Улаган – с. Балыктыюль – перевал Кату-Ярык – с. Коо – с. Балыкча – мыс Карсай – Телецкое озеро (78 километров за 4 часа на пароме) – с. Артыбаш – с. Кебезень – с. Верх-Бийск – с. Турочак – Горно-Алтайск. Пешая часть маршрута составила 260 километров. Самый длинный переход: с. Коо – с. Балыкча, 32 километра.

Погода была переменчива, щедро на разнообразие: и затяжные дожди, и жара, и быстротечные грозы. Ночью на перевале Кату-Ярык разыгралась такая гроза, что гром закладывал уши. Блиставали молнии, как вспышки синего солнца, освещающего рельефы глубокого ущелья и низвергающиеся потоки воды.

Возраст крестоходцев самый разный: от шестилетних детей до семидесятилетних бабушек. А в последние три дня к нам присоединилась мамочка с месячным ребёнком. Приезжали семьями. Каждый находил себе компанию: дети, подростки, молодёжь и более зрелые участники. И все мы были братьями и сёстрами.

Среди нас был и свой «юродивый» – болящий молодой человек, который громко кричал, ругался и матерился. Но удивительно, как он ни ругался, как ни требовал остановиться, встать на отдых раньше положенного часа, ни разу не послушался. Ругался, но терпел и шёл, молился. Мы сначала привыкли, а потом и полюбили нашего Ванечку. Была и монахиня, матушка Екатерина, которая не раз уже ходила в этот крестный ход.

Крестоходицы со стажем надевали длинные сарафаны, белые сорочки. Как это красиво! И почему мы все ходим в американских джинсах, а не в русских чудесных сарафанах? Обязательно, обязательно сошьё себе сарафан!

Мы не несли с собой рюкзаки, их везла машина сопровождения. Но пройти многие километры по асфальту или набитой грунтовке не менее сложно, чем по горным тропам с рюкзаком. Самым трудным было идти под палящими лучами солнца, в горах оно особенно жгучее (уж лучше дожди!), преодолевать усталость, боль в ногах из-за мозолей или перенапряжения, нелегко при этом держать молитвенный настрой. Но если настроишься на молитву, она тебя и поддержит.

Все эти сложности ничтожны по сравнению с той необыкновенной духовной радостью, которая обрушилась на нас, на меня. Опыт моего единственного участия в крестном ходе был куцом и непродолжительным: 12 километров по Бутовке. Шли нестройно, то пели молитвы кто во что горазд, то вели разговоры. Здесь же, когда весь крестный ход в 150 человек двинулся и едиными устами под мерные взмахи флажков запел Иисусову молитву, перехватило горло. Первые дни то и дело приходилось сдерживать слёзы. Как будто душа обрела наконец-то желанную обитель и не может ей нарадоваться.

Ритмично взлетают вверх и опускаются красные флажки флажконосцев – так держится строй Иисусовой молитвы. Впереди над головами качаются хоругви, развивается стяг с изображением рублёвской «Троицы». Праздные разговоры не благословляются. Час идём, 7–10 минут перерыв. Жужим

орехи, изюм, печенье, пьём воду. В полдень – акафист под тенистыми ветвями берёз. Отец Лаврентий, сам любящий Алтай и тонко чувствующий красоту, нередко выбирал для акафистов особенные места над глубокими ущельями Чулышмана и синими озёрами, чтоб Божественная красота соучаствовала в наших славословиях и подкрепляла веру...

Как сладостно всем крестным ходом под колокольный звон входить в ограду храма, петь Иисусову молитву, с нежностью и любовью пропевая: «И-И-исусе Хри-и-сте», как бы звуком посылая Господу свои благодарность и благоговение. Купаться после долгих переходов в ледяных реках и озёрах, обновляясь телесно и, дай Бог, душевно. Вечерами после вечернего правила откликаться на призыв батюшки: «Подумаем о своих дневных грехах и покаемся».

Любить всех крестоходцев и даже тех, кто ранним утром вопит на весь лагерь:

– Полу-у-у-ндра!!! Подъё-ё-м!!!

А днём:

– В колонну по двое ста-а-а-но-вись!!!

Удивительной была встреча с батюшкой Макарием. Он алтаец, иеромонах, настоятель нескольких храмов в Чулышманской долине, состоит в сане игумена. Печать внешней и внутренней духовной красоты, благородной сдержанности лежала на всём его облике, сквозила в неспешных движениях, походке. Я, может, скажу лишнее, но мне он казался живым преданием алтайского народа. Его, действительно, можно назвать игуменом «всея Чулышманская долины». Отец Макарий сопровождал нас на протяжении всего этого отрезка пути, встречал с крестными ходами со своей паствой в маленьких алтайских сёлах, служил на литургиях. Его прихожане приветливо встречали нас. Это были очень волнующие моменты, когда встречались два крестных хода: наш и маленький местный. Жители алтайских деревень выходили в национальных одеждах с хлебом-солью, чудесными алтайскими лепёшками. Я обратила внимание на то, что в некоторых алтайских деревнях, например в Улагане, сохранился обычай держать иконы «покровенными руками», вернее, так: и дети, и взрослые нижний край иконы обёртывали чистым полотенцем, помещая её как в гнездышко в этот кокон и не прикасаясь к ней руками.

Гостеприимные алтайцы приглашали нас в бани, варили нам компоты, борщи, угощали выпечкой, пели песни на русском и алтайском языках. И наши таланты тоже не оставались в долгу. Вечерами они устраивали концерты для местных жителей. Но никогда не получался какой-то «специальный» концерт для жителей, это было совместное творческое действие.

В известном на весь мир урочище Пазарык, на месте раскопок курганов алтайских скифов, отец

Макарий организовал для нас встречу с местным учителем-краеведом, писателем. Тот подробно и интересно рассказал об алтайских скифах, о раскопках пазарыкских курганов, об истории долины, о деятельности здесь Алтайской духовной миссии. На берегу Телецкого озера мы попрощались с отцом Макарием и удивительным краем – Чулышманской долиной.

В этой долине посетило меня единожды удивительно состояние. Мы шли вдоль Чулышмана. Разгорался закат. Вокруг дикие, пламенеющие от закатного солнца скалы, зелёные альпийские луга, широкая бирюзовая лента Чулышмана, в прихотливом порядке рассыпаны по лугам серые и коричневые камни, создающие иллюзию японского сада. И мы, объединённые единым духовным порывом, шествуем с пением молитвы среди этой Божественной красоты. Я почувствовала себя членом Братства Христа: мы идём день за днём, год за годом в поисках величайшей драгоценности: чаши Грааля, райской обители, бессмертия...

Кстати, нас часто спрашивали встречные:

– Куда вы идёте?

Одна участница всякий раз отвечала:

– К Богу.

Возможно, это пафосно, но по факту как будто правильно.

Мне интересно было всматриваться в лица тех, кто встречался на пути, – водителей и их пассажиров, прохожих. Такая разная реакция!

Насмешливая: идут придурки и фрики. «Алё! Двадцать первый век на дворе, в мобильники свои давно заглядывали?» – было написано на их лицах.

Абсолютно равнодушная: ничего не идёт – пустое место.

Туристическая: «Прикольнo, акция какая-то, надо снять».

Напряжённое любопытство: «Зачем?».

Ещё более напряжённое: «Почему они идут, это ведь зачем-то им надо? Они что-то знают и чувствуют, чего не знаем мы». Пытливая работа души отпечатывалась на лицах таких людей.

Радостная: выходят из машин, улыбаются, крестятся на иконы, кланяются им. Это – наши, они знают, что за «акция» проходит.

В селе Верх-Бийском я стояла в какой-то момент отдельно от крестного хода, готовясь сделать снимок. Ко мне подошла пожилая пара. Бабушка тронула меня за руку.

– Вы делаете очень хорошее дело, благое.

Дед добавил:

– Это дело святое. Спасибо вам, спасибо.

По его морщинистому, пропечённому солнцем лицу текли слёзы.

А в этой немаленькой русской деревне не было даже молитвенного дома и православной общины.

Нас тронула одна женщина, мы встретили её на трассе недалеко от Акташа. Она стояла возле машины и говорила нам:

– Спасибо вам! Спаси вас Господи! Мы-то уже ни на что не способны, только брюхо набивать.

Женщина так горько и искренне раскаялась перед нами и тем самым побудила нас самих восхититься её душевным порывом.

Я подумала, что такие полярные реакции на крестный ход – это отражение образа России, в которой живут все: и глумящиеся над Церковью, и игнорирующие её, и любопытствующие, сочувствующие, верующие, горячо верующие.

В Артыбаше в один из вечеров мы собрались в церкви иконы «Умиление Божией Матери» на беседу с отцом Сергием. Все расселись прямо на крашеном деревянном полу церкви. За окном сверкали молнии, гремел гром, лил дождь, а мы здесь чувствовали себя, как в спасительном Ноевом ковчеге.

– Почему молишься за больных, а им это не помогает? – прозвучал отчаянный вопрос от Димы.

Судя по напряжённому вниманию, ответ был очень важен для всех.

– Я как священник часто с этим сталкиваюсь. И как священник верую в безусловную пользу молитвы. Она полезна прежде всего для молящегося. Мы не

можем знать всех обстоятельств того, почему Господь не даёт по нашим молитвам исцелений больных. Это только он знает. Но для Господа именно сама ваша молитва нужна и ценна. Она ценна и для того, за кого вы молитесь. Господь её слышит. Молитва – это плод вашей души. Поэтому не ослабляйте молитвенного делания ни при каких обстоятельствах.

Молитвы за нас наших ближних – это тот «духовный капитал», с которым прибудем мы ко Господу...

Последний пункт пешего маршрута – село Турочак. Там мы разбили лагерь на берегу красивейшей излучины Би. В Турочаке проходили и последняя литургия, и заключительный сводный концерт в местном Доме культуры, и выставка живописных работ наших художников Татьяны Дубской (Кемерово) и Василисы Донбай (Горно-Алтайск), сделанных в период крестного хода.

В Турочаке во время вечернего богослужения в Никольском храме стоящая в уголке рядом со мной девушка беззвучно плакала, прижимая к груди икону «Троица».

– Почему ты плачешь? Что случилось?

– Ничего-ничего. Это я от радости, что дошли.

Она целовала икону, и слёзы текли по щекам. А мне так хотелось обнять и расцеловать эту нежную девушку.

НИКОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ КЕМРУДНИКА

В этом году Кемерово – столица областного Дня шахтера. Это событие случается нечасто – последний раз в Кемерове его отмечали в 2005 году.

Именно на территории города Кемерова находится то место, где впервые был открыт кузбасский уголь еще в 20-е годы XVIII века рудознатцем Михайлой Волковым. Называется оно Красная или Горелая гора. Спустя почти два столетия, в 1907 году здесь же открывают первые штольни, основывают Кемеровский рудник, позже именно он даст имя городу. Особенно интенсивно Кемрудник развивается благодаря деятельности Акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей (Копикуз), арендовавшего эти земли у Кабинета Его Императорского Величества, ведавшего личной собственностью Дома Романовых. Благодаря тому, что впоследствии для шахт и других объектов Кемрудника оборудование закупалось за рубежом, о нём узнали в разных странах мира. Это обстоятельство способствовало тому, что в 1932 году город Щегловск был переименован в Кемерово. Другая причина переименования – в названии станции Кемерово, расположенной в городе. Её открыли ещё при Копикузе в 1915 году для отправки угля в другие города и регионы и назвали тоже в честь Кемеровского рудника. А в 1943 году выделенную из состава Новосибирской вновь образованную область называли по имени ее столицы – Кемеровской. Так что Кемеровский

167

Первая за многие годы молитва на месте, где находилась Никольская церковь Кемрудника. 7 февраля 2016 года

рудник дал имя городу и всей области. Это место достопримечательное и знаковое, именно здесь находилась одна из церквей нашего города, возведенная в дореволюционное время, вероятно, единственная на правом берегу. Первые о ней сведения относятся к 15 апреля 1918 года (запись в метрической книге). Известно, что 1923 году ее община «самоликвидировалась», как часто называли тогда насильственное закрытие. Тем не менее в 1926 году община хотела вернуть колокол, значит, скорее всего, ей возвратили здание церкви. В 1936 году община называлась «2-я Кемеровская Никольская православно-обновленческая», а спустя два года, в 1938 году, правобережную Никольскую обновленческую церковь в рабочем посёлке Рудничного района закрыли. Судьба храма своими трагическими событиями: занятием обновленцами, закрытием, разрушением – схожа со многими другими российскими церквями. В частности, с судьбой храма Христа Спасителя, который в 1922–1923 годы был захвачен обновленцами, в 1931 году закрыт, а впоследствии взорван. Как гласит описание иконы Собора новомучеников и исповедников российских, ввиду «очевидной символической и фактической связи со страданиями Русской Церкви», он изображён в центре образа. Примечательно, что первая после многих десятилетий молитва на месте, где стояла Никольская церковь Кемрудника, тоже была в этот праздник, выпавший в этом году на 7 февраля. Этот молебен организовало Кемеровское православное общество «Духовные традиции земли Кузнецкой». Зимой 2016 года члены общества со священником на лыжах прибыли на это место и молились пред старинным образом свт. Николая об упокоении настоятелей, причта, прихожан Никольской церкви, а также о здравии всех ныне работающих шахтёров и горняков Кузбасса. Такие молитвы стали доброй традицией. Одна из них совершалась 22 мая, в престольный праздник церкви – день святителя Николая Мир Ликийских Чудотворца. На место православного храма Кемрудника приехали священники и прихожане из ближайшего храма – Архангела Михаила Рудничного района, отслужили молебен свт. Николаю и литию. Так что теперь, после стольких лет забвения, на этом святом месте, где недавно колыбался бурьян и «травя забвения», возносится молитва верующих и благоухание ладана. Как отметил руководитель общества «Духовные традиции земли Кузнецкой» Вадим Анатольевич Ермоленко, «по доброй многовековой традиции нам надлежит поставить на сём святом месте поклонный крест, но это уже зависит от крепости нашей веры».

Олег АНТИПОВ,
координатор православного общества
«Духовные традиции земли Кузнецкой»

**«И Я ПРИДУ К ТЕБЕ СТРОКОЙ,
КОЛЬ НЕ СМОГУ ДОЙТИ ИНАЧЕ»**

(Штрихи к 70-летию юбилею
поэта Виктора Бокина)

Ещё задолго до того, как заняться серьёзным литературным трудом, Виктор Бокин понял, что прежде чем садиться за письменный стол, необходимо досконально изучить жизнь, самому знать всё то, о чём собираешься писать: этому он наметил в дальнейшем посвятить своё творчество.

В те далёкие 1960-е годы начинающий поэт отказался от издания своего первого сборника стихов (уже включенного в редакционный план), посчитав его незрелым и, мягко говоря, неподготовленным для широкой читательской аудитории:

*Куда спешить? Незрелое – не плод.
И даже слово, не созрев, – не слово...*

И это при том, что редактором рукописи был авторитетный российский поэт, руководитель областной писательской организации Евгений Буравлёв. Для того чтобы «созреть», чтобы лучше понять и изучить романтику того времени, Виктор Бокин по направлению регионального отделения СП РСФСР уезжает на Дальний Восток собирать материал для книги о рыбаках Приморья.

На равных с профессионалами он работал матросом рыболовецкого судна. Впечатлений было достаточно. Но необходимые материалы для обещанной очерковой книги не сложились. Тот, кто знает его беспокойный характер, поймёт, почему это произошло. Думаю, что тогда к крупному публицистическому повествованию он был ещё не готов. А вот к поэтическому – да! Через несколько лет появился его первенец – поэтический сборник «Ночной брекватер» (1990). Здесь мы находим стихи, посвящённые морской романтике. Как тут не процитировать первые попавшиеся строки, которые дороже, я думаю, Бокину, чем многостраничный очерк:

*И надо же... В чёрную ночь я ушёл.
Рассвет повстречал под скалою у моря.
Бросало, швыряло щепу на волне...
И не было слов...
Но и не было горя.
Лишь только знобило чуть-чуть меж лопаток
От утренней свежести и новизны,
Лишь только земля становилась покатою,
Лишь горы вставали, круты и горбаты,
Пред дальней дорогой до новой весны.*

«С той морской одиссеи прошло много лет. Но тогда был сделан первый и, может, самый важный шаг в судьбе. Потому это время и явилось точкой отсчёта своего творческого пути, которому, я уверен, будет плодотворное продолжение» – считал В. Иванов.

Несмотря на математический уклон в учёбе, Бокина со школьной скамьи тянуло к чтению, а также к походам на природу, занятиям спортом и филателией. В отличие от своих сверстников, одновременно был записан в три-четыре городские библиотеки. И везде успевал! Та же рыбалка, кроме удовольствия, оказывала материальную поддержку родным, ведь после ухода из семьи отца на содержании матери оставалось трое детей, которым требовалось очень многое. Собственноручно выловленные Виктором из речки рыбки были хорошим подспорьем к домашнему обеду. А какие незабываемые впечатления остались в памяти начинающего поэта от тех школьных походов в живописную местность села Костенково, где у костра на вечерней зорьке вместе с подросками под гитару исполнялись впервые написанные (пусть порой и далёкие от совершенства) стихотворные строки!

– С того времени прошло более пятидесяти лет, – вспоминает Виктор Бокин, – а кажется, что это было совсем недавно. Поимённо могу назвать всех одноклассников.

Неудивительно, что почти каждое лето на протяжении нескольких десятилетий он с коллегами по перу (а чаще всего – с друзьями детства) находит время, чтобы уединиться на природе. Сплавливались по кузбасским рекам. К природе, как и к животным, Виктор Васильевич относится трепетно, делает всё возможное, чтобы не обидеть «братьев наших меньших».

Вспоминается один из последних его сплавов по Томи. Взял с собой любимицу-кошку, постоянную спутницу в путешествиях. Как ребёнок, радовался за неё, после однообразной комнатной жизни очутившуюся на чистом воздухе и вольной свободе. Но стоило поэту на какое-то время отвлечься, как кошка, чего-то испугавшись, убежала в прибрежные заросли. Как ни пытался Виктор её отыскать – бесполезно. Это было для него невосполнимой потерей. Сильно переживает до сих пор. Несколько раз выезжал на поиски, расспрашивал жителей близлежащих деревень, но приятной новости не услышал.

В творчестве В. Бокина мало встретишь стихотворений, посвящённых животным. Но, судя по его словам, высказываниям о происходящем, по искреннему беспокойству за бездомных собак и кошек, которых с каждым годом становится все больше в наших дворах, нетрудно предположить, что, возможно, к следующей юбилейной дате у него появится новый поэтический цикл на эту тему.

После окончания Новокузнецкого металлургического техникума Виктор Бокин практически всю свою трудовую деятельность посвятил производству. До выхода на заслуженный отдых трудился в прокатном производстве Запсибметкомбината. Освоил много смежных профессий. В случае непредвиденных обстоятельств мог подменить напарника в смене. Был хорошим специалистом.

Вот только один пример. По распределению попал в мелкосортный цех. Сначала работал посадчиком металла. Но, видя его добросовестное отношение к делу, что четыре недели молодой рабочий справляется с производственными обязанностями не хуже ветеранов цеха, ему предлагают перевестись нагретальщиком. И здесь – те же показатели. Через полтора месяца он уже диспетчер цеха. И такой карьерный рост произошёл спустя три месяца после окончания техникума! Кто из нынешних выпускников вузов и техникумов может похвастаться такими профессиональными знаниями и доверием руководства комбината?

С металлургией и поэзией Виктор Бокин прошёл все жизненные испытания.

Он представитель старшего поколения наших современников, у которых иное отношение к жизни, не схожее со взглядами подавляющего большинства нынешней молодежи:

*Шестидесятые мои...
Во всём есть смысл, судьба, полезность.
Провинция гремит железом...
До дрожи все вокруг – свои!
Я жил тогда среди народа,
Пил водку, и плясал на свадьбах,
И вкалывал почём зазря.
Влюблялся и писал стихи,
Прощал обиды и грехи...*

И вот наступили 1990-е годы. То, что творилось в стране, мы все прекрасно помним. Честно работавшие на производстве шахтёры, металлурги, бюджетные работники, творческая интеллигенция были отодвинуты «предприимчивыми» нуворишами, началось разграбление национальных богатств страны, творился беспредел. В. В. Бокин – истинный патриот – не мог стоять в стороне. Ему, как и всем нам, было обидно, что, вкалывая на вредном производстве, получал гроши, а разного рода приспособленцы и ворьё жили на широкую ногу:

*Куда-то закатилась жизнь.
Теперь живу среди меньшинств.
Банкиры, сводни, ловеласы...
Торговки, шлюхи, педерасты...
Кто верит в бога, кто в царя.
И в середине – в центре – я.*

*Мне всё не так, мне всё нелепо –
Игра в ферзи и в поддавки.
Не жизнь – какой-то дикий слепок
С проворовавшейся руки.*

В. Бокина, как всё наше поколение, волнует день сегодняшний. Представить себе не могли, что десятилетиями заработанное нашими дедами и отцами, а затем и нами национальное богатство будет бездумно «прихвачено» легкомысленными дельцами. Верили, что общенародное достояние перейдёт по наследству нашим детям и внукам. Но, несмотря на всё, поэт не озлобился, он не стоит отдельно от происходящего. Наоборот, находится вместе с простыми людьми, которым доверяет:

*Я верю людям беспредельно!
Я не желаю жить отдельно.
Но я ни тот и ни другой.
И вот живу...
С самим собой.*

«Он всегда был непримиримо жёстким в оценках и потому «неудобным» в общении – колючим, не дающим спуска. И с этим остался – он прав в своих ощущениях – в далёких шестидесятых: честных, рабочих, романтических, искренне верящих, что в человеке всё должно быть прекрасно. Это, конечно, только моя версия, – говорит публицист Валерий Немиров и далее даёт свою оценку нынешнему периоду творчества поэта: – Новые стихи полны горечи, разочарования, зверской ностальгии по несостоявшемуся счастью, которое вот-вот должно было достучаться».

Такого же мнения придерживается и журналист Тамара Головкова. Она считает, что «автор прочно стоит на земле. Не старается понравиться. Он такой, какой есть. Иной раз строчки предельно откровенны, даже вызывающи. Но безвкусица, душевной грубости в них нет».

Высокую оценку творчеству В. Бокина дала и известный столичный литературный критик Алла Кирева.

К этим высказываниям хотелось бы добавить, что поэт дорожит каждой написанной поэтической строчкой, не стремится к поспешным публикациям, здесь не найдёшь фальши и надуманности.

Автор не гонится за количеством. Интервал между вышедшими сборниками составляет больше 20 лет. Для него главное – качество опубликованных произведений. И пусть по сравнению с другими поэтами у него вышло не так уж много книг («Ночной брекватер», 1990; «Замерзающий звук», 2012), но это действительно та настоящая поэзия, которая нужна читателю.

Работа на горячем производстве – тяжелейшая работа. Я сам это испытал, отработав не один год огнеупорщиком на коксохиме Запсибметкомбината. За смену так навкалываешься, что, казалось бы, быстрее в постель, какая, дескать, после этого лирика! И тут точно подметил главный редактор «Огней Кузбасса» Сергей Донбай, который в стихотворении «Огонь», посвященном В. Бокину, задаёт риторический вопрос: «Кажется, где же здесь может душа быть?..» И сам же отвечает:

*Старый товарищ, вальцовщик, поэт,
Слышишь, ты должен быть рядом!
Одушевляется огненный свет
Под человеческим взглядом.
Смена ночная пылает лицом –
Жарят земные стожары!
Выйди из цеха, чтоб, словно в ночном,
Звезды лицо остужали.*

Но, что удивительно, у Виктора не найдёшь ни одной строки о своей нелёгкой металлургической профессии. Просто он не привык жаловаться. Да и не привык хвастаться. Мало кто знает, что его портрет, первоклассного специалиста и мастера своего дела, неоднократно украшал цеховую Доску почёта. Из более чем тысячного коллектива трудящихся структурного подразделения нелегко выбрать наилучших 10–15 человек. И то, что Виктор Васильевич заслуженно заносился в списки награждённых, свидетельствует о его трудолюбии. Да и как можно было не заметить производственные показатели, если цех перевыполнял месячные задания? А лучшие прокатчики, такие как В. Бокин, получали наивысший коэффициент трудового участия – 1,5.

Производственной деятельности отдано почти 50 лет. Несмотря на солидный возраст и на то, что за плечами «три горячих стажа» на вредном производстве, он не в силах сидеть дома, хотя последние двадцать лет можно было бы находиться на заслуженном отдыхе. «Не привык без дела», – отвечает он любопытствующим.

Неполным было бы моё повествование о юбиляре, если хотя бы вкратце не вспомнил о его участии в литературной жизни Новокузнецка середины 1960-х годов. Бокин был инициатором создания творческого объединения «Огонёк Запсиба». А дальше появилась знаменитая литстудия «Гренада». О ней за последнее десятилетие много сказано и написано. Были взлёты и падения. Она то прекращает на время своё существование, то возобновляет работу. Нечего кривить душой, наряду с опытными наставниками «Гренады» появлялись и случайные руководители, которые за несколько лет после её возрождения довели все до краха: на занятия приходило по... два человека. И что бы ныне ни

говорили о «Гренаде», как бы ни спорили, нельзя отодвигать в тень заслуги в её рождении Виктора Бокина. Это его детище! Он «Гренаду» создавал, он придумал ей имя!

«При его руководстве царил творческая атмосфера. Участники литстудии понимали, для чего она создавалась и зачем мы приходим на заседания, – вспоминает новокузнецкий поэт Станислав Долгов. – Бокин дорожил своим детищем. И мы были рядом с ним до того времени, пока он не уехал в командировку на Дальний Восток».

Именно в «Гренаде» Виктор Бокин сблизился и подружился на всю жизнь с Н. М. Николаевским. Это была настоящая дружба двух талантливых поэтов. Прошло 18 лет со дня трагической гибели Николая Михайловича. Виктор Бокин посвятил ему прекрасный поэтический цикл с трогательным воспоминанием:

*Я над тобой стою склонённый,
Мне тёплой не подать руки...
Ты там – алмазом огранённым –
Я здесь чернею от тоски.
Сошлись на сердце лёд и пламень.
И всё в тебе, и всё во мне.
Пусть мы сухим рыданьем плачем,
Но, сжавши зубы, также платим
Вдвойне, вдвойне, вдвойне, вдвойне...*

Большие поэтические подборки Бокина появлялись в коллективных сборниках, таких журналах, как: «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», альманахе «Кузнецкая крепость», областной периодике.

Сборник «Замерзающий звук» отмечен региональной литературной премией «Энергия творчества». Бокин является лауреатом Всероссийской премии имени Фёдора Селянина.

Виктор Бокин – надёжный друг. На него можно положиться, не подведёт. Ценю за откровенность и искренность. Не обижаюсь, если высказывает правду, хотя и горькую. Не любит приспособленцев и рвачей. Для них закрыта дверь в его квартиру. Поздравляя Виктора Васильевича с юбилеем, хочу пожелать ему долголетия и новых творческих удач. Пусть сбудется то, чего он желает:

*Так хочется чистого слога.
Так хочется чистого снега...
Не жирного, едкого смога,
Не лживого человека.
Так – чтобы открыться душою!
Пусть даже совсем не большою.
Но чтобы в душе – ни соринки.
Ещё... если б сняли ботинки.*

Николай НИЧИК,
Новокузнецк

**ИСПРАВЛЕНИЯ И УТОЧНЕНИЯ
К ПУБЛИКАЦИИ АВТОБИОГРАФИИ***
Е. С. БУРАВЛЁВА («ОК», № 5, 2016 Г.)

Я родился 21 сентября 1921 года в селе Гридино Спас-Деменского района, Калужской области. В семье служащих, строителей-железнодорожников.

Отец – Сергей Георгиевич, работал строителем и прорабом на строительстве железных дорог. В 1934 году он умер от воспаления легких.

Мать – Антонина Александровна, работала на строительстве железных дорог секретарем-машинисткой. В настоящее время – пенсионерка, живёт вместе со мной.

В 1938 году на ст. Промышленная Кемеровской области окончил 9 классов средней школы № 56 и ушёл добровольцем в армию. Ленинск-Кузнецкий райвоенкомат направил меня в Иркутское военное авиационно-техническое училище, которое я окончил в 1940 году. В училище в сентябре 1938 года я был принят в ряды ВЛКСМ.

С 1940 года по август 1944-го был офицером Военно-воздушных сил (последняя должность – инженер авиаполка, звание – ст. техник-лейтенант), а с ноября 1945 года – сержант инженерных войск Советской Армии (последняя должность – адъютант командира бригады, звание – старшина).

За время Великой Отечественной войны был трижды ранен, трижды (в 1941, 1943 и 1944 гг.) осужден Военным трибуналом к различным срокам отбывания наказания в штрафных батальонах, разжалован в рядовые и исключен из комсомола. В декабре 1941 года – за попытку самовольного возвращения в свой полк из запасной авиабригады, куда я был командирован для получения новых машин; в августе 1943 года – за получение денег по почтовому переводу, принадлежавшему моему однокурснику по Академии ВВС им. Жуковского**, и в июле 1944 года – за самовольные полёты на транспортном самолёте.

Наказания в штрафных батальонах отбыл досрочно (в 1941 г. командовал ротой при наступлении 31-й Стрелковой дивизии на г. Калугу; в 1943 г. – за три дня вместо месяца – на смоленском направлении с груп-

* Эта автобиография была написана Е. С. Буравлёвым 3 декабря 1958 года в Междуреченске, для приёма в члены КПСС.

** Военно-воздушная инженерная академия носит имя Николая Егоровича Жуковского (1847–1921) – русского механика, создателя аэродинамики и аэромеханики как наук, заслуженного профессора Московского университета с 1910 года.

пой штрафников доставал «языка», немецкого пулемётчика; и в 1944 г. – за 13 дней вместо двух месяцев, – во время прорыва немецкой пограничной обороны на Вержболовском направлении***). За отличие в боях все судимости были сняты. В 1945 году награждён тремя правительственными наградами. Был участником Парада Победы в Москве.

Демобилизовался из армии в конце ноября 1945 года. С января 1946 года работал старшим техником Игарского аэропорта, а затем бортмехаником Игарской авиагруппы Полярной авиации Севморпути. В апреле 1947 года за незаконное хранение привезенного с фронта трофейного пистолета и поддельную справку на право его ношения был осужден народным судом Красноярска к пяти годам лишения свободы и трём годам поражения прав. Наказание отбывал в Красноярской тюрьме № 1 – воспитателем несовершеннолетних, а с июля 1948 года – на Строительстве № 503 Главного управления железнодорожного строительства МВД – топографом и прорабом.

1 мая 1950 года за успехи в работе был освобожден от дальнейшего отбывания наказания, а впоследствии указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года и эта судимость была с меня снята.

С мая 1950 года работал на Строительстве № 503 ГУЖДС МВД в должности инженера, а затем начальника отдела технической инспекции Туруханского строительного отделения.

В сентябре 1952 года в связи с реорганизацией 503-го и 501-го Строительств МВД я уволился и вместе с женой Валентиной Ульяновной Савицкой, в брак с которой я вступил там же, переехал в Кузбасс, в Сталинск, где проживала моя мать. До июля 1953 года отдыхал и занимался литературным трудом.

С июля 1953 года работал инспектором группы заказчика МПС на строительстве ж. д. Сталинск – Абакан на ст. Междуреченск. С сентября 1955 года – ответ. секретарем газеты «Строитель транспорта» управления дороги Сталинск – Абакан «Сталинскстройпуть», а в октябре 1956 года был переведен на должность главного инженера Комбината производственных предприятий этого же управления.

В конце мая 1958 года уволился со строительства и занимаюсь литературным трудом. В декабре 1957 года парторганизация Комбината производственных пред-

*** Вирбалис (до 1917 г. – Вержболово) – город в Вилкавишском районе Литвы. Расположен в двух километрах от железнодорожной станции Кибартай на линии Каунас – Калининград (до 4 июля 1946 г. – Кёнигсберг). Ещё в XIX веке существовала в Русской армии Вержболовская пограничная бригада. Орденом Красной Звезды Е. С. Буравлёв был награждён именно за взятие Кёнигсберга, поэтому и упомянул в автобиографии Вержболовское направление.

приятый «Сталинскстройпути» приняла меня кандидатом в члены КПСС.

Литературным трудом начал заниматься с сентября 1951 года, сотрудничая в газете «Строители» на Строительстве № 503 МВД. С 1952 года состоял членом Красноярского краевого литературного объединения при отделении Союза советских писателей. С 1953 года – член литературного объединения Кузбасса. Первые произведения были опубликованы в 1953 году в альманахе «Енисей», журнале «Сибирские огни» и в областных газетах Кузбасса. В 1956 году в Кемеровском областном издательстве вышел первый сборник стихов «Кладоискатели» – о людях Заполярья, Сибири, о строителях железных дорог и геологах.

В 1956 году был участником III Всесоюзного совещания молодых писателей. С 1957 года являюсь членом бюро областного литературного объединения Кузбасса. С 1955 года учусь на заочном отделении Литературного института им. Горького при Союзе писателей СССР. В настоящее время работаю над книгой стихов по договору с кемеровским издательством, посвященной строителям дороги Сталинск – Абакан и строителям и горнякам города Междуреченска.

К сему – (подпись) Е. С. Буравлёв.
30 декабря 1958 года.
г. Междуреченск, Кемеровская обл.

Редакция благодарит нашего постоянного автора и внимательного читателя Галину Ивановну Карпову за справедливые замечания. И приносит свои извинения читателям за допущенные в «Огнях Кузбасса», № 5, 2016 года, ошибки при подготовке рукописи автобиографии поэта Е. С. Буравлёва.

ЕСЛИ БЫ СНОВА ВЕРНУТЬСЯ «В ТОГДА»

Здравствуйте, уважаемый Сергей Лаврентьевич! Я Вам звонила в конце марта. Посылаю стихи моего отца. Может, что-то опубликуете в журнале.

Папа уже ушёл из жизни, хотелось бы, чтобы его стихи вернулись на Родину.

Папа, Сурков Геннадий Иванович, родился 28 июля 1937 года в городе Анжеро-Судженске в многодетной семье. Его отец работал в шахте, два раза попадал в завал. По воле судьбы папа в четырёхлетнем возрасте попал в детский дом, детство было беспризорным, в 11 лет начал свою трудовую деятельность учеником жестянщика, позже работал грузчиком и на других работах, мечтал разбирать сложные чертежи.

У него было две страсти, которые он пронёс через всю свою жизнь, – литература и прикладная механика.

С подросткового возраста много читал и знал наизусть, воспитывался на мировой классической литературе. В 26 лет женился, через год родилась я.

В 1965 году старший брат Иван, живший в Восточном Казахстане, пригласил его переехать в г. Лениногорск (ныне Риддер).

С 1965 по 1976 год работал на Лениногорском полиметаллическом комбинате слесарем-разметчиком высшего разряда.

Окончил Лениногорский лесной техникум.

За время его работы на полиметаллическом комбинате было запатентовано несколько его изобретений для военизированной горноспасательной части.

С 1977 по 1983 год работал в Холзунской геологоразведочной Североалтайской экспедиции.

В 1983 году вместе с семьёй переезжает в г. Фрунзе. Во Фрунзе работал в котельной кочегаром, потом был переведён главным инженером Управления теплосети. С началом перестройки вошёл в строительный кооператив, специализируясь на установке паровых котлов.

Ушёл из жизни 17 февраля 2013 года.

При жизни почти не печатался, просто дарил друзьям тетрадки своих стихов.

С уважением

Ирина Суркова, Киргизия

Стихи Геннадия СУРКОВА

СНЕГОПАД

Был снегопад на вальс похож точь-в-точь –
Кружился в танце снег под фонарями,
Заштатный городок, зарывшись в ночь,
Манил к себе призывными огнями.

Я из вагона вышел подышать
И замер на заснеженном перроне,
Как будто бы боялся помешать
Снежинкам в нескончаемой погоне,

Как будто бы боялся разбудить
Волшебный мир из белой акварели,
Сумевший так искусно нарядить
Пушистые заснеженные ели.

Передо мною в благодатной тиши
На фоне русской матушки-зимы
Горбатились заснеженные крыши
И вились запоздалые дымы.

И восхищенье овладело мною,
И все смятенья отлетели прочь –
Был снегопад тому виною,
Прекрасная чарующая ночь.

И вдруг, совсем внезапно для себя,
Я окружён был выпившим народом,
И, пригоршнями кинув снег в меня,
Девчонка засмеялась: «С Новым годом!»

Был снегопад на вальс похож точь-в-точь,
В душе печаль саднила, как заноза,
И разбивалась вспугнутая ночь
О потный лоб трудяги-тепловоза.

Вагон меня баюкал, как ребёнка,
Но отчего-то я уснуть не мог –
Мне виделась весёлая девчонка
И маленький заштатный городок.

* * *

Был этот полдень сух и зноен,
Ложились травы, под косой звеня,
И я в траву врезался, словно воин,
Облитый потом, среди бела дня.

Я не один – нас целая бригада
Срезала травы дюжиною кос,
Тянулся до холмистого распада
За нами чисто выбритый покос.

Горела лета красного макушка,
Была бездонной неба синева,
Считала нам в дали года кукушка,
И пахла мёдом сочная трава.

* * *

В комнате запахи хвои оттаявшей,
Окна завьюжил снегами январь,
Чудится музыки звук замирающий,
Словно повернут назад календарь.

Тихое таинство, очарование
Ёлки наряженной, запах её...
И погружаюсь я в воспоминание,
Снова присутствие слышу твоё.

Чтобы продлить в себе эти мгновения,
Сладкие муки и тихую грусть,
Чтобы приблизилось, как дуновение,
Всё, что я помню в тебе наизусть.

В сердце усталом любовь не остыла.
Если бы снова вернуться «в тогда»,
Если бы снова вернулось, что было,
Я б не оставил тебя никогда.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Дорогой Станислав Юрьевич, писатели Кузбасса поздравляют Вас и в Вашем лице всю редакцию выдающегося русского журнала «Наш современник» с шестидесятилетним юбилеем!

Со времени начала капиталистической перестройки в России выросло целое поколение русских людей, и уцелело оно, не сбилось с основного русла нашей истории во многом, а порой и всецело благодаря журналу, возглавляемому Вами.

В оккупированной чужеземными мыслями, музыкой, песнями, книгами, учебниками, ценностями, историками стране мы, провинциальные писатели, всегда знали, что у нас есть журнал «Наш современник», как «Русский огонек» Николая Рубцова, как музыка Георгия Свиридова и песни Татьяны Петровой, как «Привычное дело» Василия Белова, как «Уроки французского» Валентина Распутина, как «Святой праведный Фёдор Ушаков» Валерия Ганичева.

За то, что всё это и многое другое в нашей жизни есть, как сокровенная и современная Россия, спасибо нашему журналу «Наш современник»!

С 60-летием, побратимы!

18 октября поэт, главный редактор журнала «Огни Кузбасса» Сергей Донбай и молодой поэт Агата Рыжова в рамках проекта «Золотая осень в Кузбассе» посетили Тайгу.

Сотрудники Областной библиотеки им. В. Д. Фёдорова представили недавно вышедший четырехтомник «Солнцестояние», в котором собраны лучшие стихи кузбасских поэтов. Книги были подарены городской библиотеке.

Поэты Сергей Донбай и Агата Рыжова рассказали о журнале «Огни Кузбасса» и прочли свои стихи. Также выступали местные поэты. Завершилась творческая встреча мастер-классом, который провели гости города.

20 октября на заседании областной литературной студии «Притомье» в Доме литераторов Кузбасса поэт Борис Бурмистров представил свою книгу «Исихастское моление».

19–24 октября поэт Д. Мурзин принял участие в литературных чтениях им. В. Костромина в Братске. Пять дней чтений включили в себя вечер памяти Василия в городской библиотеке им. И. Черемных, выступления в Братском гос. университете, в двух лицеях и гимназии Братска, библиотеке им. Г. Михасенко и библиотеке русской поэзии им. В. Сербского и мастер-класс поэтов В. Беряева и Д. Мурзина для начинающих авторов Братска.

23 октября 2016 года в Центральной городской библиотеке имени Н. К. Крупской (Ленинск-Кузнецкий) прошло представление четвёртого номера альманаха «Образ» за 2016 год. На мероприятии присутствовали представители различных литературных объединений Ленинска-Кузнецкого и Полысаево.

23 октября в Новокузнецке в библиотеке на вокзале писатель Виктор Коняев провёл встречу с читателями.

24 октября поэты А. Катков и А. Бурмистров посетили Топки, где выступили перед читателями центральной библиотеки. Кроме того, в состав творческого десанта вошёл Александр Мухарев. Представила писателей Вера Ивановна Лаврушкина, библиотекарь областной библиотеки им. В. Д. Фёдорова. Поэты рассказали об антологии кузбасской поэзии «Солнцестояние», каждый том которой посвящён одному из времён года. Борис Бурмистров представил на суд зрителей свою новую книгу «Исихастское моленье». Александр Катков прочитал стихи из своей новой книги «Вина». Сотрудники библиотеки подготовили книжную выставку «Кузбасс поэтический», где можно было ознакомиться со стихами приехавших авторов.

25–27 октября в Томске прошёл 4-й (22-й) Международный фестиваль-конкурс молодых литераторов «Устами детей говорит мир». Среди членов жюри был кемеровский поэт Д. Мурзин. Диплом получила Ю. Тупицина, 1-е место занял И. Медведев (оба – КемГУ), А. Бабушкина, ученица 10-го класса, – 1-е место в номинации «Проза», Ю. Даденко, ученица 7-го класса Сидоровской (с. Сидорово) средней школы Новокузнецкого района Кемеровской области, – диплом в номинации «Проза».

26 октября в детской библиотеке им. А. М. Береснева (Кемерово) прошли V Бересневские чтения. Тема чтений: «Читающая столица шахтерского края: классики и современники».

Бересневские чтения проводятся каждые три года и посвящаются проблемам литературы и культуры Кузбасса. Постоянной задачей чтений остается также популяризация среди кемеровчан литературного наследия кузбасского поэта Александра Береснева.

Первая часть чтений была посвящена проблемам снижения популярности классики и методам повышения читаемости классической литературы. Об особенностях классической и современной поэзии рассказал поэт Александр Катков. С яркими примерами из опыта работы библиотек по привлечению к чтению качественной литературы познакомили школьные, муниципальные, областные библиотекари.

Кроме того, в этот день прошли и другие мероприятия для детей: литературный час по творчеству Александра Береснева «Доброе слово поэта», встреча с автором детских поэтических книг из Ижморки Зоей Козловой, встреча с автором книг о телевидении Юрием Светлаковым, встреча с автором книг о политических репрессиях в Кузбассе Сергеем Павловым.

3 ноября в рамках Всероссийской акции «Ночь искусств» в Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Д. Фёдорова состоялось представление четырехтомника кузбасской поэзии «Солнцестояние».

На встрече выступили авторы «Солнцестояния»: Александр Ибрагимов, Людмила Чидилян, Дмитрий Клёстов (Гурьевск), Андрей Пятак, Ирина Тюнина и Дмитрий Мурзин.

11 ноября в Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Д. Фёдорова состоялся торжественный вечер, посвящённый 195-летию годовщине Фёдора Михайловича Достоевского. Вечер организован Кемеровским отделением Союза писателей России и народным проектом «Достоевский в Сибири – навстречу любви».

11–13 ноября в Ленинске-Кузнецком прошли литературные чтения. Чтения открылись представлениями 4-го номера альманаха «Кольчугинская осень» и 5-го номера журнала «Огни Кузбасса» в Каминном зале ЦГБ им. Н. К. Крупской. После в лицее № 4 прошёл областной литературный семинар. В нём было две поэтических и одна прозаическая секция, а участники съехались из разных городов области. Руководили семинаром гости из Кемерова С. Донбай, Д. Мурзин, Т. Ильдимирова, И. Тюнина, новосибирец А. Шалин и писатели Л.-Кузнецкого.

Второй день открылся творческой встречей с руководителем прозаической секции семинара новосибирским писателем Анатолием Шалиным. Ольга Солодовникова из Прокопьевска представила свой дебютный сборник стихотворений «Идущая на жизнь». Гости из Новосибирска представили новый номер литературно-художественного и общественно-политического журнала «Сибирские огни». Открыл это представление начальник отдела политической жизни Михаил Косарев, а подытоживал редактор того же отдела Дмитрий Рябов. Помимо них перед собравшимися выступили поэты И. Куртмазова, К. Кармалита, Ю. Федорищева и А. Ерощин. На третий день Каминный зал вновь посетили поэты из Новосибирска. Юрий Татаренко представил сборник «Предчувствие лирического шторма». Компанию ему составила Елена Берсенёва. Она также представила свои сборники стихотворений.

15 ноября в Доме литераторов Кузбасса прошло представление альманаха «Кольчугинская осень». Член редколлегии Нина Сурова представила мощный поэтический раздел, в который, кроме кольчугинцев, попали и поэты Омска, Екатеринбурга, Оренбурга, Челябинска, Томска, Красноярска и др. О других разделах рассказали Олеся Шмакович и Айса Абушаев. Вёл встречу главный редактор альманаха Дмитрий Филиппенко.

16 ноября прошло традиционное представление журнала «Огни Кузбасса». О своей прозе рассказали В. Коняев и А. Брюховецкий. Стихи прочли А. Правда и А. Бурко. Свои материалы прокомментировали Б. Бурмистров, о. Дионисий (Злобин), В. Чурилов, В. Елатов. Вёл встречу главный редактор журнала, поэт Сергей Донбай.

16 ноября в библиотеке на ул. Тухачевского писатель Виктор Коняев провёл встречу с читателями и школьниками 10-го класса.

21 ноября в конференц-зале Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова состоялся юбилейный творческий вечер писателя Веры Лавриной. Юбилей представила новые книги, видеофильмы, сайт «Сказки Веры Лавриной». Гости посмотрели представление по сказкам из книги «Пим-найдёныш», которое подготовили студенты Кемеровского института культуры. Все желающие смогли принять участие в хороводах и исполнить песни вместе с творческим коллективом «Кемеровские вёчерки в Фёдоровке».

23 ноября в библиотеке на Весенней поэт Д. Филиппенко представил 4-й номер альманаха «Образ».

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Тайгинские зори: литературно-художественный альманах. 2015. № 9.

Яковлева Людмила. Встречи: рассказы / Л. М. Яковлева. – Кемерово: АИ «Кузбассвуиздат», 2016. 319 с.

Яковлева Людмила. Листопад: стихи / Л. М. Яковлева. – Кемерово: АИ «Кузбассвуиздат», 2016. 127 с.

Образ: литературный альманах. 2016. № 4.

Коняев Виктор. Остаться в живых не обещаю / В. Ф. Коняев. – Кемерово, 2016. 376 с.

Костина Е. А. Подарок Ангела: сценарий. – Кемерово: типография Дома литераторов Кузбасса, 2016. 152 с.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

Альманах «Ликбез» в № 29 (август 2016) дал подборки стихов **Елены Елистратовой** «Дожить до первых холодов» и **Дмитрия Мурзина** «Почеши мою тень».

Журнал «Новосибирск» в № 3 (27) за 2015 год напечатал новеллу **Анны Назаренко** «Аусвайс».

Журнал «Сибирские огни» № 10 за 2016 год напечатал стихи семи наиболее ярких авторов журнала «После 12» (к 20-летию юбилею издания): **Александра Ибрагимова, Алексея Гамзова, Владимира Угрюмова, Сергея Фофанова, Руслана Сидорова, Алексея Петрова, Татьяну Николаеву;** а также стихи **Агаты Рыжовой и Виктора Бровикова** – в числе участников Регионального содействия сибирских авторов.

Журнал «Сибирские огни» № 11 за 2016 год дал подборку стихов **Дмитрия Мурзина** «Топору топоры топором».

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» за 2016 год

ПОЭЗИЯ

Анохина Любовь. Как будто нет войны.	II-71
Бокин Виктор. Под небом истинно российским.	VI-3
Бурмистров Борис. Вернуться в русскую Россию.	IV-3
Габдраупова Фарида. Эй, время!	III-105
Золотайна Галина. Стихи разных лет.	II-52
Ибрагимов Александр. При свете слова.	I-3
Иванов Леонид. Последнее утро. Рассказ.	II-56
Иленко Анатолий. Что пело, плакало в груди.	IV-83
Каганов Владимир. Апрельские тезисам не верь.	I-106
Киселёв Виктор. Я дарю тебе эту планету.	I-95
Киселёв Василий. Дядя Ваня.	II-86
Коврижных Виктор. Верноподданный июля, сенокоса рядовой.	I-77
Корнилов Владислав. Дрессировщик.	II-69
Козлов Василий. Из-под руки смотрю с холма.	I-16
Крёков Виталий. Отчий край, как речь живая.	IV-56
Кузьмина Вера. А в раю, наверное, тёплые крылечки.	I-87
Ливинский Станислав. Бабушкин стол.	V-51
Михайлов Юрий. Камни памяти.	III-49
Молчанов Виталий. Родники моей печали.	III-83
Мурзин Дмитрий. Сударь-сударь, что болит?..	II-78
Ожигбесова Ольга. Вознесеньев день.	II-67
Петров Алексей. И несерьёзно так, что всё всерьёз.	III-93
Поляченкова Наталья. Розовая ото сна.	V-88
Правда Андрей. Стихи из цикла «Бегущая строка».	V-16
Раевский Александр. Берёзовый ветер.	IV-85
Терёхин Вадим. Бог не требует наших молитв.	IV-75
Федоткин Андрей. Свет далёких городов.	III-107
Филатов Сергей. Звук дрожит на кончике иглы.	VI-41
Филиппенко Дмитрий. На улице Тихой.	VI-73
Хапилова Ольга. Люд посконный.	VI-65
Юдельсон Александр. Как сердце, трепещет снегирь.	II-93
Ягодинцева Нина. Вечерний круг.	VI-50

ПРОЗА

Арнаутов Виктор. Приоткрылись родимые дали... Повесть.	III-51
Брюховецкий Александр. Без лица. Рассказ.	V-109
Дорошенко Николай. Золотой век. Главы из романа «Душа».	V-3
Дубатов Юрий. Два рассказа.	II-80
Иванов Анатолий. Мужик, курить нема? Рассказ.	I-98
Ильдиримова Татьяна. Любимая. Рассказ.	I-81,
Пиковая Дама. Рассказ.	VI-62
Тотыш Юрий. Светлая роса на черной броне. Повесть.	II-3
Казанцев Михаил. Ожидание неизвестности. Рассказ.	II-88
Козлов Сергей. То не вечер. Рассказ.	II-73
Кондауров Анатолий. Возвращались с войны мужики. Рассказ.	II-63
Коняев Виктор. Лена и Юленька. Отрывок из повести «Непогасимая лучинка».	V-90
Коняев Николай. Полковник Романов. Документальное повествование.	III-3, IV-7
Королёв Виктор. Токи высокой частоты. Рассказ.	III-109
Кривошеин Михаил. Держись, Родион, держись! Рассказ.	II-95
Кузнецких Сергей. Рассказы.	VI-44
Леонидов Кирилл. Вольтерьянец. Повесть.	V-18
Логачёва Ольга. Письмо. Рассказ.	II-59
Лукин Антон. Два рассказа.	VI-67
Макшеев Вадим. На закате. Рассказ.	I-6
Мауров Александр. Сапоги первого срока. Рассказ.	II-83
Мурзина Наталья. Аленький. Рассказ.	I-90
Новиков Валерий. Какие были времена... Байки сибирского киношника.	IV-59
Панкратов Георгий. Чувство рохли. Повесть.	V-54

Рукосуев Вячеслав. Рассказы.	V-115
Рыжова Агата. Фрагменты ненаписанных книг.	IV-78
Сенчин Роман. Два рассказа.	III-86
Тулушева Елена. Рассказы из цикла «Подъезд».	VI-54
Чидилия Людмила. Лида в поисках любви. Роман (Окончание).	I-19
Чиняев Сергей. Последнее пристанище старого танка. Рассказ.	III-96
Чириков Евгений. Дни солнечных идей. Дьяков – легендарный и документальный.	VI-6

НОВАЯ КНИГА

Лауреаты конкурса «Новая книга» Комарова Ольга, Кондрина Анастасия, Монастырёва Наталья, Розенберг Ирина. Стихи.	III-133
О. Сергей (Адодин), Пальянова Ксения, Куприянов Роман. Проза.	III-136

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Антипов Олег. Никольская церковь Кемрудника.	VI-161
Злобин Денис (о. Дионисий). С любовью к Донбассу, и Кузбассу, и всему Отечеству.	V-138
Лаврина Вера. Крым православный: Южный Афон. Крестный ход «По стопам алтайских миссионеров». Впечатление участника.	VI-158
Литвинов Иван. Милостливый муж.	III-131
Митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх. Обращение перед вручением литературной премии в честь святителя Павла Тобольского.	I-142
Протоиерей Максим (Мальцев). Наши святые.	I-143
Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла.	II-125

170

ПУБЛИЦИСТИКА

Бурмистров Борис. Писатели держат мир в хрупком равновесии. Беседовал Александр Мухарев.	I-108,
Корневая система.	V-135
Естамонова Зоя. В поисках ответа.	I-112,
Слово.	VI-84
Кухарев Олег. Божье утро (Из путевого дневника).	I-115
Ляшева Руслана. Рождение – на Кубани, жительство – в Москве, место души – в Кузнец.	IV-115
Немченко Гарий. Горбатый мост.	IV-103
Ничик Николай. Творческая удача шахтерской «Лавы».	IV-117
Павлов Сергей. Контрразведчик в гостях у писателей.	IV-120
Письмо из Иркутска. Валентин Распутин не призывал к распаду СССР.	III-124
Плющев Валерий. Назначение во «враги».	III-126
Сычёва Юлия. Быть грамотным – модно, или Как я писала тотальный диктант.	I-119
Филатов Сергей. В школе у нас был замечательный учитель литературы. Интервью с А. Бессмертных, последним министром иностранных дел СССР.	III-118
Шубин Павел. Венера (Главы из книги).	IV-121

И БОЛЬШИМ, И ДЕТАМ

Балбачан Ирина. Стихи.	IV-161
Глушкова Нина. Магнитные лужи.	V-147
Киришин Виктор. Да здравствуют белки! Да здравствуют утки! (Из «Поэтического календаря русской природы для детей»).	VI-75
Лаврина Вера. Две сказки.	VI-79
Плохих Илья. Стихи.	IV-159
Рябовой Виктор. Стихи.	IV-161
Черемнова Тамара. Знакомьтесь, это уголёшек. Рассказ.	IV-160

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Ермолина Екатерина, Каргопольцева Екатерина, Рудыка Александр, Обухов Владимир, Бурко Алексей, Лугинина Диана, Христенко Татьяна.V-103

ПОЧТА РАССКАЗА

Бабковский Виктор. Счастье с кислинкой.IV-100
Вороной Олег. День рождения.IV-96
Григорян Лев. Чёрный ворон.IV-91
Роков Валентин. Почтовый.IV-89
Степанова Ирина. Два рассказа.IV-98
Черданцев Валентин. Полкан.IV-88
Чернопятов Сергей. Заботой матери храним.IV-94
Чубковец Валентина. Муха-путешественница.IV-99

ЭССЕ

Дубатов Юрий. И такой родимый, и такой далёкий... (О Сергее Есенине).VI-152
Дубынина Маргарита. Ф. М. Достоевский в моей жизни и в учительской судьбе.II-155
Подгорнов Сергей. Асинск.I-122
Суглобов Виктор. Прощай, Хемингуэй! или Куда делся великий читатель?I-129
Ярошук Александр. Куда пропала мумия фараона Сехемхета? Эссе-исследование.II-148

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

Абрамов Николай. По другую сторону океана.IV-167

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Ефимовская Валентина. «Нужно поправить родные кресты» (О поэме Василия Дворцова «Ермак»).I-129
Ким Валерий. Дорога на Тафуин. Записки фотографа-любителя. (Отрывок из книги).VI-101
Старых Владимир. На реке в Заполярье. Воспоминания.VI-96
Тарковский Михаил. Уходящая натура Енисейска.VI-89
Шелленберг Вероника. Переворот.VI-93

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Автобиография Евгения Сергеевича Буравлёва.V-149
Арнаутов Виктор. Слышавший реки, и травы, и даже недра земные... (О Геннадии Круглякове).VI-138
Виктор Чурилов. Баллада о Поэте.V-150
Одинцова Лада. Родство духовное. Фрагменты мемуарно-литературоведческих записок.IV-163
Плющев Валерий. Главная книга Корницкого «Светит и не гаснет». Литературный портрет В. С. Ворошилова. Подготовила **Г. Белоусова**.I-150
Учитель. К 90-летию В. Н. Данкова. Подготовил **С. Павлов**.III-127
Яценко Олег. Путь сельского хирурга.VI-106

КНИГА ПАМЯТИ

Дневник солдата великой войны. Подготовил **В. Плющев**.II-117
Маурин Владимир. «Батальон Славы». Из воспоминаний фронтовика.II-114
Сенк Виктор. От шахты – к городу!V-154
«Солдат войны» – защитник мира на земле Михаил Гущеваров. Подготовила **Н. Мирская**.II-107
Сухацкий Владимир. Великий угольный век. Полемиические заметки.IV-165
Чириков Евгений. В фашистской неволе. Очерк.II-98
Чурилов Виктор. На Добролюбова, 9/11. К 80-летию Николая Рубцова.I-161

ИСКУССТВО

Оленич Людмила. Князь Владимир (Образ князя Владимира в произведениях, посвящённых 1000-летию со дня кончины святого Крестителя Руси).I-147

Карпова Галина. Любопытный к лицам. К 80-летию кемеровского художника Николая Бурцева.IV-163
Чертогова Марина. Художники о войне.II-157, «Песнь Песней».VI-154

ШУКШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Павлова Ольга. Два юбилея.VI-144

ОЧЕРК

Мельников Евгений. Я никогда не ездил на слоне.V-119

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Прашкевич Геннадий. Европа, которой уже нет.III-115

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Ольга Петракевич. Воспоминания о семье В. Д. Фёдорова.IV-167

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Нина Ягодинцева. Образ и его преобразование.V-161

РУССКАЯ ШКОЛА

Вячеслав Елатов. Зажечь светильник.II-138

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Арнаутов Виктор. Берёзовские мелодии.II-164
Евлатов В. И. Слово поэтаV-167
Елистратова Елена. Интригует и захватывает (О литературном журнале «Север»).I-166
Исправления и уточнения к публикации автобиографии Е. С. Буравлева («ОК», № 5, 2016 г.)VI-165
Калинин Михаил. История рода человеческого.V-166
Мухарев Александр. Война как генератор литературы. О книге «Непридуманные рассказы о войне».II-164
Налегач Наталья. Поэтический мир Андрея Правды.I-165
Ничик Николай. «И я приду к тебе строкой, коль не смогу дойти иначе» (Штрихи к 70-летнему юбилею поэта Виктора Бокина).VI-162
Пятак Андрей. Взгляд искушённого читателя.I-167
Сазыкин Анатолий. Похожи встречи на подарки (К 65-летию Любови Никоновой).III-160
Тюшина Екатерина. Надеждою согреть сердца людские. Анатолий Иленко.IV-165
Цыпкайкина Марина. Летописец судеб человеческих, судеб земляков. О героях книг Антонины Некрасовой.II-162

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Война не закончена, пока не похоронен последний солдат. Подготовила **А. Рыжова**.II-166
Суркова Ирина. Если бы снова вернуться «в тогда»...VI-167
Фёдоров Тимир. Письмо читателя.I-168

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Ащеулова Ирина. «Женская проза» в «Огнях Кузбасса» – 2015: о любви, Кемерово и не только...III-156
Донбай Сергей. Год 70-летия Победы.III-155
Елистратова Елена. Чтение в 3D-формате.III-158
Мухарев Александр. Обсуждение журнала «Огни Кузбасса» за 2015 год.III-155
Сохранить иммунитет души. Письмо учителя русского языка **Нины Александровны Барановой**.III-158
Яковлева Ольга. Заметки пародиста.III-157
Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин**.I-169, II-169, III-169, IV-170, V-169, VI-168
Содержание журнала «Огни Кузбасса» за 2016 год. Подготовил **Д. Мурзин**.VI-170

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).
«Природа Алтая» (Барнаул)

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40. Как подписаться на журнал, читайте на последней странице обложки.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением
Свидетельство о регистрации средств массовой информации № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Корректоры: **Е. В. Фефелова, Т. Э. Панибратова**
Компьютерная верстка: **П. Б. Исаков**

Подписано к печати 07.12.2016. Дата выхода в свет 26.12.2016. Формат 60×84½. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № 297. Цена свободная

Адрес редакции и издателя: 650000, г. Кемерово, Советский проспект, 40. Адрес общества с ограниченной ответственностью
«Авторское издательство «Кузбассвуиздат» (ООО «АИ «Кузбассвуиздат»): 650043, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б, типографии: ул. Грузовая, 11.
Тел. 8 (3842) 36-36-00, т/факс 36-83-77. E-mail: 58293469@mail.ru